

Материалы Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 90-летию со дня рождения
доктора филологических наук, профессора
ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА СЛЕПЦОВА



ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ В РОССИИ

г. Якутск, 2019

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ЯКУТСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ В РОССИИ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 90-летию со дня рождения доктора филологических наук,
профессора, действительного члена АН РС(Я), заслуженного деятеля науки РФ
и РС(Я), лауреата Государственной премии РС(Я) в области науки и техники,
лауреата Государственной премии РС(Я) имени П.А. Ойунского,
заслуженного ветерана Сибирского отделения РАН,
главного научного сотрудника отдела якутского языка ИГиИПМНС СО РАН
ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА СЛЕПЦОВА

ЯКУТСК
2019

УДК 81-26(470+571)(045)

ББК 83 (2Рос)

DOI 10.25693/PAS90.2019

Редакционная коллегия

д. филол. н. **Н.И. Данилова** (отв. ред),

к. филол. н. **Ф.Н. Дьячковский**

к. филол. н. **Н.М. Васильева**

Рецензенты:

к. филол. н., доцент **И.Н. Сорова**

к. филол. н. **Т.В. Аргунова**

Утверждено к печати Ученым советом

Института гуманитарных исследований

и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Проблемы и перспективы развития национальных литературных языков в России : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора, действительного члена АН РС(Я), заслуженного деятеля науки РФ и РС(Я), лауреата Государственной премии РС(Я) в области науки и техники, лауреата Государственной премии РС(Я) имени П.А. Ойунского, заслуженного ветерана Сибирского отделения РАН, главного научного сотрудника отдела якутского языка ИГиИПМНС СО РАН Петра Алексеевича Слепцова : [электронный ресурс] / редакционная коллегия: Н. И. Данилова (отв. ред) [и др.]. - Якутск : ИГиИПМНС СО РАН, 2019. – 226 с.

ISBN 978-5-902198-46-8.

Агентство СІР НБР Саха

УДК 81-26(470+571)(045)

ББК 83(2Рос)

URL:<http://http://igi.ysn.ru/files/publicasii/Problemyiperspektivyrazvitiyanatsional'nykhliteraturnykhazykovvRossii.pdf..>

В сборник вошли научные статьи по актуальным вопросам лексикографии, лексикологии, лингвофольклористики, социолингвистики, истории развития, современного состояния и функционирования младописьменных литературных языков России.

Рекомендуется языковедам, аспирантам, студентам филологических специальностей, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами языков народов современной России.

ISBN 978-5-902198-46-8

© Коллектив авторов, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	5
Раздел I. Лингвистические идеи П.А. Слепцова: развитие и новая интерпретация	
<i>Нелунов А.Г.</i> Академик П.А. Слепцов түүр уонна саха тылын үөрэбэр киллэрбит кылаата	7
<i>Васильева Н.Н., Монастырев В.Д.</i> Литературнай тылы сүрүннүүр “Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдытын” төрүттээччи	19
<i>Филиппов Г.Г.</i> Вклад академика П.А. Слепцова в развитие высшего образования на якутском языке	24
<i>Иванов С.А.</i> Академик Слепцов П.А. – саха тылын историга	34
<i>Ефремов Н.Н.</i> Освещение проблем развития якутской письменности в 20-30-х гг. XX в. в исследованиях П.А. Слепцова	47
<i>Васильева Н.М.</i> П.А. Слепцов сахалыы таба суруйууга үлэтин туһунан	51
<i>Гурьев Г. И.</i> Тылы таба суруйуу – билинни кэмнэ	55
<i>Николаева А.М.</i> П.А. Слепцов об экспрессивности якутской речи	59
<i>Роббек Л.В.</i> П.А. Слепцов о якутской лингвофольклористике	64
<i>Винокурова Н.И.</i> Слепцов П.А. – тыл историга	73
<i>Алексеев И.Е.</i> Академической картотека суолтата	77
<i>Оконешников Е.И.</i> Слово о Петре Алексеевиче	80
Раздел II. Языковая ситуация и исторические контакты народов РФ через призму научного творчества П.А. Слепцова	
<i>Башиева С.К., Дохова З.Р.</i> Языковая ситуация в Кабардино-Балкарской республике ...	84
<i>Андреева Т.Е., Стручков К.Н.</i> Языковая ситуация эвенков в Республике Саха (Якутия)	89
<i>Иванова Н.И.</i> Функциональный статус языка саха в г. Якутске в контексте урбанизационных процессов	92
<i>Васильева Р.И.</i> Языковая ситуация и жизнеспособность якутского языка на микро- и макроуровнях	97
<i>Курилов Г.Н.</i> Возможно ли сохранение юкагирского языка в XXI веке?	103
<i>Ушницкий В.В.</i> Дюпсюнские учителя: образ «агентов советской власти» и партийных активистов	104
<i>Абдувалиев Ибраим.</i> О лексикографии тюркских языков	109
<i>Васильева А.А.</i> К вопросу о периодизации истории переводческой деятельности в Якутии	115
<i>Ларионова А.С.</i> Традиционные музыкальные термины народа саха в контексте “Якутско-русского словаря” П.А. Слепцова	122
<i>Борисова Ю.М.</i> Формирование основ терминологической лексики в языке саха (1920-1940 гг.)	129
<i>Акимова А.С.</i> Сахалыы дыахтар симэбин тиэрминнэрэ	133
<i>Дьячковой Ф.Н.</i> Сурук тылын культууратын туһунан (бэрэп. П.А. Слепцов бэлиэтээһиннэригэр олобуран)	137

<i>Данилова Н.И.</i> Страдательные залоговые конструкции в якутском языке в аспекте грамматической нормативности (в свете исследований П.А. Слепцова)	141
<i>Самсонова Е.М.</i> Саха лексикографиятыгар төхтүрүтэлиир көрүҥ нууччалыы бэриллэитин уратыта (“Сахалыы-нууччалыы тылдыгыт” холобурунан)	148
<i>Бурькин А.А.</i> В поисках этимологии одного якутского слова, предположительно заимствованного из русского языка	150
<i>Кузьмина А.А.</i> Фонеморфологические особенности освоения монголизмов в якутском языке как результат лингвистического контакта	153
<i>Васильев И.Ю.</i> Фонетический и фоноструктурный анализ терминов метеорологии в якутско-турецких лексических параллелях	156

Раздел III. Языки и культура коренных народов Сибири: традиции и новации

<i>Бабуу-Сюрюн М.В.</i> Множественное число существительных в тувинском языке	164
<i>Ооржак Б. Ч.</i> О формах на <i>-ган</i> и <i>-быт</i> в тувинском и якутском языках	165
<i>Шарина С.И.</i> Функционирование залоговых форм в верхнеколымском говоре эвенского языка	184
<i>Прокопьева А.Е.</i> Образование переходных глаголов от основ качественных процессивов в колымском диалекте юкагирского языка	187
<i>Кузьмина Р.П.</i> О некоторых лексических особенностях языка верхнеколымских эвенов	193
<i>Винокурова Н.И.</i> Использование якутских модальных частиц в русскоязычном интернет-общении	198
<i>Иванова И.Б.</i> Краткая характеристика отглагольных имен на <i>-byt</i> в якутском языке... ..	201
<i>Сивцева Н.А.</i> Глаголы бытия в произведении А.Е. Кулаковского «Оттоку олук алгыһа» («Благословение среднего поколения»)	203
<i>Афанасьева Е.Н.</i> Антропонимические реалии в олонхо как источник культурно-исторической информации (на примере олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур» П.А. Ойунского)	206
<i>Николаев Е.Р.</i> Концепт өйдөбүлэ уонна саха анал ааттара	212
<i>Скрябина А.А.</i> Концепт «дьол/счастье» в языковой картине мира народа саха	214
<i>Аммосова О.Н.</i> Из истории изучения растительной лексики якутского языка	220

В сборник «Проблемы и перспективы развития национальных литературных языков в России» включены доклады и сообщения, представленные на Всероссийскую научно-практическую конференцию, посвященную 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора, главного научного сотрудника отдела якутского языка ИГИиПМНС СО РАН Петра Алексеевича Слепцова. Конференция была организована и проведена Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН 29 ноября 2018 г. в г. Якутске. Основным кругом участников конференции составили коллегия-ученые из ИГИиПМНС СО РАН, СВФУ им. М.К. Аммосова и многочисленные ученики П.А. Слепцова, продолжающие научную разработку основанных им перспективных направлений языкознания. Активное участие в работе конференции приняли и представили материалы для публикации лингвисты из Санкт-Петербурга, Республики Казахстан, Республики Киргизия, Республики Тыва.

П. А. Слепцов известен в широких научных кругах как специалист, внесший неопределимый вклад в разработку теоретических проблем становления и развития якутского литературного языка, исторической, сопоставительной и прикладной лексикографии и лексикологии, культуры речи, стилистики, этнолингвистики, компаративистики, лингвофольклористики, социоллингвистики. Особая заслуга принадлежит П.А. Слепцову как основателю и руководителю якутской лексикографической научной школы, теоретическая концепция и практические принципы которой послужили основой завершеного в 2018 году многотомного «Большого толкового словаря якутского языка».

Сборник содержит статьи, отражающие и развивающие основные аспекты многогранной научной деятельности П.А. Слепцова. Материал сборника распределен по трем разделам: «Лингвистические идеи П.А.

Слепцова: развитие и новая интерпретация», «Языковые и исторические контакты народов РФ через призму научного творчества П.А. Слепцова», «Языки и культура коренных народов Сибири: традиции и новации». В первый раздел сборника вошли статьи, посвященные оценке вклада П.А. Слепцова в научное изучение якутского языка, анализу и поиску перспектив развития, закрепления и кодификации норм литературного языка, вопросам истории языка, лингвофольклористики. Самостоятельный раздел составили материалы и статьи, посвященные проблемам языковой ситуации в регионах РФ, вопросам исторической лексики, этимологии, прикладной лексикографии, которые в качестве самостоятельного раздела якутского языкознания были заложены юбиляром. Раздел «Языки и культура коренных народов Сибири: традиции и новации» составлен из статей по вопросам грамматического строя, а также по культурно-историческим аспектам изучения лексического состава языка, лингвокультурологии, диалектологии.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и всех тех, кто интересуется вопросами языкознания.

Редакционная коллегия

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ П.А. СЛЕПЦОВА: РАЗВИТИЕ И НОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

А.Г. Нелунов
РНА СС ГЧУОХААОПИ

Академик П.А. Слепцов түүр уонна саха тылын үөрэбэр киллэрбит кылаата

П.А. Слепцов киэн билиилээх улахан учуонай быһыытынан саха тылын бары сүрүн салааларыгар: лексикологияҕа, лексикографияҕа, литературнай тыл нуорматыгар, тыл устуоруйатыгар, социолингвистикаҕа, лингвофольклористикаҕа – бэйэтин сүдү кылаатын киллэрбит киһи буолар.

Бастатан туран, П.А. Слепцов саха литературнай тылын үөскээбит устуоруйатын, усулуобуйатын, хайдах атаҕар туран, сайдан, бигэргээн, бөбүргөөн испитин саха тылыгар аан бастаан диригинник, мындырдык, баай матырыйаалга олобуран чинчийбит киһинэн биллэр. Кини араас элбэх ыстатыйалара, кинигэлэрэ, матырыйааллара, тылдытара [көр: 2] барыта бу сүрүн, тутаах проблеманы (литературнай тылы) таарыйар, кинини түөрүйэ уонна быраактыка өттүнэн чинчийэр, сайыннарар, тупсарар, бөбүргөтөр хайысхалаахтар. Кини саха литературнай тылын уһун кэмнэ ырыппыт санаалара, идиэйэлэрэ, түмүктэрэ ордук толорутук икки улахан манагырааппыйатыгар [25, 26] этиллибиттэрэ.

Сэбиэскэй кэмнэ сахаҕа сурук-бичик өрөбөлүүссүйэ иннинэ суоҕа диэн өйдөбүл диригинник инмитэ. Танара үөрэбэ (христианство) тарҕаныыта үчүгэй өрүттээҕин оччолорго билиммэт буолуу баара. П.А. Слепцов өрөбөлүүссүйэ иннинэ нууччалыгтан сахалыы тылбаастаммыт танара үөрэбин кинигэлэрин барытын кэриэтэ булан, тылларын-өстөрүн ырытан, саха суруга-бичигэ үөскүүрүгэр биир сүрүн төрүт буолбуттарын итэҕэтиилээхтик дакаастааһына оччотооҕу бэлиитикэ сабардаан турдаҕына хорсун быһыы этэ. Бу дакаастааһын урут итинник санааны эппит үөрэхтээхтэр [33, с. 170-176; 8, с. 279-307; 10, с. 117-121; 32, с. 95-102] этиилэрин баай матырыйаалга олобуран өйөөһүн уонна бигэргэтии этэ, онон саха суруга-бичигэ хаһан, хайдах үөскээбитин объективнайдык сыаналыырга бөбү тирэх буолбута. Манна даҕатан эттэххэ, Петр

Алексеевич саха бүттүүн тыла, суругунан литературнай тыл үөскүөн иннинэ да балачча сайдыбыт, бигэтик тутуһулар үгэстээх нуормалардаабын тылынан уусуран айымны, ордук олонхо тылыгар-өһүгэр олобуран, чинчийэн итэбэтиилээхтик дакаастыыр.

П.А. Слепцов учуонай быһыытынан биир саамай бэлиэ уонна күүстээх өтгө ханнык бабарар үлэлэригэр баай фактической матырыйаалы туһанара буолар. Ол иһин кини үлэлэрэ, быһаарыылара, түмүктэрэ дириг дакаастабыллаах, итэбэтиилээх буолаллар. Ол «Саха литературнай тыла» диэн үлэтигэр чабылхайдык көстөр. Кини саха литературнай тыла хайдах, хантан эт-сиин тардан үөскээн-үөдүйэн, туругуран барбытын көрдөрөөрү үөһэ ахтыллыбыт тангара үөрэбин тылбаастаммыт кинигэлэрин эрэ буолбакка, тылынан уусуран айымны – фольклор – тылын-өһүн, ордук Э.К. Пекарскай хомуйан, эрдээксийэлээн онорбут «Образцы народной литературы» үлэтин, А.Я. Уваровскай «Ахтыыларын», сахалы тылынан аан бастаан тахсыбыт хаһыаттары, академической сурук-бичик үгэстэрин бүүс-бүтүннүүтүн түөрэн таһааран, чинчийэн киһи эрэ сөбүөх хара үлэтин онорбута. Онон кини саха суруга-бичигэ өрөбөлүүссүйэ инниттэн араскы тардан литературнай тыл үөскүүр түөрэбин түһэритин ким да мөккүспэт гына итэбэтиилээхтик дакаастаабыта.

Саха литературнай тылын нуормата олохсуйарыгар, бөбөргүүрүгэр, сайдан, чочуллан иһитигэр быһаарыылаах оруолу тыл маастардара – суруйааччылар – чулуу айымныылара ылбыттара. П.А. Слепцов саха литературатын төрүттээбит кылаассык суруйааччыларбыт Өксөкүлээх Өлөксөй, А.И. Софронов, Н.Д. Неустроев, П.А. Ойуунускай, эрдэтээнни улахан суруйааччыларбыт Күндэ, Эрилик Эристиин айымныыларын литературнай нуорма харабынан көрөн чинчийбит, онно ити ахтыллыбыт суруйааччылар саха литературнай тылын нуормата атабар туруутугар киллэрбит тус кылааттарын кырабытык арангалаан көрдөрбүт бастакы тыл үөрэхтээбэ буолар. Ол мындыр чинчийиитинэн Петр Алексеевич саха литературатын төрүттээбит суруйааччылар А.Е. Кулаковскай, А.И. Софронов, Н.Д. Неустроев айымныыларын тыллара саха литературнай тылын уусуран истиилин төрдө, тулхадыйбат олобо буолбуттарын ким барыта итэбэйэрин курдук дакаастыыр.

П.А. Слепцов саха литературнай тыла бастаан үөскээһинэ кимтэн да тутулуга уонна тэриллитэ суоҕун уонна объективной майгылаабын тоһоҕолоон ыйбыта. Суругунан тыл диэн бэйэтэ туспа ирдэбиллээх, онон бэйэтигэр дьонуннаах сыһыаны эрэйэр: тобо диэтэххэ суругунан тизкис, кинигэ өр кэмнэ туттулларга суоттанан айыллаллар, ол иһин суругунан үлэни айар дьонно санааларын табатык, өйдөнүмтүөтүк тиэрдэр наадатыгар бэйэлэрин айымныыларын ис хоһоонугар эрэ буолбакка, тылыгар-өһүгэр, араас аранга аабааччыларга барыларыгар өйдөнөр гына онно сөптөөх тыл сириэстибэлэрин буларга кыһаллаллар. Оттон ити барыта, дыгинэн, литературнай тыл төрүт аналын –

бодорууу дэгиттэр сириэстибэтэ буоларын быһыытынан кини сайдыытын сүрүн тыргылар (магистральнай) суола буоларын Петр Алексеевич бэйэтин үлэтигэр итэбэтиилээхтик көрдөрөр. Онон литературнай тыл диэн кэлэктиибинэй айар үлэ (тылы чочуйуу, нарылааһын, тупсарыы, киһи барыта өйдүүр этигэн, хомоҕой тыл сириэстибэлэрин көрдөөн, талан булуу) сыралаах түмүгэ буоларын үгүс ыстатыйаларыгар, ордук үөһэ ахтыллыбыт икки дьонун манагырааппыйатыгар саха литературнай тыла үөскээн, сайдан испит холобурдарыгар ырылхайдык арыяр.

Литературнай тылы уонна кини сассыйаалынай, култуурунай суолтатын өйдөөн истэх аайы, тылы нуормалыырга баҕаран, көтөбүллэн туран, бэйэлэрин харыстаммакка үлэлиир дьон баар буолалларын Петр Алексеевич А.Е. Кулаковскай, П. Ойуунускай у.д.а. холобурдарыгар олобуран мындырдык бэлиэтиир. Онон литературнай тыл сайдыыта икки бэйэ-бэйэлэрин кытта ыкса сибээстээх объективнай (эбэтэр объективнай-стихийнэй диэххэ дуу) уонна бэйэ өйдөөн онорор (сознательнай) айылгылаабын саха литературнай тылын устуоруйатыгар аан бастаан эппитэ.

Ааптар сүрүн көрүгэ (кэнсиэпсийэтэ): саха литературнай тыла үөскээһинэ, нуормаларын олохтоноута уонна сайдыыта уларыта турар сассыйаалынай, култуурунай быһыыттан-майгыттан, тыл туруга хайдабыттан, тиһэбэр, уопастыба бүтүннүүтүн сайдыытын хаамыытыттан тутулуктаах диэн санааба түмүллэр [26, с. 236].

П.А. Слепцов саха литературнай тылын түөрүөтүгүн быһыытынан киллэрбит кылаатын уонна ол атын түүр тылларыгар сабыдыалын туһунан Чувашия национальной академиятын дьингнээх чилиэнэ, тыл үөрэбин дуоктара, бэрэпиэссэр Н.П. Петров бэрт сөпкө маннык сыаналаабыта: «Монографическое исследование П.А. Слепцова являет собой выдающийся научный вклад не только в якутском языкознании, но и всей тюркологии. Не многие тюркские народы имеют подобные фундаментальные исследования по теории и истории своего литературного языка. П.А. Слепцов счастливо сочетает в одном лице как теоретика литературного языка, впервые разработавшего научно-теоретические основы его нормативности, пути и методы его дальнейшей нормализации, так и признанного нормализатора и кодификатора норм якутского литературного языка...» [7, с. 111-112]. Онон, атын түүр тылын улахан учуонайдара билинэллэринэн, бэйэбит да көрө-билэ сылдьарбытынан, саха тылын литературнай тылга сыһыаннаах бары салааларыгар кизн билиилээх, дирин ис хоһоонноох теоретическай үлэлэрдээх, ол үлэлэригэр олобурбут нуорманы олохтуур уонна бигэргэтэр араас көрүннээх тылдыттар («Сахалы-нууччалы тылдыт», кылгас, улахан Быһаарыылаах тылдыттар, «Сахалы таба суруйуу тылдыта» о.д.а.) ааптара уонна эрдээктэрэ, саха литературнай тылын түөрүөтүгэ уонна нуорманы олохсугууга быһаччы үлэлэһээччитэ Петр Алексеевич Слепцов саха литературнай тылын аҕалаатар

аҕата, бэрэпиэссэр Н.Н. Тобуроков эппитинии «суос-соҕотох уһулуччулаах чинчийээччитэ» [31, с. 94] буолар.

Петр Алексеевич Слепцов научнай үлэтин лексиколог быһыытынан саҕалаабыта. Саха тылын уһулуччулаах чинчийээччитэ бэрэпиэссэр Л.Н. Харитонов салалтатынан өрөбөлүүссүйэ иннигэр саха тылыгар нуучча тылыттан киирбит тыллары чинчийэн дьонуннаах манагырааппыйаны суруйан таһаарбыта. Эдэр киһи бу манагырааппыйата түүр тылын биллиилээх чинчийээччитэ бэрэпиэссэр Е.И. Убрятова, Сибиир биир бастың лексиколога А.И. Федоров у.д.а. тыл үөрэхтээхтэрин үрдүк сыанабылларын ылбыта.

П.А. Слепцов дирин хорутуулаахтык үлэлээн Саха сирэ Арасыйа судаарыстыбатыгар кириэҕиттэн Өктөөп өрөбөлүүссүйэтэ буолуор диэри нуучча тылыттан саха тылыгар 2797 тыл киирэн туттуллан барбытын, саха тылын байыппытын көрдөрбүтэ. Бу 3000 кэринэ тылы суолталарынан 20 бөлөххө арааран, кинилэр бары саха тылын дорҕоонун сокуонун ирдэбилинэн уларыйбыттарын көрдөрбүтэ. Киирбит тыллар үксүлэрэ (80% кэринэ) аат тыл буоларын быһаарбыта.

Саҕалаабыт тиэмэтин Петр Алексеевич быраҕан кэбиспэтэҕэ, салгыы үлэлээн 1975 сыллаахха Москваҕа «Саха тылыгар нуучча тылыттан киирбит тыллар (өрөбөлүүссүйэ кэннинээҕи кэм)» диэн улахан үлэни суруйан бэчээттэппитэ [22]. Ааптар бу үлэтигэр нуучча тылыттан саха тылыгар тыл кириитэ ордук сэбиэскэй кэмнэ ааспыт үйэ 20-с сыллар иккис анаардарыттан элбээбитин, 1970-с сылларга диэри 10-тан тахса тыһыынча буолбутун көрдөрөр. Нууччаттан кирии тылы итинник ымпыктаан-чымпыктаан, биирдиилээн ааҕан-суоттаан үөрэтиитэ саха литературнай тылын сайдытыгар араас кэмнэ араастаан хайдах сабыдыаллаабытын саха тылын үөрэҕэр аан бастаан арылхайдык арыян көрдөрбүтэ.

Петр Алексеевич лексикология салаатыгар сонун, туох эрэ сананы этэр, киһини толкуйдатар ыстатыйалары тиһигин быспакка суруйталыыр. Олор истэригэр: «К вопросу изучения влияния русского языка на якутский язык» [14], «Некоторые условия заимствования русских слов в якутском языке дореволюционного периода» [23], «Слова, пережившие себя» [23], «Семантико-стилистические особенности русизмов в языке якутского фольклора» [26] о.д.а. чаччы үрдүк научнай таһымна суруллубут ыстатыйалар бааллар.

Кини лексикологическай үлэлэрин уратыта көннөрү киһи булан көрбөтүн ороон таһаарарыгар, ону бэйэтин түөрүйэҕэ билиитигэр олоҕуран мындырдык сатаан ырытарыгар сытар. Тыл суолтата, дэгэтэ хайдах хамсаан уларыйан иһэрин, кыраҕатык көрөн чинчийэр. Бу научнай өттүнэн бэртээхэй хаачыстыбалара кэлин араас тииптээх тылдыттары онороругар олус көмөлөөх буолбуттара уонна лексикология, лексикография салаатыгар үлэлиир научнай үлэһиттэргэ чаҕылхай

холобур буолан, туспа суоллаах-иистээх научнай оскуола үөскүүрүгэр суолу солообута.

Ону таһынан лексикологияҕа үлэлэрэ кини саха литературнай тылын чинчийэригэр түөрүйэ өттүнэн бигэ тирэх буолбуттара.

П.А. Слепцов саха тылыгар икки сана хайысханы төрүттээччи буолар диэн өссө кини 65 сааһын туоларыгар этэн турабын: социолингвистиканы уонна лингвофольклористиканы [5, с. 61-62]. Онно Петр Алексеевич, сэмэй мунгутаан: «Оттон Аврорин В.А. буолбатах дуо?» – диэбитэ. Валентин Александрович Аврорин, кырдык, улахан учуонай, ССРС НА чилиэн-кэрэспэдьиэнэ, Новосибирскайга кэлэн үлэлии сылдыбыта. Ол гынан баран кини, бииринэн, өр үлэлээбэтэ, иккинэн, социолингвистика үөрэжинэн тыктаран Сибиир олохтоох норуоттарын барытын ылан көрбүтэ [1].

Оттон Петр Алексеевич социолингвистика үөрэжин саха тылыгар анаан киллэрбитэ, элбэх бэртээхэй уонна дын олоххо туһалаах ыстатыйалары суруйбута, бу салааҕа үгүс талааннаах эдэр ыччаты (Т.В. Аргунованы, Н.И. Иванованы, Р.И. Васильеваны у.д.а.) үөрэтэн-такайан, наука хандыдааттара гынан таһаарбыта, сылай оскуоланы үөскэппитэ. Ол ыстатыйалара, үөрэппит оҕолорун үлэлэрэ Сэбиэскэй кэм кэнниттэн туга-ханныга биллибэт үлтү булкуллуу кэмигэр өрөспүүбүлүкэҕэ тыл бэлиитикэтин хайдах салгыы ытарбытыгар [19, с.10-14], хотугу өлөн эрэр аҕыйах ахсааннаах норуоттарбыт тылларын хайдах гынан быһыырбытыгар [12, с. 360-365], «ыалдыбыт» сахабыт тылын хайдах чөлүгэр түһэрбитигэр уонна туруктаах оноробутугар дын баар чаччыларга олоҕуран биир бастагы уонна бастын үөрэнээччитин Василий Афанасьевич Роббегы кытта сүрүн ааптардар буолан түөрүйэ өттүнэн энкилэ суох кэнсиэпсийэни уонна ону хайдах олоххо быһаччы киллэрэр уһун сыллаах бырагырааманы онорууга бигэ тирэх, фундамент буолбуттара. Өскөтүн, ол мүччүргэннээх кэммитигэр Петр Алексеевич маннык өрөспүүбүлүкэҕэ тыл туругун диринник ырытар ыстатыйалары суруйбатаҕа, орубуна кэмигэр социолингвистикаҕа каадырдары бэлэмнээбэтэ буоллар, өссө тылга хайдах бэлиитикэни ытан, тылларбыт хайдах туруктаах буолуохтара биллибэт этэ. (Санаан көрүөбүг бинигиттэн элбэх ахсааннаах бүрээт норуота сыһа бэлиитикэни ытан тылын сүтэрбитин).

Бу билигин өрөспүүбүлүкэҕэ баар омуктарбыт тылларын туруга хайдах буолан иһэрин чуолкайдык үөрэтиигэ, норуоттар икки ардыларыгар буолар сыһаннаһылары да чинчийиигэ, тылга бэлиитикэни табатык ытыгыга күннээҕи олоххо быһаччы туһалаах социолингвистика курдук наукаҕа Петр Алексеевич иппит каадырдарын онно-манна ыспакка, бииргэ түмэн, туспа бөлөх, салаа онорон биир чопчу сыалга-сорукка үлэлэтиэххэ баар этэ. Саҥа тэррилэр тыл управлениетыгар социолингвистикаҕа үлэлиир эдэр ыччаты хото киллэрэр бары өттүнэн туһалаах эрэ буолуо этэ.

Петр Алексеевич саха тылыгар иккис сана хайысханы киллэриитэ лингвофольклористика диэн тыл биир интэриэһинэй салаатын кытта сибээстээх. Бу салааны анаардас фольклор тылын эрэ үөрэтэр салаа курдук көрөр кыараҕас буолуо. Петр Алексеевич куруук буоларын курдук, бу да сырыыга лингвофольклористиканы киэнник хабаан, лингвофольклористика хараҕынан көрөн, олонхо төрдүн-ууһун, саха фольклорун уус-уран ис хоһоонун, фольклор тылын ыстаатыһын уонна кэпсэтии тылыгар сабыдыалын, уус-уран литература сайдытыгар фольклор сабыдыалын уустук проблемаларыгар тохтоон дириҥник ырытар уонна бэйэтин дакаастабыллаах, ыллыктаах санааларын этэр [16, с. 95-102;21, с. 61-63;11, с. 40-41;24, с. 5-23].

Бу туруорбут проблемалара саха тылыгар лингвофольклористика киэн хабааннаахтык сайдарыгар тирэх буолбуттара.

Лингвофольклористика, бастатан туран, саха тылыгар фольклор биир бөдөн жанрын олонхо тылын үөрэтиэхтээгин ыйан туран, бу мифологической, лингвистической уонна поэтической семантика бииргэ ыйылла сылдьар тылы чинчийии саамай уустук көрүнгө буоларын тоһоҕолоон бэлиэтэбитэ. Ол да буоллар бу хайысханан үлэлээччилэр баар буоллулар. Бу эмиэ – Петр Алексеевич үтүөтэ-өһөтө. Кини лингвофольклористика салаатын саха тылыгар олохтоохтук уонна кэмигэр киллэриитэ олонхо тылын-өһүн лингвофольклористика үөрэгин ньыматынан чинчийбит бэртээхэй үлэлэрэ олонхону ЮНЕСКО бүтүн киһи аймах нэһилиэстибэтин куоҕайар чыпчаалын (Петр Алексеевич тиэрминэ – А.Н.) быһыытынан билинэригэр бөҕө тирэх буолбута.

Петр Алексеевич лексикограф быһыытынан киэн эйгэҕэ «Сахалы-нууччалы тылдыт» диэн Москваҕа 1972 с. тахсыбыт үлэтиттэн ыла биллэн барбыта. Бу уонна П.С. Афанасьев, Л.Н. Харитонов «Нууччалы-сахалы тылдыттара» (М., 1968) саха тылыгар бастакы нормативнай тылдыттарынан биллэллэр. Ол гынан баран, «Нууччалы-сахалы тылдыт» тылын испиһэгэ (словнига) маннык тииптээх тылдыттарга анаан быһыллыбыт мадыялынан оноруллубута. Онон тылдыт нормативнай буолар олуга эрдэттэн охсуллубута. Оттон «Сахалы-нууччалы тылдыкка» анаардас тыл испиһэгин (нуорма өттүнэн көрөн) да онорууга ыарахаттар үөскээбиттэрэ. Оччотооҕуга билинни курдук картотечнай база суох этэ. Онон тылы талы сүннүүнэн Э.К. Пекарской Тылдытыгар олобуран, ону төрүт гынан саҕаламмыта. Э.К. Пекарской Тылдыта, биллэрин курдук, саха тылын өрөбөлүүссүйэ иннинээҕи туругун көрдөрөр. Ол иһин ааспыт үйэ 20-с сылларыттан 60-с сыллар бүтэһиктэригэр диэри нууччаттан кирибит тыллар Э.К. Пекарской Тылдытыгар суох этилэрэ. Ити уһун кэмнэ саха тылын тиһигэр бүтүннүүтүгэр олус улахан уларыйылар тахсыбыттара. Өрөбөлүүссүйэ иннинээҕи олобу-дьаһаҕы бэлиэтиир предметтэр уонна өйдөбүллэр аанньа туттуллубат буолан, умнуллан барбыттара, ол оннугар сана өйдөбүллэри бэлиэтиир тыллар, нуучча тылын нөҥүө интернациональной

тиэрминигэр бөбө кирибиттэрэ. Олору төһө кыалларынан көрдөөн, булан киллэриэххэ наада этэ.

Э.К. Пекарская тыллары хайдах истибитинэн араас фонетической, морфологической, лексической барыяаннарын барытын киллэрэрэ. Кини Тылдытыгар бэрт кыараҕастык (оннооҕор биир сиргэ эрэ) туттуллар түөлбө тыллар бэлиэтэммиттэрэ. Ону барытын нуорма ирдэбилинэн көрөн бэрээдэктиир, чопчулуур сорок турбута. Ол сүннүүнэн, кыаллыбыта, ону таһынан тылбааһа ордук-хоһу тыла суох, кылгастык, чуолкайдык бэриллибитэ.

Тылдыт бу үтүө хаачыстыбатын учуонайдар П.С. Афанасьев [3, с. 29], Е.И. Коркина [4, с. 69] саамай сөпкө чорботон бэлиэтээн тураллар.

Онон Петр Алексеевич норуот киэнник туттар тылын сүрүн саппааһын хабаан, саха тылыгар орто кээмэйдээх бастакы сахалыы-нууччалыы нормативнай тылдыты онорсубут уонна эрдээксийэлээн таһаарбыт умнуллубат үтүөлээх.

1994 с. «Саха тылын быһаарыылаах кылгас тылдыта» тахсыбыта. Бу тылдыт тахсарын көбүлээччинэн уонна эрдээктэринэн П.С. Афанасьев буолбута. П.А. Слепцов оччотооҕута лексикология уонна лексикография сиктэрин сэбиэдиссэйинэн олорон, бу идийэни көхтөөхтүк өйөөбүтэ уонна тылдыкка үлэлиир дьобурдаах дьобус бөлөбү тэрийэн (П.С. Афанасьев – эрдээктэр, П.А. Слепцов, А.Г. Нелунов, А.С. Луковцев, Г.В. Попов, Н.Н. Васильева, Н.С. Попова) былааны таһынан үлэлээн, кылгас кэм иһигэр ааҕааччылар киэн арангаларыгар ананар, литературнай лиэксикэ киин өттүн, ордук ыччат билбэт эбэтэр таба өйдөөбөт буолуон сөптөөх тылларын быһааран көрдөрөр нормативнай тылдыты онорон таһаарбыттара. Тылдыт өссө чочулан, тыл суолтатын быһаарыы, словарь уонна литературнай тыл нуорматын өттүнэн көрүллэн, эрдээксийэлэнэн, оскуолаҕа анаан 2008 с. тахсыбыта. Билинни туругунан бу дьобус тылдыт саха литературнай тылын нуорматын бары өттүнэн кытаанахтык тутуһар, оноһулуохтаах тылдыттарга холобур буолар, П.А. Слепцов саха литературнай тылын нуормаларын туһунан теоретической үлэлэригэр олоҕурбут уонна ону дын олоххо киллэрбит үлэнэн буолар. Онон саха литературнай тылын нуорматын кодификациялааһынга биир дьонуннаах хардыы оноһуллубута. Саха литературнай тылын кодификациялааһынга олус улахан суолтаны 2002 с. тахсыбыт «Сахалыы таба суруйуу тылдыта» (кылаабынай эрдээктэр П.А. Слепцов) ылбыта. Бу тылдыт тосту уларыыы, биир уопастыба атын уопастыбаҕа көһөр булкуллуулаах кэмнэ, ол эрэри дьон-сэргэ өйө-санаата уһуктан, идеологияҕа «тыллар силлиһиилэрэ» диэн кыра омултар тылларын сайдытыгар олус охсуулаах бэлиитикэ сабардаан, саха тылын улам көйгөтүтүү, үөрэх-иитии эйгэтигэр, дыала-куолу, суут-сокуон, атын да эйгэ тылын быһыытынан симэлиити барытын өйдөөбүт кэмигэр оноһуллубута. Арпыгыраапыаҕа өрөбөлүүсүэй кэнниттэн кирибит нуучча тылын олоҕун нууччалыы эрэ суруйар быраабыла олохсуйуута эдэр ыччат сангарар аппараата

уларыйбытын, нууччалыы ахсыаннаах сангарар буолбутун, саха тылын олохсуйбут айылҕатын, сокуоннарын кэһиигэ тиэрдибитин олох бэйэтэ көрдөрбүтэ. Онон, олох уларыян, төрөөбүт тылга сана сыһыаны, сана тосхолу учуоттуур арпагыраапыйаны оноруу уонна ылыныы наада этэ. Оннук аналы толорор арпагыраапыйанан 2002 с. тахсыбыт «Сахалыы таба суруйуу тылдыта» буолбута. Бу тылдыт саха тылын төрүт сокуоннарыттан тахсар, норуokka үөрүүэх, үгэс буолбут нуормаларыгар олобурбута, онон саха тылын айылҕатын, олохсуйбут тутулун, сокуоннарын тутуһууну сэргэ суруйуу тыл ис кыабын сайыннарыыга, сөргүтүүгэ көмөлөһөр хайысханы тутуспута – ол сурук-бичик култууратын сана кэрдийскэ таһаарыыга төһүү буолбута.

Тылдыты оноруу салаатыгар (лексикографияҕа) Петр Алексеевич биһиги бары көрө-билэ сылдыарбыт курдук, олус улахан үтүөлээх. Ол курдук, кини букатын эдэр, кандидатскай диссертациятын көмүскээбитэ алта-сэттэ сыл буолбут киһи, ыраабы өтө көрөн Институппутун төрүттээбит П.А. Ойуунускай хара маннайгыттан былаанна киллэртэрбит «Саха билигини тылын толору тылдытын» оноруохха диэн баҕа санаатын эрэпириэссийэ хааннаах илиитэ мэхэйдээн кыайан туолбатабын толорорго кытаанах, билигин толкуйдаан көрдөххө, бэрт саллыылаах, хорсун санааны ылыммыта киһини сөхтөрөр. Бу модун санааны олоххо киллэриигэ анал каадырдар наадаларын Петр Алексеевич үчүгэйдик өйдөөн, оччотообу ТЛИИ уонна ССРС НА Сибиридээҕи салаатын Саха сиринээҕи филиалын салалтатыгар маннык улахан тылдыты онорууга хайаан да туспа сиэктэр аһыллара наадалаабын туһунан бэйэтэ этэринэн «балайда уһун быһаарыылаах, элбэх сыыппаралаах суругу» [20, с. 527] түһэрбитэ. Хата, институт оччотообу дириэктэрэ Е.И. Коркина уонна ССРС НА Саха сиринээҕи филиалын Президиумун бэрэссэдээтэлэ академик Н.В. Черскэй өйөөннөр, сана сиэктэр аһыллыбыта. Дьэ, онтон саҕаламмыта «Саха тылын улахан академическай быһаарыылаах тылдыта» – Петр Алексеевич саҕаланабыттан бүтүөр диэри оҕолообут, бүөбэйдээбит, улаатыннарбыт, ситэрбит-сириэдиппит тылдыта.

Маннык улахан Тылдыты саҕалыырга уонна онорорго, тыһыынчанан тыл суолтатын, дэгэтин, араас толбонун быһаарарга саамай кылаабынайа онуоха тирэх, төрүт буолар базаны – академическай картотеканы тэрийиэххэ наада этэ. Дьэ, манна аан бастаан Петр Алексеевич бэйэтин тэрийэр уонна дьону биир суолга сатаан түмэр дьобурун көрдөрбүтэ. Кини институтка туох баар тыл үлэһиттэрэ былааннаах научнай үлэлэриттэн, дуоһунастарыттан, учуонай истиэпэннэриттэн тутулуга суох лабарааннартан дириэктэргэ – Евдокия Иннокентьевна Коркинаҕа – тийэй ханнык эмэ суруйааччыттан төһө эрэ тылы холобурдаан устан картотекаҕа киллэрэр бэрээдэги дириэксийэҕэ туруорсан олохтообута. Онтон кэлин наука өрө тутулар уонна дэлэччи үбүлэнэр эрдэбинэ, техническэй хайысхалаах улахан институттар сыл бүтэһигэр кыра да буоллар ордон хаалар үптэриттэн ТЛИИ-гэ картотеканы толорууга анаан Евдокия Иннокентьевна уонна Николай Васильевич

Черскэй туруорсууларынан дириэктэрдэр сөбүлэһэннэр үп кэлэр буолбутугар Петр Алексеевич Наталья Спиридоновна Поповальын устудьоннары, тылга сыһыаннаах, сахалыы үөрэхтээх учууталлары, пенсионердары түмэн картотека ханыырыгар сатабыллаахтык үлэлэппиттэрэ.

Картотечнай базаны тэрийии тылдыты огорууга эрэ наада буолбат, саха тылын ханнык баҕарар салаатыгар үлэлиир дьонно, ону ааһан, этнографтарга, кизньник ылан көрдөххө, бүтүн норуот духуобунай култуурата сайдытыгар «бигэ акылаат, сыаната биллибэт национальной баай, көмүстээбэр сыаналаах кылаат» [20, с. 531] буолар.

Саха тылын лексикографиятын билинни сөбүмөр ситиһиитэ кураанах сиргэ үөскээбэтэбэ. Саха тыла уопсайынан атын эдэр суруктаах-бичиктээх тыллартан өрөбөлүүссүйэ инниттэн быдан үчүгэйдик, диринник үөрэтиллибит дьоллоох тылынан биллэр. Саха практической лексикографията үөскүүр төрдүгэр О.Н. Бётлингк, Э.К. Пекарской курдук аатырбыт учуонайдар үлэлэрэ: «Сахалыы-ньиэмэстии тылдыт» [34] уонна «Саха тылын тылдыта» [6] тирэх буолбуттара.

Ол гынан баран, саха лексикографията итиччэ үчүгэй үлэлэрдээх эрэри, анаан ырытыллан оноһуллубут түөрүйэтэ суох этэ. Дьэ бу улахан итэбэһи туоратыыны Петр Алексеевич санныгар сүкпүтэ. Онон кини «Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдытын» оноруунан сибээстээн тылдыттары оноруу боппуруостарыгар, ханнык тииптээх тылдыттар баалларыгар уонна баар буолуохтарын сөбүгэр, тылдыттар тутууларын элэмийэннэригэр аналлаах саха лексикографиятын түөрүйэтигэр элбэх ыстатыйалары суруйбута [хол., көр: 17, с. 40-41; 13, с. 3-17; 18, с. 96-108; 15, с. 172-174; 27, с. 10-15 уо.д.а.]. Ити үлэлэрэ араас тылдыттары, ордук «Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдытын» онорууга түөрүйэ өттүнэн акылаат буолбуттара.

И.В. Сталин хаһан эрэ этэн турар: «Практика без теории слепа, теория без практики мертва», – диэн. Онон бу саха норуотугар, бары түүр омуктарыгар даһаны, чахчы улахан сабыстыһа буолуон буолбут элбэх туомнаах улахан академической тылдыт түөрүйэ уонна быраактыка табыллан дьүөрэлэспит, бэйэ-бэйэлэригэр көмөлөспүт үтүкэннээх түмүгэ, чаһылхай холобура буолар.

Петр Алексеевич “Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдытын” билинни баар усулуобуйаҕа олобуран саһалыы тииптээх гына онорорго түөрүйэ өттүнэн олохтоохтук дакаастаан ыстатыйалары суруйбута.

Ол түөрүйэ быһыытынан, оноһулуохтаах тылдыт төһө кыалларынан, төһө булууларынан элбэх тылы хаһан, эрэдьиэстээн, саха тылын баайын толорутук, дьэнкэтик көрдөрөр, суолталарын чопчутук, хомоһойдук быһаарар сыаллаах-соруктаах этэ. Ити барыта чулуу холобурдарынан бигэргэтиллиэхтээхтэрэ. Тылдыт кэпсэтиигэ да, сурукка да тылы сатаан таба туттарга туһалыахтаах, онон тыл култуурата үрдүүрүгэр тиэрдэр үтүө соругу туруорбута. Тылдыт биир сүрүн нуормалыыр оруола уонна уопсай култуурунай суолтата маныха сытар. Итини

таһынан тылдыт нуормалыыр аналын урукку тылдыттардааҕар быдан кичэллик уонна толорутук толорбута. Ол, холобур, быһаарыллар тыллар, сомоҕо домохтор истиил уонна кырамаатыка өттүнэн сиһилии харахтарыыстыкаланалларыттан да дьэнкэтик көстөр.

Онон Петр Алексеевич элбэх туомнаах улахан академическай тылдыты эрэдьиэстиир-нуормалыыр тииптээх гына онорор табыгастааҕын түөрүйэ өттүнэн дакаастаабыта уонна ол билигин лексикография сайдытыгар саамай кэнэҕэскилээх научнай хайысха буоларын ыйбыта. Маннык тииптээх тылдыт ис хоһоонун уонна хайысхатын лексикография биллиилээх чинчийээччитэ бэрэпиэссэр Л.П. Ступин маннык арыян турар: “Эволюция толкового словаря национального языка от словаря предписывающего (т.е. жёстко-нормативного. – А.Н.) типа к словарю регистрирующего типа есть закономерный качественный переход в развитии национальной лексикографии, отражающей в частности, стремление лексикографов к более научному и объективному рассмотрению языка как социального явления” [29, с. 40-41; 30, с. 154].

Бу курдук тииптээх тылдыт урукку өттүгэр саха тылыгар оҥоһулла илигэ.

“Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдытын” уратыта манан эрэ бүппэт. Быһаарыылаах тылдыты онорууга Петр Алексеевич биир саамай сонун киллэриитэ – тылын икки тылынан: сахалыы уонна нууччалыы быһаартарбыта буолар.

Баччаанна диэри ханнык баҕарар быһаарыылаах тылдыт биир тылынан – төрөөбүт тылынан быһаарыллар этэ. Оннук эрэ быһаарыы төрөөбүт тыллаах киһиэхэ ордук тийимтиэ, ингимтиэ буолара өйдөнөрө.

Ол гынан баран, ааспыт үйэ 60-с сылларыттан эдэр суруктаах-бичиктээх уонна аҕыйах ахсааннаах норуоттар тылларын туттуллар эйгэлэрэ тосту кыараан барбыта. Эдэр ыччат төрөөбүт тылынан аахпат, суруйбат, кэпсэппэт буолан испитэ, үгүстэр нуучча тылыгар көһүүлэрэ үксээбитэ.

Оннон усулуобуйаҕа Петр Алексеевич эдэр суруктаах-бичиктээх норуоттарга Быһаарыылаах тылдыты икки (төрөөбүт уонна нуучча) тылынан онорор табыгастааҕын дакаастаан теоретическай ыстатыйалары суруйбута уонна онно олоҕуран түүр омук тылларыгар аан бастаан “Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдытын” онорон, дьин олоххо киллэрбитэ.

Тылдыт икки тыллаах буолуута – бу биһиги кэммит ирдэбилэ үөскэппит Быһаарыылаах тылдыт санга көрүнгө буолар.

Икки тыллаах Быһаарыылаах тылдыт ордук эдэр суруктаах-бичиктээх омуктарга туһата элбэх:

1) бастатан туран, биллибэккэ сыппыт тыл баай саппааһа нуучча тылын нөнгүө киэн научнай эйгэҕэ киирэр кыахтанар;

2) лиэксикэ уонна сомоҕо тыллар араас эгэлгэ уратыллара тэнниир, тэнниир-исторической, ону тэнэ типологической чинчийиилэргэ тугунан да солбуллубат, бэртээхэй төрүт матырыяал буолаллар;

3) билигин, икки тылланы сайдыбыт кэмигэр, нууччалыы быһаарыы сэдэхтик туттуллар эбэтэр умнуллан эрэр тыллар, сомоҕо домохтор ис хоһооннорун, суолталарын ордук дьэнкэтик уонна толорутук өйдүүргэ көмөлөһүөбү;

4) биллэрин курдук, эдэр суруктаах-бичиктээх тылларга тылдыты огоруу, быһаарыы тыла-өһө (словарный метаязык) ситэ сайда илик уонна халбаннаабат бигэ үөрүйэбү суох. Оннук усулуобуйага нуучча тылын тылдыты огорор үөрүйэбү тыл суолтатын чуолкайдык арааран быһаарага, чочуйан нарылыырга бигэ тирэх буолар.

Манньык сана тииптээх уонна манньык улахан кээмэйинэн оҥоһуллубут Быһаарыылаах тылдыт билигин аан дойдуга баар тыыннаах, суруктаах-бичиктээх отучча түүр тылларыгар биригэр да оҥоһулла илик. Бу буолар Петр Алексеевич бүтүн түүр тылын үөрэбэр түүрүйэ уонна быраактыка өттүнэн киллэрбит кылаата уонна саха тылын лексикографиятын аан дойду таһымыгар таһаарбыт үтүөт-өһөтө.

Петр Алексеевич научнай каадырдары үүннэриигэ кылаатын эмиэ бэлиэтиэх тустаахпыт. Кини бүтүн Арасыйага биллэр улахан апаратыыаттаах учуонай буолан, дьүккүөрдээхтик туруорсан, биһиги институтпутугар “Арасыйа Бэдэрээссийэтин норуоттарын тыллара (саха тыла)” диэн хандыдаат уонна дуоктар буолар диссертацияны көмүскүүр Сэбиэт тэриллибитэ. Ол Сэбиэти кини тэрийбит эрэ буолбатах, өссө 20 сыл бэрэссэдээтэл быһыытынан салайбыта. Бу Сэбиэт саха тылын үөрэбэр үрдүк научнай таһымнаах исписэлиистэр баар буолууларыгар сүнкэн оруолу ылбыта. Петр Алексеевич тус бэйэтэ салайан сүүрбэччэ кинини наука хандыдаата онорбута. Е.И. Оконешников, Г.Г. Левин дуоктар буолар диссертацияларын көмүскүүллэригэр научнай сүбэһит (консультант) буолбута.

Таарычы эттэххэ, кини оскуолага үөрэппит, кэлин бииргэ үлэлээбит, үүнэригэр сүбэ-ама буолбут кинитэ Василий Афанасьевич Роббек тыл үөрэбин дуоктара, бэрэпиэссэр, Саха Өрөспүүбүлүкэтин Наукатын академиятын дьиннээх чилиэнэ буолбута, Петр Алексеевиһы хара өлүөр диэри: “Учууталым” – диэн манньыйа ааттыра.

Саха тылыгар П.А. Слепцов оскуолата диэн баар буолла. Ол оскуола хас да салаалаах, олортон ордук биллибиттэрэ, күүстээхтэрэ, саха тылын сайдыытыгар сүнкэн сабыдыаллаахтара лексикографической, социолингвистической, лексикологической салаалар буолаллар.

Билигин саха тылыгар үгэннээн үлэлии сылдьар наука үлэһиттэрин үкүлэрэ даҕаны Петр Алексеевич оскуолатын барбыт эбэтэр кини үтүө сабыдыалын

ингэриммит дьон буолаллар диэтэххэ омунааһын буолбата буолуо дии саныбын. Онон, кини иппит научнай үлэһиттэрин саха тылын ситиһиилээхтик чинчийиигэ биир сыалга-санааҕа түмпүт, биир ньыгыл кэлэктиип ына сомоҕолообут үтүөлээх.

Литература

1. *Аврорин В.А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). – Л.: Наука, 1975.
2. Академик Петр Алексеевич Слепцов (Библиографический указатель). – Якутск, 2018. – 58 с.
3. *Афанасьев П.С.* Саха лексикографията. – Якутскай, 1976. – 64 с.
4. *Коркина Е.И.* Саха тылын үөрэбэр маннайгы академик // Саха тылын наукатын туруу үлэһитэ П.А. Слепцов төрөөбүтэ 65 сыла. – Дьокуускай, 1996. – С. 67-71.
5. *Нелунов А.Г.* Академик Слепцов П.А. // Саха тылын наукатын туруу үлэһитэ П.А. Слепцов төрөөбүтэ 65 сыла. – Дьокуускай, 1996. – С. 59-66.
6. *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. Вып. I-XIII. – СПб.-Л., 1907-1930.
7. *Петров Н.П.* Выдающаяся работа // Саха тылын наукатын туруу үлэһитэ П.А. Слепцов төрөөбүтэ 65 сыла. – Дьокуускай, 1996. – С. 109-112.
8. *Попов П.В.* Краткая история развития якутского языка // Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. – Якутск, 1947. – С. 270-307.
9. *Роббек В.А., Слепцов П.А.* Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) и социолингвистические проблемы языков малочисленных народов Севера. – Якутск: Изд-во ИПМНС СО РАН, 1999. – 53 с.
10. *Сафронов Ф.Г.* О дореволюционной якутской письменности // Полярная звезда. – 1967. – №6. – С. 117-121.
11. *Слепцов П.А.* Актуальные проблемы изучения языка олонхо // Олонхо в контексте эпического наследия народов мира: тез. докл. междунар. науч. конф. 7-8 сентября 2000 г. – Якутск, 2000. – С. 40-41.
12. Слепцов П.А. Актуальные проблемы сохранения и развития языков коренных народов Республики Саха (Якутия) // Наука и образование. – 1997. – №3. – С. 160-165.
13. *Слепцов П.А.* Ближайшие задачи якутской лексикологии и лексикографии по нормализации литературного языка // Актуальные вопросы якутской лексикологии и лексикографии: Сб. науч. тр. – Якутск, 1980, с. 3-17.
14. *Слепцов П.А.* К вопросу изучения влияния русского языка на якутский язык // Доклады на XIV научной сессии / ЯФ СО АН СССР. – Якутск, 1964. – С. 47-52.
15. *Слепцов П.А.* К проблеме двуязычного толкового словаря // Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии. – М., 1988. – С. 172-174.
16. *Слепцов П.А.* Лингвофольклористика: проблемы и задачи (на материале якутского фольклора) // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока: сб. науч. тр. – Якутск, 1991. – С. 95-102.
17. *Слепцов П.А.* Об академической картотеке якутского языка // Вопросы истории, литературы и языка: Бюл. НТИ. – Якутск, 1974. – С. 40-41.
18. *Слепцов П.А.* Основные направления развития якутской лексикологии и лексикографии // Развитие гуманитарных исследований в Якутии: Сб. науч. тр. – Новосибирск, 198. – С. 96-108.
19. *Слепцов П.А.* Основные проблемы нового этапа языковой политики и языкового строительства в РС(Я) // Наука и образование. – 1996. – №4. – С. 10-14.

20. Слепцов П.А. О социолингвистических проблемах языков коренных малочисленных народов Севера РС(Я) // Ступени и проблемы якутского языкознания (Сб. научных статей). – Якутск, 2008. – С. 436-451.
21. Слепцов П.А. Об архаизмах в языке олонхо // Проблемы развития национальной культуры и русско-якутских языковых связей. – Якутск, 1992. – С. 61-63.
22. Слепцов П.А. Русские лексические заимствования в якутском языке (послереволюционный период). – М: Наука, 1975. – 256 с.
23. Слепцов П.А. Слова, пережившие себя // Русская речь. – 1976. – №4. – С. 118-124.
24. Слепцов П.А. Язык олонхо: лексика, семантика // Якутский язык: лексикология, лексикография: Сб. науч. тр. – Якутск, 1989. – С. 5-23.
25. Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Истоки, становление норм. – Новосибирск: Наука, 1986. – 261 с.
26. Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм. – Новосибирск: Наука, 1990. – 277 с.
27. Слепцов П.А., Нелунов А.Г., Монастырев В.Д. О новом типе толкового словаря якутского языка // Наука и техника в Якутии. – 2011. – №2 (21). – С. 10-15.
28. Слепцов П.А., Роббек В.А. Социолингвистические проблемы языков коренных малочисленных народов Севера РС(Я). – Якутск, 1999. – С. 6-29.
29. Ступин Л.П. Каким должен быть словарь: предписывающим или регистрирующим // Язык и общество. – Саратов: СГУ, 1978. – Вып. 5. – С. 40-41.
30. Ступин Л.П. Проблемы нормативности английской лексикографии (XV-XX в.в.). – Л.: АТУ, 1979. – 288 с.
31. Тобуроков Н.Н. Саха литературнай тылын уһулуччулаах чинчийээччитэ // Саха тылын наукатын туруу үлэһитэ П.А. Слепцов төрөөбүтэ 65 сыла. – Дьокуускай, 1996. – С. 94-98.
32. Тонггорядов З.Т. Первые книги на якутском языке // Хотугу сулус. – 1976. – №4. – С. 95-102.
33. Убратова Е.И. Распространение письменности у алтайцев и якутов до революции // Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ. Вып. XV. – Кызыл, 1971. – С. 170-178.
34. Böhlingk O. Jakutisch-deutsches Wörterbuch. – in. Middendorf. Sibirischen Reise. Bd. III. T. I. SPb., 1851. – 484 с.

Н.Н. Васильева, В.Д. Монастырёв
РНА СС ГЧуоХААОПИ

Литературнай тылы сүрүннүүр **«Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдытын» төрүттээчи**

Саха тылын үөрэбэр билинни кэмнэ филологической наука дуоктара, бэрэпиэссэр Петр Алексеевич Слепцов фундаментальной наука олугун бигэтик тутта сылдьар, дын бэриниилээх, классической бэлэмнээх уонна оннук таһымнаах учуонайдар ахсааннарыгар киирсэр. Кини үлэтигэр кизинг интэриэстээбин, динин көрүүлэрдээбин лексикологияҕа, лексикографияҕа, семантикаҕа, тыл устуоруйатыгар, лингвофольклористикаҕа, социолингвистикаҕа онтон да атын тыл эйгэлэрин үөрэтиигэ анаммыт араас элбэх ахсааннаах үлэлэрэ туоһулулар. Бу

чинчийиилэр бары да кэриэтэ Петр Алексеевич үлэтин эргийэр киинин – саха литературнай тылын салгыы сайыннары, нурмаларын бигэргэтии курдук уустук боппууоска туһуламмыттар.

Биллэрин курдук, литературнай тылы өрө тутарга, бастатан туран, сүрүн оруолу тылдыттар ылаллар. Ол да иһин буолуо, Петр Алексеевич научнай үлэтин биир сүрүн хайысхатынан лексикография салаата буолар. Кини иилээн-саҕалаан, эрдээксийэлээн бастакы орто кээмэйдээх, саха литературнай тылын ирдэбилинэн нурмаламмыт, билигин да суолтатын сүтэрэ илик «Сахалыы-нууччалыы тылдыта» 1972 с. тахсыбыта. Биллэн турар, анал картотеката суох эрэри нормативность бириинсибин тутуһар литературнай тыл тылдытын оноруу уустуктардаах суол. Ол да буоллар, бу тылдыт бэйэтин сыалын-соругун ситэн, словнига сөпкө таньыллан, кэмигэр Сэбиэскэй Союус Наукаларын академиятын Сибиирдээҕи салаатын биир бастын үлэлэрин ахсааныгар киирбитэ. Петр Алексеевич бу саха лексикографиятыгар бастакы улахан үлэтэ киниэхэ дирин ис хоһооннох идийэлэри, лексикографияҕа саҕа былааннары үөскэспитэ саарбахтаммат. Анал академической картотеканы тэрийэн, саха тылын национальнай толору тылдытын онорууну саҕалыырыгар улахан тирэх буолбут буолуохтаах.

Дьэ, ол иһин, 70-с сылларга киэн далааһыннаах үлэ түмүгэр оноһуллубут картотекаҕа тирэҕирэн 80-с сыллар саҕаланыыларыгар Петр Алексеевич саха национальнай тылын толору кээмэйдээх, элбэх туомнаах академической Быһаарыылаах тылдытын бэлэмнииргэ бииргэ үлэлиир кэллиэгэлэринэн ураты уустук бырайыагы саҕалаабыта.

Тылга сүрүн буолар маннык тылдыт ханнык баҕарар тылга кини литературнай нурмалара бигэтик олохсуйан, норуот суруга-бичигэ, уус-уран литературата, култуурата, тылын үөрэҕэ тустаах кэрдиискэ тийбит эрэ кэмигэр оноһулар. «Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта» төрөөбүт тылларын сэнгээрээччилэргэ эрэ анаммыт буолбакка, наука сыалыгар уонна саха тылын литературнай тылын сүрүннүүрүн тэнэ, норуот олоҕун-дьаһаҕын, култууратын, устуоруйатын көрдөрөр киэн ис хоһоонноох тылдыт буолар.

Уопсайынан ыллахха, саха тылын лексикографиятын төрүттэниитэ биһиэхэ литературнай тыл туһунан өйдөбүл өссө үөскүү да илик кэмигэр саҕаламмыта, онон түөрүйэ өттүнэн практической лексикографияттан лаппа хаалан иһэрэ. Оттон Улахан быһаарыылаах тылдыты онорууга, биллэн турар, бигэ лексикографической түөрүйэҕэ олобуруу ирдэнэрэ. Онон Петр Алексеевич салайааччы быһыытынан үлэ бу өттүгэр улахан ирдэбили туруорбута, эдэр словаристарга научнай тиэмэлэрин аттарыыга улахан үлэни ыппыта. Кини тылдыты оноруу проблемаларыгар, түөрүйэтигэр сыһыаннаах «Саха тылын быһаарыылаах тылдытын суолтатын туһунан өссө биирдэ» [7, с. 527-531], «О новом типе толкового словаря тюркских языков» [8, 532-540], «К проблеме

двуязычного толкового словаря» [5, с.172-174], «Ближайшие задачи якутской лексикологии и лексикографии по нормализации литературного языка» [1, с. 3-17], «Основные направления развития якутской лексикологии и лексикографии» [4, с. 96-108] курдук дирин ис хоһоонноох ыстатыйалары суруйталаабыта. «Актуальные проблемы якутской лексикологии и лексикографии» [1], «Якутский язык: лексика и семантика» [10], «Якутский язык: лексикология и лексикография» [11] курдук анал научнай хомуурунньуктары, ону таһынан, тылдьыты онорооччуларга анаан бэйэтэ научнай, теоретической хабааннаах улахан инструкцияны суруйбута.

Петр Алексеевич олобун анаабыт бу улахан бырайыагын тосхолун биир олох сана, сонун өтгүнэн, билинни кэмнэ сайдан эрэр адьас ураты (эридьиэстиир) көрүгүнээх национальной тыл тылдьытын саха тылыгар көрөрө буолар. Россияҕа манньык тылдьыт тосхолун бастакынан академиктар А.А. Шахматов уонна Я. Грот саҕалаабыттара. Биһиги кэммитигэр национальной лексикографияҕа эридьиэстиир Быһаарыылаах тылдьыт тосхолун олохтоохтук ырытан киллэрээччи учуонайдартан лексикография историгын, бэрэпиэссэр Леонид Павлович Ступины ааттыахха сөп. Эридьиэстиир көрүгүнээх тылдьыты оноруу биһиги тылбыт объективной социальной исторической көстүү буоларыттан, тохтоло суох уларыта-тэлэрийэ, сайда турарыттан тутулуктаах. Манньык тосхол, биллэн турар, норуот тылын баайын сирбэккэ-талбакка, сиидэлээбэккэ, кытаанах нуормаҕа хаайбакка, төһө кыалларынан толорутук көрдөрө сатыыртан тахсар. [6, с. 135]. Онон Быһаарыылаах тылдьыты онорооччулар саха тылын мунугуурдук толору түмэн быһаарарга, тыл халбаннаабат холбоһуктарын суолталарын, дэгэттерин, толбоннорун толору арыйарга, суолта барыта холобурдарынан бигэргэтиллэрин ситиһиигэ дьулуһан үлэлээтилэр. Ол гынан баран, билинни кэмнэ быһаарыылаах тылдьыттар литературнай тыл тылдьытын курдук оҥоһуллаллар, ол иһин хайаан да нормативнай буолаллар, а.э. литературнай тыл лексическэй, стилистическэй, грамматической уонна орфографической нормаларын көрдөрөр сорукутаахтар.

Манан сибээстээн, Петр Алексеевич, «эридьиэстиир да тосхоллоох тылдьыттарга нуорма суох буолбатах... национальной литературнай тыл нормаларын сүрүн үгэһэ – норуот тылын былыр-былыргыттан олохсуйбут, үөрүйэх буолбут көстүүлэригэр бигэтик олобулар, ону таһынан, билигин биһирэнэр нуорма динамической түөрүөйтиттэн эмиэ тутулуктаах», – диэн суруйбутун лексикографияҕа анаммыт үлэлэригэр ааһыахха сөп. Ол быһытынан, тылга сана, эргэрэн эрэр, эргэрбит да көстүүлэр нуорма иһинэн көрүллүөхтэрин сөбүн бэлиэтиир.

Литературнай тыл үөскээбитин кэннэ нормативность бириинсибин тумнан туран тылдьыт онорор хайдах да табыллыбатын туһунан П.С. Афанасьев куруук бэлиэтиирэ. Онон бу оҥоһуллан бүппүт улахан тылдьыт сүрүн тосхоло – эридьиэстиир-нуормалыыр тылдьыт. Түүр тылларын лексикографиятыгар өссө да

киэнник тарбана илик маннык тылдыт көрүнүн Петр Алексеевич саха тылын быһаарылаах тылдытыгар бастакынан киллэрэн, биһиги лексикографиябытын сана таһымна таһаарда. Кини бу улахан бырайыагын биир өссө чабылхай уратытынан тыллар суолталарын икки тылынан (сахалыы, нууччалыы) толорутук быһаарыы буолар. Ол Петр Алексеевич саха-нуучча тылларын алтыһыларын диринник үөрэппиттэн, нуучча тыллаах абааччылар эмиз толору информацияны ылахтаахтар диэн санаатыттан, ону таһынан тыллары устуоруйа өттүттэн научнай тэннээн үөрэтиигэ кыабы биэрэр сыалтан тахсар биһиги тылдыппыт биир уратытынан буолар.

Петр Алексеевич бэйэтэ ааптар быһыытынан бу далааһыннаах үлэни бастакы «А» буукубаттан саҕалаан баран, бүтэһик «Э» буукубанан түмүктээтэ.

«А» буукубаҕа онорбут ыстатыйаларыттан ылан көрдөххө, толору, сиһилии быһаарыы бэриллибит суолталара аҕыйаҕа суохтар. Холобур, **ААБЫ** аат. Бөлөхтөөн үүммүт, хойуу сэппэрээк талах, ыарба; хойуу намыһах талабынан, ыарбанан, хахыйабынан саба үүммүт, сииктээх маардыгы сир [2, с. 116]. **ААКТА** аат. Тугу эмэни туоһулуур сокуоннай күүстээх сурук, докумуон (*хол., туюх эмэ баарын-суобун, туругун уо.д.а. үксүгэр суруллубут чакчы сөптөөбүн бигэргэтэн хас да кини илии баттыыр*) [3, с. 132]. **ААЛЫАС** сана алл., эргэр. Ойуун кыырыан иннинэ куһаҕан тыыннары уотунан үтэйэригэр этэр тыллара (*сорох удаһаннар умайбыт сиэли далбаатылларыгар этэллэр*) [БТСЯЯ, т. 1, с. 140]. Аны сомоҕо домох, холбуу тыл быһаарыыларын көрүөххэ: **Аал аҕалбытын курдук эргэр.** – Туюх эмэ олус өлгөмнүк эмискэ баар буолуутун сөбүн этии (*былыр уунан суудуналар табаары аҕалыылара олус өлгөм курдук көстөрүгэр*) тэннээн быһаарыы [БТСЯЯ, т. 1, с. 134]. **Харабын аалларар** – кими тугу эмэ куруук абааһы көрөр, көрө-билэ сылдьан кыйаханар, абарар (*хол., ордуурбаан, инсэрэн*) [БТСЯЯ, т. 1, с. 138]. **Аанһа ахтар (ахсарар)** – болҕомтоҕо ылар, аахсар (*үксүгэр буолб. ф-ба "соруйан атаҕастаан, түһэрэн болҕомтоҕо ылбат, аахсыбат" диэн өйдөбүлгэ тут-лар*) [БТСЯЯ, т. 1, с. 159]. Петр Алексеевич айымнылаахтык үлэлиир словарист буоларын аңаардас **ААРТЫК** диэн тылга 44 сомоҕо домоҕу уонна холбуу тылы булбута да туоһулуур. Кини бэйэтэ көрдөөн-хасыһан, олох умнуллан сүтэн эрэр мифологияны кытта сибээстээх **Сиэллээх сиэги маҕан аартык, Кураанах куктуй хотун аартыга, Кээхтийэ хаан хотун аартыга, Иэйиэхсит хотун илбиргэстээх (Айыһыт хотун салбырбаастаах) аартыга, Муус Күнкүйэ аартык, Хаан дьаргыл аартык** [БТСЯЯ, т. 1, с. 173-179] диэн курдук билинни абааччыга тугу да эппэт да буолбут өйдөбүллэри киллэрэн, сиһилии быһааран, Тылдыт матырыяалын киэнник, диринник байыппыта көстөр. Петр Алексеевич Быһаарыылаах тылдыт таһымын түстүүр сүрүн чааһынан тыл суолтатын быһаарыы буоларын бэйэтин ыстатыйаларынан көрдөрөр уонна атын да ааптардарга кытаанар ирдэбиллэри туруорар. Ордук кини тыл суолтата, дэгэтэ көтөрүн, суолтаны олус бытарытан, суолта үрдүгэр суолтаны

биэрэн ааҕааччыны бутуйууну, тыл дынгнээх суолтатын чуолкай араарбат гына биэриини олох сөбүлээбэт суола. Элбэхтэн биир холобур: **БЫҔААРЫЫЛААХ** диэн даҕааһынна «улахан суолталаах; сүрүн, тутаах» диэн суолта көтүтүллүбүтүн картотеканы хасыһан булан, бэйэтэ киллэрэн турар [БТСЯЯ, т. 2, с. 762]. Хас словарнай ыстатыйа дьүүллэһиитин ахсын манньк түбэлтэлэри булан, ыйан, хайаан да көннөттөрөрө. Биир халбаннаабат ирдэбилинэн тыл суолтатын өйдөнүмтүө тылынан толорутук быһаарыы буолар. Синонимнарынан субуруттан тыл суолтатын быһаарбыта буолан, суолтаны симэлитиини куруутун кириитикэлиирэ. Тылар суолталарын нууччалыы быһаарыыга эмиэ туспа ирдэбиллэри туруорара. Ол курдук, суолтаны биир-икки тылынан тылбаастан биэриини ылыммат суола буолааччы, нууччалыы хайаан да быһаарыы баар буолуохтааҕын бэлиэтиирэ. Сомоҕо домохтору биэриигэ барыйааны, компонентны бутуйууну, хардарыта сигэнии көтөн хаалбыт түбэлтэлэрэ тахсыталыыларын улахан итэҕэһинэн ааҕара.

Петр Алексеевич: «Хас биирдии словарист норуот тылыгар чахчы баар тылы киллэриэхтээх, ону кэрэһэлиир холобурдаах буолуохтаах, ону ааһан быһаарыылаах тылдыт тылы туттуу бастын холобурун көрдөрөн, тыл култууратын өрө тутуохтаах», – диэн мэлдьи этэр. Үгүстэрэ тыл суолтатын дьэнкэрдибэт, арыйбат, олус уһун холобурдары кылгатан, ааҕааччыга тута тийэр гына чочуйан биэриини ирдиир. Петр Алексеевич тылдыты онорооччулар иннилэригэр туруорбут бу курдук ирдэбиллэринэн салайтараан кэллибит. Манньк улахан бырайыакка учууталбыт Петр Алексеевич Слепцов бэйэтинэн көбүлээн, бииргэ үлэлэспитэ үлэ түмүктээх, улахан суолталаах уонна кэскиллээх буолан тахсыбыта саарбахтаммат.

Бу Тылдыт саха тыллаахха, саха тылын наукатыгар эрэ буолбакка, бүтүн тюркология наукатыгар улахан бэлиэ түгэн буолар. Саха тылын элбэх туомнаах улахан быһаарыылаах тылдыта манан бүтэн хаалбат аналлаах. Кини биир өссө улахан суолтата – инники өттүгэр өссө да оноруллуохтаах нормативнай ханнык баҕарар тылдыттары онорууга төрүт, базовай тылдыт буоларыгар сытар. Бу барыта түмүллэн, Петр Алексеевич ырааҕы өтө көрөр кыахтааҕын, үлэтэ далааһыннааҕын, наука ханнык баҕарар хайысхатыгар диринник инэн-тонгон киирэрин чаҕылхай туоһута.

Саха лексикографиятын О.Н. Бётлингк, Э.К. Пекарскай курдук наука улуу корифейдара иилээн-саҕалаан төрүттээбит буоллахтарына, кинилэр үтүө үгэстэрин салҕаан, өссө кэнэтэн, аныгы кэм ирдэбилигэр сөп түбэһиннэрэн сайыннарбыт, биһиги тылбытын өлбөт-сүппэт аналлаабыт, өссө кыаҕырыпыт киһинэн, туох да саарбаҕа суох, Петр Алексеевич Слепцову ааттыахха сөп.

Литература

1. Актуальные вопросы якутской лексикологии и лексикографии. Сб. научных трудов – Якутск, 1980.

2. Толковый словарь якутского языка – Саха тылын быһаарыылаах тылдыгыта / Под ред. П.А.Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. – 680 с. (Буква А)
3. Толковый словарь якутского языка. – Саха тылын быһаарыылаах тылдыгыта / Под ред. П.А.Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2005. – 912 с. (Буква Б)
4. Слепцов П.А. Ближайшие задачи якутской лексикологии и лексикографии по нормализации литературного языка // Актуальные вопросы якутской лексикологии и лексикографии. Сб. научных трудов – Якутск, 1980. – С. 3-17.
5. Слепцов П.А. Основные направления развития якутской лексикологии и лексикографии // Развитие гуманитарных исследований в Якутии. – Новосибирск, 1981. – С. 96-108.
6. Слепцов П.А. К проблеме двуязычного толкового словаря // Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии: – М., 1988. – С.172-174.
7. Слепцов П.А. Быһаарыылаах тылдыгыттар тииптэрэ уонна саха тылын быһаарыылаах тылдыгытын сүрүн тосхоло // Төлкөнү түстүүр төрөөбүт тыл. – Дьокуускай, 1999. – С. 132-138.
8. Слепцов П.А. Саха тылын быһаарыылаах тылдыгытын суолтатын туһунан өссө биридэ // Ступени и проблемы якутского языказнания. – Якутск, 2008. – С. 527-531.
9. Слепцов П.А. О новом типе толкового словаря тюркских языков // Ступени и проблемы якутского языказнания. – Якутск, 2008. – С.532-540.
10. Якутский язык: лексика и семантика. Сб. научных трудов. – Якутск, 1987.
11. Якутский язык: лексикология и лексикография. Сб. научных трудов. – Якутск, 1989.
12. Якутско-русский словарь / Под ред. П.А. Слепцова. – М.: Сов. энциклопедия, 1972. – 608 с.

Г.Г. Филиппов
СВФУ им. М.К. Аммосова

Вклад академика П.А. Слепцова в развитие высшего образования на якутском языке

Академик П.А. Слепцов – выпускник Якутского государственного педагогического института. Он окончил русское отделение по специализации “Русский язык для якутских национальных школ” с красным дипломом. Таким образом, он получил хорошую компаративистскую подготовку, которая впоследствии помогла ему в исследовательской деятельности.

Петр Алексеевич с конца 60-х годов XX-го века связал свою жизнь с якутским отделением Якутского госуниверситета. Он был приглашен заведующим кафедрой якутского языка и литературы Н.Д. Дьячковским читать лекции по дисциплине “История якутского языка” и спецкурсу “История изучения якутского языка” в качестве совместителя. С тех пор он работал бесценно как ведущий преподаватель кафедры: читал лекции, руководил дипломными работами

студентов, был руководителем аспирантов, консультантом докторанта и председателем ГЭК и ГАК.

П.А. Слепцов как добросовестный человек и ответственный преподаватель по читаемым курсам подготовил и издал сперва учебное пособие (1993), затем учебник “История якутского языка” (2007). В них автор излагает историю изучения якутского языка, выделяя в ней три периода: первый период начинается с прихода русских служилых людей и до 1851 г; второй период – с 1851 по 1917 гг.; третий период начинается с Октябрьской революции и по настоящее время. Историю развития якутского языка он описывает в разделах: “История развития лексики”, “История развития звукового состава”, “История морфологии”, “Из истории синтаксиса”, “Взгляды современной науки о происхождении и о природе якутского языка”. Также П.А. Слепцов в качестве соавтора участвовал в подготовке учебника “Современный якутский язык. Морфология”.

П.А. Слепцов является руководителем аспирантов кафедры якутского языка университета Федоровой В.С., Торотоева Г.Г., Васильева И.Ю. и консультантом докторанта Левина Г.Г., наставником молодых преподавателей по истории якутского языка А.В. Тимофеева и И.Ю. Васильева.

Высшее образование в Якутии начало свое развитие с 1934 г. С этого времени непременно расширялась и углублялась подготовка специалистов для Республики и Северо-Востока Российской Федерации. Первостепенной задачей Советского Союза по национальной политике было развитие отсталых окраин и угнетенных народов царской России. Для этой цели в Якутии был открыт педагогический институт. В результате создания благоприятных условий в 1939 году открывается якутское отделение, первый зачаток высшего образования на якутском языке. В сороковые и пятидесятые годы студенты якутского отделения обучались совместно со студентами русского отделения, на якутском языке преподавались лишь специальные дисциплины. Только с 50-х годов начинается отдельная специализация учителей якутского, русского языков и русского языка для якутоязычных школ. В 60-е годы завершается процесс отделения специальности “якутский язык” как направления высшего филологического образования по квалификации “тюркские языки (якутский язык)”. Качество подготовки специалистов углубляется и улучшается. С этого времени выходят из стен Якутского педагогического и государственного университета (в 1956 г. Якутский педагогический институт был преобразован в Якутский государственный университет) много незаурядных специалистов русского и якутского языков. Одним из них был Петя Слепцов, который окончил Якутский пединститут в 1956 г. с отличием и впоследствии стал академиком Академии Республики Саха (Якутия).

Выпускник Якутского государственного университета

Однажды в дружеском кругу профессор Н.Д. Дьячковский рассказывал один незаурядный случай из своей педагогической деятельности: “На первом занятии студентов ЯО, РО и РОЯШ я проводил диктант по русскому языку. Диктант, конечно, сложный, специфический. Перед тем, как диктовать спрашиваю: “Какие оценки вы получали в школе?” Все отвечают на “хорошо” и “отлично”. Говорю: “Сомневаюсь, что кто-нибудь у меня получит “три”, посмотрим, пишете внимательно”. В следующий раз прихожу в аудиторию и спрашиваю: “Кто из вас Петр Слепцов?” И кто думает? Встает вот этот молодой человек – Петр Алексеевич Слепцов. Вывожу к доске и говорю: “Вот только он один написал диктант на “удовлетворительно”, остальные – плохо”. И ему поручаю на доске сделать работу над ошибками. С тех пор знаю его незаурядные способности и грамотность по русскому языку”.

Профессор Тобуроков Н.Н. так рассказывал, почему он стал сталинским стипендиатом: “Наш преподаватель русского языка Самсонов Н.Г. в газете “Наш университет” написал о распорядке дня сталинского стипендиата Петра Слепцова: как он встает, занимается физзарядкой, завтракает, учится, обедает, посещает библиотеку, как готовится к практическим и семинарским занятиям, занимается наукой и даже когда спит. Я, по примеру студента Петра Слепцова, начал заниматься физзарядкой, спортом и читать научную литературу в библиотеке, активно участвовать в семинарских и практических занятиях. Было очень трудно, но пошло и пошло. Хороший распорядок дня молодого человека приучает дисциплине и, самое главное, ставить близкие и дальние целеустановки. Таким образом, пример Петра Слепцова, видимо, помог не только мне. Я, благодаря примеру Петра Слепцова, тоже стал сталинским стипендиатом”.

П.А. Слепцов поступил в педагогический институт после работы в школе, поэтому уже с тех пор был очень целеустремленным молодым человеком. От природы способный, трудолюбивый и любознательный юноша не только отлично учился, но и был активным в общественной жизни студентом, занимался спортом, был профсоюзным лидером института.

Преподаватель Якутского госуниверситета

П.А. Слепцов прошел аспирантуру в ИЯЛИ и в 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию по заимствованным из русского языка словам под руководством профессора Л.Н. Харитонова, первого заведующего кафедрой якутского языка и литературы. С середины 50-х до середины 60-х годов в Якутии разгорается научно-практический диспут среди интеллигенции. Лидерами спорящих сторон были Л.Н. Харитонов и Н.С. Григорьев – второй заведующий кафедрой якутского языка и литературы. Лука Никифорович сперва был за якутизацию русских заимствованных слов, но впоследствии выбрал путь русского написания

заимствованных слов. Никита Спиридонович был сторонником фонетизированного письма заимствованных слов, защитником идей А.Е. Кулаковского и С.А. Новгородова.

П.А. Слепцов был продолжателем идей своего наставника и творчески, научно и практически развивал ее (См. монографии 1964, 1975). У Н.С. Григорьева тоже был идейный ученик Н.Д. Дьячковский, который, чтобы научно обосновать идею своего наставника, специально поступил в аспирантуру Ленинградского госуниверситета в лабораторию Л.В. Щербы. Под руководством профессора М. Матусевич подготовил диссертацию на тему “Звуковой строй якутского языка. Вокализм”. Но в разгар научного спора, отложив защиту диссертации, написал специальную монографию “О фонетическом освоении заимствованных слов в якутском языке” (1963). Научно-практический спор выиграли Н.С. Григорьев и его последователи, но они проиграли идеологическую борьбу. Н.С. Григорьев был отстранен от заведования кафедрой, вместо него Обком партии “для усиления работы кафедры” предложил в 1962 г. на заведование кафедрой Н.К. Антонова. В 1967 г. по конкурсу избирается заведующим кафедрой якутского языка и литературы Н.Д. Дьячковский. Он же и пригласил своего научного оппонента по вопросам орфографии якутского языка, но своего ученика и друга П.А. Слепцова работать совместителем на кафедре.

Так П.А. Слепцов, начиная с конца 60-х годов XX-го века, связал себя с университетом в качестве совместителя и председателя ГАК и ГЭК, и руководителя аспирантов, и наставника молодых преподавателей. Он как выпускник Якутского пединститута и госуниверситета, и как коллега членов кафедры якутского языка и литературы был хорошо осведомлен о вопросах и состоянии развития филологического образования и, в частности, якутского отделения и был патриотом историко-филологического факультета и всего нашего университета.

Петр Алексеевич читал курсы “История якутского языка” и “История изучения якутского языка”, вел спецкурсы по развитию норм якутского литературного языка, руководил дипломными работами студентов по различным аспектам якутского литературного языка. “Его лекции отличаются продуманностью, систематизацией, высокой научностью, лаконичностью, доступностью и простотой языка”, – пишет его коллега А.Г. Нелунов [3, с. 66].

Дипломные работы, написанные под руководством П.А. Слепцова, характеризовались хорошей историографией и методологией, независимо от качества работы. Но, как обычно, его дипломники выполняли интересные и практико-ориентированные работы. Он от дипломника требовал наличия богатого первичного материала. Всегда ценил тех студентов, которые работают по первоисточникам. Этим он определял “качество” своего подопечного и его возможности.

Автор учебных пособий на якутском языке

П.А. Слепцов как добросовестный преподаватель, фундаментальный ученый и скрупулезный исследователь свои курсы записывал и конспектировал очень тщательно. Они впоследствии стали учебными пособиями и учебниками для студентов якутского отделения.

Начиная с первого заведующего кафедрой якутского языка и литературы Л.Н. Харитонова, многие преподаватели свои специальные дисциплины впоследствии оформляли в учебные пособия и учебники. Это, с одной стороны, долг каждого достойного преподавателя вуза, с другой стороны, дело патриотизма, ибо развитие научной терминологии, научного стиля и литературного якутского языка требуют издания подобных работ.

Успехи в разработке учебной литературы были скромными, но достойными: Харитонов Л.Н. первым подготовил пособия “Современный якутский язык. Лексика, фонетика, морфология” (1947), “Неизменяемые слова в якутском языке” (1943). Потом надолго наступает застой, связанный с объективными причинами – идейной борьбой в республике. Лучшие времена наступают лишь с середины 60-х годов XX-го века. Якутский язык сформировался как самостоятельная специальность, учебный план становится стабильным, и на кафедру подбираются квалифицированные и компетентные кадры. Первые учебные пособия были написаны по лексике (Н.К. Антонов) синтаксису (М.А. Черосов, И.П. Винокуров), стилистике и культуре речи (П.С. Афанасьев), морфологии (И.П. Винокуров), методике преподавания якутского языка (Г.Г. Филиппов), древнетюркскому языку и введению в тюркологию (Н.К. Антонов), истории якутского языка (П.А. Слепцов). К сожалению, по истории якутской литературы ничего не издано. Это последствия глубокой идеологической борьбы, продолжавшейся десятки лет в нашей стране и, в частности, в нашей республике.

В конце 80-х и начале 90-х годов в связи с наступившей демократизацией общества в стране в нашем университете создаются благоприятные условия для развития специальности “якутский язык”. Создается факультет якутского языка и культуры, открываются новые кафедры: якутского языка, якутской литературы, стилистики и перевода, методики преподавания якутского языка, литературы и культуры, фольклора и национальной культуры и другие. Растут новые кадры из среды выпускников якутского отделения. Этому способствовало открытие под руководством П.А. Слепцова в ИГИ АН РС (Я) диссертационного совета по защите сперва кандидатских, затем докторских диссертаций по специальности 10.02.02 – “Тюркские языки”.

В эти годы издаются новые учебные пособия и учебники по якутскому языку: Афанасьев П.С. “Тыл култууратын төрүттэрэ” (1990), “Саха билинни тыла. Лексикология” (1996); Антонов Н.К. “Наследие предков” (1993); Дьячковский Н.Д. “Саха билинни тыла. Фонетика” (2000); Винокуров И.П. “Саха тылын

пунктуацията” (2007), Винокуров И.П., Винокурова Н.И. “Саха тылын арпагы-рааппыйата” (2002); Винокуров И.П., Филиппов Г.Г. “Саха тыла. Сиинтэксис” (1995); Филиппов Г.Г., Винокуров И.П. “Саха тыла. Саҥа дорҕооно. Тыл баайа. Тыл тутула” (1996); Антонов Н.К., Винокуров И.П., Данилова Н.И., Коркина Е.И., Слепцов П.А., Филиппов Г.Г. “Саха билинни тыла. Морполуогуя” (2009); Левин Г.Г. “Былыргы түүр тыла” (2000); Егинова С.Д. “Саха тылыгар тылы ырытыы халыыба” (2007), “Саха билинни тыла. Лиэксикэ”; Иванов М.С.–Багдарыын Сүлбэ “Саха топонимиката” (2004); Воронкин М.С. “Саха диалектологията” (2001) и т. д. Таким образом, в развитие якутского отделения и подготовку учебных пособий на якутском языке большую лепту внесли не только преподаватели кафедры якутского языка и литературы, но и ведущие ученые Института гуманитарных исследований.

Слепцов П.А. – автор трех учебников по якутскому языку. Он как соавтор учебника “Современный якутский язык. Морфология” (2009) написал части разделов “Формы вида глагола в якутском языке” и часть раздела “Служебные слова”. Его отличительной чертой как автора учебников является лаконичный якутский литературный язык, четкость, краткость, историзм и хороший фактический материал.

Он после Е.И. Убрятовой (Очерк истории изучения якутского языка. Якутск, 1945; Историческая грамматика якутского языка. Якутск, 1985) написал “Историю якутского языка” (1993) и дополненный, наполовину переработанный вариант “Саха тылын историята (история якутского языка)” (2007). Первая книга состоит из четырех разделов: 1) Источники изучения истории якутского языка; 2) Принципы изучения истории якутского языка; 3) История изучения якутского языка; 4) История развития звукового строя якутского языка (“Фонетика”).

Таким образом, первый раздел представляет собой историографию изучения и истории изучения якутского языка и историографию изучения развития якутского языка. Третий раздел посвящен истории изучения якутского языка. Автор историю изучения якутского языка подразделяет на три периода. Первый период охватывает время присоединения Якутии в состав Российской империи до 1851 г., т.е. до выхода работы О.Н. Бетлингга “О языке якутов”, начала научного изучения якутского языка. Второй период заканчивается 1917 г., то есть до начала научно-прикладного изучения якутского языка. Автор внимание акцентирует на вопросах истории развития якутского языка, освещает заслуги О.Н. Бетлингга, В.В. Радлова, Э.К. Пекарского в истории изучения якутского языка. Третий период начинается с 1917 г. и продолжается по настоящее время. Автор из обширного материала якутского языкознания выбирает те работы, которые освещают историю развития якутского языка. Он эти работы классифицирует по разделам: “Историческая фонетика”, “Морфология и синтаксис”, “Историческая лексикология, этимология.

Топонимика”, “Современные научные взгляды о происхождении и природе якутского языка”. Так излагается история изучения якутского языка.

Фактически только четвертый раздел посвящен истории развития звукового строя якутского языка. Автор историю развития состава фонем якутского языка описывает системно, то есть сперва – состав гласных фонем: краткие монофтонги; длинные монофтонги (первичные и вторичные); дифтонги (первичные и вторичные); гармония гласных (передние и задние, губная гармония). Состав согласных описывает по месту их образования: губные (б, м, п); переднеязычные (д, т, н, л, р); среднеязычные (носовой й-нь, с, һ, дь, ч, й); отдельно дает сведения об исторических согласных (ш, з, нч, й, дь, ч); заднеязычных и увулярных (к-г, х-ҕ); ассимиляции согласных и удвоенных согласных. Таким образом, автор как бы дает образец исследования истории развития якутского языка.

Вторая книга “История якутского языка” представляет собой полный курс истории развития якутского языка, состоящий из разделов лексики, фонетики, морфологии и синтаксиса. Структура книги стала более последовательной и системной, чем в предыдущей работе: источники и принципы изучения истории якутского языка даются во введении. В первой главе раньше излагалась история изучения якутского языка. В данном изложении она стала общим обзором истории изучения развития якутского языка по периодам и персоналиям.

Вторая глава “Историческое рассмотрение развития лексики (лексического состава)” состоит из следующих разделов: лексика, имеющая монгольские параллели; лексика, имеющая тунгусо-маньчжурские параллели (заимствования); об истории русского заимствования в якутском языке (дореволюционные заимствования, основные условия усиления влияния русских заимствований; основные признаки послереволюционных заимствований; нынешнее отношение к русским словам, используемым в якутском языке).

Третья глава “История развития звукового состава” переработана, дополнена новыми фактами, почерпнутыми из современных исследований по фонетике и диалектологии якутского языка.

В четвертой главе история развития морфологии якутского языка описана по частям речи. В “Имени существительном” излагается развитие падежной системы, категории числа и множественности, формы прижательности и словообразования. Интересно описывается развитие прилагательных, числительных, местоимений, глагола, наречий и служебных слов. В разделе “Глагол” освещаются вопросы развития залоговых форм, причастий и некоторых форм наклонений. Данная глава представляет собой обобщение всех известных в тюркском и якутском языкознании фактов, поэтому при систематизации используется принцип и система построения научной морфологии.

Пятая глава “Из истории развития синтаксиса якутского языка” состоит из следующих разделов: “Синтаксис якутского языка – синтаксис тюркского типа”,

“Выражение прямого дополнения в якутском языке”; “Выражение обстоятельственного значения основой глагола”; “Выражение однородных членов (аффиксом *-лаах*, числительным *икки* “два”, аффиксом *-лыын*, деепричастием *буолан*)”; “Из истории развития изафета”; “Особенности построения сложноподчиненного предложения в якутском языке”. Исторический синтаксис тюркских языков – ахиллесова пята тюркологии. П.А. Слепцов заложил фундамент исторического синтаксиса якутского языка, в этом ценность данной главы.

В шестой главе “Взгляды современной науки о происхождении и о природе якутского языка” автор освещает взгляды крупных ученых, занимавшихся исследованием происхождения якутского народа и происхождением его языка: С. Малова, Н.А. Баскакова, Г.В. Ксенофонтова, С.А. Токарева, Е.И. Убрятовой, А.П. Окладникова, Н.К. Антонова, И.В. Константинова, А.И. Гоголева, А.Н. Алексеева, Е.И. Зыкова, Н.Е. Петрова. На основе их мнений П.А. Слепцов делает следующие выводы: якутский язык представляет в своей основе тюркский язык; время формирования современного якутского языка точно не установлено, но в его составе имеются вкрапления лексики множества языков. Вопросы развития якутского языка, описанные в этой книге, требуют более глубокого тщательного изучения.

Курс “Истории якутского языка”, введенный и разработанный П.А. Слепцовым, выполняет две задачи: во-первых, обобщает все изученное по всем дисциплинам в процессе обучения специальности в якутском отделении; во-вторых, вооружает студентов необходимыми знаниями по истории якутского языка и закладывает основы сопоставительно-сравнительного изучения якутского языка с родственными тюркскими и контактными монгольскими, тунгусо-маньчжурскими и русским языками. Таким образом, Петр Алексеевич продолжительное время был незаменимым преподавателем нашего отделения. А его учебник, написанный и изданный в издательстве нашего университета, фактически является бесценным подарком родной альма-матер.

Петр Алексеевич – доброжелательный, мудрый и добрый председатель ГАК и ГЭК, всегда задает интересные вопросы и одобряет, поддерживает студентов. Никогда не выставляет напоказ и осведомленность, чутко относится к молодым коллегам, интересуется их работой.

Лидер якутского языкознания – наставник молодых ученых-преподавателей

Продолжительное время в нашем университете работала единственная кафедра якутского языка и литературы. Единственная во всем мире, с 8-9 преподавателями. Поэтому подготовка кадров была крайне сложной. Кадры кафедры устоялись начиная, со второй половины 60-х годов XX-го века. Требование острепенности преподавателей – залог подготовки качественных специалистов. Выпускник университета должен: во-первых, быть квалифици-

рованным специалистом-практиком, осведомленным в передовых направлениях развития специальности; во-вторых, уметь научно и теоретически осмысливать свою специальность и владеть методами научно-исследовательской работы в своей области. Поэтому выпускник при завершении учебы сдает государственный экзамен и защищает дипломную работу.

Заведующие кафедрами, чтобы подготовить высококвалифицированных, компетентных специалистов, должны были решить следующие задачи: во-первых, обеспечить преподавателям условия для занятий по подлинно научно-исследовательским проблемам; во-вторых, информировать и заинтересовать студентов кругом актуальных научных проблем якутской филологии; в-третьих, ознакомить студентов с действительными лидерами якутского языкознания, и помочь студентам выбрать темы научных изысканий и руководителей.

В Республике Саха вопросами якутского языкознания занимаются всего два учреждения: Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера и Институт языков и культуры народов СВ РФ. В ИГИиПМНС сотрудникам редко удается совместить научную тему с плановой работой. Поэтому достичь больших успехов удастся немногим. А в университете достичь желаемого успеха было почти невозможно. Но вопреки всему в якутском языкознании появились крупные специалисты. Так в ИГИ появились специалисты по грамматике: Л.Н. Харитонов, Е.И. Коркина, Н.Е. Петров, Н.Н. Ефремов, Н.И. Данилова; по диалектологии: М.С. Воронкин, С.А. Иванов; по лексикологии: П.С. Афанасьев, П.А. Слепцов, И.Е. Оконешников, Г.В. Попов, А.Г. Нелунов; по топонимике М.С. Иванов; по культуре речи М.П. Алексеев. В университете сформировались специалисты по тюркологии: Н.К. Антонов, Г.Г. Левин; по грамматике: Н.С. Григорьев, М.А. Черосов, И.Е. Алексеев, И.П. Винокуров, С.Д. Егина, Г.Г. Филиппов; по фонетике: Н.Д. Дьячковский; по фольклору: В.В. Илларионов, Л.С. Ефимова; по методике преподавания литературы: С.К. Колодезников, Е.М. Поликарпова.

В прошлом лидерами развития якутского языкознания были: П.А. Ойунский (20-30-е годы), Е.И. Убрятова и Л.Н. Харитонов (50-70-е годы), Е.И. Коркина и Н.Д. Дьячковский (80-90-ые годы), П.А. Слепцов (1990-2019-й годы).

П.А. Слепцов – лидер якутского языкознания не как руководитель учреждения и проводник языковой политики, а как научный и идейный руководитель научного направления якутского языкознания и языковой политики в республике. Своим обширным кругозором, фундаментальными исследованиями и широким научным интересом он завоевал огромный авторитет среди коллег. Петр Алексеевич для университетских коллег и студентов факультета ЯФик и института Яик СВ РФ не только преподаватель, но и наставник. Он является руководителем кандидатских диссертаций В.С. Федоровой, Г.Г. Торотова, И.Ю. Васи-

лева, консультантом докторской диссертации Г.Г. Левина. Он наставник молодых преподавателей – своих продолжателей А.В. Тимофеева, И.Ю. Васильева.

Коллектив факультета якутской филологии и культуры в 1994 г., в связи с 65-летием П.А. Слепцова, отмечая большую заслугу академика АН РС(Я) в развитии специальности “якутская филология” и в честь присвоения ему Государственной премии Республики Саха (Якутия), провел его публичную лекцию “Задачи исследования якутского языка в новую эпоху”. Лекция состояла из двух частей: в первой части были раскрыты прикладные задачи языкового строительства; во второй части были поставлены задачи в исследовании грамматики, диалектологии, лексикологии, лексикографии, топонимики, этимологии. О заслугах академика П.А. Слепцова выступили: А.Г. Нелунов, Е.И. Коркина, Г.В. Попов, Н.Н. Ефремов, Н.Н. Тобуроков, В.В. Илларионов, Г.Г. Филиппов, И.П. Винокуров, Ю.И. Васильев, Н.Е. Петров. Материалы данной конференции были изданы в 1996 г. в издательстве ЯГУ в сборнике “65-лет выдающемуся исследователю якутского языка”. Так, впервые золотыми буквами были вписаны заслуги академика П.А. Слепцова в историю развития специальности “якутский язык” и в развитие якутского языкознания в родной альма-матер.

Литература

1. *Дьячковский Н.Д.* О фонетическом освоении заимствованных слов в якутском языке. – Якутск: Кн. изд-во, 1963. – 96 с.
2. Саха билинни тыла. Морполоугуйа. (Антонов Н.К., Винокуров И.П., Данилова Н.И., Коркина Е.И., Слепцов П.А., Филиппов Г.Г. – Эппиэттиир эрдээктэр). – Дьокуускай: Изд-во СВФУ, 2009. – 307 с.
3. Саха тылын наукатын туруу үлэһитэ төрөөбүтэ 65 сыла (Эппиэттиир эрдээктэр Филиппов Г.Г.). – Дьокуускай: СГУ изд-та, 1996. – 125 с.
4. *Слепцов П.А.* Русские лексические заимствования в якутском языке (дореволюционный период). – Якутск: Кн. изд-во, 1964. – 196 с.
5. *Слепцов П.А.* Русские лексические заимствования в якутском языке (послереволюционный период). – М.: Наука, 1975. – 256 с.
6. *Слепцов П.А.* Саха тылын историята. – Дьокуускай: СГУ изд-та, 1993. – 120 с.
7. *Слепцов П.А.* Саха тылын историята. – Дьокуускай: СГУ изд-та, 2007. – 290 с.

Академик П.А. Слепцов – саха тылын историга

Бэрэпиэссэр Петр Алексеевич Слепцов – тыл тылынан баайын састаабын үөрэтэр лексиколог, тылдыттары оноруу түөрүйэтин уонна быраактыкатын баһылаабыт лексикограф, грамматика боппуруостарыгар, социоллингвистика, фольклористика уонна литератураны чинчийи мэлдьи күөрэйэ турар проблемаларыгар ыйааһыннаах тыллаах киэн эрудициялаах исписэлиис. Итини таһынан, Петр Алексеевич саха литературный тылын уонна билигин тыыннаах саха тылын уһун унньуктаах устуоруйатын өйүнэн-сүрэбинэн ылларан туран, сылайары-сылааргыыры билбэккэ чинчийэр учуонай буолар. Кини саха тылын үөрэбэр тыл историгын быһыытынан аан маннайгыттан биллэн барбыта. 1964 с. «Русские лексические заимствования в якутском языке (дореволюционный период)» кинигэтэ бэчээттэнэн тахсыбыта. Ону кандидатскай диссертация быһыытынан көмүскээн 1965 с. наука хандыдаатын аатын ылбыта. 1975 с. «Русские лексические заимствования в якутском языке (послереволюционный период)» диэн үлэтэ күн сириг көрбүтэ. Бу үлэлэр киэн историческай, социоллингвистическай хабааннаахтара, үрдүк теоретическай таһымнаахтара уонна практическай суолталаахтара, ону таһынан саха литературнай тыла санардыы силис тардан, сүһүөбэр туруутун уонна ситэн-хотон барыытын устуоруйатын көрдөрөр дьохуннаах үлэлэригэр тирэнэр тирэх, наука сана саҕахтарыгар тахсар далаһа буолбут буолуохтаахтар.

Ол курдук саха тылын үөрэбин уонна кини литературнай тылын устуоруйатыгар ураты суолталаах «Якутский литературный язык: Истоки, становление норм» (1986), «Якутский литературный язык: Формирование и развитие общенациональных норм» (1990) диэн манагыраапыаларын Новосибирскайга «Наука» издательствоҕа бэчээттэтэн таһаартарбыта. Бу үлэлэр оччотооһу тыл үөрэбин мунугаан ситиспит таһымынан көрөн, саха литературнай тылын нуормалара өрөбөлүүссүйэ иннинээҕи кэмтэн бастаан үөдүйүөхтэриттэн, сүһүөхтэригэр туран, ааспыт үйэ 90-с сылларыгар диэри хайдах сайдан кэлбит устуоруйалара үөрэтиллэн, кыайа туган суруллубуттара. Петр Алексеевич ити үлэлэрин сүрүн балаһыанньаларын түмэн 1990 сыллаахха Москваҕа Үрдүк диссертационнай сэбиэскэ дакылаатынан чаҕылхайдык көмүскээн наука дуоктарын үрдүк истиэпэнин ылбыта. Онтон сотору наукаҕа уһулуччулаах үтүөлэрин иһин Саха Өрөспүүбүлүкэтин Судаарыстыбаннай бириэмийэтин лауреата буолбута, 1993 с. тэриллибит Наукалар Саха Өрөспүүбүлүкэтээҕи Академияларын дьыннээх чилиэнинэн бигэргэтиллибитэ.

Бэрэпиэссэр П.А. Слепцов саха тылын устуоруйатын чинчийиини олус ылларан үөрэппит учуонайынан буолар. Ол түмүгэр саха тылын үөрэбин устуоруйатын чинчийиини үс кэрдиис кэмнэ арааран көрдөрбүтэ.

Маннайгы кэрдиис. XVII үйэттэн XIX үйэ ортотугар диэри кэми хабар. Онно Дания учуонайа Николас Витсен, Швеция үөрэхтээбэ Иоганн Страленберг, ону таһынан Фридрих Миллер, Яков Линденау, Иоган Фишер, «Саха тылын туһунан» диэн маннайгы научнай хабааннаах үлэни суруйбут биллиилээх востоковед Вильгельм Шотт о.д.а. ааттара ааттаммытара.

Маннайгы кэрдиис кэм сүрүн түмүктэринэн, П.А. Слепцов олохтоохтук быһаарарынан, манныктар:

1) Сахалар олохтоох дьон буолбатахтар, собурууттан кэлбиттэр, – диэн өйдөбүл бигэтик олохсуйар;

2) Сахалар түн былыр түүр омуктарыттан арахсыбыт түүрдэр буолаллара XVIII үйэттэн саарбафаламат буолбут;

3) Сахалар монгуол тыллаах омуктары (үксүгэр бүрээттэр ыйыллаллар) кытары ыкса алтыһан олоро сылдыбыттар уонна билинни дойдуларыгар Байкал күөл таһыттан көһөн кэлбиттэр, – диэн өйдөбүл үөскүүр;

4) Сахалар төрүттэрин-уустарын туһунан маннайгы дьонуннаах өйдөбүллэр үөскүүллэригэр тыл быһаарылаах исторической источник быһытынан туттуллар уонна ол үгэс кэлин өссө сайдан барар;

5) Бу кэм бүтэһигэр саха тылын устуоруйатын көстүүлэрин научнайдык сырдататыга маннайгы сэмэй, ол эрэри мындыр сабафалааһыннар оноһуллаллар (В. Шотт саха тылын грамматикатыгар уонна исторической фонетикатыгар сыһыаннаах сабафалааһыннара – *С.И.*).

Иккис кэрдиис кэм – (1851 сылтан – XX үйэ сафаланыгыта) саха тылын чинчийиигэ уһулуччулаах ситиһиилэрдээх буолбут кэм. Онно О.Н. Бётлингк, С.В. Ястремской, В.В. Радлов, Э.К. Пекарской өлбөт-сүппэт үлэлэрэ ахтыллаллар.

Бу кэмнэ суруллубут О.Н. Бётлингк үлэтэ саха тылын историческойдык үөрэтии бигэ акылаатын түһэрбитэ, онон түүр тылларын исторической тэнниир ньыманан үөрэтиини сафалаабыта. Бу үлэ сабыдыалынан С.В. Ястремской «Грамматикалара» айыллыбыттара, манна олобуран саха тылыгар үөрэтэр босуобуйалар суруллубуттара. Тюркология киэн туттуута буолбут Э.К. Пекарской «Саха тылын тылдыгыта» сүннүнэн бу кэмнэ айыллыбыта. О.Н. Бётлингк уонна Э.К. Пекарской үлэлэригэр олобуран академик В.В. Радлов саха тылын маннайгы исторической грамматикатын суруйбута.

Үһүс кэрдиис кэм – (XX–XXI үйэ сафаланыгыта) сырдататы А.Е. Кулаковской, С.А. Новгородов, кылгас эрэри, ураты тахсыылаах уонна суолталаах үлэлэрин ырытыынан сафаланар.

Уопсайынан, бу кэмнэ саха тылын устуоруйатын «иккис булуугунан хорутан» диринник уонна киэнник ылан, ситиһии чинчийи сафаламмыта. Бу

проблеманан анаан-минээн дьарыктанар научнай чинчийэр кииннэр Дьокуускайга, Новосибирскайга баар буоллулар. Ону таһынан Москва, Санкт-Петербург, Улан-Удэ учуонайдара манна болѳомтолорун уураллар, саха тылын чопчу боппуруостарынан Арѳаа Европа уонна Америка учуонайдара эмиэ дьарыктаналлар. Бу кэм саха тылын исторической фонетикатын уонна лексикологиятын, морфологиятын, синтаксисын, этимологиятын, диалектологиятын, топонимикатын уонна лексикографиятын проблемаларын быһаарыыга биллэр-көстөр ситиһиилэрдээх буолбута ыйыллар.

Ити эрэри сүрүн болѳомтотун бэрэпиэссэр П.А. Слепцов саха тылын исторической фонетикатыгар, морфологиятыгар, исторической лексикэтигэр уурбута. Ол устудьуннарга бу боппуруостары сырдатан биэрэр уонна манна аналлаах үөрэх босуобуйатын суруйар сорук турбутуттан сибээстээх уонна бэйэтэ да хаһан да кэрээбэт киэн интэриэстээх буолан, билиэн-көрүүн баѳата олус күүстээѳиттэн, О.Н. Бѳтлингк, С.В. Ястремскай, В.В. Радлов, Л.Н. Харитонов, Е.И. Убрятова, Н.Д. Дьячковскай, Е.И. Коркина, Н.Е. Петров, Г.Г. Филиппов о.д.а. үлэлэрин инэн-тонгон сиһилии үөрэппитэ, үгүс биллиилээх компаративист, алтаист, тунгусовед, тюрколог учуонайдар үлэлэрин олуһун умсугуйан аахпыта-билбитэ кыайан кээмэйдэммит буолуохтаах.

Инньэ гынан Петр Алексеевич түүр тылларыгар былыргыттан биллэллэринэн, дьүөрэлэһии сокуоннарын сүрүннүүлэринэн түүр «классической аѳыһа» дэммит аѳыс кылгас аһаѳас дорѳооннор саха тылыгар түн былыргыттан утумнаан кэлбиттэр диэн О.Н. Бѳтлингк санаатыгар кыттыһар.

Саха тылын аһаѳас дорѳоонноро төрүкүлэрин көрдөрөр сүрүн бэлиэтинэн кинилэр биир сүһүөхтээх тылларга уонна маннайгы сүһүөххэ билинни да, былырга да түүр тылларын дорѳоонноругар сөп түбэһэллэрэ буолар эбит. Ол эрэри киэн *a* уонна *э* аһаѳастар киэнник уонна кыараѳастык этиллэр былыргы диалектнай барыйааннардаах буолуохтаахтарын билинни сорох түүр тыллара, ол иһигэр саха тыла, көрдөрө сылдыаллар эбит. Итини таһынан биир, икки сүһүөхтээх тылларга этиллэр *ы* аһаѳас дорѳоон араас түүр тылларыгар, былыргы даѳаны түүр тылыгар *и* дорѳоонунан солбуллара бэлиэтэнэр: *быт* ~ *бит* `вошь`, *ыт* ~ *ит* `собака` *быс* ~ *бич* `резать`, *тыһы* ~ *тиси* `женщина` о.д.а. Манна А.И. Щербак быһаарарынан *ы* дорѳоонноохтор маннайгылар, төрүкүлэр, оттон *и* дорѳоонноохтор кэнникилэр. Онон бу тылларга *ы* туттуллуга саха тыла былыргытын көрдөрөр курдук. Ол эрэри *ы* уонна *и* о.д.а. дорѳооннор бэрт дьикти устуоруйалаахтар: төрүкү түүр тылыгар, төрүкү монгуол тылыгар, төрүкү тонус-маньчжур тылыгар (быһатын эттэххэ, алтаай бөлөх тылларга) *ы* дорѳоон баара сабаѳаланар. Ити гынан баран, ити *ы* дорѳоон *и* дорѳоону кытта быһа хатыһан кэлбит, ол түмүгэр *ы* дорѳоон монгуол тылларыгар, тонус-маньчжур тылларыгар, ону ааһан сорох түүр тылларыгар туттулубат буолбут, суола-иһиэ эрэ хаалбыт. Монгуол тылларыгар, биллиилээх монголист Б.Я. Владимирцов быһаарбытынан, XIII үйэттэн *й*

дорџоонноро *i* дорџоонно кубулуйбут, ол монгуол тылын дорџооннорун састаабыгар элбэх уларыйыны киллэрбит, кэлин ити сана *I* (төрүкүттэн баар исторической *I* буолбатах), кэлин сүһүөхтэр аһаҕас дорџооннорун сабыдыалларынан араастаан уларыйан туттуллар буолбут. Ол уларыйылар саҕаланыахтарыттан тохтуохтарыгар диэри суоллара-иистэрэ саха тылыгар баар курдук. Ол иһин Ст. Калужинской саха тылыгар монголизмнар кириилэрин XII-XIII уонна XV-XVI үйэлэринэн кээмэйдээн быһаарбыта. Ол да буоллар, монгуоллар уонна түүрдэр сыһыаннаһыылара бэрт өртөн, алтайскай кэрдиис кэмтэн, хууннар саҕаттан буолбут буолуохтаах диэччилэр эмиэ бааллар.

Петр Алексеевич кылгас аһаҕас дорџооннор тустарынан суруйарыгар былыргы саха тылыгар *o*, *o*, *y*, *y* уос дорџооннор маннайгы эрэ сүһүөххэ туттуллалларын, ол аата иккис сүһүөххэ хойутуу туттуллар буолбуттарын ыйбыта. Ити кини О.Н. Бётлингк саха тылын аһаҕас дорџооннорун дьүөрэлэхэр сокуоннарын быһааран суруйарыгар устуруокалар быыстарыгар этэн кэбиспит балаһыанньатын хаттаан сөргүтэр. О.Н. Бётлингк балаһыанньатын тюркологияҕа ылыммыттара. Арай, Анна Дыбо общетюркской тылга уос дьүөрэлэһиитэ суоҕа диэн туран, иккис сүһүөххэ уос даҕаны, айах даҕаны аһаҕас дорџоонноро иккиэнэрэ туттуллар буолуохтаахтар диэн санааны этэр буолла. О.Н. Бётлингк саха тылын аһаҕас дорџооннорун дьүөрэлэхэр сокуоннарын тюркологияҕа аан бастаан арыыбыта, билигин да туттулла сылдьар сүрүн быраабылаларын кини чочуйан онорбута уонна мантан үһүлүччулаах сабаҕалааһыннары эппитэ. Ол курдук, аһаҕас дорџооннор дьүөрэлэхэр сокуоннара урал-алтаай тылларыгар тылларга сыыйа үөскээн сайдыбыттара уонна бу тыллар бөлөхтөрө грамматика, лиэкстикэ өтгүнэн төһө да тэйсибиттэрин иһин, дьүөрэлэһиитэ сокуона бу тылларга киһи сөбүөн курдук биирэ кинилэр чугас уруулуу буолалларын көрдөрөр диэн дьоһуннаах түмүгү онорбута. Билинни уральскай бөлөх тыллар алтайскай бөлөх тыллары кытта уруулуу этилэр диэччилэр ити балаһыанньаны тутуһаллар. Итини таһынан О.Н. Бётлингк урал-алтаай тылларыгар сороҕор умуллаары гына-гына күөрэйэр илин-кэлин дьүөрэлэһиитэ (палатально-нэбнай гармония) иннэ быралыйар былыргыттан утумнаан кэлбитин курдук көрүөххэ сөп диэн санааны этэн хаалларбыта. Билинни тюркология ити балаһыанньаны ылынар уонна, Петр Алексеевич этэрини, кинини учуонайдар сүһүөхтэр дыапталлыыларын, а.э. агглютинацияны кытта сибээстиллэр. Индоевропейскай тылларга күүстээх охсуу дорџооннору түмэн тылы тылтан араарар ньыма буоларын курдук, аһаҕас дорџооннор дьүөрэлэһиилэрэ эмиэ тылы тылтан араарар ньыма быһыгынан үөскээбит. Ол эрэри сингармонизм, нуучча учуонайа А.А. Реформатскай эппитини, судургу фонетическай көстүү буолбатах, ону ааһан дорџоон уларыйар-симэлийэр көрүнгэ да буолбатах, тыл структуратын фонетическай даҕаны, морфологическай даҕаны таһымын барытын таарыйар фундаментальной структурнай-типологическай көстүү буолар эбит. Бүтэй даҕаны, аһаҕас да

доржооннор дьүөрэлэхэр сокуоннара (ол аата сингармонизм) саха тылыгар былыргы туругун соччо ыһыктыбакка, маннайгы сүрүн аналын сүтэрбэккэ, өссө тыйыс фонетическай сокуон буолан, билигин даҕаны саха тылыгар үлэлиир, тылы сүтэр-симэлийэр кутталтан өрүһүйэ-арчылыы сатыыр.

Саха тылыгар уһатыылаах аһаҕастар уонна дьуптуоннар үөскээһиннэрин, сайдыыларын, туттулууларын туһунан П.А. Слепцов О.Н. Бётлингк, оһуоба В.В. Радлов, Ст. Калужинский, Л.Н. Харитонов, Е.И. Убрятова, Н.К. Антонов үлэлэрин мунутуурдук туһунан кэнники бэчээттэппит «Саха тылын историята» үлэтигэр сиһилии суруйбута, кизэнник сырдаппыта. Тюркологияҕа «первичнэй» (төрүкү) уһун аһаҕас уонна дьуптуон доржооннору аан бастаан арыыйбыт учуонайынан О.Н. Бётлингк аабыллар. Доржооннор үөскээһиннэрэ, сайдыыллара, омос көрдөххө син судургу курдук эрээри, энин эгэлгэ уустуктардаах, мөккүөрү күөдьүтэр түгэннэрдээх. Ону быһалаан судургутук эттэххэ, саха тылыгар «первичнэй» (төрүкү) диэн ааттанар уһатыылар бастакы сүһүөххэ биэстэр (*ыы, ии, уу, үү; аа*), оттон төрүкү уһатыылаах *ээ, оо, өө* доржооннор дьуптуонуну энээрдээх буоланнар саха тылыгар кэннир *иэ, уо, уө* дьуптуоннарга кубулуйбуттар. Ол эрээри кинилэри төрүкү дьуптуоннар диэн ааттыылар.

Уопсайынан, дьуптуоннары аксыан, охсуу дьайыытынан уһун аһаҕастартан тахсыбыттара диэн компаративистикаҕа быһаараллар. Оннук позицияны Л.Н. Харитонов тугуһара. Олор тылтан бэйэтигтэн тахсар (ис) төрүөттэрэ буолуохтара, маны таһынан атын тыл дьайыыта (тас төрүөт) баар буолуон сөп. Саха дьуптуоннарын курдук хаачыстыбалаах доржооннор түүр, монгуол уонна тонгус-маньчжур тылларыгар суох курдуктар, онно атын айылгылаах дьуптуоннар бааллар. Арай чулым-түүр тылыгар саха дьуптуонугар сөп түбэхэр дьуптуон доржоон баарын А.П. Дульзон булбута. Аһан баран эттэххэ, биһиги дьуптуоннарбыт фонема быһыытынан, састааптарынан, хаачыстыбаларынан уральскай тыллар бөлөхтөрүгэр киирсэр финн, карел, нганасан, юкагир дьуптуоннарыгар сөп түбэһиһэр курдуктар. Игинэн сахалыы дьуптуоннар үөскүүллэригэр юкагир тылын курдук былыргы тыл сабыдыаллаабыта буолуо диэн сабаҕалааһыны 1993 с. онорбуттаабым. Петр Алексеевич алтайскай кэрдиис кэмгэ саха тылын төрүтүнэн буолбут былыргы түүр тылыгар «первичнэй» дьуптуон доржооннор үөскээбиттэр, ол былыргы угорскай тыллар сабыдыаллара буолуон сөп, – диэн сабаҕалыыра, мин санаабар, сөптөөх курдук.

Бэрэпиэссэр П.А. Слепцов саха тылыгар билигин баарынан аабыллар «вторичнай» эбэтэр «кэлинни» диэн ааттаммыт уһун аһаҕастар уонна дьуптуоннар үөскээһиннэрэ түүрдүү да аранаҕа, монголизмнарга даҕаны биирдинитин өссө төгүл бигэргэтэр. Ол эрээри үөскүүр мадыалларыгар туспатыйыы баарын эмиэ ыйбыта. Ол курдук, аһаҕас бүтэй доржоон (*АБ*) холбоһук төрүкү түүрдүү лиэкстикэҕэ, быраабыла курдук, утумнаахтык уһатыылаах аһаҕас доржоону уонна дьуптуону үөскэтэрин ыйбыта. Оттон монголизмнарга *АБ* холбоһук оннунан

хааларын, ол аата уһун аһаҕаһы да, дьуптуону да үөскэппэтин, көрдөрбүтэ. Маны бэрэпиэссэр П.А. Слепцов *АБ* холбоһуктар уһун аһаҕастары уонна дьуптуоннары саха тылыгар урут (монголизмнар саха тылыгар өссө киирэ иликтэринэ) үөскэппиттэрин, оттон монголизмнар өтөн киирэллэрин саҕана кинилэр ити дьобурдарын, күүстэрин сүтэрбиттэрин олохтоохтук быһаарбыта. Ол иһин монголизмнар, холобур, *бичиг, болдог, домоф, эрэмэг* курдуктар, саха тылыгар киирэн баран *бичии, болдоо ~ болдуо, домоо ~ домую, эрэмээ ~ эрэмиз* буолуохтарын буолбакка бэйэлэринэн уларыйбакка хаалбыттар.

В.В. Радлов сүрүн болҕомтотун «вторичнай» эбэтэр кэлинни уһун аһаҕастарга уонна дьуптуоннарга уурар уонна уһун аһаҕастар, дьуптуоннар даҕаны саха тылыгар хойут баар буолбуттар диэн быһаарар. Ити саха тыла сана үөскээбит түүр тыла диэн сүрүн кэнсиэпсийэтин көмүскүүр сорунуута буолар.

Петр Алексеевич монголизмнарга дьуптуоннар, үгэс курдук, монгуол уһун аһаҕастарыгар сөп түбэһэллэр уонна үксүгэр саха тылыгар бэйэтигэр үөскээбиттэр быһыылаах, эбэтэр бу процесс монгуол тылларыгар саҕаланан баран, саха тылыгар кэлин сиппит, дьуптуоннарга кубулуйбут курдук диэн сабаҕалыйар. Ол эрэри, – диир кини, – уһатыылар уонна дьуптуоннар түүр да, монгуол да төрүттээх олохторго олус тыйыс сокуон дьайыытынан үөскээбэтэх курдуктар: уһатыы даҕаны, дьуптуон даҕаны үөскүүн сөптөөх тылларыгар кинилэр тоҕо эрэ суохтар. Ол тоҕото биллибэт: баҕар, уһатыыта, дьуптуона суох тыллар үгүстэрэ араас кэмнэ, араас источниктартан киирбиттэриттэн буолуо диэн сизэрдээх сэрэйиини онорор.

Монголистикаҕа *АБА* холбоһукка уһун аһаҕас эбэтэр дьуптуон үөскүүрү аһаҕас дорҕоонно икки ардыларыгар турар (интервокальной) бүтэй дорҕоон хаачыстыбатыттан тутулуктаах диэн санаа баар: *АБА* холбоһукка бүтэй дорҕооно *быһылыы* буоллаҕына уһун аһаҕас эбэтэр дьуптуон дорҕоон үөскүүр, оттон ол бүтэй дорҕоон *төлөрүйэр* буоллаҕына *АБА* холбоһук оннунан уларыйбакка хаалаллар.

О.Н. Бётлинна биир интэриэһинэй балаһыанһа баар: *АБА* холбоһукка уһун аһаҕас, эбэтэр дьуптуон бүтэһиктээхтик ситтэхтэринэ эрэ интервокальной бүтэй дорҕоон сүтэр, – диэн. Ол гынан баран *АБА* холбоһукка түүрдүү тылларга бастагы аһаҕас уһаан баран иккис аһаҕаһы интэринэр, оттон монгуоллуу тылларга ити холбоһук кэнники аһаҕас дорҕооно уһуур уонна маннайгы аһаҕас дорҕоону интэринэр, – диэн. Ол эрэри монголистикаҕа даҕаны, тюркологияҕа даҕаны О.Н. Бётлингк ити версията болҕомтоҕо ситэ ылынылла илик курдук.

Петр Алексеевич 2007 с. таһаарбыт «Саха тылын историята» диэн кинигэтигэр саха тылын бүтэй дорҕооннорун историческай сайдыыларын сүрүн түһүмэхтэрин толору көрдөрөр учарканы суруйбута, бэрт олохтоох, олус ылыннарыылаах түмүктэри онортообута.

Уопуттаах учуонай саныырынан, холобур, саха тылын фонетикатын сорох бүтэй дорҕоонноро былыргы дьыл мындаатыттан утумнаан кэлбиттэр. Саамай

кырдыаҕастарынан «кытаанах» диэн ааттанар ньиргизэр суох бүтэй дорҕооннор аабыллаллар. Итини таһынан тюркологияҕа саамай былыргыларынан, уларыян-кубулуйан биэрбэттеринэн, уһун үйэлээхтеринэн диэрийэр бүтэй дорҕооннор аабыллаллар. Түүр тылларын саамай былыргы кэмнэригэр тыл иннигэр ньиргизэр суох бүтэй дорҕооннор туттуллаллара диллэр. Ону бастакы сүһүөххэ охсуу түһэринэн быһаараллар. Бастакы сүһүөх күүстээх охсуулаах буолан, кини уһун аһаҕас дорҕоонноро кэниир эбэтэр кыарыыр дьуптуоннарга кубулуйбуттар, ол гынан баран кинилэр саха, туркмен, халадж, сорох түүр тылларын аҕыйах диалектарыгар эрэ ордон хаалбыттар.

Саха тылын үгүс бүтэй дорҕоонноро позиционнай дуу, комбинаторнай дуу барыйаан быһытынан түн былыргыттан утумнаан кэлбиттэр уонна кэлин уһугар туспа фонема буолан билигин туттуллаллар. Уһун унньуктаах сайдыы усталаах туоратыгар хас да бүтэй дорҕоон сорох фонетическай позицияҕа туттуллубат буолбуттар, сорохтор атын бүтэйдэринэн солбуллубуттар, сорохтор соччо туттуллубат буолан баран, монгуол, тонус-маньчжур уонна нуучча тылын сабыдыалларынан көбөн-күөрэйэн кэлбиттэр, билигин хойуутук туттуллар буолбуттар. Түмүгэр, саха тылын бүтэй дорҕоонноро састааптарынан, хаачыстыбаларынан, энин эгэлгэ тутулууларынан атын түүр тылын дорҕоонноруттан харахха бырабыллар уратылардаах буолбуттар.

Ол эрэри Петр Алексеевич саха тыла дорҕооннорун тиһигэ түүр тылларын дорҕооннорун уопсай үөрүйэхтеринэн, сөп түбэһиилэринэн, көрүүн уларыһыларынан, солбуйсууларынан, аралдыһыларынан, хардарыта дьайсыларынан дьиннээх түүр тыла буоларын Е.И. Убрятова кэнниттэн өссө чингэтэн биэрбитин тоһоҕолоон бэлиэтиэххэ наада.

Саха тылын грамматикатын үөрэбэ дьохун ситиһиилэрдээх: Л.Н. Харитонов, Е.И. Убрятова, Е.И. Коркина, Н.Е. Петров, Г.Г. Филиппов, Н.И. Данилова, Н.Н. Ефремов о.д.а. фундаментальной үлэлэринэн байда, олоҕо тюркологияҕа сэнээриини ылбыттарын билигин биһиги бары билэбит.

Петр Алексеевич историческай морфология, уопсайынан даҕаны историческай грамматика боппуруостарыгар эмиэ диригинник өтөн киирэр уонна сахалар тыллара бэрт былыргыттан утумнаан кэлбит дьиннээх түүр тыла буоларын өссө төгүл чингэтэн бигэргэтэр. Ол гынан баран былыргы Орхон түүрдэрин тылларыгар чугаһын, былыргы огуз, уйгур, кыргыз тылларын дьайытын, бастакы долгуннара биллэр-көстөр суолу-иһи хаалларбыттарын, кэлин монгуол, тонус-маньчжур тыллара күүстээх сабыдыаллаах буолбуттарын өссө төгүл бигэргэтэр. Ол түмүгэр сорох түһүктэр (падежтар), холобур, үөскэтэр, хайысха, миэстэ, былыргы туттуу (инструментальной), холоур-тэнниир түһүктэр сүтэн эбэтэр ситэ сайдыбакка хаалбыттар. Урут туттулла сылдьан баран сүтэн-симэлийэн хаалбыт түһүктэр суоллара-иистэрэ саха тылыгар ордон хаалбытын Иван Петрович Винокуров «Саха тылыгар падеж системата» (1977) диэн үлэтигэр олус үчүгэйдик көрдөрбүтэ.

Ити сүшпүт эбэтэр ситэ сайдыбатах түһүктэр оннуларыгар араарыы, холбуу, билигин туттулла сылдыар туттуу, тэннии диэн сана падежтар (түһүктэр) баар буолбуттар уонна үгүстэрэ монгуол, эбэнки тылын падежтарын суолтатын сабыдыалынан баар буолбуттара сэрэйиллэр.

Сибиир биллиилээх учуонайа А.П. Дульзон түүр тылларын, олох истэригэр саха тылын, түһүктэрин систиэмэтин енисейскэй тыллар түһүктэрин систиэмэтин кытта тэннээн табылыссанан көрдөрөн баран, түүр тыллара енисейскэй тииптээх былыргы тылтан үөскээбиттэр эбит диэн сабаҕалааһыны онорбута.

А.П. Дульзон табылыссата көрдөрөрүнэн, пратюркская, праенисейская, былыргы тюркская, саха, чуваш, атын да тыыннаах түүр тылларын уонна сүппүт котт, тыыннаах кет тылларын падежтарын сыһыарыылара, дорҕоон-фонема өттүнэн сөп түбэһэллэрэ киһини сөхтөрөр. Ол гынан баран, мань салгыы сайыннаран ким эмэ үлэлирин, хомойуох иһин, биһиги бүгүн этэр кыахпыт суох.

Саҥа диэн ааттанар түһүктэр монгуол эбэтэр эбэнки тылларын түһүктэрин лөглү көһөрөн ылбыттан баар буолбатахтара, ону грамматическай өлүүскэлэр фонетическай састааптара, этимологиялара букатын атыны көрдөрөллөрө да туоһулуур, түбэһиэх сөп түбэһии дэннэтэн баар буолар. Уһун бодоруһуу, икки тылланы түмүгэр сахалыы сана туора түһүк суолтатын эрэ ингэринэр уонна ону бэйэтигэр баар матырыйаалынан сана түһүгү (падеһы) танан таһаарар быһыылаах. Түһүк сыһыарыыта бэйэтинэн көһөн кирибэт диэн Е.И. Убрятова бэйэтэ да билинэр, холбуу түһүк сыһыарыыта *-лыын* (саха тылыгар) эбэнкиттэн кирибитэ диир эрэри. Холбуу түһүк *-лыын* сыһыарыыта, түүрдүү компаративистикаҕа быһаарбыттарынан, былыргы холбуу *-лы* уонна туттуу падеж *-ын* сыһыарыыларынан таныллан үөскээбит, баҕар эбэнки *-нун* сыһыарыылаах холбоһук суолталаах пуормалаларын сабыдыалынан буолбута буолуо! Ол гынан баран *-нун*, *-нун* сыһыарыылар, О.П. Суник табылыссата көрдөрөрүнэн, эбэнки, эбээн эрэ тылларыгар баар курдуктар, оттон Б.В. Болдырев этимологиятынан, *-нун* сыһыарыы *-мула* диэн пуорматтан сайдыбыт: *-му* – туһайыы сыһыарыыта, *-ла* туохтууру үөскэтэр сыһыарыы. *-му-ла* форматив морфологическай састаабынан сибээстээн эттэххэ, үгүс пуорманы да, тылы да үөскэтэр сыһыарыылар уонна тылы уларытар сыһыарыылар түүр даҕаны, монгуол, тонгус-маньчжур да тылларыгар үксүгэр уустук (составной) сыһыарыылар буолаллар. Олортон биирдэстэрэ уһун уларыыы-тэлэрийии дьалхааныгар оустаран үксүгэр туманна саптарбыт өлүктүйбүт өлүүскэлэр эбиттэр, иккистэрэ син дьэнкэрэн көстөр этимологиялаах элэмийнэр буолаллар. Ол эрэри сыһыарыы этимологиятын быһаарыы сүрдээх уустук, манна алтаҕа тийэр түөрүйэ-кэнсиэпсийэ балаһыанньалара охсуһаллар.

Үгүс сыһыарыылар, учуонайдар бигэргэтэллэринэн, быралыйар былыр үөскээбиттэр. Тыһынчанан сылларга көмүрүтэн кырамталара хаалан да баран, өтөрдөөбүтэ үөскээбит сыһыарыылардыын холбоһон, фонетическай тутууларын уонна суолталарын уларытан, саҥа сыһыарыылары үөскэтиэхтэрин сөп. Үгүстэр

санылларынан, бэйэмнхи тыллар эбиискэлэргэ кубулуйан баран сыһыарыы буолбуттар дииллэрэ эмиэ оруннаах.

Тылы уларытар сыһыарыылар тылтан тылга соччо киирэн-тахсан биэрбэттэр, оттон пуорманы, тылы уларытар сыһыарыылар тылы (лиэксикэни) кытары сосуһан тылтан тылга көһөн киирэллэрэ элбэх буолар эбит. Холобур, Ст. Калужинская биһиэхэ биллэр үлэтиттэн көрдөххө, монгуол тылыттан саха тылыгар 60-ча сыһыарыы киирбит уонна уһун туттуу үөрүйэбин түмүгэр, кинилэр саха тылын «этигэр-хааныгар ингэн» кэлин уһугар тийэн, бэйэлээх бэйэ сыһыарыытын курдук өйдөнөр буолбуттар.

Биллиилээх алтаист В.Л. Котвич, ситэтэ суох дааннайынан диир, лиэксикэ 25%-на, морфологической элэмизинэр 50-ча %-ннара түүр уонна монгуол тылларыгар уопсайдарын ыйбыга уонна бу общеалтайскай тыл бөлөҕө баар буола сылдыбытын бигэргэтэр диир эрэри, бу алтайскай бөлөх тыллар генетическэй сибээстээхтэрин эпэт типология өттүнэн сөп түбэсиһиини, биир суолунан сайдан барыыны, ыаллаһан олорон лексическэй, морфологической элэмизинэри ылсыһыны көрдөрөр диэбитэ. Оттон Н.А. Баскаков, В.Л. Котвич ити дааннайдарын тутан олорон, үгүс фонетической, морфологической уонна лексическэй сөп түбэсиһилэр биир сомоҕо тыл бөлөҕө баарын итэҕэтиилээхтик уонна чаҕылхайдык этэллэр диэн суруйбута.

Петр Алексеевич туохтуур сана чааһын исторической грамматикатын эмиэ сиһилии үөрэпитэ уонна түн былыргыттан утумнаан кэлбит лексико-грамматической категория буоларын итэҕэтиилээхтик көрдөрбүтэ. Саха тылын туохтуура атын түүр тылын туохтуурдарыттан тылы үөскэтэр сыһыарыыларынан баай эбит. Л.Н. Харитонов чинчийиититтэн уопсайа 170-ча өлүктүйбүт даҕаны, билигин тыыннаах даҕаны сыһыарыылар баалара биллибитэ. Туохтуур сыһыарыыларын анаан-минээн чинчийбит үлэлэргэ оччо элбэх сыһыарыы атын түүр тылларыгар баара өссө ыйылла илик, – диэн Петр Алексеевич сөпкө бэлиэтиир.

Туохтуур үгүс категориялара, кэтээн көрүү түмүгүнэн, соробор дорҕоон, суолта өттүнэн уларыһан да буоллар, түн былыргыттан утумнаан кэлбиттэр. Сорох сыһыарыылар, Петр Алексеевич этэринэн, сыһа араас көрүнгү, туһаайыыны, атын грамматической категория суолталарыгар «идэтиэн» туттулар буолбуттар. Үгүс түбэлтэбэ, төттөрүтүн, кыараҕас суолталаах үөскэмэй суох сыһыарыылар суолталара кэнээн, улам чэлгийэн-тэбиэһирэн үөскэмэй сыһыарыылар буолан барбыттар.

Туохтуур туһаайыылар улахан уларыһыыга суох, төрүт түүр тылыгар үөскээн түн былыргыттан утумнаабыттар. Ол эрэри сыһыарыылар уонна кинилэр суолталара маннайгытыттан уларыһан-гэлэрийэн билинни көрүнгүн ылыммыттар; холобур, хардарыта-холбуу туһайыы бастаан бэйэни туохтуур суолтатыгар хабааттар суолталаах эбит; оттон билинни бэйэни туһайыы түн былыр чуолкайа суох

актыбынай туохтууртан пассивнай туохтуурдары араарарга туттулла сылдыбыта сэрэйиллэр; дыһайар туһайы бастаан көспөт туохтуурдартан көһөр туохтуурдары үөскэтэргэ туттуллубут. Онтон кэлин көһөр туохтуурга сыстан билинни дыһайар туохтуур суолтатыгар туттуллар буолбут; атынтан туохтуур пуормата орхон, енисей суругунан өйдөбүннүктэригэр баара биллэр, ол гынан баран бэйэни даһаны, атынтан даһаны туохтуур суолтатыгар туттуллар эбит, ол суола-иһэ саха тылыгар билигин да баар, сыһыарыылара да хатыһа сылдыбаллар, бүтэй дорҕоон бүтүүлээх олохторго бэйэни уонна атынтан туохтуурдар сыһыарыылара холбоһон уустук сыһыарыыны үөскэтэллэр. Атын түүр тылларыгар оннук көстүү бэлиэтэммэт. Туохтуур киэптэрэ үгүстэрэ түн былыргыттан сайдан кэлбиттэр, сорохторо саха тылыгар бэйэтигэр хойуг тангыллан оноһуллубуттар.

Саха тылыгар саамай былыргы, билигин даһаны тыбыс-тыыннаах, тыл бары пуормаларын үөскэппит, түүр тылларын тутууларын түстээбит, туллубат тутуулар буолбут лексико-грамматическай категория аат туохтуур буолар. Итини диригинник хорутан, араас өттүттэн көрөн, бэрэпиэссэр Г.Г. Филиппов үөрэтэр. Аат туохтуур саха даһаны, түүр тылларын даһаны морфологиятыгар уонна синтаксисыгар быһаарыылаах суолталааһын биллэр үлэлэригэр Е.И. Убрятова көрбүтэ. П.А. Слепцов этэринэн, саха тылын аат туохтуурдара былыргы орхон түүрдэрин уонна билинни огуз бөлөх түүрдэр тылларыгар «уруу тамайардаах» эбиттэр. Ол гынан баран, атын түүр тылларыгар холоотоххо, саха тыла былыргы аат туохтуур пуормаларын толору илдэ сылдыар. Кини киэп, кэм пуормаларын уонна сана аат туохтуурдары үөскэтэн саха тылын байыппыт.

Түүр тылларыгар (ол иһигэр саха тылыгар), тонус-маньчужур уонна монгуол тылларыгар ойуулуур-дьүһүннүүр тыллар элбэхтэр. Кинилэр түн былыргыттан сыһыллан кэлбиттэр, лиэкстикэ саамай кырдыаһас арангата буолаллар. Л.Н. Харитонов үлэтэ көрдөрөрүнэн саха тылыгар быһа холоон 300-чэ тыаһы-ууһу, сананы-ингэни үтүктэр тыллар, 800-чэ тыаһы үтүктэр туохтуурдар уонна 130-ча кэринэ дьүһүннүүр туохтуурдар баалара чопчуламмыта. Кинилэр саха уран тылын киэргэлэ буолаллар. Үгүс тыаһы үтүктэр уонна дьүһүннүүр туохтуурдары монгуол тылларыттан киирбитин курдук сыаналыыллар. Ст. Калужинскай көрдөрөрүнэн тыаһы үтүктэр уонна дьүһүннүүр туохтуурдары үөскэтэр 20-чэ сыһыарыылара саха тылыгар да, монгуол тылыгар да тэҥнэ туттуллаллар.

Үгүс уустук сыһыарыылаах саха тылын тыаһы үтүктэр уонна дьүһүннүүр туохтуурдара, холобура:

- *-чугунаа, -дыгунаа (ардыгынаа-, бордыгунаа-, хардыгынаа-, сардыгынаа-...);*
- *-балдьый, -гэлдьый (хомугулдьуй-, сэксэбэлдьый-, сахсабалдьый-, куодьабалдьый-...);*
- *-гынаа, -кыкаа (чаккынаа-, чоккунаа-, чуккунаа-...);*
- *-кыраа, -гыраа (баккыраа-, буккураа-, ньиккирээ-, дабдыгыраа-...);*

- *-лдьый, -лдьий (хаккылдьый-, хотолдъуй-, кэбилдьий-, маталдьый-...);*
- *-гнаа, -гнээ (дарбангнаа-, сэксэнгээ-, куйбангнаа-, хончонгоо-) –* диэн курдуктар тоѳо эрэ Ст. Калужинскай үлэтин көрдөххө, бүрээт, калмык, ойрот тылларыгар үксүгэр ханыылаахтар, отгон суругунан монгуол тылыгар, билингни монгуол уонна чугастааѳы түүр тылларыгар даѳаны сэдэхтик көстөр курдуктар.

Л.Н. Харитонов дьүһүннүүр уонна тыаһа үтүктэр туохтуурдары үөскэтэр 81 сыһыары баарын ыйбыта, онон буоллаѳына кинилэр үгүс өттүлэрэ саха тылыгар бэйэтин иһигэр үөскээбиттэрин көрдөрбүтэ. Маны таһынан Л.Н. Харитонов саха тылын дьүһүннүүр уонна тыаһы үтүктэр тылларын быдан үгүс өттө түүр даѳаны, монгуол да тылыгар ханыыллара суохтарын ыйбыта. Монгуол тылларын грамматикатыгар даѳаны, түүр тылларын грамматикатыгар даѳаны маннык тыаһы үтүктэр, дьүһүннүүр туохтуурдаахпыт диэн тоѳо эрэ тэнийэн суруйбаттар. Итинник ойуулуур-дьүһүннүүр туохтуурдар арай саха тылыгар эрэ ордук уутуйан үөскээбит курдуктар. Мантан таһааран, сахалар өбүгэлэрэ ханнык эрэ монгуоллары кытта соѳуруу Байѳал таһыгар бииргэ олорор эрдэхтэриттэн уустук сыһыарыылаах ойуулуур-дьүһүннүүр тыллары бэйэлэрэ айбыттар уонна итини, ойуулаан-дьүһүннээн уобарастаан этэри олус сөбүлүүр буоланнар, олонхолорун, тойуктарын тылларыгар киллэрэн тутталлар эбит бадахтаах. Уһуннук ыаллаһан, кэргэннэһэн олоруу түмүгэр сахалар даѳаны, монгуоллар даѳаны маннык тыллары хардарыта ылсыһан тылларыгар-өстөрүгэр таптаан тутталлар быһыылаах. Холобур, былъыргы сахалар *emtere-, kelbere-, šilzire-, ilzire-, iltüre-, širba-, gurba-, šinsi-, gilbe-* диэн монгуоллуу дьүһүннүүр туохтуурдары *эмтэрий-, кэлбэрий-, сьлдьырий-, илдьирий-, ултуруй-, сырбай-, курбай-, сыгсый-, кылбай-,* – диэн *-й* дорѳоону (сыһыарыыны) эбэн туран ылыммыттар. Отгон былъыргы монгуоллар сахалыы *тонхой-, дарбай-, сэхсэй-, кэдэй-, кэлтэй-, хотой-, чорбой-* курдуктары *tonqoji-, larbaji-, seksüji, kelteji-, qotoji-, čorboji-* – диэн туохтуур олохторугар, аһаѳас бүтүүнү тутуһар буоланнар, *-i* дорѳоону эбинэн туһаммыттар.

Этиллибит чахчы сөптөөх буоллаѳына, былъыргы сахалар уонна монгуоллуу тыллаахтар хаһан, ханна бииргэ олорбуттары, баѳар, кэрэлэһин сөп курдук.

Петр Алексеевич саха тылын историга буоларын бу тыл историческай лексикэтигэр аналлаах элбэх үлэлэрэ даѳаны туоһулууллар. Кини этимологическай этюдтара уонна «Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыгын» словарнай ыстатыйаларыгар биэрэр этимологическай ыйыылара, историческай фонетика уонна морфология закономерностарыгар олоѳулар буоланнар, ылыннарыйлаахтар.

Саха тылын сүрүн словарнай састааба, фонетикатын тиһигэ, грамматическай тутула бу тыл түүр тылынан маннайгы суруктар суруллубуттары быралыйар быдан иннилэриттэн баар биир кырдыаѳас (маны учуонай алта суолунан көрбүтэ) дьин түүр тыла буоларын бигэргэтэллэр уонна, Петр Алексеевич олохтоохтук сабаѳалыырынан, маннык кэрдиис кэмнэри ааспыт:

Маннайгы кэрдиш кэм (Алтаайдаабы кэм) биһиги ээрэбит аабыллыан төһө эмэ инниттэн биһиги ээрэбит V үйэтигэр диэри. Субу кэмнэ төрүкү дьуптуоннар баар буолбуттар, сыыгыныыр *и*, *з* доржоонно *с* доржоонунан солбуллан барбыттар, сорох тылларга *с* доржоон *т* доржоонно көспүт: *эсүр->итир-, иси>итии, отуз>отут* о.д.а. Маннык уларыыылар оччотооһу онно олохтоох самодийдар (угордар) субстраттара дьайытыттан тахсыбыт быһыылаах, – диэн сабаҕалыыр.

Иккис кэрдиш кэм (курыканнар кэмнэрэ – VI–X үйэлэр). Бу кэмнэ *с* абылыыр *h* буолан баран симэлийбит (*сэн>эн, сатыҕ>атыы, сэкиз>абыс*) ол оннугар бастыыр *j*, *z>с* буолан баран *с* буолбут: *жатуур>самыыр, jegin>сиэн; итини кытта с* хайа баҕарар позицияҕа *с* буолбут: *саҕ>сах, сөриг>сэрии; бицаҕ>быһах, кэсиг>кэһии* `переправа`; *ас>аас* `голодный`, *сас>ас* `волосы`, кэнники («вторичнай») уһатылар уонна дьуптуон доржоонно сыһа үөскээн барбыттар.

Бу кэмнэ былыргы монгуол, тонус тыллаах биистэр курыкан тылыгар дьайбыттар, ону таһынан кыргыз, Собуруу Сибиир, Енисей да тылларыттан дьайыы баара сабаҕаланар.

Үһүс кэрдиш кэм. Былыргы сахалар кэмнэрэ (XI–XIII үйэлэр) XI үйэҕэ курыканнар сирдэригэр монгуоллар кирибиттэр. Монгуол сабыдыала бары өттүнэн күүһүрбүт, ол түмүгэр саха тылын фонетиката улаханлык халбаннаабыта, лиэкстикэтэ байбыта. Бу кэмнэ сахалар түүр төрүттэрэ Өлүөнэ үөһэ сүннүнэн тарбанан олорубуттар, эбэнкилэрдиин энээрдэспиттэр, онтон сыһа билинни Саха сириин, Өлүөнэ орто сүүрүгүн хонууларын булаллар.

XIV–XV үйэтээби кэм. Түүр тыллаахтар Саха сириин киин өттүн баһылаан, хотугу сиргэ аан бастаан сүөһү ииттинэн олохсуйаллар. Бу кэм иннинэ дуу, бу кэмнэ дуу Саха сиригэр монгуол тыллаах биистэр өтөн кириэллэр. Икки тыллаах монгуоллар саха тылыгар көһөллөр, монгуол тылын сабыдыала хаһааннытааҕар да күүһүрбүт: элбэх туохтуурдары, дьүһүннүүр-ойуулуур тыллары, тыыннаах морфологическай пуормалары, сыһарыылары көһөрөн киллэрбиттэр.

Саһа кэм (XVII–XX үйэлэр). Саха тыла Саха сириин бүтүннүүтүгэр тэнийэр. Тыл түөлбэнэн уратыһыларын билинни тиһигэ сыһа үөскүүр. Ол былыргы аралдыһыы олохтоох омуктар тылларын кытта дьайсыбытыттан тахсыбыт. Бу кэмнэ нуучча тылын сабыдыала күүһүрэр, 3 тыһ. таһа тыл кириэр; саха фольклора, ордук олонхо тыла-өһө наһаа сайдар, ол кэпсэтии тылыгар сабыдыаллыыр. Бу кэмнэ саха тыла туттулуута кэнээн, Илин Сибиир олохтоох омуктарын уопсай бодоруһар тыллара буолар.

Тиһэбэр, билинни кэм XX үйэ саһатыттан саһаланар. Саха тыла балайда сайдыылаах литература тыла, бастатан, уус-уран литература тыла буолар. Ол түмүгэр синтаксис уустугуар. Саха тыла судаарыстыба тыла буолла, тыл сайдытыын араначчылыыр сокуон ылылынна. Саха тыла нуучча тылынан сыһырытыын утары охсуһуу, төрөөбүт тыл төрүт үөрүйэхтэрин, ис кыахтарын сөргүтэр, тиэрминнэрин сүрүннүүр хамсааһын саһаланар.

Биллэрин курдук, В.В. Радлов саха тыла араас атын элэмиэннэринэн туолбут төрүкү монгуол тыла хойут түүрдүйбүтүтэн үөскээбитэ диэн балаһыанньатын дакаастаан «Саха тыла уонна кини түүр тылыгар сыһыана» диэн дьохуннаах үлэни суруйбута. Кини ити кытаанах версиятын түүр тылын үөрэбэр, ол иһигэр саха тылын үөрэбэр, ылымматахтара, ол да буоллар ким даһаны олохтоохтук аргуменнаан, ылыннарыылаахтык дакаастаан В.В. Радлов сүрүн түмүгүн түннэри уурбатаҕа. Арай П.А. Слепцов үөһэ ахтыллыбыт сүрүн түмүктүүр балаһыанньалара В.В. Радлов тиэсиһин Г.В. Ксенофонов, Е.И. Убрятова кэннилэриттэн, улаханлык тулханнаталлар.

Ол эрээри академик П.А. Слепцов «тюркология бухатыыра» академик В.В. Радлов, билинни тюркологияҕа, ол иһигэр саха тылын үөрэбэр, өлбөт-сүппэт сүнкэн өнөтүн уонна көмөтүн ийэн туран саамай сөпкө үрдүктүк сыаналаан хаста да суруйбута.

Литература

1. *Баскаков Н.А.* Алтайская семья языков и ее изучение. – М.: Изд-во «Наука», 1981. – 135 с.
2. *Бётлингк О.Н.* О языке якутов. – Новосибирск: «Наука», 1989. – 644 с.
3. *Бураев И.Д.* Становление звукового строя бурятского языка. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 1987. – 185 с.
4. *Болдырев Б.В.* Словообразование имен существительных в тунгусо-маньчжурских языках. – Новосибирск: «Наука», 1987. – 208 с.
5. *Владимирцов Б.Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. 2-е изд. – М.: Наука, 1989. – 438 с.
6. *Гурулев С.А.* Что в имени моем, Байкал? – Новосибирск: «Наука», 1982. – 110 с.
7. *Дарбеева А.А.* Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Фонетика. – М.: «Наука», 1996. – 174 с.
8. *Дульзон А.П.* Кетско-тюркские параллели в области склонения // Сов.тюр кология. – 1971. – №1. – С.20-26.
9. *Дыбо А.В.* Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд. – М.: Вост.лит. – 2007. – 223 с.
10. *Дьячковский Н.Д.* Звуковой строй якутского языка. Ч.1: Вокализм. – Якутск: Кн.изд-во, 1971. – 192 с.
11. *Дьячковский Н.Д.* Звуковой строй якутского языка. Ч.2: Консонантизм. – Якутск: Кн.изд-во, 1977. – 251 с.
12. *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников. VII-IX вв. – Л.: «Наука», 1980. – 255 с.
13. *Котвич В.Л.* Исследования по алтайским языкам. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 372 с.
14. *Рамstedт Г.И.* Введение в алтайское языкознание. Морфология. – М.: Изд-во иностр.лит., 1957. – 252 с.
15. *Рассадин В.И.* Очерки по исторической фонетике бурятского языка. – М.: «Наука», 1982. – 199 с.
16. *Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З.* Сравнительно историческая грамматика тюркских языков. – М.: «Наука», 1986. – 302 с.
17. *Слепцов П.А.* Русские лексические заимствования в якутском языке (дореволюционный период). – Якутск: Кн.изд-во, 1964. – 196 с.

18. Слепцов П.А. Русские лексические заимствования в якутском языке (послереволюционный период). – М.: «Наука», 1975. – 256 с.
19. Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Истоки, становление норм. – Новосибирск: «Наука», 1986. – 262 с.
20. Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных форм. – Новосибирск: «Наука», 1990. – 277 с.
21. Слепцов П.А. Саха тылын историята. – Дьокуускай: Изд-во ЯГУ, 2007. – 290 с.
22. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. – М.: «Наука», 1984. – 484 с.
23. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М.: «Наука», 1988. – 560 с.
24. Суник О.П. Существительное в тунгусо-маньчжурских языках. В сравнении с другими алтайскими языками. – Л.: «Наука», 1982. – 247 с.
25. Убрятова Е.И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 151 с.
26. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. – Новосибирск: Наука, 1976. – Ч. 2. Сложное предложение. – Кн.1. – 214с.
27. Убрятова Е.И. Язык норильских долган. – Новосибирск: Наука, 1985. – 216 с.
28. Харитонов Л.Н. Типы глагольной основы в якутском языке. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 312 с.
29. Широбокова Н.Н. Историческое развитие якутского консонантизма. – Новосибирск: Наука, 2001. – 151 с.
30. Широбокова Н.Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 2005. – 269 с.
31. Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. – Л.: Наука, 1970. – 204 с.
32. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Имя. – Л.: Наука, 1977. – 190 с.
33. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. – Л.: Наука, 1981. – 183 с.
34. Radloff W.W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Turksprachen. – SPb., 1908. – 86 S.
35. Kaluzynski St. Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. – Warszawa, 1961. – 170 S.

Н.Н. Ефремов
ИГиИПМНС СО РАН

Освещение проблем развития якутской письменности в 20-30-х гг. XX в. в исследованиях П.А. Слепцова

П.А. Слепцов является основоположником изучения истории развития и формирования якутской письменной традиции. Его перу принадлежит серия трудов, посвященных данному актуальному направлению якутского языкознания [см. 4-10]. Петр Алексеевич рассматривает обсуждаемую проблему в контексте формирования и развития общенациональных норм якутского литературного языка.

В любом языке одной из основных проблем развития литературного является проблема заимствованных слов. В результате тесных культурных контактов те или иные иноязычные слова проникают в систему контактирующего языка. В результате последний наполняется новыми словами, испытывая при этом определенную структурную-семантическую нагрузку – сдвиг в своей системе. Это отражается, прежде всего, в фонетической системе, артикуляционно-акустической базе носителей языка. Якутский язык, как язык с сильно развитым сингармонизмом, стремится перенимать иноязычные слова в фонетически освоенной – якутизированной – форме. Эта традиция развивается с самого начала зарождения якутской письменной традиции и продолжается в настоящее время. Одним из свидетельств этого является орфографический словарь якутского языка [1], где орфограммы заимствованных слов даны в фонетизированных формах.

Основные положения и материалы кандидатской диссертации и первые монографические труды П.А. Слепцова [2; 3], посвященные русским лексическим заимствованиям в якутском языке, свидетельствуют о том, что ученый начал свою научную деятельность с разработки сложных и спорных проблем современного якутского литературного языка.

Отношения к правописанию заимствованных слов в якутском языке вызывали и вызывают дискуссии среди учёных и носителей языка.

У истоков развития и формирования якутской письменной традиции стояли яркие представители якутской национальной интеллигенции. Это, прежде всего, С.А. Новгородов (1892-1924), А.Е. Кулаковский (1877-1926), П.А. Ойунский (1893-1939), А.А. Иванов-Кюндэ (1898-1934), Г.В. Баишев-Алтан Сарын (1898-1931) и др.

История развития якутской письменности в данном промежутке времени рассмотрена П.А. Слепцовым [5]. Им выделяются три периода в истории разработки прикладных вопросов якутского языка: февраль 1917 года – конец 30-х годов; конец 30-х гг. – 80-е гг.; с 80-х годов по настоящее время [Там же, с. 9-13].

Петр Алексеевич пишет, что первый период истории развития якутской письменности был одним из самых продуктивных периодов в развитии языковой политики в Якутии [Там же, с. 9]. В этот период большой подъем получила сфера употребления якутского языка, который приобрел основные черты государственного языка. Образование и воспитание учащихся в школах, а также работа государственных учреждений, транспорта, связи, печати, радио стали проводиться на якутском языке. Якутская литература и искусство начали развиваться очень динамично. Широким размахом стала развиваться художественная самодеятельность

Теоретик якутского литературного языка П.А. Слепцов сделал важный вывод о вкладе С.А. Новгородова в разработку норм якутского литературного языка на широкой демократической основе [Там же, с. 10]. Ученый указывает на

разносторонний талант Семена Андреевича как методиста, составителя букваря, создателя алфавита и организатора полиграфической базы в Якутии. Петр Алексеевич пишет о С.А. Новгородове следующее: (он) «был убежден в том, что народ должен иметь литературный язык, который для носителей говоров должен иметь консолидирующее значение» [Там же]. Систему письма, разработанную С.А. Новгородовым, он расценивает как результат глубоких научных знаний и очень удачную находку в методическом и дидактическом отношении [8, с. 7]. При этом подчеркивается вера Семена Андреевича в безграничные возможности якутского языка [Там же].

Развитие якутского литературного языка в этот период связывается с исторической действительностью: «Очень сложный спорный вопрос о том, какой говор должен быть положен в основу литературного языка, был решен самой исторической действительностью» [5, с.11]. Таким образом, развитие якутского литературного языка в данном периоде имело объективную историческую основу.

П.А. Слепцовым были определены политические, социальные и социолингвистические условия данного периода развития якутской письменности [5, с.11]. Так, важным условием расширения общественных функций якутского литературного языка была благоприятная государственная политика, которая проводилась по распоряжению тогдашнего Всесоюзного исполнительного комитета на основании распоряжений X, XII-го. съездов партии. Кроме того, получение в 1922 г. Якутии статуса автономной республики и объявление в 1926 г. ее конституции, якутского языка наряду с русским в качестве государственного языка усилила позиции якутского языка в различных сферах общественной и политической жизни республики. Превосходство якутского населения других населений республики (80%), использование якутского языка в качестве языка межэтнического общения, незнание русского языка основными слоями населения послужили в качестве основы успешной реализации политики якутизации.

Об А.Е. Кулаковском он писал, что его бережное отношение к традиционным средствам языка, стремление выявлять все оттенки и нюансы живого слова, использовать все наиболее яркое, семантико-стилистически выразительное в народном языке вполне соответствует современному широкому пониманию нормы [9, с. 26].

П.А. Ойунский расценивается ученым как крупнейший деятель, развернувший и утвердивший научно-теоретические основы современного якутского литературного языка [10, с. 5]. В 1929 г. им была разработана грандиозная программа развития якутского литературного языка и всей национальной культуры.

Изучив лингвистическое наследие А.А. Иванова-Кюндэ, Петр Алексеевич пришел к выводу о том, что Алексей Андреевич понимал двусторонний характер развития литературного языка: оно развивается свободно внутри письменного,

литературного процесса, и в то же время литературный язык должен отшлифовываться, а также развиваться усилиями филологов, языковедов [7].

Период деятельности Г.В. Баишева-Алтан Сарын расценивается как очень напряженный. П.А. Слепцов писал, что жизнь Гавриила Васильевича была под угрозой, за ним следили, затем грянула репрессия. Отмечается работа Баишева по созданию терминов с целью очертить основные ориентиры его развития, показать образцы терминообразования. Это связывается с пониманием Баишевым того факта, что власти все равно ему не дадут возможности долго работать [6, с. 48].

Таким образом, анализ трудов П.А. Слепцова, посвященных освещению первого периода развития якутской письменности, показал, что он является основоположником нового направления якутского языкознания «История формирования и развития якутской письменной традиции». На основе богатого фактического и научного материала им системно исследованы особенности языкового строительства в Якутии с 1917 года по настоящее время. Петром Алексеевичем дана объективная научная оценка уникальным лингвистическим наследиям первых якутских интеллектуалов С.А. Новгородова, А.Е. Кулаковского, П.А. Ойунского, А.А. Иванова-Кюндэ, Г.В. Баишева-Алтан Сарын и др.

Литература

1. Сахалыы таба суруйуу тылдьыта: 32000 кэрингэ тыллаах. – Дьокуускай: Бичик, 2015. – 480 с.
2. *Слепцов П.А.* Русские лексические заимствования в якутском языке (дореволюционный период). – Якутск: Кн. изд-во, 1964. – 195 с.
3. *Слепцов П.А.* Русские лексические заимствования в якутском языке (послереволюционный период). – М.: Наука, 1975. – 256 с.
4. *Слепцов П.А.* С. А. Новгородов и проблемы якутского литературного языка // «Кэриэс тылбын кэбиспэт буолун, кэрэмэс доҕотторум!..»: материалы науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения С.А. Новгородова. – Дьокуускай: ЯНЦ СО РАН, 1992. – С. 82-88.
5. *Слепцов П.А.* Саха тылын чинчийи саҥа кэрдиис кэмэ // Саха тылын наукатын туруу үлэһитэ П.А. Слепцов төрөөбүтэ 65 сыла: [1994 с. Наука күннэрин матырыйааллара]. – Дьокуускай: СГУ изд-вота, 1996. – С. 8-42.
6. *Слепцов П.А.* Г.В. Баишев (Алтан Сарын) уонна билинни кэм (саха суругун тылын сүрүн кыһалбалара) // Г.В. Баишев-Алтан Сарын. Научнайыстатыйалар хомуурунньуктара – Дьокуускай: СР НА ГЧИ, 2000. – С. 28-51.
7. *Слепцов П.А.* Күндэ тылыгар бэлиэтээһиннэр // Күндэ күндү баайа: ыстатыйалар хомуурунньуктара. – Дьокуускай: Бичик, 2002. – С. 60-65.
8. *Слепцов П.А.* С.А. Новгородов уонна билинни саха филологиятын сорох боппуруостара // С.А. Новгородов и новое в якутском языкознании: Сб.ст. – Якутск: Изд-во ЯФ СО РАН, 2003. – С. 7-15.
9. *Слепцов П.А.* А. Е. Кулаковский и судьбы родного языка // Кулаковский и время: сб. науч. ст. – М.: Арт-Флекс, 2003. – С. 366-407.

Н.М. Васильева
ИГИИПМНС СО РАН

П.А. Слепцов сахалыы таба суруйууга үлэтин туһунан

Тыл билимин дуоктара, бэрэпиэссэр, академик Петр Алексеевич Слепцов аата саха тылын үөрэбэр эрэ буолбакка, билинни тюркологияҕа бүтүннүүтүгэр биллэр. Сахалары үөрэтэр гуманитарнай наукалар ситиһиилэригэр олобуран, түүр компаративистикатын түмүктэрин учуоттаан, саха тылын устуоруйатын кэрдиис кэмнэрин түн былыргыттан билингэ диэри барыллаан торумнаабыта [6]. Петр Алексеевич саха литературнай тылын устуоруйатыгар бастакынан төрөөбүт тылбытын историческай контекст ньыматын туттан чинчийиини олохтообута уонна тыл сайдыыта дьон, уопастыба, судаарыстыба сайдыытын кытта ыкса ситимин икки өрүтүн ыйбыта: биир өтгүнэн, олох уларыыылара кэпсэтии да, сурук да тылыгар сабыдыаллаах – сана тыллар, тыл сана пуормалара үөскүүллэр, иккис өтгүнэн, тыл көлүөнэлэри сибээстиир аналлаах, онон литературнай тыл нуормалара уопастыба сайдыытын-үүнүүтүн мэкитиэтэ буолаллар. Кини билинни саха литературнай тылын нуормата атабар туруутун уонна сайдыытын туһунан өр сыллаах чинчийиитэ икки улахан манагыраапынан тахсан, тыл үөрэхтээхтэригэр, тюркологтарга киэн сэнгээриини, биһирэбили ылбыта [10; 11]. Бу үлэлэригэр саха литературнай тылын, ол иһигэр арпагыраапыа боппууостарын араас өттүттэн көрөн сиһилии ырыппыта, үтүмэн элбэх архыып матырыйаалларын ырытан, научнай эргимтэбэ бастакынан киллэрбитэ.

П.А. Слепцов саха литературнай тылын «Саха Өрөспүүбүлүкэтигэр тыллар тустарынан» сокуону онорууга, ылыныыга үлэлэспитэ. Бу сокуону олоххо киллэрэргэ анаммыт судаарыстыба бырагырааматын кэнсиэпсийэтин төрүт балаһыанньаларын ырытан онорбута, үлэ сүрүн туһаайыыларын ыйбыта. Онон Петр Алексеевич өрөспүүбүлүкэбэ тыллар чөллөрүн, сайдыыларын хааччыйахтаах судаарыстыба сана бэлиитикэтэ сокуон-быраап өтгүнэн хааччылыытыгар быһаччы кыттыспыта. Литературнай тыл омук туох баар билиитин-көрүүтүн, култууратын илдэ сылдыар барҕа бааһа, сайдыытын-үүнүүтүн мэкитиэтэ буоларын быһыытынан, саха литературнай тыла сайдыылаах истииллээх, тирминнэрэ, таба суруйуу, таба санарыы, атын да нуормалара чочуллубут, бэрээдэктэммит, үрдүк култууралаах тыл буоларыгар Петр Алексеевич үгүс сыратын биэрдэ, онно олобун анаата.

П.А. Слепцов саха литературнай тылын түөрүйэһитин быһыытынан саха тылын үөрэбин прикладной хайысхаларыгар, ол иһигэр таба суруйуу

бириинсиптэрин, быраабылаларын официальной кодификациялааһын боппууостарыгар улахан кылааты киллэрбитэ. Литература тыла тулхадыйбат туруктаах буоларын акылаата, сурук тылын култууратын төрдө таба суруйуу (арпагыраапыйа) буолар диэн сизэрдээхтик бэлиэтээбитэ [8, с. 226]. Тыл үөрэҕин сайдыытын проблемаларыгар уонна инники хайысхаларын туһунан ыстатыйаларыгар кини саха тылын таба суруйуутун нуормаларын тупсарыыга саха арпагыраапыйатын реформалаан бырабыталыстыбанан бигэргэтии, таба суруйуу улахан тылдытын оноруу, кирии тыллары таба суруйууну бэрээдэктээһин, барыйааннаан суруйууну туораты, быраабыланы судургутуу о.д.а. дьонун суолталаах сорукары тыл үөрэхтээхтэригэр туруорбута [см., напр.: 7, с. 17; 8, с. 198, 226 – 231; 9, с. 10, 26, 40-41 и т.д.].

Петр Алексеевич саха арпагыраапыйата научнай төрүккэ олоҕурбут, практической өтгүнэн табыгастаах, чуолкай, өйдөнүмтүө бириинсиптэрдээх, быраабылалардаах буолуохтаах диэн өрүү бэлиэтиир. Ол курдук, таба суруйуу литература, сурук-бичик тылын нуорматын сүрүн, туттаах салаата буоларынан, саха арпагыраапыйатын сангалы көрүүгэ анал хамыһыһа салайааччытынан, эрдээксийэлиир кэллиэгийэ кылаабынай эрдээктэринэн үлэлээбитэ. Хамыһыһа элбэх дьүүлэһини тэрийэн ыппыта, таба суруйуу туһунан анаан кэпсэтиилэр буолбуттара. Ол түмүгэр 2001 с. сахалы таба суруйуу сана быраабылалара Саха Өрөспүүбүлүкэтин Бырабыталыстыбатынан бигэргэтиллибиттэрэ уонна 41,5 тыһ. тыллаах «Сахалы таба суруйуу тылдыта» тахсыбыта [1]. Эспэриимэн быһыытынан кирии тыллары икки барыйааннаан – сахалы уонна нууччалы олохторунан – суруйуу кирибитэ. Маннык суруйуу быстах кэмнээх этэ. «Тыыннаах тыл бары эйгэтигэр хайаан да уларыйы-тэлэрийи тахса турар. Ол иһин тылга элбэх барыйааннар үөскүүллэр. Ордук эдэр сурук тылыгар оннук куруук баар. Онон сөп буола-буола арпагыраапыйа быраабылаларын, тылдыттарын хат көрөр, улартыны киллэрэр, тупсарар-чочуйар наада буолар», – диэн Петр Алексеевич бэлиэтиир [2, с. 9].

Таба суруйуу тосхоллорун, быраабылаларын хаттаан көрүүгэ төрөөбүт тылга сана бэлиитикэ, сана сыһыан хайаан да учуоттаныахтаах диэн санаанан салайтаран, П.А. Слепцов көбүлээһининэн саха арпагыраапыйатын хат бэрийэн онорор хамыһыһа Саха Өрөспүүбүлүкэтин Бырабыталыстыбатын уураабынан 2012 с. алтынны 30 күнүгэр бигэргэнэн тэриллитэ. Хамыһыһаҕа тыл үөрэхтээхтэрэ эрэ буолбакка, биллэр суруйааччылар, суруналыыстар, эрдээктэрдэр, саха тылын учууталлара үлэлэспиттэрэ. Кинилэр Саха сиригэр араас улуустарыттан төрүттээхтэр, ол гынан баран, бэйэлэрэ туттар эбэтэр бэйэлэрин түөлбэлэригэр тарҕаммыт барыйааннары эрэ өрө туппакка, хас биридии тылы кимнээх хайдах туттубуттарын хасыһан үөрэтэн, онон сирдэтэн, таба суруйуу боппууостарын көхтөөхтүк дьүүллэспиттэрэ. Хамыһыһа барыта 40-тан тахсата мунньахтаан, таба суруйуу тылдытын куорпуһун барытын хат көрөн, элбэх

көннөрүүнү, уларытыны, эбиини, көбүрэтиини киллэрбитэ, кизнник туттуллар кириин тыллар сахалы көрүннэринэн сурулларын быһаарбыта, уопсайынан, тылдыт наука өтүнэн төрүтүн бөбүргөтөр хайысханы тутуспута. Манна барытыгар Петр Алексеевич ыйааһыннаах этиитэ, теоретической ыйыыта учуоттаммыта. Холобур:

1. Тыл биирдик суруллар буоллабына киһиэхэ барытыгар тута өйдөнөр. Оччоҕо тыл бэйэтин сүрүн аналын – бодоруһуу сириэстибэтэ буоларын энкилэ суох толорор кыахтанар.

2. Тыл халбаннаабат бигэ арпагыраапыһаалаах эрэ буоллабына, онно тирэбирэн, сурук тыла сыһаа тупсар, байар. Ол иһин арпагыраапыһа сурук тыла дьэнкэ, тута өйдөнүмтүө буоларын хааччыарын таһынан, литература тылын байытарга тирэх буолар.

3. Арпагыраапыһаны тутуспакка ким талбытынан суруйа сырыттабына, тыл култуурата сүтэр, сыһаа суруйуу бүрүүкүүр, оччоҕо биһиги үүнүүбүт-сайдыбыт төһүүтэ буолар сурук тыла кэхтэн хаалар кутталлаах.

4. Саха тылын арпагыраапыһатын салалта быһыытынан ылыллыбыт сүрүн бириинсибэ – фонетической бириинсип буолар. Бу бириинсип тыл сүрүн сокуоннарыгар, санарыы, суруйуу үөрүйэбэр олобулар, санарыы сүрүн үөһүн тутуһар [2, с. 8; 14].

Сахалы таба суруйуу эрдээксийэлэммит сана быраабылаларын СӨ Быраабыталыстыбата 2015 сыл ахсынны 22 күнүнээҕи 501 №-дээх уураабынан бигэргэппитэ. Бу быраабылаларга олобуран 32 тыһ. тыллаах «Сахалы таба суруйуу тылдыта» 2015 с. бэчээттэммитэ, таба суруйуу уонна сурук бэлиэтин быраабылалара туспа брошюранан тахсыбыта [2; 3].

П.А. Слепцов саха арпагыраапыһатын муһаах түбэлтэлэрин сиһилии ырытан түмүтэ. Ол курдук, ордук мөккүөрдээх боппуруостарынан кириин тыллары сахатытан суруйуу, элбэх барыйааннаах тыллары тылдыкка киллэриин, наука, тиэхиньикэ тылларын, тиэрминнэрин таба туттуу о.д.а. буолаллар. Итиннэхэ саха тылын сүрүн фонетической бириинсибинэн салайтарыы уонна хас уонунан сылга ингэринэн кэлбит нууччалыы суруйар үөрүйэхпит хайдах буолуохтаабын, хайдах учуоттаныахтаабын быһаарарга Петр Алексеевич көрүүтэ, биллэн турар, ураты суолталаах. Ол курдук, кини этиилэриттэн манныгы чорботон бэлиэтиибин:

1) Сахатыты киһинээх эрэ була сатаан онорор бабалара буолбатах. Бу – наука билиинитэ, олохпут, устуоруйабыт көстүүтэ. Өссө өрөбөлүүссүйэ иннинэ 3 тыһ. тахса нуучча тылыттан кириин тылы төрөөбүт тылбыт эт-хаан курдук ингэриммитэ.

2) Биһиги тылбыт сокуоннара тыйыстар: дорҕоон дьүөрэлэхэр сокуонун, сыстыһыы (агглютинация) сокуонун, дорҕооннор уларыһар-тэлэрийэр сокуоннарын уо.д.а. тылбыт ыга тута сылдыар.

3) Кириин тыллар саха тылын сокуоннарыгар бас бэринэн олохсуйдахтарына эрэ, тылы дьиннээхтик байыталлар [2, с. 15].

Саха литературнай тылын, чуолаан, арпагыраапыйатын сайдытыгын туһунан Петр Алексеевич чинчийиилэрэ саха тылын барбардар туһугар утумнаахтык үлэлэспит уонна үлэлии сылдьар биллиилээх дьоммут үлэлэригэр олобурулар. Кини саха суругун устуоруйатын, ааспыт үйэ 20-30-с сс. тыл тутуутун боппууостарын чинчийиигэ үлэлээбит судаарыстыбаннай-бэлиитиэскэй дийэтэллэр, тыл үөрэхтээхтэрин саха литературнай тылын, таба суруйуу боппууостарыгар үлэлэрин дьиннээх наука харабынан көрөн ырытар [4]. Саха норуотун чулуу дьоно А.Е. Кулаковскай-Өксөкүлээх Өлөксөй, С.А. Новгородов, П.А. Ойуунускай, Г.У. Гермогенов-Эргис, А.А. Иванов-Күндэ, Г.В. Баишев-Алтан Сарын, К.О. Гаврилов о.д.а. тыл тутуутугар, чуолаан таба суруйууга, оччотообу мөккүөрдээх кэмнэ үлэлэриттэн билинни арпагыраапыйа утумнуурун өрүү ыйар. П.А. Ойуунускай саха литературнай тыла уопсастыба бары ирдэбилин толорор нуормаламмыт, бигэ тыл буолуохтаах дьин баба санаата билинни саха литературнай тылын түөрүйэтигэр уонна быраактыкатыгар ситэ-хото толору киирэ илигиттэн Петр Алексеевич хараастар [5, с. 10].

Тыл үөрэхтээхтэрэ Л.Н. Харитонов, Н.С. Григорьев, Н.Д. Дьячковскай, Н.Е. Петров о.д.а. чинчийиилэрин түмүктэрэ саха тылын билинни тирээн турар тыын боппууостарын кытта ыкса ситимнээбин Петр Алексеевич тоһоһолоон бэлиэтиир. Ол курдук, П.А. Слепцов Л.Н. Харитоновы саха тылын прикладной боппууостарыгар, чуолаан арпагыраапыйаба уонна тылдыт үлэтигэр утумнаахтык үлэлээбит литературнай тылы нуормалааччы быһыытынан чорботон бэлиэтиир [8, с. 131]. Н.С. Григорьевы саха тылын үөрэбэр бэйэтэ ураты миэстэлээх, суоллаах-иистээх учуонайынан аабар, литературнай тыл боппууостарынан дьарыктаммытын бэлиэтээн туран, таба суруйуу боппууостарынан эмиэ утумнаахтык дьарыктаммытын, 30-с сыллардабы таба суруйууну грамматикаба киллэрэн, хас биирдии сана чааһын, категорияларын сөптөөхтүк суруйууну олохтуурга дьулуспуга дьин сыаналыыр [Эмиэ онно, с. 121]. Н.Д. Дьячковскайы саха тылын үөрэбэр уонна тюркологияба саха тылын дорбоонун тиһигин фундаментальной чинчийиитинэн дьохуннаах кылаат киллэрбит биллиилээх учуонайынан ааттыыр. Ол курдук кини үгүс көрүүтэ, балаһыанньата саха литературнай тылын таба суруйуутун уонна таба сагарыытын бэрээдэктээһиннэ научнай төрүт буолар дьин быһаарар [Эмиэ онно, с. 155]. Н.Е. Петрову чинчийэр матырыйаалын историческай өттүнэн, туттуллуу өттүнэн литературнай нуормаба сыһыаран көрөрүнэн үлэтэ барыта литературнай тыл сайдытыгар, тыл култууратыгар быһаччы сыһыаннаахтарынан күүстээхтэр, ураты туһалаахтар дьин ыйар [12, с. 37].

Онон, сахалыы таба суруйууну тупсарар, сайыннарар үлэбэ бөдөн учуонай, академик Петр Алексеевич Слепцов научнай кэнсиэпсийэтэ, литературнай тылга түөрүйэтэ, чинчийиитэ өрүү тирэх, төһүү буолар.

Литература

1. Сахалы таба суруйуу тылдыгыта. – Якутск: Сахаполиграфиздат, 2002. – 543 с.
2. Сахалы таба суруйуу тылдыгыта. – Якутск: Бичик, 2015. – 480 с.
3. Сахалы таба суруйуу уонна сурук бэлиэтин быраабылалара. – Якутск: Бичик, 2016. – 48 с.
4. *хол., көр:* Слепцов П.А. Кулаковский и судьбы родного языка // Кулаковский А.Е. и время. – М., 2003. – С. 366 – 407; Слепцов П.А. О работах Г.У. Эргиса по якутскому языку // Мифология народов Якутии (Сб. науч. трудов). – Якутск: Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1980. – С. 83-92; Слепцов П.А. С.А. Новгородов – создатель массовой якутской письменности, первый ученый-лингвист // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2017. – № 1 (18). – С. 65 – 70; Слепцов П.А. У истоков современного литературного языка (участие К.О. Гаврилова в языковом строительстве) // Слепцов П.А. Төлкөнү түстүүр төрөөбүт тыл. – Якутск: Северовед, 1999. – С. 157 – 161. Слепцов П.А. П.А. Ойунский и языковая политика // П.А. Ойунский: мифы и реальность. – Якутск, 2004. – С. 101 – 120.
5. *Слепцов П.А.* Разработка П.А. Ойунским научно-теоретических основ якутского литературного языка // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2013. – № 2 (7). – С. 5 – 10.
6. *Слепцов П.А.* Саха тылын историята. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2007. – 287 с
7. *Слепцов П.А.* Саха тылын чинчийии сана кэрдиис кэмэ // Саха тылын наукатын туруу үлэһитэ П.А. Слепцов төрөөбүтэ 65 сыла. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1996. – С. 8 – 42.
8. *Слепцов П.А.* Ступени и проблемы якутского языкознания (сборник научных статей). – Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2008. – 544 с.
9. *Слепцов П.А.* Төлкөнү түстүүр төрөөбүт тыл. – Якутск: Северовед, 1999. – 188 с.
10. *Слепцов П.А.* Якутский литературный язык. Истоки, становление норм. – Новосибирск: Наука, 1986. – 262 с.
11. *Слепцов П.А.* Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм. – Новосибирск: Наука, 1990. – 276 с.
12. *Слепцов П.А.* Тыл дирин чүөмпэлэрин уһулуччулаах чинчийээччи // Саха тылын уонна устуоруйатын былыргы боппуруостара (кэмпириэнсийэ матырыйааллара). – Дьокуускай: СГУ изд-та, 2010. – С. 33 – 40.

Г.И. Гурьев

М.К. Аммосов аатынан ХИФУ

Тылы таба суруйуу – билинги кэмнэ

Таба суруйуу – литература, сурук-бичик тылын нуорматын сүрүн, тутаах салаата. Ханнык баҕарар тыл арпагыраапыята сурук-бичик култууратын тупсарарга, литэрэтиирэлии тыл нуорматын олохсатарга, бөҕөрөгөтөргө, көмөлөөх, аналлаах [1, с. 25].

Саха суруга 1939 с. нууччалыы алпаабыкка киирбитэ, онон оскуолаҕа латынныы алпаабыты үөрэтии тохтообута. Устунан өрөспүүбүлүкэҕэ бэркэ тэнийэн испит үөрэх тосхолун төрүттүтүү (коренизация) тохтообута, ол оннугар нууччататыгы күүһүрбүтэ [2, с. 48].

Бэлиитикэ итинник хайысхаламмытын кэннэ саха арпагырааппыйата эмиэ ол суолу тутуспута. Бырабытталыстыба улахан суолтаны уурбутун түмүгэр анал хамыһыйа тэриллититэ. 1940 с. В.Н. Чемезов уопсай эрдээксийэтинэн Л.Н. Харитонов, П.П. Барашков, И.И. Барашков, Д.К. Сивцев «Саха тылын орфографической ыйынныга» диэн ааттаах үлэлэрин таһаарбыттара [6, с. 3].

Үрдүкү салалта Үөрэх министиэристибэтигэр учуобунньуктары, көмө босуобуйалары бу арпагырааппыйаҕа тирэбирэн онороругар кытаанахтык ыйбыта. Хаһыат, кинигэ кыһатын үлэһиттэригэр сана арпагырааппыйаны халбаннаабакка тутуһалларыгар эмиэ оннук ыйыы-кэрдии бэриллититэ.

1963 с. П.П. Барашков, Н.Е. Петров «Саха тылын орфографической тылдытын» онорбуттара, ону Л.Н. Харитонов эрдээксийэлээбитэ. 1975 с. ити тылдыт тупсарыллан тахсыбыта. Бу тылдыкка кириити тыл олоҕо хайдах баарынан, атыннык эттэххэ, нууччалыы суруллар. Холобур, *лётчик, личность, медаль, настроение, парк, самолёт, скорой помощи*, о.д.а.

Академик П.А. Слепцов саамай сөпкө «саха суругун-бичигин устуоруйата көрдөрөрүнэн, кэлтэйдии нуучча кыраапыкатыгар уонна арпагырааппыйатыгар тирэбирбит сурук-бичик өрүттүбэт» диэбитэ [7, с. 12]. Холобур, ону төрөөбүт тылы оскуолаҕа үөрэтии урукку бырагырааматыгар, учуобунньуктарыгар да көрүүххэ сөп.

2000 с. тахсыбыт сахалыы оскуола бырагырааматыгар 5-с кылааска сана дорҕоонун үөрэтии сорууга маннык эбит: саха тылын дорҕоонун ураты айылгытын көрдөрөн, саха тылын үйэлээх үгэстэрин харыстыырга олук охсор. Үөрэнээччи нуучча тылын сабыдыалынан сахалыы санарыыны, литературнай нуорманы кэһиини арааран билэр буолуохтаах [5, с. 5-11]. Сана дорҕоонноро дьүөрэлэһиилэрин, наарданылары 12 урук устата үөрэтэн баран, учуобунньук 39-с бараагырабыгар «Октябрьской революция кэнниттэн, дьон үөрэхтэммитин кэннэ, ордук сурукка киирэн тарҕаммыт тыллар олохторо нууччалыы этиллэллэр... Онон нуучча тылыттан киирбит тыллары соробун сахалыы, үгүс өттүн олохторун нууччалыы суруйабыт» диэн этиллэр [4, с. 89]. Учуобунньук тылдытыгар *пароход, перемена, пистолет, посылка, почта*, о.д.а. тыллары, били, саха тылын үйэлээх үгэстэрин харыстыыр оннугар, төттөрүтүн, урусхаллыыр суолу тутуһуллар [4, с. 167].

Учуутал маны хайдах да билбэт буолуон сатамат. Ол да буоллар салалта ити курдук ирдиир диэн санааттан көрүнүүккэ үөрэтэригэр тийэр. Үөрэнээччи даҕаны син биир учууталын курдук сыһыанна иитиллэр. Түмүгэр оҕо төрөөбүт тылын даҕаны, сахалыы суругу-бичиги даҕаны ытыктаабат буола улаатар.

2002 с. быһык кэмнэ туттуллар аналлаах «Сахалыы таба суруйуу тылдыта» бэчээттэнэн тахсыбыта. Тылдыт сүрүн уратыларыттан биирдэстэрэ «саха тылын төрүт сокуоннарыттан тахсар, норуокка үөрүйэх, үгэс буолбут нуормаларыгар олобуруу, онно харыстабыллаах сыһыаны төрүт онгостуу» диэн [2, с. 4].

Саһа тылдыт онһулуубут төрүөтэ манһык ыйылар: «Билигин урут нууччалыы суруллар тыллары сахатытан суруйуу тосһоло хаһыаттарга, атын да сурукка киирэн иһэр. Онон сахатыйар кыахтаах, анал ырытан онһулуубут сахатытыы кириитиэрийдэригэр сөп түбэһэр тыллар сахалыы көрүнгүнэн суруллуохтааһтар. Оннук мэкһиэлэринэн, хоһобур, буолаллар: тыл киирбитэ өр буолбута, киэнник, элбэхтик туттуллара, этэргэ табыгастааһа, о.д.а.» [2, с. 5].

Тылдыт биир уратыта нуучча тылыттан киирии тыллары икки араас барыйааннаан – нууччалыы эбэтэр сахалыы, ол аата сахатытан да, нууччалыы да олоһторунан суруйары көнүллүүрө, а.э., хайа да барыйааны сыһанан ааһпата буолар. Маны, дынгэр, саһа арпагыраапыйаны тутуспаһка, 1963 сыллааһы (иккистээн тахсыта 1975 с.) эргэ тылдыты тутуһан суруйарга «көнүл» бэриллибит диэххэ сөп. Кырдык, өр кэмнэ олоһсуйбут үөрүйэһинэн (киирии тылы нууччалыы көрүнгүнэн) суруйар быдан чэпчэһитэ биллэр.

Саһа тылдыты биир бастакынан «Кыым» хаһыат эрдээксийэтэ туттубута. Хаһыат үлэһиттэрэ төрөөбүт тыл үйэлээх үгэстэрин харыстыыр инниттэн дыһаныһан туран үлэлээбиттэрэ. Икки барыйаантан аһаардас сахалыы суруллуутун талбыттара. Ону бастаан утаа ааһааччы үкэс сөбүлээбэтэһэ: «тылы алдыатаһыт», «билээһимсийэһит», «омугумсуйууга оһтоһут», «Кыым» хаһыаты аһы сурутуохпут суоһа» диэн суоһуруһаммыта.

Ол эрээри сыралаһан өйдөтүү уонна саһа тылдыты (2000 с.) Саһа Өрөспүүбүлүкэтин Бырабытыталыстыбата бигэргэһпитэ диэн тиһиктээхтик быһаарбыт кэннэ арыый уоскуйа быһыытыһыттарата. Үөрэхтээх, тылга сыһаннаах өттө, ол иһигэр көрдөрөр-иһитиннэрэр эйгэ үлэһиттэрэ, «саһа тылдыт икки барыйааннаан суруйары көнүллүүр, онон биһиги нууччалыы көрүнгүнэн суруйар бырааптааһпыт» дииллэрэ. Бу боппуроска араас таһымнаах кэмпириэнсийэлэр, төгүрүк оһуоллар буолбуттара, хаһыакка таба суруйууга аналлаах балачча ыстатыйа бэчээттэммитэ. Ол үрдүнэн Үөрэх министиэристибэтигэр туох да хамсааһын тахсыбатаһа, саһа тылыгар үөрэнэр киһигэлэр 1975 сыллааһы тылдыты тутуһан, бэл, 2009 с. кытта бэчээттэммиттэрэ.

Ол аата учууталлар оһуолаһа төрөөбүт тыл үйэлээх үгэстэрин көрүһүүккэ эрэ үөрэһпит курдук буолан тахсаллар. Хоһобур, төрөөбүт тылгыт үйэлээх үгэһин тутуһан, хайдах саһараргытыгар тирэһирэн сөпкө суруйуохтааһыт диир эрээри, хайаан да *площадь, повар, принцип, пистолет, программа...* диэн суруйарга күһэйллэрэ.

Төрөөбүт тылга саһа бэлиитикэ, саһа сыһан улаһан сэргэхсийиһии үөскэһпитэ. Ол барыта иһитиннэрэр-биллэрэр киэн эйгэһэ тахсыбыта, ханна

баҕарар, ордук интэлигиэнсийэ ортотугар, көстөр-биллэр буолбута, тэнийбитэ. Идэлээхтэр ортолоругар таба суруйуу тосхоллорун, быраабылаларын хаттаан көрүүгэ төрөөбүт тылга итинник сана бэлиитикэ, сана сыһыан хайаан да учуоттаныахтаах диэн бигэ санаа үөскээбитэ [3, с. 3].

Академик П.А. Слепцов 1990 с. «Саха суругун-бичигин устуоруйата көрдөрөрүнэн, кэлтэйдии нуучча кыраапыкатыгар уонна арпагыраапыйатыгар тирэҕирбит сурук-бичик өрүттүбэт» диэбитин ыраабы өтө көрүү курдук сыаналыахха сөп. Икки барыйаанынан суруйары көгүллүүр тылдыт литэрэтиирэлии тыл нуорматын бөҕөргөппөтө 13 сыл устата дакаастаннаҕа.

2015 с. «Сахалыы таба суруйуу тылдыта» тахсыбыта. Бу тылдыкка арпагыраапыа төрдүттэн уларыйбатаҕа, саха тылын ис сокуоннарыгар, үөрүйэх буолбут нуормаларыгар олоҕурбута, ол аата, сүннүнэн, хайдах сангарылларын курдук суруллар тосхолу тутуспута.

СӨ Үөрэҕин министиэристибэтэ Хотугулуу-Илинни олохтоох омуктар тылларын, култуураларын үнүстүүтүн кытта дуогабардаһан, 2016 с. 5-9 кылааска үөрэнэр саха тылын учуобунньуктарын онорторон, бэчээттэтэн таһаарда. Бу үөрэнэр кинигэлэр сана арпагыраапыаҕа олоҕураллар. Учуобунньук сыһыарытыгар быһаарылаах тылдыт, синиэньим тылдыта, сомоҕо домох тылдыта уонна таба суруйуу тылдыта киирбиттэрэ. Онон үөрэнээччи 5-с кылаасан сана арпагыраапыаҕа үөрэнэн тахсыахтаах. Ол эрэри билигини туругунан учууталлар урукку курдук суруйалларыттан аккаастана иликтэр, оскуолаҕа тылы таба суруйуу сана быраабылатыгар ситэ үлэлээбэттэр.

Урукку үөрүйэхтэн аккаастанар хаһан баҕарар уустук. Холобур, урут «Саха сирэ» хаһыат эрдээксийэтэ киирии тылы суруйууга, сүннүнэн, нууччалыы көрүнүн талар эбит буоллаҕына, кэлингинэн сана арпагыраапыяны тутуһар. «Ил Түмэн» хаһыакка билигин даҕаны «республика» диэн суруйаллар.

Хомойуох иһин, киирии тылы сахалыы көрүнүнэн суруйарынан биллибит «Кыым» хаһыат кэлингинэн ити тэтимин мөлтөтө быһыытыда. Холобур, «инвестиция» (инбэстииссийэ), «история» (устуоруйа), «фрукта» (буруукта), «резервэ» (эрэсирбэ), «методист» (мэтэдьиис), «мелодист» (мэлэдьиис) курдук тыллары нууччалыы көрүнүнэн суруйар буоллулар. Сахалыы көрүнүнэн суруллубутун үрдүнэн нууччалыы гына көннөрөн туран. Кэрэспэдьиэн сана тылдыты туһана сатаабат, арааһа, 480 сирэйдээх диэн, саллан быһыылаах. Эбиитин эркэлээмэ биэрэр тэрилтэлэр сороҕор «биһиги эһиэхэ харчы төлүүбүт, онон сахатытан суруйбуккутун нууччалыы гына көннөрүн» диэн модьуйаллар. Ол аата сана арпагыраапыяны билиниэхтэрин да баҕарбаттар.

Хотугулуу-Илинни олохтоох омуктар тылларын, култуураларын институтугар, бэл, преподавателлэр эргэ арпагыраапыяны сирдыт онгостон суруйаллар. Устудьуоннары этэ да барыллыбат. Тылы таба суруйууга, сурук бэлиэтигэр факультатив быһыытынан биир эрэ сэмиэстиргэ үөрэтиллэр. Ону

даҕаны саха салаатын эрэ устудьоннарыгар (биир бөлөххө – мунгутаан 5 устудьонна). Сана арпагыраапыйаҕа анаан соруудах биэрдэххэ, устудьоннар «ол аата сахатытан суруйабыт дуо?» диэн ыйытталлар. Сахалыы таба суруйуу сана тылдыта баарын билбэт курдук тутталлар. Быйыл-эһиил үрдүк үөрэхтээх исписэлиис буолуохтаах дьоммут сана тылдыты туһамматтар.

Мантан көстөрүнэн, тылы таба суруйууга хайа да таһымна суолта ууруллубат эбит диэн түмүк оноруохха сөп. Көрдөрөр-иһитиннэрэр эйгэбэ тустаах хонтуруол суох. Араас биллэриигэ толоос сыһа элбэх буолар.

«Бичик» кинигэ кыһата бэчээттээбит бородууксуйата, чуолаан тылдыт, учуобунньук, олус ыарахан сыаналаах. Холобур, «Сахалыы таба суруйуу тылдыта» – 400 солк. кэринэ, отгон саха тылын учуобунньуга 500-чэкэ солкуобай сыаналаахтар. Маныаха холоотоххо, 1975 с. тахсыбыт дьобус тылдыт баара-суоҕа 35 харчылаах этэ.

Академик П.А. Слепцов тыл бэйэтэ туспа сокуоннаах, туох да хааччаха бэриммэт, олус үһүндүк сөптөөх суолун булар диэн санааны эппиттээх. Онон тылы таба суруйуу даҕаны төһө эрэ кэминэн бигэ суолга үктэниэбэ диэн эрэл баар.

Литература

1. *Винокуров И.П., Винокурова Н.И.* Саха тылын арпагыраапыйата: Үөрэнэр босуобуйа. – Дьокуускай: СГУ издательствота, 2002. – 70 с.
2. Сахалыы таба суруйуу тылдыта. /СР НА ГЧИ; Редкол.: В.М. Анисимов у.д.а. – Дьокуускай, Сахаполиграфиздат, 2002. – 543 с.
3. Сахалыы таба суруйуу тылдыта: [эрэдээксийэлиир хамыһыйа: А.Г. Нелунов у.д.а.] – Дьокуускай: Бичик, 2015. – 480 с.
4. Саха тыла: 5 кылааска үөрэнэр кинигэ / Н.Е. Петров, С.А. Иванов, Н.Н. Неустроев, С.С. Семёнова; [Н.Е.Петров редакциятынан]. – 2000 сыллааҕы учебник тираһыгар эбии таһаарыы. – Дьокуускай : Бичик, 2009. – 192 с.
5. Саха тыла. 5 – 11 кылаас. Сахалыы оскуола программа. – Дьокуускай, 2000.
6. Саха тылын орфографической тылдыта. Көннөрөн, эбэн хос таһаарыы. Л.Н. Харитонов, Н.Е. Петров редакцияларынан. Якутск. Кн. изд-во, 1975. – 192 с.
7. *Слепцов П.А.* Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм. – Новосибирск: Наука, 1990. – 277 с.

А.М. Николаева
ИГиИПМНС СО РАН

П.А. Слепцов об экспрессивности якутской речи

Еще в начале XIX в. В. Гумбольдт отметил, что язык как деятельность человека пронизан чувствами. В настоящее время лингвистика вновь обратилась к учению, призывающему изучать язык в тесной связи с человеком. При таком

подходе к языку явления, служащие выражению и вызыванию личностно обусловленных реакций и отношений, а также речевые эффекты, создаваемые с этой целью, приобретают особую актуальность. Экспрессивная функция языка оценивается многими лингвистами как самая важная и существенная.

Экспрессивность в лингвистике рассматривается как речевая и как языковая категория. Но разграничение речевой и языковой экспрессивности не означает, что они представляют собой два разных полюса. Экспрессивность речи относится к широкому пониманию экспрессивности: «Как речевая (прагматическая) категория она традиционно отождествляется с выразительностью – усилением впечатления от сказанного» (Галкина-Федорук, 1958). Наиболее подробно вопросы экспрессивности были описаны франко-швейцарским лингвистом Шарлем Балли в трудах «Французская стилистика» (1909), «Язык и жизнь» (1913), «Общая лингвистика и вопросы французского языка» (1932). Балли впервые выделил такую науку, как «экспрессивная стилистика» – науку, изучающую экспрессивно-эмоциональный аспект языка. Он особо подчеркивал связь языка с жизнью: «Соприкасаясь с жизнью, язык пропитывается аффективностью, где каждое слово может получить оценочное значение. В процессе говорения сами идеи деформируются под влиянием аффекта, что подтверждается обилием в живой речи образных выражений, метафор» [2, с. 110].

Как пишет А.Т. Панасюк: «Категория экспрессивности в широком смысле включает все речевые и языковые средства, создающие выразительность, яркость, образность высказывания. Категория экспрессивности в узком смысле включают только языковые виды экспрессии» [6, с. 12].

Речевая экспрессивность располагает широким арсеналом средств, порой не поддающихся систематизации.

В якутском языкознании вопросы экспрессивности стали выдвигаться, начиная с 90-х годов (П.А. Слепцов, П.С. Афанасьев, В.И. Лиханов и др.).

В.И. Лиханов является исследователем, который впервые исследовал категорию экспрессивности в якутском языке и защитил кандидатскую диссертацию, тем самым заложил основу теории экспрессивности-эмоциональности в якутском языке (Лиханов, 1994). П.А. Слепцов, как научный руководитель диссертационной работы В.И. Лиханова, пишет: «Язык фольклора, особенно олонхо, пропитан особой лексикой, несущей в себе все краски, оттенки человеческих чувств. И это качество языка фольклора оказало огромное влияние на разговорный язык народа. Такие красочные слова, образно выражающие наши чувства, мысли являются самой яркой стороной лексики. Исследователем, который впервые обратил на них внимание, на их особую семантику, высоко оценил, подробно изучил, является В.И. Лиханов» (Ахтылар, 22-23).

П.А. Слепцов всегда отмечает, что якутский литературный язык наделен богатыми экспрессивными ресурсами, особенно язык художественной литературы

и разговорный язык. В серии монографий «Якутский литературный язык. Истоки, становление норм» (1986) и «Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм» (1990) П.А. Слепцов особо выделяет выразительность и красочность якутской речи. Тема экспрессивности, выразительности якутского языка подробно рассмотрена в этих книгах П.А. Слепцова. Так, П.А. Слепцовым сделан подробный анализ языка произведений зачинателей якутской художественной литературы А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова, Н.Д. Неустроева, основоположника якутской советской литературы П.А. Ойунского, писателей классиков А.А. Иванова Кюндэ и С.С. Яковлева Эрилик Эристиин. При этом большое внимание уделяется своеобразному стилю писателей, употреблению ими народных выразительных средств, образных слов, формульных элементов, афоризмов, ит.п., что придают произведению особую экспрессивность. Обобщая наблюдения над языком произведений А.Е. Кулаковского П.А. Слепцов пишет, что значение его творчества с точки зрения развития норм литературного языка состоит в том, что он «демонстрировал своеобразную красоту, богатство народного языка, отшлифованные многовековым развитием фольклора, и дал ему более совершенную форму в духе устной народной традиции. С точки зрения нормы особый интерес представляет его бережное отношение к традиционным средствам языка, стремление выявить все оттенки и нюансы живого слова, использовать все наиболее яркое, семантико-стилистически выразительное в народном языке» [7, с. 85].

В произведениях А.И Софронова экспрессивность передается также при помощи традиционных выразительных средств. Однако, как выявил П.А.Слепцов, будучи взыскательным художником, он искал новые формы, средства художественно-языкового выражения действительности. Фольклорные выражения, формулы, метафоры в поэзии Софронова встречаются в виде прямых цитаций все реже. Они обычно присутствуют в виде тонких поэтических реминисценций. Произведения А.И. Софронова полны своеобразными эпитетами, афоризмами. «Основным признаком и наиболее сильной стороной поэтического слова Софронова является необычность, необыденность словосочетаний, которые делают слово очень выразительным, емким, впечатляющим [7, с. 94].

П.А. Слепцов рассмотрел особенности языка поэзии А.И. Софронова в основном на уровне лексических единиц. Особо отмечает стихотворения «К родному краю», «Костер у шалаша», «Полярная ночь», «Утренняя звезда» и др., которые «отличаются богатством эмоционально-экспрессивной лексики, точностью и яркостью эпитетов, свежими поэтизмами» [7, с. 95].

Выделено обильное употребление парных и удвоенных слов, что также создает необычную экспрессивность: «Многие эмоционально-экспрессивные парные наречные образования (*бадаҕа-майгыта, кэтэбэ-кэмэ, суолтата-суобаһа, ахсаана-арда* и т.п.) не имеют самостоятельного значения и образуют с

глагольными словами неразрывное семантическое единство. Они обладают сильным эмоционально-экспрессивным зарядом» [7, с. 98].

Анализируя язык творчества П.А. Ойунского, П.А. Слепцов также отметил «многообразие изобразительных средств народного языка: образные слова с различными эмоционально-экспрессивными оттенками, разнообразие звукоподражаний»: «В громадном большинстве своих произведений Ойунский прибегает к изобразительной лексике, связанной с положительной экспрессией, порождающей чувства радости, восхищения, яркого света» и пишет, что «вопрос этот требует специального рассмотрения» [7, с. 178].

О языке произведений Эрилик Эристиина отмечено то, что он в совершенстве владел народным разговорным языком и языком фольклора. Анализируя основные особенности языка рассказов и повестей Эрилик Эристиина, П.А. Слепцов выделяет именно экспрессивную сторону языка писателя. В качестве примера он приводит слово «баџаттан» из рассказа «Хачыгыр»: «Тааһы иккиһин куруппалаппат *баџаттан* – чтобы не дать камню молоть во второй раз. Слово «баџаттан» в принципе можно было заменить синонимами «наадаттан» «наадатыгар» или послелогом «иһин». Однако последние придали бы фразе книжно-письменный налет. Вариант же писателя является более традиционным, изображающим невыносимую жизнь сироты батрачка. При этом более важным является то, что лексема «баџаттан» обладает в общем контексте большой экспрессивной силой» [8, с. 167]. В том, что язык Эристиина обладает «огромной эмоционально-экспрессивной выразительностью», П.А. Слепцов видит два важных истока:

1. Писатель привержен первичной, лингвистической экспрессивности якутского языка. Здесь П.А. Слепцов выделяет многочисленные синтаксические конструкции и изобразительные слова: «Широко развитые в якутском языке так называемые изобразительные слова имеют резко выраженную эмоционально-оценочную экспрессию. Эрилик Эристиин мастерски пользуется этой первичной лингвистической экспрессивностью якутского разговорного языка»

2. Тесная связь с родным фольклором. Огромное влияние языка фольклора несет на себе повествовательный язык самого писателя [7, с. 174].

В конце анализа языка произведений Эрилик Эристиина П.А. Слепцов делает заключение, что «в произведениях Эрилик Эристиина можно проследить процесс превращения первичной – языковой – экспрессивности во вторичную – художественную (в узком смысле – художественную тропичность) [7, с. 178].

Якутский народный язык – это, прежде всего язык фольклора и разго-ворная речь народа. Они оказали огромное влияние на развитие и формирование современного якутского литературного языка. В монографии П.А. Слепцова исследованию языка фольклора, его отношения к литературному языку посвящена отдельная глава. Он пишет, что «литературный язык – это освоенная письменной

литературой сокровищница национальной духовной культуры народа. Кладовая экспрессивности якутской речи – это фольклор, исконная, самобытная речь якутов» [7, с. 152].

По заключению фольклористов и языковедов, язык фольклора являлся устным литературным языком якутского народа. П.А. Слепцов отмечает, что «такое положение языка фольклора предопределило его огромное влияние на разговорный язык народа, формирование своеобразия его норм. Оно состоит в совершенно свободном употреблении большого количества вариантных средств языка, в том числе сильно развитой синонимии, афористических, формульных элементов, ставших достоянием общего разговорного языка. Другая особенность разговорного языка – его насыщенность эмоционально-экспрессивной лексикой, особенно изобразительными словами, усиленное влияние фольклора» [6, с. 11].

Именно любовь к красноречию является фактором зарождения такого богатого якутского фольклора, который сыграл огромную роль в формировании и развитии якутского литературного языка.

Уникальный материал для исследования экспрессивности якутского языка представляют собой изобразительные слова. В состав изобразительных слов якутского языка входят образные и звукоподражательные слова. Они рассматриваются исследователями как «особый пласт экспрессивной лексики якутского языка» (П.А. Слепцов, П.С. Афанасьев, В.И. Лиханов и др.). П.А. Слепцов относительно таких слов высказал важный тезис о том, что их основное значение – именно экспрессивность: «Широко развитые в якутском языке, так называемые изобразительные слова имеют резко выраженную эмоционально-оценочную экспрессию. Вернее было бы сказать, что в изобразительных словах экспрессивность является настолько доминирующей, что она фактически представляет собой основное значение этих слов, формирующееся в основном на уровне представлений» [7, с. 174].

Таким образом, академиком П.А. Слепцовым обоснованы важные теоретические взгляды на вопросы экспрессивности. Он заложил мощный фундамент для дальнейшего исследования якутского языка во многих аспектах, в том числе исследования данной категории.

Литература

1. Ахтыылар. Олоххо үтүө өйдөбүлү хаалларбыта (В.И. Лиханов туһунан) – Дьокуускай: 2004 – 90 с.
2. *Балли Ш.* Язык и жизнь / пер. с франц. – М.: Изд-во иностр. лит., 1952. – 309 с.
3. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка / пер. с франц. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 210 с.
4. *Балли Ш.* Французская стилистика / пер. с франц. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 369 с.
5. *Галкина-Федорук Е.М.* Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию – М.: Изд-во МГУ, 1958. – С. 103-105

6. *Панасюк А.Т.* К вопросу об экспрессии как лингвистической категории // Вестник МГУ Филология 1973. – №6. – С. 29-38

7. *Слепцов П.А.* Якутский литературный язык: Истоки, становление норм. Ч. 1. – Новосибирск: Наука, 1986. – 260 с.

8. *Слепцов П.А.* Якутский литературный язык: Формирование и развитие общенациональных норм. Ч. 2. – Новосибирск: Наука, 1990. – 273 с.

Л.В. Роббек
ИГИиПМНС СО РАН

П.А. Слепцов о якутской лингвофольклористике

П.А. Слепцов – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела якутского языка ИГИиПМНС СО РАН, профессор, академик АН РС (Я). 12 июля 2018 года ему исполнилось 90 лет. Всю свою жизнь Петр Алексеевич посвятил развитию якутского языкознания, внёс в него ощутимый вклад. В свою работу он вложил всю душу, поэтому о нём с уверенностью можно сказать, что он является настоящим патриотом в деле, который выбрал сам.

Основная специализация Петра Алексеевича Слепцова в якутском языкознании – это вопросы и проблемы современного якутского литературного языка. Чтобы наглядно представить результаты его научной деятельности в данной области, мы, не углубляясь в его труды, посвящённые вопросам литературного языка, отметим одну наиболее важную на наш взгляд работу. В нынешнем году под его руководством завершён грандиозный проект – подготовка и издание 15-ти томов Большого толкового словаря якутского языка (от буквы «А» до буквы «Э»: 2004-2018 гг.). Все эти годы П.А. Слепцов является одним из авторов томов, а также главным редактором данной работы, имеющей чрезвычайно важное научное, а также практическое значение не только в якутской филологии, но и во всём тюркском языкознании.

Однако за время своей научной деятельности П.А. Слепцов подготовил и опубликовал немало работ, посвящённых и другим актуальным вопросам якутского языкознания. Одним из направлений, к которому Пётр Алексеевич относится очень трепетно и бережно, является специальное и глубокое изучение языка якутского фольклора, в частности, языка героического эпоса народа саха – олонхо.

К вопросам якутской лингвофольклористики имеют отношение 15 работ академика, в числе которых есть разделы в двух его монографиях [3; 6]. В данной статье мы проведём краткий обобщающий обзор указанных трудов известного учёного.

Труды П.А. Слепцова, относящиеся к лингвофольклористике, можно разделить на 4 тематические группы:

- 1) язык якутского фольклора и современный литературный якутский язык;
- 2) статьи, в которых произведён анализ трудов якутских фольклористов, политических ссыльных и писателей;
- 3) семантика слова в устно-поэтическом творчестве народа саха;
- 4) актуальные проблемы изучения языка якутского фольклора.

Рассмотрим труды, относящиеся к первой группе.

Во 2-й главе монографии «Якутский литературный язык. Истоки, становление норм» [3] учёный проводит анализ языка зачинателей якутской художественной литературы (А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова – Алампа, Н.Н. Неустроева). В связи с этим он излагает свои размышления, касающиеся языка якутского фольклора. Рассуждая о самобытности языка и стиля произведений А.Е. Кулаковского, который положил начало якутской художественной литературе, П.А. Слепцов детально проанализировал процесс творческого развития языка фольклора в произведениях Кулаковского [3, с. 70-85]. В данной работе им рассмотрены особенности функционирования фольклорных и речевых формул, пословиц и поговорок, цитаций и вкраплений фольклоризмов афористического характера в творчестве великого поэта. Слепцов отмечает, что всё это у Кулаковского «прошло особый отбор и обработку в сторону совершенствования поэтической формы и усиления смысловой нагрузки» [3, с. 71]. Не были оставлены в стороне и фольклорные архаизмы, ритмико-синтаксические параллелизмы якутского фольклора, аллитерационно-ассонансная природа якутского языка, имеющая прямое отношение к языку устного народного творчества, а также эпитеты-метафоры. В результате проведённого анализа П.А. Слепцов делает вывод, что А.Е. Кулаковский «вводил далеко не любые слова и тем более не любые вариантные формы. Имея чёткое представление о литературном языке, он считал, что необходимы целенаправленная работа по его нормализации, избирательное отношение к языковым ресурсам, стремление к выявлению тонких нюансов и оттенков значений слов, бережно использовать и довести до читателей традиционные общенародные нормы словоупотребления» [3, с. 83]. В данной монографии учёным аналогичным образом проанализированы также язык и стиль произведений А.И. Софронова-Алампа и Н.Н. Неустроева [3, с. 86-110].

Язык фольклора также подробно рассмотрен в разделе «Нормализационная проблематика языка произведений художественной литературы. Творчество П.А. Ойунского и якутский литературный язык». В данном разделе П.А. Слепцов проанализировал творчество П.А. Ойунского – одного из основоположников якутской литературы [3, с. 172-185]. «Фольклор для якутов его (П.А. Ойунского – Л.Р.) и более старшего поколения был естественным интеллектуальным и художественным самовыражением, родной стихией, атрибутом повседневного

быта. А язык фольклора был обработанным наддиалектным, общенародным языком. И первые писатели, Кулаковский и Ойунский, глубоко это понимали и даже объективно-стихийно не могли не использовать такой готовый художественно-организованный материал искусства, стремясь создать понятные всем и художественно совершенные произведения. Ведь на простом обиходном разговорном языке, без его обработки и шлифовки, высокохудожественные произведения создать нельзя» [3, с. 181]. В этом разделе П.А. Слепцов подчёркивает, что «именно Ойунский дал языку олонхо художественную завершённость, довёл до блеска совершенства» [3, с. 181].

Таким образом, академик в этой своей монографии рассмотрел вопросы использования языка фольклора в поэзии и дифференцированного использования в художественной литературе фольклорных элементов как стилеобразующего фактора. Следует отметить, что в своих работах он постоянно намечает, указывает пути для проведения дальнейших исследований, которые предстоят в якутском языкознании и являются наиболее важными. Вот одно из таких его пожеланий: «Современная якутская поэзия шагнула далеко вперёд, в ней произошёл настолько органический сплав народно-разговорной и фольклорной стихий, что выявить их может лишь очень тонкий лингвопоэтический анализ» [3, с. 182]. В данном разделе известным учёным сделано немало ценных замечаний о языке якутского фольклора и его связи с младописьменной художественной литературой народа саха. Якутским филологам, в какой-либо степени затрагивающим вопросы изучения языка устного народного творчества нашего народа, необходимо очень аккуратно брать на заметку все указанные заметки академика.

Во второй монографии П.А. Слепцова «Якутский литературный язык: Формирование и развитие общенациональных норм» [6] целых две главы посвящены языку якутского фольклора. В 3-й главе «Язык художественной литературы и нормы литературного языка» [6, с. 152-199] академик затрагивает данную тему в связи со своими размышлениями над вопросами интенсивного освоения фольклорных ресурсов в языке художественной литературы. Так, Слепцовым П.А. проанализированы язык и стиль произведений А.А. Иванова – Кюндэ, С.С. Яковлева – Эрилик Эристиина (даны замечания по языку его поэм, особенностям языка рассказов и повестей), а также других якутских писателей.

Однако наиболее детально автором язык якутского фольклора рассмотрен в 4-й главе данной монографии «Язык фольклора и его отношение к современному литературному языку (к вопросу об истоках и источниках литературного языка)». Данную главу монографии автор начинает с размышлений о статусе языка якутского фольклора. Он проводит обзор работ, которые имеют отношение к данному вопросу. В итоге заключает: «Отношение языка фольклора к другим формам существования языка народа может быть по-настоящему осмыслено и определено исходя из характера развития жанров фольклора, особенностей их

функционирования и роли самого фольклора в жизни определённого этноса в определённый период его исторического развития» [6, с. 201-202]. Произведя критический обзор традиции изучения и собирания произведений устного народного творчества якутов, он выявляет обстоятельства, являющиеся общими предпосылками и условиями широкого повседневного бытования жанров якутского фольклора, которые, в конечном счёте, предопределили специфические особенности его языка и его место в системе форм общенародного языка [6, с. 204-207].

Далее им очень подробно проанализированы лингвистические основы художественно-изобразительных средств олонхо в нормативно-аксиологическом аспекте. Язык и стиль олонхо учёным определены как «высшая форма обработанной, отшлифованной, художественно организованной устной поэтической речи» [6, с. 207]. Академик даёт общую характеристику языка олонхо, выделяя вопросы, которые проливают свет на его основные признаки как особой структурной и функциональной системы. Им рассмотрены эпитетика якутского эпоса, формульность языка олонхо, архаизмы («тёмные места» олонхо) и вариантность. Здесь затронуты также вопросы фонетических особенностей языка олонхо.

Учёный размышляет о статусе языка якутского фольклора и его отношении к литературному языку [6, с. 228-235]. Он пишет: «Язык фольклора – явление сложное. Внутри этой системы имеются разновидности, особенности, составляющие как бы подсистемы, локализуемые по различным жанрам. Это качество языка фольклора сближается с полифункциональностью, стилистической дифференцированностью литературного языка – признаком, в основном присущим довольно развитому состоянию последнего» [6, с. 229]. Поразмыслив над множеством вопросов, касающимся современного литературного языка и языка устного поэтического творчества, автор делает вывод, что «язык якутского фольклора являлся подобием литературного языка, а именно младописьменного, и выступая предтечей, непосредственным предшественником современного якутского литературного языка, в подлинном смысле является его истоком» [6, с. 231]. Но при этом он подчёркивает, что «современный якутский литературный язык, оформившийся и развивающийся в недрах разнообразной письменной литературы, со сложными и широкими общественными функциями – явление качественно новое, имеющее очень мало общего со своими первоначальными истоками» [6, с. 231]. Анализируя современное состояние развития литературного языка, автор пишет: «Язык фольклора стал осознаваться в некой исторической перспективе, отстранённо, как реально-объективная категория на фоне быстро набирающего силу литературного языка» [6, с. 233]. И подытоживает следующим образом: «Язык фольклора как прямое продолжение и воплощение истока литературного языка исчерпывает себя, становится источником дальнейшего

обогащения, развития, стилистической дифференциации литературного языка» [6, с. 233].

К указанной проблеме относится статья «К проблеме влияния языка фольклора на становление и развитие современного якутского литературного языка» [1]. В данной статье в основном приводятся взгляды автора, ранее изложенные в вышеупомянутых монографиях.

Рассмотрим вторую группу трудов П.А. Слепцова – статьи, в которых им произведён анализ трудов якутских фольклористов, политических ссыльных и писателей [2; 4; 10; 11; 13].

Статья «Роль политических ссыльных в изучении якутского языка и фольклора» посвящена рассмотрению вклада И.А. Худякова, О.Н. Бётлингга, С.В. Ястремского и Э.К. Пекарского в изучение якутского языка и фольклора и оценке этих трудов. В ней автор достаточно подробно анализирует основные труды указанных политссыльных, которые, по своей сути, положили начало научному изучению якутского языка. Особенности языка якутского фольклора здесь затрагиваются вскользь, однако эти замечания носят очень тонкий характер и имеют серьёзную научную ценность. Так, им отмечены основные положения, высказанные политссыльными о языке произведений разных жанров якутского фольклора, затронута проблема перевода и текстологии фольклорных текстов. Кроме того, П.А. Слепцов уделил особое внимание высказываниям первых исследователей о языке народного эпоса олонхо, его основным лингвистическим свойствам [4, с. 77-92].

Содержание статьи П.А. Слепцова «Работа Г.М. Васильева «Живой родник» и некоторые проблемы якутской фольклористики» замечательно, как сама проанализированная работа Г.М. Васильева [10]. Очевидно, такое положение дела получилось неспроста. На наш взгляд, это говорит о сходстве двух исследователей: видного учёного – нашего современника П.А. Слепцова и известного фольклориста прошлых лет Г.М. Васильева. А именно – оба подходят к своему делу, к своей работе от всего сердца, оба являются патриотами в своём деле.

В этой статье к вопросам языка фольклора имеют отношение разделы «Проблема изучения художественной фактуры якутского фольклора» и «Проблема определения статуса языка фольклора и его влияния на разговорный язык». Здесь академиком высказаны очень глубокие мысли, касающиеся особенностей языка якутского фольклора. Эти мысли вызваны такими же глубокими мыслями и рассуждениями известного фольклориста. В этой статье наиболее ценными для якутской лингвофольклористики являются идеи Слепцова П.А. о создании двух словарей: а) словаря поэтической фразеологии в широком смысле, включая всё «клеточное строение» якутского фольклора; б) специального словаря языка олонхо [10, с. 22-23]. Во втором разделе статьи автор продолжает и развивает свои

размышления о связи между языком фольклора и литературным якутским языком, ранее высказанные в предыдущих работах.

В статье «Г.М. Васильев – фольклорист» П.А. Слепцов подробно проанализировал основные работы Г.М. Васильева, относящиеся к якутскому фольклору, а также высказал свои взгляды о природе устно-поэтического творчества якутов. В частности, большую ценность представляют высказывания Слепцова о языковой системе олонхо, которая включает все уровни языка: начиная от грамматического и заканчивая лексическим уровнем [13, с. 23].

В статье «Трактовка литературоведами и фольклористами олонхо П.А. Ойунского «Дьулуруйар Ньургун Боотур». Проблема аутентичности текста традиционного олонхо» ценность представляет разработанная П.А. Слепцовым схема, наглядно показывающая строение языка и стиля эпического языка (языка олонхо) [11, с. 356-357]. Здесь автор лаконично, но достаточно ёмко и чётко даёт письменное пояснение к своему схематическому рисунку относительно соотношения эпического и народно-разговорного языков олонхо.

К третьей группе работ П.А. Слепцова относятся две статьи: «Язык олонхо: лексика, семантика» и «Семантико-стилистические особенности русизмов в языке якутского фольклора». В первой статье поднимается, пожалуй, самая главная задача языкознания – проблема выявления семантики слова. Пётр Алексеевич пишет: «Наибольшая сложность изучения языка олонхо в том, что в нём переплетаются мифологическая, лингвистическая и поэтическая семантика» [11, с. 5]. Ценным в этой статье является то, что академик наметил некоторые пути для проведения дальнейших исследований лексико-семантической системы языка якутского эпоса. Автор обобщает некоторые результаты своих наблюдений и проведённых анализов, которые помогли бы молодым исследователям объективно выявить семантику эпического слова. Так, он размышляет о богатстве языка олонхо, суть которого составляют пассивные ресурсы языка. Но при этом, подчёркивает академик, необходимо обязательно учитывать формульный характер языка олонхо.

Исследователь обращает своё внимание на изобразительные слова якутского языка, русизмы в якутском языке, неологизмы, окказиональные слова, универбы, архаизмы, вариантность языка олонхо. Кроме того, П.А. Слепцов тонко подмечает, что на особенности семантики слова в олонхо влияют аллитерационно-ассонансная звуковая гармония, а также ритмико-синтаксический параллелизм. Таким образом, П.А. Слепцов проникает вглубь языка олонхо, тонко чувствуя природу устно-поэтического языка.

В статье «Семантико-стилистические особенности русизмов в языке якутского фольклора» П.А. Слепцов рассмотрел основные особенности употребления русизмов в языке якутского эпоса олонхо, народных песен и скороговорок [7].

И, наконец, четвёртая группа работ П.А. Слепцова – статьи, посвящённые актуальным проблемам изучения языка якутского фольклора. К этой группе работ относятся 4 статьи: «Лингвофольклористика: Проблемы и задачи (на материале якутского фольклора)» [8], «Актуальные проблемы изучения языка олонхо» [9], «Олонхо тылын чинчийии соруктара, хайысхалара» [12] и «Состояние и перспективы изучения языка олонхо» [14].

На наш взгляд, это самая ценная группа статей П.А. Слепцова. Потому что в этих работах высказаны основные идеи, мысли известного учёного-якутоведа, его пожелания молодому поколению исследователей, его обращение к ним, закреплённое в письменном виде и от всего сердца. В них выражена вся любовь, преданность и ответственность ведущего исследователя якутского языка. Рассмотрим основные положения, высказанные в этих статьях.

В первой статье «Лингвофольклористика: Проблемы и задачи (на материале якутского фольклора)», которая была опубликована в 1991 году, Пётр Алексеевич говорит о семи основных моментах. По его мнению, при проведении специального лингвофольклористического исследования языка якутского фольклора особое внимание необходимо обратить на них. Это: 1) сингармонизм, агглютинативный строй нашего языка, а также аллитерационно-ассонансная звуковая гармония в языке якутского фольклора; 2) специальное и глубокое исследование мифологической, поэтической и лингвистической семантики фольклорного слова; 3) исследование лексических, лексико-фразеологических ресурсов якутского языка, а также образной (изобразительной) лексики; 4) задача широкого контекстуального изучения семантического фона и различных пресуппозиций (совокупности фоновых знаний), которые в русской лингвофольклористике называют суггестивностью, аллюзивностью фольклорного слова; 5) специальное изучение изобразительной лексики, функционирующей в языке якутского фольклора; 6) изучение грамматики языка фольклора; 7) сравнительно-исторические лингвофольклористические исследования. Как видно из содержания поставленных проблем, почти каждая имеет очень глубокий и объёмный характер. Отсюда можно заключить, что в области лингвофольклористики якутских языковедов ждёт очень ответственная и большая работа.

В статье «Актуальные проблемы изучения языка олонхо» автор ещё раз обобщает результаты, высказанные в своих предыдущих работах. В частности, он указывает, что необходимо обратить особое внимание на следующие 6 моментов: 1) системность языка олонхо, суть которой заключается в том, что в центре, ядре языка олонхо располагаются собственно эпические ресурсы эпического языка, а внешняя его часть – это ресурсы разговорной речи; 2) семантику слова в олонхо, вызывающую огромный лингвистический и лингвофольклористический интерес; 3) вариантность языка олонхо; 4) текстологический анализ олонхо; 5) поэтическую

грамматику олонхо; б) создание словаря языка олонхо, что, по мнению академика, в настоящее время в якутском языкознании имеет первостепенную актуальность.

В статье «Олонхо тылын чинчийи сорукутара, хайысхалара» (2008) автор совершенно справедливо указывает, что язык олонхо всё ещё не впустил исследователей в глубины своей сущности, потому проведённые исследования носят очень скромный, незначительный характер [12, с. 331]. В данной статье, написанной на якутском языке, автор высказывает глубокие размышления по поводу проведения дальнейших исследований языка героического эпоса народа саха – олонхо. Работу он начинает с размышлений о том, как именно следует понимать само понятие языка народного эпоса. Суть размышлений заключается в том, что исследователям необходимо не заикливаться на отдельных моментах лингвистики, таких, как семантика устно-поэтического слова, поэтическая грамматика языка олонхо. Он предлагает понимать язык олонхо шире – как своеобразный код, зашифровку, указывая, что ни один эпический памятник прошлого не может быть правильно понят, если читатель не владеет этими знаниями. Такое утверждение совершенно справедливо.

Далее П.А. Слепцов выделяет девять важных моментов, которые, на его взгляд, должны быть соблюдены для успешного решения этой большой задачи. Это: 1) необходимость взращивания нового поколения исследователей – специально подготовленных, молодых, широко эрудированных специалистов, без которых решение данной задачи практически невозможно; 2) необходимость проведения работы над созданием специального словаря языка олонхо. Здесь академик указывает, что подобная работа невозможна без применения современной компьютерной технологии. Также уточняет, что такая работа посильна лишь целому коллективу специалистов; 3) необходимость исследования грамматики языка олонхо; 4) необходимость проведения сравнительно-исторических исследований языка олонхо; 5) сравнительные исследования языка олонхо; 6) проведение сравнительно-типологических контрастивных исследований; 7) специальное исследование изобразительных слов олонхо; 8) текстология эпоса; 9) лингвистика текста. В заключении академик отмечает, что сказанное является лишь основным штрихом, указывающим пути дальнейших исследований в области языка олонхо.

Таким образом, П.А. Слепцов в своих работах, посвящённых лингвофольклористике, даёт обобщённые результаты своих размышлений о языке устно-поэтического творчества якутского народа. Целью этих работ является напутствие, пожелание языковеда, посвятившего свою жизнь и свои потенциальные ресурсы развитию научного изучения родного языка, молодым исследователям, имеющим желание серьёзно изучить язык якутского фольклора. В своё напутственное слово академик в полной мере включает основные моменты,

которые могут в будущем послужить маяками в сложном деле исследования языка фольклора.

Литература

1. Слепцов П.А. К проблеме влияния языка фольклора на становление и развитие современного якутского литературного языка // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока. – Якутск, 1978. – С. 110-113.
2. Слепцов П.А. О работах Г.У. Эргиса по якутскому языку // Мифология народов Якутии: Сб. науч. тр. – Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1980. – С. 12-25.
3. Слепцов П.А. Якутский литературный язык: истоки, становление норм. – Новосибирск: Наука, 1986. – 260 с.
4. Слепцов П.А. Роль политических ссыльных в изучении якутского языка и фольклора // Якутская политическая ссылка (XIX - нач. XX в.): Сб. науч. тр. – Якутск: Кн. Изд-во, 1989а. – С. 77-92.
5. Слепцов П.А. Язык олонхо: лексика, семантика // Якутский язык: Лексикология, лексикография. – Якутск: ЯНЦ СО АН СССР, 1989б. – С. 5-22.
6. Слепцов П.А. Якутский литературный язык: Формирование и становление общенациональных норм. – Новосибирск: Наука, 1990. – 273 с.
7. Слепцов П.А. Семантико-стилистические особенности русизмов в языке якутского фольклора // Якутский язык: Семантика, фразеология. – Якутск: ЯНЦ СО АН СССР, 1991а. – С. 31-43.
8. Слепцов П.А. Лингвофольклористика: Проблемы и задачи (на материале якутского фольклора) // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1991б. – С. 95-102.
9. Слепцов П.А. Актуальные проблемы изучения языка олонхо // Олонхо в контексте эпического наследия народов мира. – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2000. – С. 40.
10. Слепцов П.А. Работа Г.М. Васильева «Живой родник» и некоторые проблемы якутской фольклористики // Очарованный волшебством живого слова. – Якутск, 2008а. – С. 18-27;
11. Слепцов П.А. Трактровка литературоведами и фольклористами олонхо П.А. Ойунского «Дьулуруйар Ньургун Боотур». Проблема аутентичности текста традиционного олонхо // Ступени и проблемы якутского языкознания. – Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2008б. – С. 354-359.
12. Слепцов П.А. Олонхо тылын чинчийии соруктара, хайысхалара // Ступени и проблемы якутского языкознания. – Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2008в. – С. 331-337.
13. Слепцов П.А. Г.М. Васильев – фольклорист // Фольклор и литература народов Сибири: традиции и новации. – Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2010. – С. 19-24.
14. Слепцов П.А. Состояние и перспективы изучения языка олонхо // Якутский героический эпос – олонхо шедевр устного и нематериального наследия человечества в контексте эпосов народов мира. – Якутск: Изд-во СВФУ, 2014. – С. 83-86.

П.А.Слепцов – тыл историга

Тыл история тыыннаах кэрэһитэ буолар.

П.А. Слепцов

П.А. Слепцов – саха тылын үөрэхтээхтэрэ тумус туттар киһибит. Кини чинчийэр үлэтэ үгүс өрүттээх. Саха тылын үөрэбин бары хайысхатын хабар диэтэххэ да, олус омуннааһын буолуо суоҕа. Онтон биирдэһэ – ийэ тыл устуоруйатын чинчийии.

Кини чинчийэр үлэтин саргылаахтык саҕалааһына тыл устуоруйатыгар быһаччы сыһыаннаах. Саха омук үс үйэттэн ордук кэм устатыгар нуучча норуотун кытта алтыһыта-дьукаахтаһыта тылыгар күүскэ сабыдыаллаан, биир интэриэһинэй, кирири көх аранга ба нуучча тылыттан тыһыынчанан лэксиэмэ эрчимнээхтик эбиллэн, «бараммат баай, уолбат ойбон» (академик бэйэтин тыла) буолбутун ылыннарыылаахтык сырдатар [3, 4].

П.А. Слепцов СГУ СФК факультетын саха салаатыгар «Саха тылын историята» диэн улахан кууруһу хоннохтоохтук аахпыта. Устудьуоннар мань бэркэ интэриэһиргээн идэлэригэр наадалаах элбэх теоретическай матырыяалы улахан учуонай уоһуттан быһаччы истэллэр, билиилэрин дирингэтэллэр, сааһылыылар. Кини саха тылын устуоруйатын туһунан ыарахан үөрэххэ чин, утумнаах билиини инэрэр инниттэн анал босуобуйаны бэлэмнири эрдэттэн боччумнаах сорук-сыал онгостор [5]. Ити интэриэһинэй үлэтин кэнгэтэн-дирингэтэн хапытаалынай чинчийиини онордо [8]. Бу иккис кинигэтигэр анаардасты тирэбирэн-олобуран, П.А. Слепцов тыл чинчиһитэ буоларын сырдатарга холонобут (бастакы кинигэтэ анаан сыаналанан турар [1]). Биһиги сорукупт маннык матыбынан лаппа судургутуйар: П.А. Слепцов тыл ааспыт дьылҕатын, омооһурбут суолун-иһин хайдах хайан көрбүтүн биллиилээх диалектолог С.А. Иванов ириэнэбэр тийэ илдьиритиэ, тонор диэри тобу тобулуо-толкуйдуо.

П.А. Слепцов тыл устуоруйатын чинчийиитэ далааһыннаах. Хос быһаары быһыытынан быктардахха, ханнык баҕарар тыл чыпчаалынан аабылар литературнай тыл хайдах үөскээн-үүнэн испитин, төһө-хачча олохсуйбутун наукаҕа уонна тиэхиньикэҕэ СӨ Судаарыстыбаннай бириэмийэтин ылыан ылбыт уһулуччулаах үлэтигэр киэнник-диринник чинчийэр [6, 7]. Ол туһунан элбэхтик биһирэмнээн эппиттэрин [2] учуоттаан, онно букатын тохтообоппут. Аны манна саха тылын үөрэбин түстээбит-түстэспит бөдөн учуонайдар О.Н. Бетлингк, В.В. Радлов, Е.И. Убрятова уо.д.а тустарынан астык научнай сыаналааһыннаах ыпсаҕай ыстатыйаларын кытыарыабын.

«Саха тылын историятыгар», аата адьас чуолкай ыйарын курдук, ийэ тылбыт түн былыргыттан билинни кэмнэ диэри хайдах уларыан-тэлэрийэн кэлбитэ утумнаахтык, биир тиһик быһыытынан сырдатыллар. Бу учуобунньук онуоха даҕаһар, ханыылаһар эбии иккис хайысхалаах: үөрэтии устуоруйата. Ааптар саха тылын кимнээх хаһан, тоҕо, хайдах чинчийбиттэрин үлэ онкулугар, санаатын сайыннарарыгар сыһыамахтык сыһыаран, кырдыктаахтык сыаналаан туһанар. Кинилэр тугу эппиттэрин барытын сиһилиир биир кинигэбэ (төһө да улахан буоллун) кыаллыбата чаччы. Манна бөдөн учуонай кыайан кээмэйдэммэт киэн билиитэ айсберга холоонноох. Кини билиитин кыракий сорҕото эрэ кинигэбэ түмүллэн кириэр. Онтон атынын ааҕааччы, бастатан туран, устудьуон, баҕа хоту барҕалаатахха, сэргэхтик сэрэийэн сөп.

Урут, ааспыт үйэ 60-с сылларыгар, М.А. Черосов Е.И. Убрятова «Уочаркатын» [9] төһүү гынан саха тылын үөрэтии устуоруйатыгар аналлаах кууруһу СГУ саха салаатын төрдүс сылынааҕы устудьуоннарыгар аахпыта. Кинилэр хайалара да, баҕар, саха тылын устуоруйатын суруйуохтарын сороктаналлара, баҕараллара эбитэ буолуо. Ол сүнкэн соругу П.А. Слепцов дьохуннаахтык толору толордо.

Тыл устуоруйата – олус киэн эйгэ. Тыл бары салаатын биир сомоҕо гына түмнэххэ эрэ, тустаах тыл дын-чаччы сайдыыта-диалектиката – ырылыччы тахсар кыахтаах. Анаардас тыл матырыйаалынан мунурданар тутах: сороҕор (ордук лиэксикэбэ, фонетикаба) норуот олонор ааспыт олоҕор сыһыара тутан сырдатар эрэйиллэр. Оччоҕо ордук олохтоох, ситэри сиилэлээх. Ааптар «норуот устуоруйатын диригин билбэккэ эрэ кини тылын устуоруйатын билиэххэ сатамат» диэн кытаанах балаһыанньанан утумнаахтык салайтарар. Кини санаатын сайыннарар, бигэргэтэр инниттэн 10-ча историк Саха сириг уруккутун туһунан үлэлэригэр тоҕоостоохтук сигэнэр.

Онон мань ылбычча киһи ылсыспат суола. Академик Слепцов киһитэ кини буолан тыл устуоруйатын кэлим ылан хоннохтоохтук хорутар. Тыл дыктилээх айылгытын мындырдык билэрин, элбэх литэрэтиирэни туһаммытын (ыйыллыбыта эрэ – 208) эт мэйиитинэн эргитэн устудьуонна өйдөнүмтүө гына саас-сааһынан ыпсаран быһаарар. Инньэ гынан анабылыгар сөрү-сөп түбэхэр.

«Туох барыта тэннэбилгэ биллэр» диэн уос номохтоохпут. Кырдык, тэннээһиннэ бары-барыта ордук чопчуланар-чуолкайданар, уратыта быдан чаҕылхайдык арыллан тахсар. Тэннээһин ньыматын күлүмэх күүһэ тыл историятын үөрэтиигэ күтүр күүскэ көстөр. Тылы ойдом ылан биир кэмнэ-турукка (синхронияба) манньк диэн син этиэххэ сөп. Оттон үтүмэн үйэбэ (диахронияба) энин эгэлгэ туруктамытын быһаарар кыаллыбат. Холобур, 8 кылгас аһаҕас дорҕоон вокализм сайдарыгар төрүт буолбут. Балартан уһун аһаҕастар, дьуптуоннар силис-мутук тардан тахсыбыттар диэн көннөрү сэрэйиэ эрэ этибит. Оттон билигин буоллабына былыргы да, аныгы уруулуу тылларга тэннээһин

түмүгэр кылгас аһаҕас дорҕоон бөлөбө түүр «классической аһыһа» буоларыгар букатын мунаахсыйбаппыт, ыксарытык ылынабыт.

Бу ньыманы П.А. Слепцов утумнаахтык туттар. Кини тыл үөрэҕин уопсай түөрүйэтиттэн тэтимнээхтик тирэхтэнэн, тюркология, саха, нуучча, омук тылын биллиилээх, чин чинчийээччилэрин үтүмэн үлэлэрин сүүмүрдээн, баай теоретической-фактической матырыяалы киэнник тэнниир. Ити түмүгэр уустук проблема-саха тыла хайдах уларыйан-тэлэрийэн, сайдан испитэ быдан арылхайдык арыллан, ылыннарыылаахтык сырдатыллар.

Онуоха ааптар суруйар истиилэ интэриэһинэй. Кинигэбэ киирбит барыта кини бэйэтин киэнэ диэн ааҕа олорон саныыгын. Сигэнэр литературата кини этэрин дакаастыыр оруолланар. Эбиитин атыттар санааларын сыа-сым курдук тутан сыаналаан, иһирэх иһиллиилээх идиэйэлэрин салгыы сайыннаран иһэрэ кэрэхсэбиллээх. Кини ааҕааччыны кытта санаа атастаһарды суруйар, сабаҕалыыр, дыаныардаахтык дыарыктанарга, ырыта-ырыналыы сылдьарга, тобуллаҕас толкуйдаах буоларга көбүлүүр. Кини лизксийэтин истэр устудьуон – дьоллоох ыччат!

Ааптар, хорсун эрэттэр кэйиик оҕуһу суостаах, сытыы муһуттан чаҕыйбакка ылалларыныы, тыл устуоруйатын анаан чинчийиитин фонетика курдук ыарахан салааттан саҕалаабыта [5, с. 52-107]. Саамай сөп. Дорҕоон – тыл тымыра-сыдыаана. Тыл бып-былыргы туругун бу кып-кылгас дыкти өлүүскэ эркээйи кэриэтэ этэр дьоһун дьоҕурдаах буолуон сөп. Манна өркөн өйдөөхтөр, дириг билиилээхтэр, саргылаах-сайдам санаа кыахтаах кынаатыгар улгумнук уйдаран, араас гипотеза онорор кыахтаахтар. Оннук даҕаны сатаан сабаҕалыыллар, эгэлгэлээн этэллэр эбит. Кини ымсыра ылыныан курдугун чинчийээччи аһаҕас уонна бүтэй дорҕооннор быстыспат тиһиктэригэр утумнаахтык сырдатар. Манна кини фонетика устуоруйатын, дорҕоону наардааһыны, көрүүнү сииһилээн, бастакы барыйааннааҕар лаппа кэнэппитин [4, с. 113-187] таарыйа бэлиэтиир тоҕоостоох.

Билигин күннээҕи үлэбэ-үөрэххэ грамматиканы көйгөтүтүү баар. Ааптар быһаччы идэтинэн лексиколог эрэри бу туһугар эмиз уустуктаах улахан салааны таһарахтыппакка сыаналаабыта хайҕаллаах суол. Хамсыыр-харамай дьардыамалаах буоларыныы, тыл грамматиката суох ыһыллан хааларын мэлдьэһиэххэ сатамат. Тыл уопсай тутула, оҕо тылланыаҕыттан ыла тыл баайын сэргэ тэннэ киирэн-инэн, аныгылыы ааттаатахха, бырагыраама быһыытынан олохсуйан хаалар. Онон олус хасыһан үөрэтэр кэскилэ кэмчитин туһунан татым сана үөскүүр.

Ол эрэри грамматика омук өйө-санаата, толкуйдуур дьоҕура орто дойдуга олох туһугар охсуһууга тохтообокко сайдан испитин кэмэ суох кэрэһилиир. П.А. Слепцов оннук өйдөөн боччумнук болҕойор. Бу салаа, уопсайынан да, ордук түүр тылларыгар, кытаанах туруктааҕа тыл былыргытын быһаарыыга-билгэлээһиннэ биллэр-көстөр көмөлөөбө чаччы. Судургутуган ыллахха, маннайгы тыл нуул халыыптаах, онтон сыыйа уларыйан, түн былыргы төрүт түүр тыла балачча элбэх

халыыптанар. Оттон билинни саха тыла өссө үгүс бэлиэлэнэр (ордук морфологияҕа: түһүк, киэп, кэм, көрүн...).

Ааптар лиэкстикэттэн тыл баайын арананан ылан ырытар. Тоҕо итинник талара өйдөнөр: бу – тыл устуоруйатын быһаччы туоһулуур матырыйаал. Ону ааһан омук устуоруйатын интэриэһинэй кэрдийһин чуолкайдык туоһулуур проблема буолар. Учуонай уопсай түүрдүү, монгуол тылыгар ханыылаах, тонгус-маньчжур, нуучча тылларыттан кирири араналары устуоруйа өттүнэн көрүүтэ остуоруйа курдук тартарыылаахтык аабыллар.

Тыл тус суолтата-семантиката сайдар төлкөтүн-төрүөтүн сырдатары ааптар сорок быһыытынан туруоруммат. Бу чинчиллэ илик, аһара уустук хайысханы эдэрдэргэ, кэлэр кэм чинчийээччилэригэр, өлүүлүүр-чаастыыр.

Тыл устуоруйата эйгэтэ киэнинэн, хабар предметэ сүнкэнинэн чинчийээччиттэн араас өрүттээх үһүлүччү улахан билиини эрэйэр-ирдиир. Тыл түөрүйэтин (бастатан туран, фонетиканы, лиэкстикэни, грамматиканы) дэгиттэр билэрин сэргэ устуоруйаҕа, этнографияҕа, фольклорга, култуураҕа эмиэ чугас сыһыаннаах буолуон наада. Ааптар итинник дэгиттэр бэлэмнээх уонна модун түөрүөтүк буолан үтүкэннээхэй учуобунньугу онордо.

Үөрэх босуобуйата буолла да, куруук намыһах таһымнаах, научнай үлэ ис хоһоонун судургутутан устан ылыы курдук албас соҕус өйдөөһүн баар. Мун саатар үрдүк үөрэх эйгэтигэр наар оннук буолбатах. Итини П.С. Афанасьев, Н.Д. Дьячковская «Саха билинни тыла» диэн тутаах кууруска аналлаах бэртээхэй учуобунньуктара саарбаҕа суох итэҕэтэллэр. П.А. Слепцов кинилэр туйахтарын хатаннык хатарар. Кининэ – үрдүк таһымнаах научнай үлэ. Баай теоретическай матырыйаал ааптар санаатын дакаастабыла буолан сатабыллаахтык сааһыланан ааҕааччыга тыйыс-дьиппизэн наука сиэринэн бэриллэр. Ол эрээри аптаах таастан араас ас аллан тахсарыныы, санааттан санаа сайдан-салҕанан, кини кэрэ кэпсээнни кэрэхсэтэр.

Ити өттүнэн устудьуон аймаҕы ордук умсугутуо. Кини лиэкстикэни, фонетиканы, морфологияны, синтаксисы үөрэтэр кэмигэр бу босуобуйаны ааҕан билиитин ханатар. 4-с кууруска тылы историческай хайысханан үөрэтэригэр манан «Саха билинни тыла» диэн сүрүн дыссипилиинэтин чинэтэр, байытар. Онон «Саха тылын историята» куруук кыбына сылдыар кинигэтэ буолар.

Оттон орто, үрдүк үөрэх учууталлара да, учуонайдар да бу эргиччи интэриэһинэй үлэни ыйыннык быһыытынан туһаныахтара, остуол кинигэтэ гыныахтара. Элбэҕи биллэрэр олус баай матырыйаалынан, мунаахсыппат дакаастабыллаах, дирин номохтоох түмүгүнэн, ыпсарыылаах, ыраас, чуолкай тылынан, имигэс истиилинэн саха тылын устуоруйатын бары сэнэрээччини-интэриэһиргээччини даҕаны улаханник умсугутуо диэн эрэнэбит.

Бу учуобунньук иккис ностойуун чааһа – сүүнэ хрестоматия бэлэмнэнэ сылдыар. Онон ааптар аан дойду таһымнаах учуонайдар саха тылын

устуоруйатыгар аналлаах уонна сыһыаннаах чулуу үлэлэриттэн кэрэхсэбиллээх көрүүлэрин биһирэмнээн хомуйбутун бэркэ кичэйэн түмэр. Ити үлэ табыстабына, «Саха тылын историята» туйгун туруга өссө туругуруо.

Эрдэтээнни сахалыы сурук суоҕун уонна саха тылын тутуах салааларын историческай хайысханан ырытар үлэлэр суруллубатахтарын өйгө ылан учуоттаахтаах, ааптар аабааччы аһара астынар гына сөбүмөрдик үлэлээбит. Тыл устуоруйатын дэгиттэр көрөн-чинчийэн баран, кини маннык сүрүн түмүккэ кэлэр: Саха тыла, уустуктук уларыян-тэлэрийэн, сайдан кэлбит, кырдыаҕас түүр тыла.

Онон саха тылын үөрэхтээхтэрэ бары күөн туттар аҕа атаспыт, диригинник ытыктыыр убайдаатар убайбыт, сүгүрүйэр сүбэһиппит, бастын баайыылаах – талба таһымнаах, биһирэнэр билиилээх П.А. Слепцов албаннаах 90 сааһын айымныылаахтык айарын амныраппакка, эриэккэстик-эрчимнээхтик этэрин энчирэппэккэ көрсөрө үрдүк үөрүүлээх.

Литература

1. Антонов Н., Попов Г. Кэрэхсэбиллээх үлэ // Кыым. – 23.12.84.
2. Саха тылын наукатын туруу үлэһитэ П.А. Слепцов төрөөбүтэ 65 сыла. – Дьокуускай: СГУ изд-та, 1996. – 125 с.
3. Слепцов П.А. Русские лексические заимствования в якутском языке (дореволюционный период). – Якутск: Кн. изд-во, 1964. – 196 с.
4. Слепцов П.А. Русские лексические заимствования в якутском языке (послереволюционный период). – М.: Наука, 1975. – 256 с.
5. Слепцов П.А. Саха тылын историята. Студеннарга көмө пособие. – Якутскай: СГУ изд-та, 1983. – 116 с.
6. Слепцов П.А. Якутский литературный язык: Истоки, становление норм. – Новосибирск: Наука, 1986. – 262 с.
7. Слепцов П.А. Якутский литературный язык: Формирование и развитие общенациональных норм. – Новосибирск: Наука, 1990. – 277 с.
8. Слепцов П.А. Саха тылын историята. Саха филологиятын уонна култууратын факультетын устудьуоннарыгар үөрэнэр кинигэ. – Дьокуускай: СГУ изд-та, 2007. – 290 с.
9. Убрятова Е.И. Очерк истории изучения якутского языка. – Якутск, 1945.

И.Е. Алексеев

М.К. Аммосов аатынан ХИФУ

Академическай картотека суолтата

Саха тылын академическай картотеката (Картотека) тыл саппааһын сүүнэ түмүү киинин быһыытынан бэйэтэ туспа устуоруйалаах. Ону анаан суруйуу, чинчийии сорууга күн-дьыл аастабын ахсын, үөрэхтээхтэр болжомтолорун тардыаҕа дии саныыбын. Тоҕо диэтэххэ, Картотека, аһаардас тылдыты эрэ онорууга

буолбакка, саха тылын сурукка туттуллуутун киэн хайысхаларын көрдөрөр сүдү матырыяаалы "кистээн" туруорар баайбыт буолар.

Мин Картотека устуоруйатын буолбакка, кини сүрүн суолтатын туһунан этиэхпин сөп курдук. Оччолорго (1971 с.) Тыл, литература уонна устуоруйа институтугар үлэбэ кэлэрбэр Картотека туһунан быһаарыы ылыллан, икки лабараан (Варвара Потапова бэйиэт уонна Надежда Данилова) сага ананан, анал ыскааптары таһыы-көтөбүү үлэтигэр эдэрдэри кытыаран, үлэ бастакы сабаланыытын өйдүүбүн. Уруккуттан үлэлиир В.Д. Кривошапкина, М.Т. Жиркова хаартыска устуутугар хабыллан эрэр этилэр. 1972 сылтан ыла хаартысканы хайдах устар, түмэр, сааһылыыр, ону чинчийэр туһунан «Устурууксуйа» сурулла сылдьара. Ону оччотообута билим хандьыдаата П.А. Слепцов сүрүннүүрү. Кэлин П.С. Афанасьев университеттан кэлэн, А.Г. Нелунов үлэбэ ананан ити "Устурууксуйа" ситэн-хотон, Картотека оноһуутун "сокуонун" курдук чочуллан, киэн хабааннаах үлэ сабаланан, тиһэбэр, "Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта" 40-ча сыл оноһуллан түмүктэннэ. Ол былаһыгар хаартыска устуутугар анаан үп-ас тыбырыллан, тастан дьону сүүмэрдээн үлэлэтэн, дьэ, бу Картотека үс анаар мөлүйүөн хаартысканы түмэн, салгыы өссө да тыл араас хайысхалаахтык туттуллуутун ырытар кыабы үөскэтэн турдаба.

Бастакы сорук "Быһаарыылаах тылдыты" оноруу түмүктэннэ. Уон биэс туом бэчээттэнэн табыста. Онно 80000 тыл өйдөбүлүн, суолтатын ырытан, уопсайынан да түүр тылларыгар оноһулла илик үлэ ситтэ-хотто. Аны бу Картотека матырыяаала саха тылыгар баар ханнык тиэмэлэри ырытыахха сөбүн туһунан санаалар үөскүүллэр. Туох ханнык иннинэ, билинги саха тылын синтаксиһыгар сыһыаннаах үлэлэри былааннаахха сөп этэ. Картотека хас биирдии хаартыскатыгар баар холобурдар уус-уран литератураттан уонна бэчээт араас көрүнүгтэн ылыллан киирэ сылдыбаллар. Тылдыт оноһуутугар ол холобурдартан тустаах тыл өйдөбүлэ ылыллыбыт буоллабына, сиинтэксис өтүнэн тыл ситимэ, этии тутула, ону таһынан кэккэлэһэ этиилиин ситим, сыыа диалог (кэпсэтии) киэбигэр сыһыаннаах тыл-өс уо.д.а. – барыта тыл кэпсэтиигэ эрэ буолбакка, санаа ситимин эгэлгэтин ситэри-хотору арыйар түгэнэ көстөр. Үгэс синтаксиһы Е.И. Убрятова, М.А. Черосов, Н.Н. Неустроев, кэлин Н.Н. Ефремов уо.д.а. чинчийиилэрин таһынан, өссө төрөөбүт тыл ис айылгытыттан үөскүүр сиинтэксис туруга Картотека киэн-куон эйгэтигэр баарын таба тутан, анаан-минээн чинчийэр үлэ салгыы оноһуллуохтаах. Ити Картотекаттан уонунан, сүүһүнэн да тылга сыһыаннаах тиэмэни чинчийиэххэ сөп.

Атын өттүттэн көрдөххө, билигин "фоносинтаксис" диэн иһиллэр сананы чинчийэр салаа тыл үөрэбэр үөскээн эрэр. Ол санарыы синтаксиһын быһыытынан, уопсай синтаксис үөрэбэр быһаччы сыһыаннаах уонна уус-уран литература тиэкиһигэр баар кэпсэтии араас көрүнүн чинчийэр кыабы үөскэтэр. Уруккуттан туттуллар суруллубуту дииктэргэ аахтаран (трансформация текста в речь), иһиллэр

ураты араас көрүнгүн быһаарыны сэргэ, синтаксис олобурбут халыыптарыгар мэнэһик туруктар хайдах үөскүүллэрин быһаарар кыах баар. Үгэс синтаксис итиннэ сүрүн эрэ буолар. Оттон ол сүрүнгэ тыл (санарыы) эгэлгэ киэптэрэ кытталлар. Оччоҕо иһиллэр сана бары дэгэтэ, синтаксис халыбыгар хапсан, саха тылын туттуллар үөрүйэхтэрин ырытар, чопчулуур кыағы үөскэтиэхтээх. Онон фоносинтаксис бары кыағын, ситэри-хотору туругун арыйарга Картотека көмөтө мунура суох буолуоҕа.

Үһүс өттүтгэн көрдөххө, Картотека матырыйаала саха тылыгар "модальной грамматика" диэн салааны чинчийбит Н.Е. Петров үлэлэрин салгыы тылга сыһыан суолта туһунан сонун үлэни толоруохха сөп. Уопсай тыл үөрөбүр, чуолаан акад. В.В.Виноградов түөрүйэтин быһыытынан, саха тылыгар дэгэти иитийэхтиир тыл саппааһын халыг арангата баар. Ону фоносинтаксисы кытта алтыһынардахха, тыл этигэнинэн баайын, дорҕоон дэбигис уларыытыта өйдөбүлү кытта ситимнээбэ ситэри арыллан, модальной грамматиканы үөскэтэр тыл категориялара аһыллан тахсыахтарын сөп. Дьининэн, "Быһаарыылаах тылдыт" словниктарыгар да модальноһу үөскэтэр холобурдар аҕыйаҕа суохтара тыл чөл туругар мэнэһик дэгэт хосуһа сылдыарын фоносинтаксис көмөтүнэн быһаарар кыах баар.

Картотека баай матырыйаалыттан оноһуллубут быһаарыылаах (определение) тылдыт хас биирдии словнига өйдөбүлү (значение) илдэ сылдыар буолан, тылы быһаарар холобур (предложение) суолтата (семантика) кэпсэтии (речь) таһымынан сиинтэксис өлүүскэтэ буолан тахсар. Оччотугар кырамаатыка халыбыгар киирбит (эбэтэр туттуллар) тыл санарыы киэбин көрдөрөр аналланар. Дьэ ол түмүгэр, «Быһаарыылаах тылдыт» хас биирдии словнига икки таһымы чопчулуур: тыл суолтатын уонна грамматика суолтатын. Оттон Картотекаҕа харалла сытар хаартыскаҕа киирбит быһаарыылаах тыл (сытаата) бүтүүн саха тылын ураты киэбин быһыытынан чинчийи матырыйаала буолар аналлаах уонна этии да, санарыы да таһымынан тыл өйдөбүлүн мунура суох эгэлгэтин чопчулуур кыағы үөскэтэр. Тиһэбэр, Картотекаҕа баартан таныллыбыт "Быһаарыылаах тылдыт" словнигын чопчу өйдөбүлэ (номинативный) луогука таһымынан предикативность эйгэтин үөскэтэр. Онон санарыы өлүүскэтин быһыытынан тыл чопчу өйдөбүлэ да, предикативноһа да тиэрмин эрэ быһыытынан таһымнара атыннаах. Дьин иһигэр, тыл суолтатын араастаһыытын быһаарыы санарыы таһымыгар ордук көстөрүн чинчийээччилэр ыйаллар (Касевич В.Г. Проблемы семантики. Спб., 2019, с 38-39).

Биллэрин курдук, Картотека тыл толору баайын түмэр буолан, бүтүүн саха тылын, анаардас лексическэй туругун эрэ буолбакка, өссө грамматикатын да, синтаксисын да тутулуугар сөпсөһөр холобурдарынан дэлэй. Онтон талыллан оноһуллубут "Быһаарыылаах тылдыт" бэйэтин уустук тутула син-биир тыыннаах тыл атын категорияларыныын быстыспат ситимнээх. Бастакытынан, быһаарыллар тыл (словник) өйдөбүлүнэн лиэкстикэбэ, туттулуутунан грамматика киэбигэр

кирсэр. Ол эрээри таба суруйуу уонна таба санарыы бириинсиптэринэн тус-туска кэстүү быһыытынан чинчийллэлэр. Иккиһинэн, тыл бэйэтин сокуонунан салайтаран, суруйуу уонна санарыы саха тылыгар ситэри оннуларын-тойдорун була илик кэстүү буолаллар. Инньэ гынан, хайа-хайаларын грамматика, синтаксис халыбынан чинчийи уталытыллыбат сорок буолар.

Ханныгын да иһин, Картотека тылы туттуллар киэптэринэн наардаан чинчийэргэ толору кыабы бэрэр аналлаах. Саха тылын туттуллар киэптэринэн (коммуникативная рамка) уратытын үс тиибинэн (сэһэн, соруйар, ыйытар) ырытыыны сэргэ, өссө кэпсэтии санатын чинчийи (И.Е. Алексеев, И.Н. Сорова үлэлэрэ) эспэриимэн көмөтүнэн оноһуллубута. Оттон аны тыл охсуута, тыл култуурата, фоносинтаксис, фонеморфология уо.д.а. тиэмэлэри хоннохтоохтук чинчийэргэ Картотека матырыяала толору кыабы үөскэтэр. Этэргэ дылы, саха тылын бараммат баайа түмүллүбүт Картотека тыл хайа баҕарар хайысхатын чинчийэргэ суолу тэлэйэр. Төһө да "электроннай барыяанна" кирибитин иһин, Картотека өр сыллар тухары байа-ханьы туруоҕа. Хас эмэ үйэ ааспытын да кэннэ "Саха тылын академической картотекатыгар" үлэлиир дьон ахсыа суоҕа диэн эрэнэ саныбын.

Е.И. Оконешников
ИГИПМНС СО РАН

Слово о Петре Алексеевиче

Однажды произошло знаменательное в истории нашего Института событие. По поводу 50-летия Петра Алексеевича состоялось заседание ученого совета ИЯЛИ на полевых условиях сенокоса на острове «Царевич» совхоза «Хатасский» г. Якутска. Открыл ученый совет его председатель доктор филологических наук, профессор Е.И. Коркина и предоставила слово мне для доклада. Текст доклада был составлен на острове без привлечения архивных и других материалов. Текст сохранился, привожу его без изменений.

Уважаемый председатель Ученого совета, уважаемые члены Ученого совета и присутствующие! На лоне прекрасной природы священной реки Лена наш коллектив собрался для чествования заведующего сектором, одного из талантливых исследователей языка якутского народа, Петра Алексеевича Слепцова в связи с его 50-летием со дня рождения и 30-летием его педагогической и научной деятельности.

Петр Алексеевич родился 12 июля 1929 г. на берегу своенравной реки Колыма в семье бедняков рыбаков-балыксытов. Детство его проходило в тяжелых условиях, ему рано пришлось сталкиваться с трудностями жизни, принимать участие наравне со взрослыми в непосильной для его возраста в физическом труде.

В 1937 году поступил в Арылахскую начальную школу Среднеколымского района. Затем учился в Среднеколымской, Зырянской средних школах. У Петра Алексеевича еще в начальных классах появились склонности к знаниям, страстное желание учиться. И рано начал свою самостоятельную жизнь, работал воспитателем интерната, детского дома и настойчиво занимался самообразованием. В 1952 г. окончил экстерном Среднеколымскую среднюю школу и в том же году поступил в Якутский государственный педагогический Институт.

За годы учебы в Институте юноша из Колымы проявил себя как исключительно одаренный студент и активный общественник. Экзамены сдавал только на «отлично». Был сталинским стипендиатом.

После успешного окончания Пединститута в 1956 г. был направлен учителем в родной Среднеколымский район. Молодой способный специалист через некоторое время выдвигается завучем школы, затем заведующим Райпедкабинетом.

В 1957 году вступает в члены КПСС. Был депутатом поселкового совета, избирался членом Среднеколымского РК КПСС.

Будучи директором Арылахской средней школы, поступил в 1960 г. в очную аспирантуру Якутского филиала СО АН. С тех пор, если засчитывать аспирантские годы, Петр Алексеевич вот уже двадцать лет работает в нашем Институте.

По книге «Русские лексические заимствования в якутском языке (дореволюционный период)» (Якутск, 1964) успешно защитил в том же году в Новосибирске диссертацию на соискание искомой степени кандидата филологических наук.

С 1967 г. – старший научный сотрудник, с 1972 г. – заведующий сектором лексикологии и лексикографии и член Ученого Совета ИЯЛИ.

Диапазон научных интересов у Петра Алексеевича весьма широк. Он хорошо известен среди тюркологов своими замечательными книгами по вопросам русско-якутских языковых взаимосвязей.

Работы П.А. Слепцова посвящены актуальным вопросам изучения русских лексических заимствований в якутском языке, проблемам становления и развития современного якутского литературного языка. Им выяснены общий объем, закономерности лексико-семантического и фонетико-морфологического освоения заимствованных слов в различные периоды развития якутского литературного языка, дана характеристика влияния русского языка на якутский, раскрыты закономерности и тенденции развития лексики литературного языка, процессы функциональной дифференциации лексических норм.

Он имеет ряд работ по исторической лексикологии якутского языка. Им разработан курс лекций «История якутского языка» для студентов ЯГУ. По этой же теме в конце апреля месяца успешно выступил с докладом на Всесоюзной

научной конференции «Проблемы аборигенов Сибири», проходившей в г. Новосибирске.

Петр Алексеевич – один из основных авторов подготовленной к печати академической «Грамматики якутского языка». Им написаны наиболее трудные разделы морфологии «Виды глагола», «Образные слова», «Звукоподражательные слова» и «Междометия».

Для широкого круга читателей Петр Алексеевич известен как лексикограф. Он является основным автором, руководителем работ и редактором первого нормативного «Якутско-русского словаря» среднего объема (М., 1972). Словарь имеет большое теоретическое и прикладное значение, является настольной книгой исследовательских, издательских и редакционных работников и учителя, содействует повышению общей и языковой культуры населения. Петр Алексеевич умелый организатор науки, под его руководством уже в течение нескольких лет ведется кропотливая, планомерная, подготовительная работа для создания «Толкового словаря якутского языка». Значительная работа проделана по пополнению картотечной базы Толкового словаря.

Петр Алексеевич действительно настоящий ученый, ученый по призванию. Он автор около 50-ти научных работ по проблемам лексики, грамматики и лексикографии. Среди тюркологов широко известны его книги. Его статьи напечатаны в журналах «Вопросы языкознания», «Русская речь», «По ленинскому пути», «Полярная звезда», «Хотугу сулус» и в других центральных и местных периодических сериях и изданиях. Он участник многих Всесоюзных и региональных конференций по различным проблемам языка и этнографии. В настоящее время завершает многолетнее капитальное исследование проблем становления, развития и функциональной дифференциации современного якутского литературного языка, которое в окончательном виде оформится в качестве докторской диссертации.

Петр Алексеевич наставник молодежи. Всем присутствующим известно, что какое участие он принимает в подготовке научных кадров, он является научным руководителем аспирантов и соискателей, руководит дипломными работами студентов. Он один из тех, кто умело сочетает научную работу с педагогической деятельностью. Им разработаны спецкурсы по «Истории якутского языка» и по «Истории изучения якутского языка» для студентов ЯГУ.

П.А. Слепцов – активный общественник, был секретарем партбюро Института, членом парткома Якутского филиала СО АН, один из лучших лекторов Института и республики, бессменный руководитель теоретического методологического семинара языковедов.

Коллектив Института знает Петра Алексеевича как высококвалифицированного широко эрудированного, теоретически хорошо подготовленного специалиста с большой будущностью, по существу готового

доктора наук, не имеющего пока официальных оформлений. Мы уверены в том, что в недалеком будущем еще раз соберемся, но на этот раз по поводу защиты Петром Алексеевичем докторской диссертации.

Петр Алексеевич – хороший семьянин, любимый и любящий отец троих детей. Супругу Петра Алексеевича Елизавету Иннокентьевну мы многие хорошо знаем. Она в прошлом комсомольский работник, избиралась депутатом Якутского Горсовета народных депутатов, одна из лучших учительниц г. Якутска.

Наш юбиляр находится в расцвете творческих и физических сил и дарований. Он выглядит весьма молодо, свежо, глядя на него даже не верится, что ему уже 50 лет.

За большие производственные успехи и активную общественную деятельность Петр Алексеевич награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета ЯАССР, медалью «За трудовое отличие», Почетной грамотой Совета Министров ЯАССР, Почетными Грамотами ЦК ВЛКСМ и ОК ВЛКСМ.

Дорогие коллеги, это, пожалуй, первый, и по тому исторический случай, когда заседание ученого совета Института, посвященное чествованию юбиляра, проводится в полевой обстановке. И весьма символично, что юбилейная годовщина Петра Алексеевича совпала с нынешним урожайным годом. И мы вправе ожидать от него обильного научного урожая, пышущего здоровьем.

Дорогой Петр Алексеевич, в этот памятный для Вас день позвольте пожелать Вам вечной молодости, крепкого здоровья, творческих свершений, много радостей и большого семейного счастья!

Примечание. Намного позже после этого события был найден подлинник «Свидетельства о рождении», где дата рождения Слепцова Петра Алексеевича указана 10 июля 1928 года.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ НАРОДОВ РОССИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА П.А. СЛЕПЦОВА

С.К. Башиева, З.Р. Дохова

КБГУ им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик

Языковая ситуация в Кабардино-Балкарской Республике

Наблюдающаяся в современности тенденция к интеграции в мировое сообщество, усиливающаяся с каждым годом коммуникативно-информативная подвижность, взаимодействие лингвокультурных сообществ определяют преобладание поликультурного пространства в национальных республиках Российской Федерации. Между тем, исследователи обращают внимание на неоднозначность языковой ситуации в субъектах Северо-Кавказского региона, в которых отмечаются процессы двуязычия и полиязычия, что продиктовано неоднородностью населения, проживающего на их территории. Интерес к титульным языкам в большей степени наблюдается в таких национальных республиках, как Адыгея, Дагестан, Северная Осетия-Алания, Карачаево-Черкесия, что связано с языковой политикой, направленной на сохранение самобытности родных языков, в связи с чем создаются условия для их развития и расширения их функциональных возможностей путем законодательного регулирования. Не исключение и Кабардино-Балкарская Республика, языковая ситуация в которой также обусловлена полиэтническим составом населения субъекта. По мнению М.А. Горячевой, она «трехкомпонентная неравновесная трехполюсная с доминирующим русским языком, гомогенная» [7, с. 58].

В начале 1990-х годов в КБР был принят республиканский закон «О языках народов Кабардино-Балкарской Республики», согласно которому русский, кабардинский и балкарский языки были объявлены государственными языками, то есть было признано на законодательном уровне равноправие всех языков, право жителей субъекта на использование их в *системе образования и воспитания, в средствах массовой информации, духовной культуре* и т.д. Несмотря на то, что демографическая мощь кабардинского языка достаточно высокая в связи с оттоком в 90-е годы XX века русскоязычного населения в другие регионы страны, функционально первым языком в республике является русский язык, чему способствовало открытие с 1917 года школ, библиотек, домов культуры, театров,

музеев и т.д. Статус русского языка как государственного регламентируется статьей 3 Федерального закона от 01.06.2005 № 53-ФЗ (ред. от 05.05.2014) «О государственном языке Российской Федерации», в соответствии с которой русский язык «подлежит обязательному использованию» во всех сферах. Так, если репрезентировать средства массовой информации, то на формальном уровне в КБР выдерживается принятый в 1990-х годах закон: в республике издается 3 правительственных журнала: на русском языке – «Литературная Кабардино-Балкария», на кабардинском языке – «*Иуащхъэмахуэ*», на балкарском языке – «*Элбрус. Минги Тау*»; 3 детских журнала: на русском языке – «Солнышко», на кабардинском языке – «Нур», на балкарском языке – «Нюр». На русском языке выходят в печать такие газеты, как «Кабардино-Балкарская правда», «Советская молодёжь», «Горянка», «Университетская жизнь», «Майские новости», «Черекские новости» («Трудовая слава»), «Прохладненские Известия», «Эльбрус плюс», «Терек», «Голос Чегема»; на кабардинском – «Адыгэ псалъэ»; на балкарском – «Заман». Эфирное время местного телевидения также распределено в соответствии с законом о языках народов КБР: и «Новости дня», и «Республикэм щыхъыбархэр» (итоги на кабардинском языке), и «Ыйыкъ» (итоги на балкарском языке) длятся около 20 минут. Подобные условия прослеживаются и в радиовещании. Между тем, непосредственный анализ дискурса газет и журналов, широко распространённых в республике, даёт возможность говорить о том, что «печатная продукция, издающаяся на языках титульных народов КБР, не обходится без русскоязычных вкраплений, что... объясняется недостаточным уровнем развития терминологического аппарата данных языков. Между тем русский выступает в республике в качестве транснационального языка» [8, с. 85].

В этой связи ученые актуализировали проблемы функциональных возможностей языков титульных народов, то есть кабардинцев и балкарцев, научное осмысление круга проблем, связанных с языковой ситуацией, что особенно важно в контексте глобализационных процессов, происходящих в мире. Расширение межличностных, межгосударственных контактов, несмотря на позитивные результаты, все-таки привело к спаду интереса к родным языкам, как это ни странно, на фоне подъема этнического самосознания. Безусловно, такие тенденции отрицательно влияют на ценности, сформированные столетиями в этнических коллективах, нивелируют духовную культуру, что оказывает негативное воздействие на языковое сознание, языковое поведение, ценностные предпочтения молодежи.

В конце 90-х годов XX века совместными усилиями ученых Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова и института гуманитарных исследований была разработана Государственная программа развития языков КБР, в которой были намечены такие направления, как издание художественной и публицистической литературы на кабардинском и балкарском

языках, развитие библиотечного дела, создание условий для издания газет и журналов, изучения родных языков в средней и высшей школе. Однако данный проект не дал ожидаемых результатов в силу как объективных, так и субъективных причин. А некоторые вопросы до сих пор остаются в поле зрения общественных деятелей, в частности такие, как:

- 1) возможность обучаться в школе на родном языке;
- 2) степень лояльного отношения кабардинцев и балкарцев к родному языку.

Многолетние исследования, проводимые нами, показывают, что определенная часть носителей проявляет к своему этническому языку индифферентность. Лояльно относятся к родному языку среди кабардинцев 47,1 %, среди балкарцев – 49,1 %. 41,9% кабардинцев и 39% балкарцев отмечают непрестижность кабардинского и балкарского языков [5, с. 198-203]. В среднем в Нальчике, столице республики, 5,8 % детей-дошкольников кабардинской национальности, 7,45 % детей-дошкольников балкарской национальности совершенно не владеют этническим языком. Социолингвистический опрос, проведенный нами в школах республики, показал, что «отлично» либо «хорошо» понимают звучащую на родном языке речь 83,7% опрошенных, говорят - 79,5% и пишут на родном языке - 71,0%. «Удовлетворительно» понимают родную речь 10,3%, говорят и пишут на родном языке соответственно 10,8% и 15,5%; «плохо либо совсем не понимают» 6,0%, «плохо либо совсем не говорят» 9,7%, «плохо либо совсем не пишут» 13,5% респондентов [6;101]. С.И. Аккиева и М.З. Улаков считают, что процесс «языковой деэтнизации кабардинцев и балкарцев (в основном среди жителей городов)» связан с распространением двуязычия [2, с. 138]. Однако при этом русскоязычные кабардинцы и балкарцы, не владеющие этническим языком, сохраняют высокую степень верности национальным традициям, культурным ценностям своего этноса. Так, титульные народы республики в своей коммуникативно-поведенческой деятельности придерживаются издавна сложившегося кодекса нравственности, морали и чести – «хабзэ» и «тау адет»: уважительное отношение к старшим, почёт гостей, возможность самопожертвования ради общих интересов наблюдается и в современном кабардино-балкарском социуме. Следует отметить и возрождение интереса к национальным танцам, песням, одежаниям, культуре в целом, что порой имеет фанатичный характер.

Основной причиной языковой деэтнизации представителей титульных народов КБР, пренебрежительного отношения к родным языкам является, на наш взгляд, желание старшего поколения обучать младшее поколение на русском языке, открывающем большие возможности для дальнейшей их социализации. В этой связи отметим, что «право граждан на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на кабардинском и балкарском языках, на изучение указанных языков, а также родного языка из числа языков народов

Российской Федерации» закреплено юридически статьей 4 Закона Кабардино-Балкарской Республики от 24 апреля 2014 года № 23-РЗ «Об образовании», то есть при этом законодатель оставляет право выбора языка обучения в школе за родителями. Во всех сферах доминантным является русский язык, кабардинский и балкарский используются преимущественно в семейно-бытовой сфере, в художественной и публицистической литературе, средствах массовой информации; изучаются на всех направления подготовки специалистов в Кабардино-балкарском государственном университете им. Х.М. Бербекова, в школах в статусе родного языка. Ни кабардинский, ни балкарский язык не реализуется в официальном делопроизводстве, что имеет ряд причин, прежде всего связанных с полиэтничным населением республики: здесь проживают представители более ста национальностей. Данный факт и является объяснением того, что эту консолидирующую роль играет русский язык как государственный язык РФ и язык межнационального общения.

Возможность перевода процесса обучения детей в школе на родной язык была реализована в 1989-1990 учебном году, но спустя некоторое время большинство населения отказалось от нее, что имеет ряд основательных причин: во-первых, в этнических языках не в полной мере развит категориальный научный аппарат, что затрудняет обучение по разным предметам на родном языке; во-вторых, у ребёнка, обучавшегося с начальной школы на родном языке, будут определённые сложности, связанные, прежде всего, с невозможностью на достаточном уровне влиться в российскую общность, так как без владения русским языком, языком межнационального общения, это не представляется возможным. Данная проблема была объектом обсуждения среди ученых, мнения которых диаметрально расходились. Одни, оправдывая данную языковую политику, рассматривали русский язык как непонятный язык, обучение на котором задерживает интеллектуальное развитие детей [1, с. 3]; другие же представители образования и науки как самостоятельных подсистем современного человечества [3] пришли к выводу о нецелесообразности такого подхода к обучению: индивид, формирующийся, изменяющийся и проходящий этапы своего становления как личности в условиях поликультурности, осознавая ценность фоновых знаний собственной культуры, национальную самобытность своего родного языка, должен на достаточно высоком уровне владеть языком межкультурного диалога, в данном случае – русским языком. В связи с этим полагаем, что, во-первых, в условиях полиязычной и поликультурной среды очередной переход на родной язык процесса общеобразовательного обучения детей признается нецелесообразным, хотя представители общественности КБР требуют ввести в закон «Об образовании» норму об обязательном обучении в начальной школе на родных языках; во-вторых, «сегодня в центре внимания языковой политики необходимо поставить не вопрос о языке обучения, а об эффективном изучении и русского, и

родного языков (в данном случае – кабардинского и балкарского), чтобы обеспечить в полном объеме языковые и коммуникативные компетенции полилингвальной языковой личности» [4, с. 45-46].

Таким образом, следует отметить необходимость закрепления в Законе КБР «О языках народов Кабардино-Балкарской Республики» сферы использования русского, кабардинского и балкарского языков как государственных языков. На наш взгляд, языковая ситуация может быть благоприятной для развития этнических языков, сохранения их самобытности при сбалансированной языковой политике, которая, с одной стороны, будет способствовать решению проблем в сфере языковых отношений, а с другой – содействовать распространению родных языков, расширению сфер их реализации.

Литература

1. *Абдоков А.И.* Родной язык как средство обучения в начальной школе // Проблемы развития государственных языков КБР: Тезисы докладов. – Нальчик, 1996. – С. 3.
2. *Акжиева С.И., Улаков М.З.* Этноязыковая ситуация в кабардино-балкарской республике и проблемы реализации языковой политики // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2013. № 6 (56). – С. 138-143.
3. *Башиева С.К.* Некоторые проблемы языковой политики в Кабардино-Балкарии // Мир на Северном Кавказе через языки, образование и культуру. Материалы I Международного симпозиума 11–14 сентября 1996 г. - Пятигорск, 1998. - С. 45-51.
4. *Башиева С.К., Дохова З.Р.* Особенности функционирования русского языка как государственного в полиэтнической среде (на примере Кабардино-Балкарской Республики) // Поддержка русского языка как основы развития интеграционных процессов в СНГ: Материалы регионального форума молодых преподавателей русского языка, аспирантов и студентов-русистов (Азербайджанская Республика, г. Баку, 1-4 октября 2013 г.). – М., Баку, Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2013. – С. 43-49.
5. *Башиева С.К., Улаков М.З.* Низкая степень лояльности к языку – путь к языковому сдвигу // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2014. № 6 (62). – С.198-204.
6. *Башиева С.К., Улаков М.З., Хамдохова Ж.М.* Языковая ситуация в Кабардино-Балкарской Республике: состояние и проблемы. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2016.– 172 с.
7. *Горячева М. А.* Типология языковых ситуаций: Российская Федерация: диссертация на соискание уч.ст. канд.филол.. – М., 2003. – 209 с.
8. *Дохова З.Р.* Государственные языки в СМИ // Материалы региональной научно-практической конференции «Государственные языки республик Северного Кавказа: вчера и сегодня», 21-22 октября 2016 г. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2016. – С. 83-88.

Языковая ситуация эвенков в Республике Саха (Якутия)

Изменения в современной языковой ситуации у коренных малочисленных народов Севера в РС (Я) заслуживают особого внимания.

В советское время резко возрос поток информации, новой для народов Севера. Закономерно была предпринята попытка интегрировать многочисленные диалекты эвенкийского языка в единый литературный язык для облегчения восприятия этой информации. Первоначально в качестве литературного языка был избран непский говор эвенков Катангского района Иркутской области, однако позже предпочтение сменилось на полигусовский говор эвенков Байкитского района [2, с. 42-54]

Давая оценку языковой ситуации эвенков, проживающих как в местах компактного проживания в республике, так и в других регионах РФ, специалисты характеризуют современное состояние языка, традиционной культуры и народных промыслов эвенков как глубоко кризисное [3, с. 3-10]. Уровень владения родным языком в процессе повседневной коммуникации катастрофически падает, резко снижается социальный статус [2, с. 219]. Языковая компетенция носителей эвенкийского языка снижается повсеместно [5, с.106]

В отношении разговорного эвенкийского языка и его преподавания наблюдается некоторая непоследовательность в государственной образовательной политике РФ. Длительное время преподаванию русского языка отдавался безусловный приоритет. Хотя Комитет Севера в 1933 году выдвинул план "коренизации" северных школ (повсеместное преподавание на родном языке, русский язык преподается как предмет), план этот нигде на Севере так и не был претворен в жизнь [1, с. 28-42].

В настоящее время предмет "Родной язык" в эвенкийских школах преподается, однако сфера применения эвенкийского языка сокращается, и введение новых предметов не может реально изменить этой ситуации. Дело в том, что дети практически не слышат эвенкийской речи дома и вообще вне школы, т.е. отсутствует языковая среда и не ощущают особой потребности в его применении где бы то ни было.

Таким образом, положение эвенкийского языка изменялось одновременно в двух противоположных направлениях. С одной стороны, эвенкийский язык, получив кириллический алфавит, стал языком письменным; были сформулированы нормы т.н. литературного эвенкийского языка на основе полигусовского говора, проводилась и проводится без особых успехов деятельность по распространению именно этого языкового стандарта на все сферы использования эвенкийского языка. Хотя сферы эти в настоящее время

ограничиваются только сферой образования. В советское время с удовлетворением констатировались появление и развитие собственной эвенкийской литературы на национальном языке. Тогда же началось и продолжается организованное научное изучение эвенкийского языка и его диалектов, создание лингвистически проработанных словарей, учебников и исследовательских работ. С другой стороны, количество людей, уверенно говорящих по-эвенкийски, неуклонно сокращалось, якутский и русский языки становятся всеобщим стандартом общения как в общественной, так и в личной жизни.

В настоящее время жители Якутии отмечают крайне слабое распространение родного языка среди эвенков, и прогнозы относительно его будущего достаточно пессимистичны. Однако простая констатация такого положения представляется слишком общей оценкой. Уровень владения родным языком неодинаков среди различных возрастных групп населения Якутии и в различных ее районах. Представляется интересным в будущем провести более подробный разбор современной языковой ситуации.

Процесс замещения эвенкийского языка якутским и русским в повседневной практике общения, превращения его в своеобразный этнический раритет укладывается во временные рамки, соответствующие времени воспитания приблизительно 3-х поколений. Полевой материал в свою очередь позволяет достаточно наглядно выделить соответствующие им три возрастные группы среди жителей исследованного поселения Тяни Олекминского, Иенгры Нерюнгринского, Хатыстыра Алданского районов [4, 9].

Для людей старшего поколения, родившихся в 1930-40-х годах, эвенкийский язык является родным в полном смысле этого слова, по их воспоминаниям, это был язык их общения с родителями, они и сейчас свободно общаются по-эвенкийски в кругу семьи. Зачастую их дети, и тем более, внуки оказываются неспособны адекватно отвечать по-эвенкийски, но при этом отсутствует какая-либо информация о случаях принуждения стариками членов своей семьи к общению на родном языке. В целом, представители этого поколения к незнанию кем-либо из близких родного языка относятся с легким неодобрением, но без каких-либо попыток изменить это положение.

Основная масса взрослого населения, люди, родившиеся в 1950-60-х годах, в большинстве жизненных ситуаций пользуется якутским и русским языками. Тем не менее, представители этого поколения считают себя, как правило, знающими эвенкийский язык в бытовых пределах. Полевые наблюдения показывают, что в плане лексики в эти пределы включены: предметы непосредственного окружения, значительная часть местной флоры и фауны, набор простейших качественных оценок, простейших действий (дать, взять, идти, сделать и т.д.); личные, вопросительные, указательные местоимения, порядковые числительные, междометия. Грамматические пределы реально звучащей речи ограничены. При

определенном лексическом запасе они образуют пусть небогатый, но вполне работоспособный набор языковых средств, достаточный для несложного взаимодействия в большинстве бытовых ситуаций. Тем не менее, продолжительный разговор, даже чисто бытовой, на эвенкийском языке довольно редок и ограничивается обычно несколькими короткими репликами. Тем не менее, среди представителей данной возрастной группы считается необходимым если не использовать реально, то хотя бы потенциально уметь использовать эвенкийский язык в общении, и чье-либо невладение даже основами языка получает явно негативную оценку. Зачастую приходилось слышать указания на пассивный характер собственного знания родного языка: «понимать – понимаю, а вот сказать уже слов не хватает».

Молодежь, т.е. люди, родившиеся в 1970-80-х годах, владеют языком в еще меньших пределах. Активно используются лишь отдельные из числа означенных выше лексем эвенкийского языка, включенные в русскую речь. Собственно эвенкийский лексический запас касается по большей части важнейших представителей животного мира и элементарной утвари, при этом сами слова вырваны из контекста живой речи, оставаясь не более чем словарными единицами. Для молодежи эвенкийский язык превратился из живого средства общения в школьный предмет.

Мы видим, что в настоящее время разговорная эвенкийская языковая среда реально не существует или существует в крайне деформированном виде. Обрывочные сведения, которыми обладает современная молодежь, очевидно, языком считаться не могут. Неслучайно поэтому многие наши информаторы средней возрастной группы достаточно уверенно заявляют, что они знают родной язык и вполне могут на нем говорить. Средства массовой информации, система образования – все эти централизованные информационные ресурсы так или иначе должны быть направлены на формирование этнического самосознания. Однако, и это очень сложная проблема.

Литература

1. *Бурыкин А.А.* Динамика языковой ситуации, функционирование письменности и этапы эволюции этнических культур малочисленных народов Севера: к проблеме взаимосвязи и взаимообусловленности языковых и социокультурных процессов. / Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: проблемы сохранения и развития языков. Сборник научных трудов / Отв. ред. проф. Д.М. Насилов. - СПб., 1997. - С. 6-28.

2. *Булатова Н.Я.* Эвенкийский язык и его региональные варианты в социолингвистическом аспекте / Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: проблемы сохранения и развития языков. Сборник научных трудов / Отв. ред. проф. Д.М. Насилов. - СПб., 1997.- С. 28-42.

3. *Процукович Е.А., Морозова О.Н.* Русская речь эвенков Амурской области. Благовещенск, издательство АмГУ, 2017. - С. 3-10.

4. *Стручков К.Н.* Функционирование эвенкийского языка в сфере образования в Республике Саха (Якутия). Новосибирск, Наука, 2009. -128 с.

5. *Тураев В.А.* Ассимилятивные процессы у дальневосточных эвенков// Вестник Дальневосточного отделения РАН, №3, 2006. – 106 с.

Н.И. Иванова
ИГиЛПМНС СО РАН

Функциональный статус языка саха в г. Якутске в контексте урбанизационных процессов

Языковая ситуация, являясь одним из ключевых понятий социолингвистики, как языковое, так и социально-обусловленное явление, представляет собой сложное и многоаспектное понятие. Поэтому социолингвистическая проблематика расширяется, в решении новых задач интегрируются различные исследовательские парадигмы. Функциональный или фактический статус языков определяется объемом выполняемых ими социальных (коммуникативных) функций языков. В тех случаях, когда статус языка закреплён законодательно, принято говорить о юридическом статусе языка. В зависимости от этноязыковой ситуации и мер проводимой языковой политики и политической ситуации в том или ином регионе юридический статус языка может соответствовать его фактическому статусу, либо может только декларироваться, либо может находиться с ним в противоречии. Возможность расширить объективную количественную характеристику (функциональный статус) субъективной (языковые установки) позволит нам представить общую языковую ситуацию в г.Якутске. Объективные параметры установлены путем изучения официальных источников, статданных, результатов социолингвистических опросов (2007 и 2014 гг.), экспертного интервьюирования (2016 г.); субъективные – в ходе ассоциативных экспериментов (2014, 2017 гг.).

В Республике Саха (Якутия) в 1992 г. проблема языков на законодательном уровне была решена в пользу двуязычия: статус государственных имеют якутский и русский языки. Языки коренных малочисленных народов Севера, эвенкийский, эвенский, юкагирский, долганский, чукотский языки, признаются местными официальными языками в местах проживания этих народов.

Город Якутск имеет статус административного, политического, экономического, культурного, научного, образовательного центра РС(Я) и крупнейшего транспортного хаба на Северо-Востоке РФ, где проживает треть населения республики (31,7%) и почти половина ее городских жителей (46,1%). Сегодня г. Якутск является средоточием миграционных потоков. Кроме внешней миграции из стран СНГ (примерно 15%) высока внутрорегиональная миграция, направленная в столицу республики. В 2010 г. процентное соотношение русских и

якутов составляет 38,4 % и 47,4 % соответственно, что говорит о новом демографическом балансе в истории современного Якутска – местное (якутское) население по сравнению с 1989 г. стало больше в 2,5 раза. В 2019 г. доля сельского населения в Якутии продолжает снижаться. По сравнению с 2018 г. его численность снизилась на 1 937 чел. (0,58 %). В тоже время, общая численность населения республики увеличилась на 3 192 чел. (0,33 %), городского - на 5129 чел. (0,81%) за счёт естественного прироста над миграционной убылью. Ряд основных причин, которые влияют на сегодняшнюю миграцию трудоспособного населения: низкий уровень качества жизни сельского населения, высокий уровень безработицы, дорожно-транспортные проблемы, низкая заработная плата, низкий уровень культурного, медицинского и торгового обслуживания, невыгодные социальные условия, ограниченные возможности самореализации.

Языковая ситуация определяется, прежде всего, положением русского и якутского языков, которые представляют языки наиболее многочисленных этнических групп. Одним из основных экстралингвистических факторов, определяющим языковую ситуацию в г.Якутске, сегодня признаются социальные условия – продолжающиеся массовые внутриреспубликанские процессы урбанизации, переток сельского, в основном, якутоязычного населения в город. Тем не менее русский язык в г.Якутске характеризуется высокой коммуникативной мощностью, сохраняет в условиях активного якутско-русского и незначительного русско-якутского двуязычия и в статусе межнационального языка, свои лидирующие позиции. Вследствие урбанизации остаются стабильны показатели прямой этноязыковой идентичности якутов (82 – 82,4%), почти в 2 раза сократилось число якутов, признающих родным русский язык (8,1 – 4,1%); сохраняется явление двойственной этноязыковой идентичности (13 – 13,5%) в группе молодых от 16 до 25 лет. Зафиксировано незначительное повышение уровня свободного владения якутским языком (77,6 – 80,6%). В целом, доминирующая часть якутского населения двуязычна. Сместились акценты в тенденциях развития двуязычия: если в 2007 г. свободное владение русским языком у якутов на 14,5% было выше владения этническим языком, то в 2014 г. эта разница уже не столь ощутима и составляет 5,8%. Многолетние мониторинговые наблюдения за культурой русской и якутской речи позволяют отметить постепенный рост интеркаляционных (А.Е.Карлинский) и снижение интерферентных нарушений, в результате чего приходится признать снижение уровня владения родным или этническим языком, и, хотя и неравномерное по уровням языка, но в целом повышение культуры русской речи.

Функциональный статус якутского языка стабилен в сельской местности, но в условиях города имеются серьёзные проблемы в обеспечении права обучения на родном языке и воспитания в школьных образовательных учреждениях, в

использовании якутского языка в делопроизводстве, в сфере госуправления (табл.1).

Табл. 1.Функциональный статус якутского и русского языков в г.Якутске

Регламентируемые сферы	Якутский язык	Русский язык
Госуправление и делопроизводство	+	++++
Транспорт	++	++++
Судопроизводство	+	++++
Начальное и среднее общее образование	+не удовлетворяет потребностей населения	++++
Среднее спец. и высшее образование	+	
Наука	+	
Книгоиздание	++++	
СМИ	++++ но в 2019 г. при переходе на цифровое ТВ существует угроза утери тв-канала на языках коренных народов республики	
Театр, кино	++++	++++
Торговля и бытовое обслуживание	++	++++ в т.ч. за счёт внешних мигрантов
Киберпространство	+	++++

Родительское сообщество активно работает с местными органами управления за открытие якутских классов, за организацию оптимальной речевой среды в школах. Однако доступность высшего образования, все виды квалификационных работ в школьный период, которые только на русском языке, являются главными ориентирами при выборе языка обучения в школе, и практически вытесняют часы изучения родного языка. Динамика языковых установок в сфере образования отражает сильную нарастающую тенденцию на обязательный компонент родного языка в воспитании и обучении, как в дошкольных, так и школьных образовательных учреждениях.

В семейном общении всех членов семьи наблюдается функциональная востребованность якутского языка, детерминированная параметром возраста. Однако, высокий социокультурный статус русского языка, особенно в городских поселениях, значительно влияет на внесемейное (в ситуации «вне дома») общение молодого поколения. Фактор межпоколенной преемственности в сохранении родного языка постепенно ослабляется вследствие отсутствия благоприятной этноречевой среды, воздействия СМИ и интернет-пространства, иногда – непреодоленного языкового нигилизма. В целом вариантность используемых кодов у молодого билингва-саха 16–25 лет в условиях города весьма широкая: от 3,1 % и 5,8 % использования якутского языка в сфере услуг и в официальных учреждениях соответственно, до 73,3 % в ситуации «дома».

Внешняя миграция, как социальный фактор, также оказывает влияние на сокращение якутского языкового пространства, например, в сфере услуг, торговли.

Социальный престиж языка саха возрастает: опросы 2007, 2014 гг. отражают стабильность показателя прямой этноязыковой идентичности (82 – 82,4%), почти в 2 раза сократилось число якутов, признающих родным русский язык (8,1 – 4,1%); сохраняется явление двойственной этноязыковой идентичности (13 – 13,5%) в группе молодых от 16 до 25 лет. Зафиксировано незначительное повышение уровня свободного владения якутским языком (77,6 – 80,6%). Активное владение якутским языком более распространено у горожан в возрасте, пассивное более распространено в группе самых молодых (16–25 лет). Фактор возраста становится основным в снижении показателей этничности в г. Якутске – в показателях этноязыковой идентичности и владении родным языком.

Школы с якутским и русским языком обучения оцениваются населением одинаково высоко. Молодежь мало смотрит и читает на якутском языке местные СМИ, но по сравнению с более старшими респондентами несколько выше оценивают якутоязычные СМИ.

Нельзя не упомянуть о стремительном развитии киноиндустрии в республике - феномен якутского кино замечен и активно обсуждается. В настоящее время Республика Саха (Якутия) занимает лидирующее место среди регионов России по количеству производимых фильмов (с 2010 по 2016 гг. 91 фильм), основными создателями фильмов являются независимые кинокомпании. Якутское кино расценивается как отражение этнокультурной потребности молодежи саха в позитивной этнической идентичности, воплощенной в креативных для нашего региона, современных формах.

Исследование национально-языковых отношений методом направленного ассоциативного эксперимента установило «дистанцированность» якутской молодёжи по отношению к родному языку по причине «сложности», «трудности», но при этом сохраняется языковая лояльность к родному языку; отсутствие языковой экспансии, снижение тревожности за судьбы родных языков у якутов и русских в регионе; тенденции к дальнейшей гармонизации межэтнических отношений между русскими и саха (см. табл.2).

Таблица 2. Описание ядра концептов «якутский язык», «русский язык» студентами (саха и русскими)

	«Якутский язык»		«Русский язык»	
	2008 г.	2014 г.	2008 г.	2014 г.
Саха	Родной (93), сложный (40), красивый (20)	сложный (73), родной (64), красивый (47)	великий (31), красивый (29), родной (29), богатый (22)	красивый (44), богатый (33), великий (33), легкий (22)

	2008 г.	2017 г.	2008 г.	2017 г.
Русские	Непонятный (44), сложный (26), странный (13), некрасивый (10)	сложный (28), непонятный (15), интересный (14), красивый (11)	родной (46), сложный (37), могучий (37), великий (34), красивый (33)	красивый (50), великий (48), родной (40), сложный (38), могучий (36)

Основная проблема сохранения и развития языка саха связана с комплексом проблем в сфере образования и воспитания подрастающего поколения, создавшегося вследствие отсутствия четко артикулированной государственной образовательной политики по сохранению языкового разнообразия в РФ и обеспечению конституционного права на обучение на родном языке. Отсутствие условий для полноценного этнокультурного воспитания и образования, недостаток школ, классов с родным языком обучения, несовершенство методической базы и другие нерешенные проблемы представляют угрозу в сохранении социальной базы языка, ослабляют роль этнического языка в воспроизводстве этнической культуры.

Функциональный статус якутского языка имеет прочные позиции в сельской местности, но в условиях города имеются серьёзные проблемы в обеспечении права обучения и воспитания на родном языке, в использовании якутского языка в делопроизводстве, в сфере госуправления и т.д. Витальность языка саха по классификации ЮНЕСКО оценивается как «уязвимый» и в данное время наблюдаются новые угрозы к сокращению якутского компонента в доминантных сферах билингвальной коммуникативной системы г.Якутска, усиление экстралингвистических факторов, значительно усугубляющих «уязвимость» языка саха (угроза лишения национального телевизионного канала при переходе на цифровое ТВ-вещание; массовая внешняя миграция). Перспективы развития немногочисленного языка в таких условиях представляются лишь в сторону сокращения языкового многообразия.

Подводя итог всему вышесказанному, можно отметить, что сегодня носитель якутского языка, этнический саха, проживающий в г. Якутске, глубоко задумывается над создавшейся языковой ситуацией в сфере образования. Его не удовлетворяет количество образовательных учреждений, классов, групп и качество оказываемых образовательных услуг в данной сфере. Он начинает лучше осознавать потенциал родного языка и осознанно выбирает для своего будущего, будущего своих детей двуязычную среду со значительным компонентом якутского языка, т.к. ситуация многоязычия - это повседневная реальность, она открывает человеку другие сообщества, весь мир, однако необходимость сохранения исконного языка, культуры, традиции остается приоритетом. При этом предельно ясно, что сегодня основным объектом языкового планирования в условиях г.Якутска становятся дети и молодежь.

**Языковая ситуация и жизнеспособность якутского языка
на микро- и макроуровнях**

По состоянию на июль 2018 г. в самой большой базе данных живых языков «Ethnologue: LanguagesoftheWorld» зарегистрированы – 7,097 языков. Различие этих языков по числу говорящих, по территории распространения, по статусу в отдельно взятой стране и мире, по функциям и сфере распространения, по авторитету у себя в стране и за пределами страны на международном уровне приводит к пестроте языковой ситуации на определенной территории, в странах и в мире целом [1].

Н.Б. Мечковской дана общая типология языковой ситуации, рассматривается жизнеспособность языков на макро- и микроуровнях. В статье мы опираемся на определение Н.Б.Мечковской: «это совокупность языковых образований, т.е. языков и вариантов языков (диалектов, жаргонов, функциональных стилей и других форм существования языка; обслуживающих некоторый социум (этнос и полиэтническую общность) в границах определенного региона, политико-территориального объединения или государства[2, с.101]. Опираясь на типологию Н.Б. Мечковской, сделана попытка определить языковую ситуацию в Республике Саха (Якутия) и за ее пределами, витальность якутского языка на макро- и микроуровнях.

Якутский язык на макроуровне

Таблица №1

Величина этнической группы

<i>год</i>	<i>РФ</i>	<i>РС (Я)</i>
1989	380 242 чел.	365 236 чел.
2002	443 852 чел.	432290чел.
2010	478 085 чел.	466492 чел.

По данным Всероссийской переписи 2010г. в Республике Саха (Якутия) проживает – 466 492 чел., в Российской Федерации – 478 085. Якутский этнос проживает компактно в Республике Саха (Якутия), ниже рассматривается численность якутов, проживающих за пределами республики Саха (Якутия) [3, с.758]. В энциклопедии «Язык и общество» излагаются теоретические концепции, приводится понятийный аппарат современной российской социолингвистики, характеризуются методы социолингвистических исследований, даются статистические данные, характеризующие ЯС в национальных регионах РФ.

Статистические данные, приведенные далее в тексте, используются из данного источника [3].

Наиболее крупные якутские диаспоры сосредоточены, по переписи 2010 г. в:

Хабаровском крае – 1417 чел.

г.Москве – 1508 чел.

Красноярском крае – 1468 чел.

Иркутской обл.– 858 чел.

Приморском крае – 766 чел.

Новосибирской обл.– 629 чел.

Магаданской обл. – 407 чел.

Амурской обл.– 449 чел.

Свердловская обл.– 284 чел.

Томская обл.– 285 чел.

Республика Бурятия – 272 чел.[4]

Наиболее большие этнические группы якутов проживают в г. Москве и Хабаровском и Красноярском краях. В г. Москве и Хабаровском крае этнические группы якутов сформировались в основном из бывших выпускников высших учебных заведений, которых направляли партия и правительство Якутии для обучения и формирования национальной интеллигенции. Наиболее интересна этническая группа якутов, проживающая в Красноярском крае, в 2014 г. было проведено полевое исследование среди этнической группы якутов, осевших в Красноярском крае, по месту компактного проживания, якутов данной этнической группы именуют ессейскими.

Таблица 2

Социально-экономическая характеристика жителей пос. Ессей в

<i>наименование</i>	<i>численность</i>
Количество населения, всего	646 чел.
Ессейские якуты	586 чел.
эвенки	46 чел.
другие этносы	14чел.

Ессейцы – северные якуты-оленоводы, занимающиеся добычей мяса, диких оленей, рыболовством, охотничьим и пушным промыслом, владеют устной формой якутского языка; представители старшего поколения умеют писать и читать на родном языке, так как только в советское время существовала практика, когда приезжали учителя якутского языка из Якутии и обучали учащихся родному языку. В монографии «Диалектная система языка саха» М.С. Воронкин утверждает, что 70% эвенков владели якутским языком, так как якуты, являясь носителями более высокой скотоводческой культуры, сумели добиться устойчивого распространения своего языка среди аборигенов – эвенков [5, с.26-

27]. Эвенки, живущие в поселке Ессей, используют якутский язык в быту, межэтническом общении.

Если в условиях больших городов якутам сложно сохранить свой язык и культуру, в небольших поселениях, в закрытых ареалах, где сохраняется традиционный образ жизни, якуты используют свой родной язык, передают в устной форме из поколения в поколение фольклор, традиционную культуру. В 2010 г. численность якутского населения за пределами Республики Саха (Якутия) составляло – 2.4% (табл.3).

Таблица №3

За пределами Республики Саха (Якутия), в %

<i>год</i>	<i>РФ</i>	<i>численность</i>
1989	15 006	3,9
2002	11 562	2,6
2010	11593	2,4

В табл. №3 представлена численность якутов за пределами республики, где наглядно видно, что миграционный отток якутов уменьшился за пределы Якутии в нулевые годы, в 2010 г. численность якутов вне основной метрополии составила – 11 593 чел.

Якутский язык на микроуровне

Языковая жизнь в республике Саха (Якутия) на современном этапе представляет сложный процесс, связанный с глубинными процессами трансформации этнической идентичности коренных народов, процессами нивелирования всего национального и упрощения разговорной формы национальных языков, функционирующих в республике. Вопросы определения роли, места и функций русского языка и языков титульных народов республики стали предметом пристального внимания и заинтересованности, как руководства, так и широкой общественности еще в начале 90-х г. прошлого века. Была выработана новая национально-языковая политика, направленная на создание необходимых условий для равноправного функционирования русского, якутского, языков малочисленных народов (эвенкийского, эвенского, юкагирского). В 1991 г. был принят Закон «О языках народов РС (Я)», который провозгласил русский, якутский государственными и определил официальный статус языков малочисленных народов Якутии. Разработана и принята Государственная программа, определяющая комплекс мероприятий, направленных на сохранение и развитие национальных языков Якутии. В республике Саха (Якутия) созданы целостная образовательная система, определенная учебно-методическая база, сеть национальных школ, которые обеспечивают комплексное обучение на родных

языках, изучение народного фольклора, культуры и литературы, особенно это касается Центральной Якутии, вилюйской группы районов и отчасти северной группы районов.

Численность коренного населения Якутии по переписи 2010 г. составила – 53,5%, включая саха (якутов), эвенов, эвенков, юкагиров и чукчей. Общая численность – 958 528 чел., мужчин – 48,6%, женщин – 51,4%, городское население – 64,1 %, сельское население – 35,8 % [6].

Существенное различие в языковой идентификации между городскими и сельскими якутами представляет процесс, связанный с разницей в образе жизни и менталитете горожан и сельчан и ассимиляционными процессами. Между городскими и сельскими якутами наблюдается дистанция, которая прослеживается в уровне языковой компетенции, ценностных ориентациях, в выборе языковой и этнической идентичности.

Таблица 4

Проживание в городской и сельской местности в РС (Я), в %

Год	город	село	город	село
1989	94017	271219	25,7 %	74,3%
2002	149817	282473	34,6%	65,4%
2010	184655	281837	39,5%	60,4%

Т.В.Аргунова в работе «Якутско-русское двуязычие» отмечает: «В языковой жизни республики наблюдается определенная социолингвистическая диспропорция: русскоязычное население почти полностью одноязычно, а коренное в подавляющем большинстве двуязычно и многоязычно ...» [7, с.48]. Анализ этнического состава промышленных районов республики свидетельствует о том, что коренные народы – эвенки, саха (якуты) представляют в численном выражении небольшие этнические группы, занимающиеся сельскохозяйственным трудом. Социально-экономические условия здесь тяжелые вследствие прессинга алмазодобывающей и угольной промышленности. Доля якутов, работающих в промышленности, минимальна, а в селах, где они проживают – бедственное положение. Все это усугубляется влиянием глобализационных процессов и антропогенных факторов из-за интенсивного промышленного освоения Южной и Западной Якутии. В результате последнего нарушается природная среда обитания коренных этносов, ухудшается экологическая обстановка, что в свою очередь отрицательно влияет на сохранность национальной культуры и языков коренных этносов [8, с.117].

Во всероссийской переписи 2010 г. имеется информация относительно владения гражданами родным и другими языками, имеется этническая принадлежность, которая определена со слов граждан. В этой связи количество

говорящих на соответствующих языках можно оценить только приблизительно (табл.5).

Таблица 5

Владение у якутов этническим и русским языками

год	В республике Саха (Якутия)	
	якутским	русским
1989	351 636 (96,2%)	255 453 (69,9%)
2002	407 496 (94,2 %)	376 439 (87%)
2010	445 212 чел. (93,1 %)	401 240 (86%)

Языковая ситуация – явление многоаспектное и многопризнаковое, при этом типологически значимые признаки разнонаправленны и не иерархичны. Как считает М.Б. Мечковская, возможны типологические характеристики ситуаций на основе ряда значимых различительных признаков [9, с. 161].

Таблица 6

Типологические признаки языковой ситуации

Типологический признак языковой ситуации	Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия)
Количество языковых образований, составляющих ЯС, т.е степень языкового разнообразия	Двукомпонентная ЯС (якутский и русский)
Количество этнических языковых образований, составляющих ЯС	Многокомпонентная – якутский и русский языки и языки малочисленных народов Севера (эвенков, эвенов, юкагиров, долган)
Процент населения, говорящего на каждом из языков, относительная демографическая мощьность языков, составляющих ЯС	Демографически равновесная ЯС (якутский язык –48,7% носителей русский язык –36,9% носителей)
Количество коммуникативных функций, выполняемых каждым языковым образованием, мощьность языковых образований	Несбалансированная (коммуникативно неравновесная) ЯС (русский язык сфера употребления неограниченная, якутский язык имеет ограничения)
Юридический статус языков, т.е характер государственной регламентации их взаимоотношений	Равный статус (якутский и русский языки государственные языки РС (Я))
Степень генетической близости языков, составляющих ЯС	Языки принадлежат к разным языковым семьям
Этнические корни языка, престижного в данной ЯС, является ли он одним из автохтонных, то есть родным для части населения	Якутский язык – родной язык коренного населения, русский язык – русский язык импортированный

Языковая ситуация в Якутии, по типологии Н.Б. Мечковской, двукомпонентная: якутский и русский языки, принадлежа к разным языковым

семьям. Якутский язык – национальный язык якутов, являющийся, наряду с русским, одним из официальными языками РС(Я), относящийся к тюркской семье языков, в которой образует отдельную ветвь. Эвенкийский, эвенский языки принадлежат тунгусо-манчжурской группе алтайской языковой семьи. Юкагирские языки семья родственных языков на которых говорят юкагиры – сибирский народ проживающий в бассейне реки Колыма. Демографически равновесная языковая ситуация: якуты составляют – 48,7% всего населения, а русскоязычное население – 36,9%. Якутский язык – родной язык коренного населения якутии, второй функциональный язык – русский. По количеству коммуникативных функций, выполняемых каждым языковым образованием, не сбалансированная языковая ситуация, где сфера употребления русского языка не ограничено, якутский язык имеет некоторые ограничения. Якутский и русский языки официальные и юридические, языки малочисленных народов севера являются языками национальных меньшинств. Якутский язык в РС(Я) по всем показателям является жизнеспособным, у него высокая витальность. Якутский язык используется всеми поколениями этноса и передается из поколения в поколение. Однако, в сфере городской среды имеются определенные трудности. Вызывает особую тревогу языковое состояние языков малочисленных народов Севера, например, численность говорящих на родном языке колымских юкагиров составляет около – 40 чел. Этноязыковые процессы происходящие в республике имеют разнонаправленный характер, объективными признаками витальности якутского языка в настоящее время выступают демографические, политические национальные, культурные факторы, а также потребность якутского социума сохранять и развивать свой язык, культуру и традиции.

Литература

1. Ethnologue: Languages of the World //: <http://www.ethnologue.com>
2. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев. – 2-е изд., 1996. – 207 с.
3. Язык и общество. Энциклопедия. – М.: Азуковник, 2016. – 872 с.
4. Там же.
5. Воронкин М.С. Северо-западная группа говоров якутского языка. – Якутск, 1984. – С.26-27.
6. Численность коренного населения по переписи 2010 г. // URL: <http://viewtopic.jsp?id=4373007> (дата доступа 15.09.2019)
7. Аргунова Т.В. Якутско-русское двуязычие (социолингвистический аспект). – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. – 88 с.
8. Васильева Р.И. Языковая ситуация и этноязыковые проблемы в промышленных районах // Современная этноязыковая ситуация в республике Саха (Якутия). – Новосибирск, 2013. – 252с.
9. Мечковская Н.Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков. – М.: Наука, 2001. – 312с.

10. Languages in a polyethnic state: development, planning and prospects; International Conference (Ulan-Ude- Goryachinsk, 1-4 July 2019): Reports and communications / Executive editors: G.A. Dyrkheeva, A.N.Bitkeeva, S.V. Kirilenko, B.D. Tserenov. – Ulan-Ude, 2019 . – 262 p.

Г.Н. Курилов
ИГиЛПМНС СО РАН

Возможно ли сохранение юкагирского языка в XXI веке?

Прежде всего, напомним, что в мире нынче существуют два юкагирских языка, а не один с двумя диалектами – тундренный и лесной (колымский). Об этом вполне определенно изложено в работе «Прочен ли постулат о статусе юкагирского языка...». В настоящее время в критическом состоянии находится одульский (язык верхнеколымских юкагиров), так как ныне есть лишь один носитель, владеющий этим языком. Поэтому, выведенный в заглавии вопрос более относится к вадульскому языку (языку нижнеколымских юкагиров).

Итак, возможно ли сохранение юкагирского вадульского языка? – Возможно! Для этого имеется ряд условий:

1. Преподается язык в районном центре, в поселке Черском, поселке Андриюшкино, селе Колымское.

2. Имеются молодые кадры преподавателей юкагирского языка, владеющих родным языком.

3. Имеются, хотя, в недостаточном количестве, учебники, учебные пособия и «Юкагирско – русский словарь».

Эти условия вполне достаточны для проведения уроков родного языка в юкагирских классах поселков Черский, Андриюшкино, села Колымское в Нижнеколымском улусе Якутии. Но они еще недостаточны для прочного закрепления знаний по родному языку в школах. Для этого еще необходимы другие мероприятия и активная работа. Прежде всего, организация специального времени, первоначально, часов, затем, по мере усвоения родного языка – дней недели. Такие мероприятия надо проводить с изобретательностью для того, чтобы дети участвовали в них заинтересованно и активно. Все они должны проводиться под непосредственным руководством и по учебному плану учителей. Они, в конечном счете, должны создать разговорную среду для обучающихся и их родителей. Именно отсутствие такой среды приводит к тому, что юкагирские дети, изучающие родной язык, после окончания школы, не могут общаться на родном языке. Повторяю: эти часы и дни родного языка должны проводиться с изобретательностью, и даже, можно сказать, как праздники родной разговорной речи. Далее, на них должны быть предусмотрены определенные финансовые

средства Министерства образования РС (Я). Какие-то средства нужны также для воспитания юкагирских детей – активными и влюбленными в свой народ и родной язык.

Если же Министерство образования не может выделить средства, то, во-первых, надо совершенствовать финансовую часть Закона РС (Я) «О Суктууле юкагирского народа», во-вторых, обязательно возродить «Фонд юкагирского народа» при «Совете старейшин юкагирского народа», который был ликвидирован по халатности одного из руководителей «Ассоциации юкагиров». Напомню, что этому «Фонду юкагирского народа», помогал в годы моей работы председателем «Совета старейшин юкагирского народа» – «Фонд будущих поколений» при Президенте РС (Я). Наличие такого Фонда необходимо для накопления денежных средств для оказания помощи студентам, как это мы делали в свое время работы. Накопление этих средств – крайне необходимо, во-первых, на публикацию песенников, сборников стихотворений, рассказов пожилых людей, во-вторых, издание портативных школьных словарей, в-третьих, для поощрения преподавателей юкагирского языка, а также оленеводов, рыболовов и др. представителей юкагирского этноса.

В общем, впереди у юкагиров непочатый край работ для организации и проведения активных путей создания, направленных на сохранение юкагирского языка.

Ушницкий В.В.
ИГиЛПМНС СО РАН

Дюпсунские учителя:

образ «агентов советской власти» и партийных активистов

Православная церковь и светское образование сосуществовали друг с другом и были конкурентами в распространении знания о окружающем мире и получении грамотности. Дюпсунская приходская школа была открыта в 1862 году. В этой школе обучалось 4 якутских школьника, учил их грамоте местный псаломщик Евстафий Лонгинов.

Школу закрывали по разным причинам несколько раз. В 1870-1875 гг. улусный писарь Яков Худяков в своем частном доме открыл школу и учил якутских детей. В 1875-1880 гг. политссыльные Н.П. Странден, П.Д. Ермолов, Д.А. Юрасов, И.Я. Худяков руководили работой сельской школы. Первым учеником Н.П. Страндена стал В.В. Никифоров–Кюлюмнююр. С помощью политссыльных В.В. Никифорова открылся широкий кругозор и тяга к знаниям, он закончил шесть классов Якутской прогимназии, затем обучаясь заочно, получил юридическое образование. Политссыльные установили теплые взаимоотношения с

народом, учили русской культуре, земледелию, начали сажать картофель и выращивать свиней.

В 1880 г. в улусе открылся один класс народного училища министерства образования, в 1890 г. школа, где обучали богословию. Таким образом, в центре Дюпсунского улуса работали две школы. В 1893 г. В.В. Никифоров на собственные средства построил шестикомнатную школу, в одной комнате был открыт пансион для детей бедняков.

Впоследствии житель Санкт-Петербурга, тайный советник императора Иван Ильич Маслов перед смертью завещал 40 тысяч рублей на строительство сельских школ в темных окраинах империи. На направленные в Якутскую область деньги были построены четыре училища, один из них в 1898 г. в селе Дюпсун. Эта школа получила имя Маслова, сначала с одним классом, затем с двумя классами работала как народное училище. Здесь обучились грамоте, например, учитель М.К. Аммосова Платон Афанасьевич Ушницкий, директор музея имени Емельяна Ярославского Иван Дмитриевич Новгородов.

Грамотность при Царской власти распространялась частным путем, например, образованием якутских детей активно занимались политссыльные из партии народников. Многие политссыльные были бывшими студентами Санкт-Петербургского университета, потомственными дворянами. Якутские дети получали настоящие знания, образование, которое сравнимо с высшим, университетским. Поэтому из числа учеников Н.П. Страндена вышли такие одаренные личности, настоящие самородки как В.В. Никифоров и П.А. Афанасьев.

В советский период много негативного и карикатурного распространялось про церковно-приходские школы. Насаждалась идея о ненужности и вреде церковного образования. Предметы, которые учили в церковно-приходской школе: богословие, обучение Библии, молитвы и пение псалмов, старославянский язык - считались ненужными при советской власти. Но именно из таких людей, окончивших церковно-приходские школы, вышли народные писатели, такие как П.А. Ойунский, А.Е. Кулаковский; несгибаемые большевики как М.К. Аммосов, И.Н. Барахов и наконец И.В. Сталин. Буйная фантазия библейских писаний и воспитание фанатизма верующих помогли раскрыться таланту таких неординарных личностей.

В 1922-1923 учебном году Дюпсунское народное училище с двумя классами превращается в советскую школу с четырьмя классами, где учили грамоте и труду. В среднем в год учились 40 детей. Во время Гражданской войны белые братья разогнали школу. В 1925-1926 гг. школа была восстановлена, в шести классах учились 60 детей [По воспоминаниям Федорова Василия Гаврильевича, собранным Ховровой Марфой Ивановной].

В Дюпсунском улусе существовало традиционное уважение к образованным людям, которое культивировалась в православной среде. Элементы социального

статуса религиозно образованных людей были унаследованы светски образованными учителями. На советского учителя распространились и другие прежние формы почитания и неформального одаривания [1, с. 273].

А в 60-80 гг. XIX в. негласным центром образования якутов стало село Дюпсюн. Он возник вокруг церковного прихода, объединяющего деревни Дюпсинского улуса. В 1861 г. была создана церковно-приходская школа. Однако не меньший вклад в появление слоя грамотных людей внесли народовольцы Д.А. Юрасов, П.Д. Ермолов и Н.П. Странден, осужденные по Каракозовскому делу. Они сажали картошку и капусту, разводили кур и свиней, кормили якутов своей продукцией, приучая их к этим культурам. Усовершенствованные орудия и способы обработки земли, введенные Н.П. Странденом и Д.А. Юрасовым, для якутов Дюпсюнского улуса явились новой эрой и положили начало поднятию их экономического благосостояния [3, с. 23]. Они также учили детей писать и читать. Их ученики В.В. Никифоров–Кюлюмнюор и братья Афанасьевы стали широко образованными людьми, известными по всей Якутии тойонами – пропагандистами грамотности и образования.

В начале 30-х годов советская власть под знаменем борьбы с неграмотностью постановила существенно расширить сеть школ, особенно в сельской местности, и ускоренно подготовить новую когорту учителей, призванных «на фронт» культурной работы. При этом, особую группу партийных, комсомольских активистов составляли учителя. Учителя действительно были «агентами советской власти», они выполняли не только и не столько сугубо педагогические, сколько важные политические функции. Будучи активистами, они принимали непосредственное участие во всех общественно-политических процессах – коллективизации, раскулачивании, антирелигиозной борьбе, пропаганде советского строя и решений власти, переписи и так далее. С другой стороны, учителя были также оппонентами советских чиновников и были под особым наблюдением со стороны чиновников и спецслужб и нередко подвергались репрессиям. Учителя имели и собственные интересы – свою профессиональную солидарность и идентичность, иерархию, институциональную принадлежность [1, с. 272].

По сравнению с колхозниками, учителя и врачи в селе получали хорошую, стабильную зарплату. Так, А.Н. Ушницкая вспоминает, что в 1952 г. принесла домой зарплату в 1,5 тысячи рублей. Это были по тогдашним меркам огромные деньги. Сразу к ней потянулись просители – кто просил чая в заем, кто-то еще что и таким образом наличные деньги у нее быстро исчезли. Тогда комсомольская организация каждую осень организовывала факельное шествие к могиле комсомольцев. Постоянно помогали сельскому клубу. Школа проводила тематические вечера в честь годовщины дня рождения или смерти В.И. Ленина, юбилея Великой Октябрьской Революции, указаний и съездов партии [5].

Учителя имели постоянный государственный заработок, с этой точки зрения они не зависели от колхоза или от председателя сельсовета. Но, конечно, у каждого учителя было свое домохозяйство (а жена, возможно, числилась колхозницей), что вынуждало их вступать в сложные отношения с местной властью по поводу разного рода хозяйственных и налоговых дел. Среди других привилегий учителя было освобождение, например, от сельскохозяйственного налога и, что, пожалуй, особенно важно, освобождение – броня от призыва в армию. В основном, это были молодые люди, которые не были отягощены разного рода социальными обязательствами, стремились самоутвердиться и доказать свои возможности [1, с. 275].

Вера в Советскую власть была всеобъемлющей, велась активная пропаганда, что именно это власть покончила с поголовной неграмотностью якутского села. Поэтому вера в лидеров партии, в их мудрость была настоящей. К примеру, когда умер И.В. Сталин, то плакали все дети и учителя вместе. А.Н. Ушницкая в преклонном возрасте прочитала 100 книг о И.В. Сталине, особо оценивала труды исследователей М. Лобанова и В. Карпова. Она подчеркивала, что заслуги И.В. Сталина в истории также правильно оценили зарубежные писатели и ученые: Стаднюк, Веллер, Стивен Коэн, Аллаверды, профессор Форр [ПМА 2019, информация от А.Н. Ушницкой]. Грамотные люди Советской власти нужны были именно для его защиты, службы в рядах Красной армии. Поэтому большое внимание уделялось военно-спортивной подготовке. Военрук Михаил Федорович Федоров в годы войны учил школьников стрелять и ходить на лыжах. Сдавали зачет ГТО по бегу на лыжах. Многие учителя ушли на фронт воевать добровольно. Гавриил Николаевич Ушницкий служил в войсковой разведке, пал смертью храбрых при освобождении Венгрии от фашистов и хортистов. В 80-годы в Дюпсунской школе был построен тир для стрельбы из малокалиберного ружья и оборудована оружейная комната, где хранились автоматы Калашникова для разборки и сборки. Проводился военно-политическая игра «Зарница», факельное шествие к могиле комсомольцев и сдача норм ГТО. Военно-патриотическое воспитание помогло выращивать многие поколения отважных воинов, доблестно служивших в рядах Красной, затем Советской армии.

В селе учителя, пока основная масса населения была неграмотной, выполняли более широкие функции: помогали заполнять разного рода личные документы, писали и зачитывали письма, разъясняли непонятные термины и правила, консультировали по самым разным вопросам, которые требовали знаний, недоступных крестьянину. В раннее советское время, когда государство пыталось повысить свое влияние на общество и поток разного рода указаний и пропаганды чрезвычайно возрос, позиции учителя значительно укрепились – не случайно комсомольский актив в 1920–1930-е годы и партийный в 1940-е формировался в основном из учителей [1, с. 273].

Хозяйственной обязанностью учителей были коллективные работы, субботники. Уборка снега с крыш хотонов (хлебов), законопачивание зданий школ. Все эти работы производились бесплатно, и считались добровольными. Учителя в выходные работали в сельском хлеве (хотоне) во время отела коров, осенью обмазывали навозом коровники, а наутро ездили давать урок в школе [по воспоминаниям Марфы Ивановны Ховровой].

Учителя вместе с школьниками убирали снег с крыш, доили коров в колхозной ферме. Каждую субботу ходили помогать колхозникам (потом совхозу). Старшеклассники ходили на ферму смотреть за скотом, во время сенокоса организовывали звено. При этом учителя работали в одном звене, ученики в другом. В сенокосе преобладал ручной труд. Техники, тракторов не было, как у рабочих совхоза. Трудились и в уборке зерна. Помогали при срезке и обмолачивании зерна. На уборку картофеля ездили в село Чэриктэй [5]. И за свой летний труд учителя не получали зарплату из совхоза, жили за счет отпускных денег.

Кроме знания (или культурного капитала) учителя обладали капиталом социальным и экономическим. У них был более широкий круг знакомых, который выходил далеко за пределы села. Они были более мобильны, учились, жили и работали в других селениях и городах, имели там знакомых, полезные контакты, приобретали жизненный опыт, не характерный для села (к примеру, Дюпсюн). Кроме того, существовала своеобразная профессиональная сеть людей одного статуса, которые могли говорить друг с другом на понятном для них языке, имели одни и те же проблемы и были связаны собственными иерархическими отношениями – учитель, завуч, директор, районо (районный отдел народного образования), облоно (областной отдел), свое министерство [1, с. 275].

В советское время сельские учителя, помимо основной преподавательской деятельности, имели свое хобби и вели кружковые занятия, даже занимались научной деятельностью и создавали музеи. И.К. Сивцев – учитель родного языка и литературы, был автором учебника по якутскому языку. Имел любимое хобби, коллекционировал материалы о знаменитых силачах прошлого, профессиональных борцах цирковой борьбы XIX-XX вв. в странах Европы и Российской империи. Был одним из трех признанных специалистов по этому вопросу в СССР, имеющих большую коллекцию. По тем временам, сельские учителя имели неплохую зарплату и получали отпуска, в отличии от колхозников. Поэтому он в свой отпуск ездил в центральные города и в Прибалтику, и работал в архивах и библиотеках, собирая материалы о цирковой борьбе. Таким образом, сельские учителя были настоящей якутской интеллигенцией, передовой частью общества. Обычно учителя выделялись в общей массе жителей села городской одеждой и прической, носили галстук.

Иван Данилович Жирков – учитель географии, вел кружок авиамоделирования и создал музей космонавтики. Влюбленный в космос сельский учитель,

вел переписку с космонавтами и ездил с школьниками в Звездный городок. Его ученики выигрывали Республиканские и Всесоюзные соревнования по авиамоделированию. Впоследствии космонавты не раз приезжали в село Дюпсюн. Из его учеников есть авиамеханики (Николай Копырин).

Таким образом, сельские учителя были настоящими агентами Советской власти в селе, проводниками линии большевистской партии. Действительно, при Советской власти существовала всеобщее образование. Дети из глухих колониальных окраин бывшей Российской империи получали доступ к русской и мировой литературе, к знанию разных учебных предметов: математики, географии, биологии, истории, химии, геометрии. Впоследствии поступали на высшие учебные заведения и становились квалифицированными специалистами.

Литература

1. *Абашин С.Н.* Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 720 с. с иллюстр.
2. Дюпсюн сирэ: (Из поколения в поколение). Усть-Алданский улус (собрали И.И.Сыроватский, М.И.Ховрова, М.И.Романова). – Якутск: Бичик, 2009. – 544 с.
3. *Малькова (Клиорина) А.* Василий Никифоров. – Якутск: нац. кн. изд-во «Бичик», 1994. – 272 с.
4. *Ховрова М.И.* В.В.Никифоров-Кюлюмнююр – письмоводитель и улусный голова Дюпсинского улуса // Василий Васильевич Никифоров-Кюлюмнююр. (Серия «Национальная интеллигенция и становление государственности народов Якутии»). – Якутск: Бичик, 2016. – С. 49-54.
5. ПМА 2019 – Полевые материалы автора. Информация от А.Н. Ушницкой, заслуженная учительница РСФСР, 92 лет, г. Якутск

И. Абдувалиев

*Джалал-Абадский государственный университет,
Республика Кыргызстан*

О лексикографии тюркских языков

Лексикография не только составление словарей, она занимается также и сбором, систематизацией и уточнением лексических значений слов. Сбор и систематизация слов осуществляются с целью регистрации и уточнения различных значений слов, используемых в речи представителей данного конкретного языка. Выяснение и разъяснение прямых и различных переносных значений слов осуществляется для составления показательных (морфемного, орфографического и др.), толковых и переводных словарей. Следует отметить, что, наглядно показать правильного написания или происхождения, толкование значений слов и перевод значения слов на другой язык, вот основные функциональные задачи словарей.

Многовековой опыт лингвистических исследований показывает, что под лексикографией понимали составлении словарей различного направления, в основном выполнялись двуязычные переводные словари.

Тюркская лексикография имеет многовековую историю своего развития, ибо она зародилась на пороге второго тысячелетия нашей эры, зародилась именно двуязычным переводным словарем. Это фундаментальная книга выдающегося энциклопедиста, лингвиста-лексикографа средних веков Махмуда ибн Хусейн ибн Мухаммед аль Кашгари “Дивану лугат-ит турк”. Предполагаем, что такой объемистый, глубоко научный и капитальный труд Махмуда Кашгарского не мог появиться без своего достойного предшественника, однако до нас ничего не дошло.

“Дивану лугат-ит турк” – “Собрание тюркских слов” Махмуда Кашгарского является профессионально оформленным словарем – словарем толково-переводным. По словам самого автора, он побывал во всех местах, где жили тюркские племена: турки, туркмены, огузы, чигилы, йагмы, кыргызы, и собирал их слова, пословицы, поговорки и легенды. Написал, что эти собранные материалы он обработал, систематизировал и составил настоящий словарь, которого разработал не от незнания этих слов, а для того, чтобы показать, что его родной язык ни в чем не уступает другим языкам [3: 3]. Этим, другими языками, он имел ввиду арабский и персидский языки, обладавшие в то время большой традицией письменно-литературного существования.

Книга “Дивану лугат-ит турк” – “Собрание тюркских слов” была написана Махмудом Кашгарским в XI веке. Значит, тюркская лексикография вполне может считать своей отправной точкой именно эту дату. Этим можем утверждать, что тюркская лексикография имеет свою тысячелетнюю историю становления и развития.

За этот период развития общетюркской лексикографии на основе арабской графики были составлены десятки лексикографических трудов, среди которых следует отметить такие, как “Мукаддимат-ул адаб” Абулкасыма Замахшари (1128-1143), “Китаби мажмуаи тарджумани турки, фарси ва моголи” Ибна Муханны (XIII век), “Аттух-фату-з закийати фил-лугат-ит туркийа” (XIII), “Китабу-л идрак ли-лисани-л итрак” Абу Хайяна (1312-1313), “Кодекс Куманикус”, “Бадаи-ул лугат” (1500), “Мухакимат-ул лугатайн” Алишера Навои (XV) и др. Среди них лишь “Кодекс Куманикус” был написан латинской графикой.

В словарях, написанных арабским шрифтом слова располагаются, главным образом, по их лексико-грамматическим принадлежностям. Например, в словаре Махмуда Кашгарского тюркские слова расположены так, что в первых двух томах, так называемые двухбуквенные, трёхбуквенные, четырехбуквенные и т. д. имена. В третьем томе двухбуквенные, трёхбуквенные, четырехбуквенные и т. д. глаголы. Вместе с тем в каждой из словарей, выполненный арабской графикой, совершенно

по-разному разрешаются несоответствия буквы арабского письма звуковому составу тюркских языков (диалектов). Не было единого требования передачи тюркских звуков арабскими буквами.

Однако, несмотря на все это, мы вправе отметить, что почти восьмисотлетние традиции и опыт составления словарей тюркских языков на основе арабской письменности под влиянием достижений арабской языковедческой науки, имеет огромное значение в развитии тюркологической лексикографии. Этот период мы условно называем старой эрой тюркской лексикографии.

Началом новой эры в истории тюркской лексикографии считается XIX век – время появления тюркоязычных словарей нового поколения, с новым содержанием, выполненные на основе графики латыни и кириллицы.

Капитальные лексикографические работы по тюркским языкам (диалектам) были выполнены представителями индоевропейских народов. Так, в 1804 году был написан “Словарь российско-татарский” И. Гиганова, в 1835 году в Париже “Турецко-французский словарь” Бианки, в 1864 году вышел в свет “Турецко-татарско-русский словарь” Л.М. Лазерева, в 1866 году “Тюрко-арабо-персидский словарь” Ж. Ценкера, в 1869-1871 годах двухтомный “Сравнительный словарь турецко-татарских наречий” Л. Будагова, в 1878 году “Этимологический словарь турецко-татарских языков” Г. Вамбери, в 1880 году был переиздан знаменитый “Кодекс Куманикус” – памятник начала XIV века, в 1884 году составлена “Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка” В.И. Вербицкого, а в конце XIX века “Опыт словаря тюркских наречий” великого русского тюрколога-востоковеда В.В. Радлова.

Словари этого периода заметно отличаются от своих предшественников. Именно они постепенно стали отвечать требованиям современных словарей различного назначения, точнее были изданы как переводные (двуязыковые, трёхязыковые), этимологические и сравнительно-исторические словари. Например, словари И. Гиганова и Бианки являются двуязычными переводными, “Тюрко-арабо-персидский словарь” Ж. Ценкера (Лейпциг, 1866) и “Турецко-армянско-французский словарь” (Вена, 1883) являются трёхязычными переводными, а “Сравнительный словарь турецко-татарских наречий” Л. Будагова (т. 1-2. СПб., 1869-1871), “Этимологический словарь турецко-татарских языков” Г. Вамбери (Лейпциг, 1879) и ряд других являются как переводными, толковыми так и этимологическими.

Среди словарей этого периода труд Василия Васильевича (Вильгельм Фридрих) Радлова заметно отличается и по своему объёму, и по охвату лексических материалов, и по содержанию. Этот четырёхтомный словарь – результат полувековой плодотворной работы выдающего учёного, основателя русской школы тюркологов, академика В.В. Радлова – до сих пор является единственным фундаментальным трудом, содержащим в себе богатейший

материал по лексике и фразеологии многочисленных живых и древних тюркских языков. В.В. Радлов все слова со всеми вариантами (употреблении и написании) передает в строгом алфавитном порядке, что намного облегчает работу в пользовании его словарем. Радловский алфавит состоит из 51 буквы и основан на кириллице с добавлением нескольких букв латыни и нескольких индивидуальных начертаний. В его словаре отражены слова тридцати двух конкретных диалектов-наречий (нынешние языки также были определены как наречия) и свыше сорока древних и современных ему письменных памятников. Поэтому эта книга является как общетюркским толковым, диалектологическим, так и общетюркским историческим словарем. Словарь В.В. Радлова достиг наивысшего уровня развития лексикографической науки. Переводы осуществлены как из всех представленных диалектных форм слов, так и из всех слов, взятых из различных письменных источников. Богатый иллюстративный материал также оформлен соответствующим художественно-смысловым переводом. Следует подчеркнуть, что переводы осуществлены на двух разных языках: на русском и на немецком. Общетюркские слова были не только просто переведены на русский и немецкий языки, но они в каждом конкретном случае были и этимологизированы. Например, слово *аркай* – “выдаваться, быть видным (о зубах)” в словаре отражено в родстве с монгольской основой и маньчжурским словом *арган*; слово *аркайт* – “скалить зубы” зафиксировано образованным от *аркай* при помощи словообразовательного компонента [7: стлб. 287]. Следовательно, словарь В.В. Радлова вполне может выполнять и роль этимологического словаря тюркских языков. Замечая именно эти функции, Л.В. Щерба писал, “...мы имеем замечательный, в свое время оказавший неопределимые услуги науке и практике, многотомный “Опыт словаря тюркских наречий” В.В. Радлова, возможность которого базируется на большой близости турецких языков, могущих рассматриваться как диалекты единого, однако, несуществующего языка. Приблизительно на подобной основе строятся часто этимологические словари” [10, с. 90-91].

Лексикографический опыт великого русского тюрколога по тюркским языкам оказал положительного влияния в становлении и формировании лексикографий ныне живых тюркских языков. Одним из успешных продолжением традиции В.В. Радлова является Словарь якутского языка, составленный Э.К. Пекарским и под его руководством, издание которого началось еще при Царской России, в 1907 г., последний выпуск вышел в 1930 году уже при Советском Союзе.

Советский период развития тюркской лексикографии является продолжением традиции, так называемого, нового периода развития в истории тюркской лексикографии. Ибо многие тюркоязычные народы, по воле судьбы, оказались в составе огромной мировой державы – Советского Союза. Однако такая судьба оказала положительное влияние в развитии культуры тюркоязычных народов в том, что они – союзные и автономные республики и автономные области были в

постоянном взаимоотношении и во взаимодействии. Наука в них развивалась в тесной связи друг с другом, ученые часто общались в научных форумах, симпозиумах и конференциях. Издавались научные периодические издания, в которых наряду с научными теоретическими достижениями всегда опубликовались материалы критического и познавательно-хронологического направления. Ощутимо чувствовалось влияние русского языка, а также взаимосвязи и взаимовлияния между отдельными тюркскими языками. Все это положительно влияло в развитии науки о национальных языках, в частности сбора лексических единиц и составлении различных лексикографических трудов.

В советский период издавались многие словари как отдельных тюркских языков, так и общетюркологические словари. Среди общетюркологических следует особо отметить Древнетюркского словаря, выполненного московскими и ленинградскими учеными. В результате появился капитальный труд, охвативший в себе лексику древнетюркских письменных источников почти восьмисотлетнего периода.

Другая общетюркологическая лексикографическая работа – многотомный этимологический словарь Э.В. Севортыяна, который привлекая обширный материал как живых тюркских языков и диалектов, так и всех письменных древнетюркских памятников, проникал вглубь общетюркских древних корневых и производных слов и словообразовательных средств. Этот словарь содержит в себе этимологические анализы корневых и производных слов, словообразовательных и словоизменяемых аффиксов, грамматических и фонологических средств тюркских языков. Таким образом этимологический словарь тюркских языков Э.В. Севортыяна является несравненным трудом в области этимологических исследований мировой лингвистики.

Лексикографические работы отдельных тюркских языков в советское время также развивались огромным успехом. Были собраны лексические материалы и составлены различные словари тюркских языков, не только имеющих письменные традиции, но также и таких тюркских языков, которые приобрели письменные традиции только в первой четверти XX века. Среди последних и киргизский (*в русском произношении* киргизский) язык приобрел письменную традицию в двадцатые годы XX века, создав новый, так называемый, реформированный алфавит на основе арабской графики в 1924 году. Только после этого на киргизском языке появились газеты, журналы, начали издаваться учебники и различные художественные книги. Появились краткие русско-киргизские словари.

Выдающийся ученый-тюрколог, впоследствии ставший академиком Академии наук Киргизской ССР и членом-корреспондентом Академии наук Узбекской ССР Константин Кузьмич Юдахин в течении десяти лет собрал, систематизировал и издал в 1940 году капитальный труд – Киргизско-русский словарь, содержащий свыше 25000 слов. Этот труд имел огромный успех не только

в кыргызском языкознании, но также и в мировой тюркологии. Был переведен на современный турецкий язык, и на турецком выдержал несколько переизданий. Успех словаря К. К. Юдахина заключается и во включении слов в словарь, и в переводе их на русский язык, и в толковании значений лексических единиц. Второе, дополненное издание этого словаря (М.: Советская Энциклопедия, 1965) был удостоен Государственной премии СССР.

Мы считаем, что самое главное достижение словаря К.К. Юдахина является передача в реестре глагольных основ. Хотя и были в руках у лексикографов-тюркологов книги В.В. Радлова, ни в одном словаре тюркских языков в реестре не были отражены исконно тюркские глагольные основы. Начатый В.В. Радловым считать формы тюркского глагола второго лица единственного числа самостоятельно-полноценной лексической единицей, весьма успешно внедрялся лишь К.К. Юдахиным. Глагольные корневые основы тюркских языков, в том числе кыргызского языка, во втором лице всегда выступает в понудительном значении. “Глагол приводится в форме основы с дефисом и переводится при заглавных словах преимущественно несовершенным видом” [11, с. 13], пишет великий лексикограф. Корневые основы, как именные так и глагольные, тюркских языков могут служить в качестве полноценного слова. Опыт К.К. Юдахина применены его учителем С.Е. Маловым [5: *гlossарий*], составителями Древнетюркского словаря [2] и Э.В. Севортяном [8] во многотомном этимологическом словаре. Лишь хакасско-русский словарь, частично применяя опыт К.К. Юдахина, отражает глагольные основы в скобках, “Глаголы даются в форме инфинитива (в скобках приводится основа глагола в форме повелительного наклонения 2-го л. ед. ч. и снабжается дефисом справа)” [9, с. 11]. В словарях других тюркских языков глагольные основы отсутствуют, в которых они отражены в форме *-мак*, *-ырга*, хотя общетюркские глаголы не имеют, так называемый, неопределенной формы.

Тюркологическая наука признает, что глагольная основа в тюркских языках - это форма глагола второго лица единственного числа с повелительным значением. Поэтому следовало бы для всех тюркских языков отражать в своих словарях глагольные основы по опыту К. К. Юдахина, С. Е. Малова, Э. В. Севортяна и перевести их на другие языки в форме инфинитива.

Литература

1. *Абдувалиев И.* Этимология жана лексикография. – Бишкек, 2007.
2. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969.
3. *Кашгари М.* Дивану лугат-ит турк. Т. 1. – Урумчи, 1981 (арабским шрифтом на уйгурском языке).
4. *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России (дооктябрьский период). – Л.: Наука, 1982.
5. *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
6. *Мусаев К. М.* Лексикология тюркских языков. – М.: Наука, 1984.

7. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. – СПб., т.1, 1893.
8. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М.: Наука, 1974.
9. Хакасско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2007.
10. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Известия АН СССР. Отделение языка и литературы, 1940, №3.
11. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. – М.: Советская Энциклопедия, 1965.

А.А. Васильева

СВФУ им. М.К.Аммосова, г. Якутск

К вопросу о периодизации истории переводческой деятельности в Якутии

Изучение истории переводческой деятельности в Якутии, являясь одним из ключевых вопросов частной теории перевода, может способствовать, во-первых, систематизации результатов переводческой деятельности различных групп, поколений переводчиков; во-вторых, обобщению и теоретическому обоснованию практического опыта переводчиков; в-третьих, выработке рекомендаций по технологии перевода различных текстов; в-четвертых, раскрытию специфики формирования некоторых функциональных стилей современного якутского литературного языка.

Существует множество работ, в которых рассматривается всемирная история перевода. Как отдельный раздел общей теории перевода, история перевода активно начала разрабатываться с 1950-х гг. [4, с. 8]. Но и до этого времени в России история перевода привлекала внимание исследователей. Так, советский ученый, основоположник лингвистической теории перевода А.В. Федоров в своем пособии «Основы общей теории перевода» упомянул о статье М.П. Алексеева, в которой еще в 1931 г. была дана библиография работ по истории перевода до 1930 г. [19, с.24]. А сейчас для исследования всемирной истории перевода организовываются международные проекты [4, с.12-13], которым может быть интересна и российская история переводов, включающая в себя историю русско-якутского, якутско-русского перевода, развивающуюся на фоне истории страны, в зависимости от нее и в зависимости от проводимой государством языковой политики.

Чаще всего для исследования истории перевода основой является хронологический принцип с привязкой к конкретному месту (стране или региону). Однако это не совсем подходит для предмета исследования истории перевода, считают ученые. Основной причиной этого называется прерывистость процесса истории перевода [2, с. 28], то есть в какие-то времена переводческая деятельность ослабевает, угасает, а в какие-то времена сильно активизируется. Например, П.И. Копанев в своей монографии «Вопросы истории и теории художественного перевода» выделяет четыре периода в истории перевода и связывает их с этапами

развития цивилизации: а) первый, древний период (рабство и феодализм); б) второй, или средний период (от первоначального накопления капитала до научно-технической революции XVIII в. включительно); в) третий, или новый период (конец XVIII — конец XIX в.); г) четвертый, или новейший, период (конец XIX — XX в.) [3, с. 7].

В своей книге “Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней)” Л.Л. Нелюбин и Г.Т. Хухуни выделяют десять периодов в мировой истории перевода, и пять периодов развития отечественного переводоведения [6, с. 12-13]. Как пишут сами авторы, они приняли хронологический принцип, дополнив его географическим, а в некоторых случаях руководствовались тематическим подходом [6, с. 13-14]. Профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Н.К. Гарбовский отмечает, что история перевода развивается на фоне истории языка и литературы, и оказывается прерывистой во времени и пространстве, так как языки и литературы развиваются по-разному [2, с. 28]. А его коллега О.И. Костикова предлагает совсем иную периодизацию истории перевода, основанную на способе хранения и передачи информации. Так, она считает, что историю перевода можно разделить на три периода, а новейший, четвертый период начинается в наши дни: «*Первый* (гипотетический) — дописьменный период, о котором нет никаких документальных подтверждений, и длительность которого весьма неопределённая — несколько десятков тысячелетий. *Второй* период — от первых письменных двуязычных документов на глиняных табличках до изобретения печатного станка — его протяжённость ограничена несколькими тысячелетиями. Второй период характеризуется разделением письменного и устного перевода и выделением последнего в отдельный самостоятельный вид деятельности. *Третий* период — от первой переведённой и напечатанной книги (Библия Гуттенберга на латинском языке) до настоящего времени, когда наблюдается очевидное угасание общественного интереса к печатным источникам информации, их стремительная замена электронными носителями, не только изменяющими технологию переводческой деятельности, но и влияющими на стратегии перевода, на характер взаимоотношений переводчика с другими участниками информационно-коммуникативного процесса, коим является перевод, на критерии оценки результатов переводческого труда» [4, с. 18].

Как видим, само многообразие процесса перевода предполагает многообразие путей его исторического развития, которое, конечно же, зависит и предопределяется историей народов контактирующих языков, взаимодействием их культур, в том числе развитием литературного процесса и историей языка. Перевод всегда был способом передачи новой информации, которая часто меняла устоявшееся, привычное, традиционное. Поэтому через века и через культуры до нас дошло изречение “Переводчики – это лошади просвещения”. Перевод всегда находится на стыке языков и культур, поэтому перевод может выполнять роль

некоего фильтра, регулирующего процессы заимствования языковых и культурных явлений. Именно поэтому необходимо глубокое и всестороннее исследование перевода, продуманное применение переводческих техник в билингвальном поликультурном пространстве.

При изучении истории перевода необходимо разграничивать историю практики перевода и историю развития переводческой мысли. На первый взгляд, обе эти стороны перевода неразрывно связаны между собой, но теоретические обобщения переводческой деятельности всегда или почти всегда делаются позже, чем сами переводы. Несомненно, каждый переводчик понимает, как он должен делать тот или иной перевод, каких правил и стратегий придерживаться, что приемлемо и что неприемлемо, однако выразить эти мысли отдельно, в специальном тексте, не всегда и не у всех переводчиков получается. В художественном переводе такими текстами являются «письма к читателям», предисловия и послесловия к переводам, а также критические работы, анализирующие художественный перевод. Однако указанные тексты часто бывают посвящены конкретному переводу, и в них, как правило, не делается обобщающих выводов, из которых можно было бы судить о том, как переводили люди прошлого, что для них было более или менее значимым, как в их переводах реализовывались идеи той или иной переводческой эпохи и т.п. Во всемирной истории перевода таких теоретических работ не так уж и много, но они являются вехами в истории, своеобразными ориентирами, характеризующими ту или иную переводческую эпоху. Но тем не менее, как отмечает Ольга Костикова, «история перевода не призвана давать переводчику-практику конкретные решения сложных переводческих задач, но она учит его мыслить и принимать решения в конкретном историческом контексте» [4, с. 6]. Именно в этом и заключается значимость истории перевода как научной и образовательной дисциплины.

История переводческой деятельности в Якутии знает не очень много текстов, являвшихся бы ориентирами той или иной «переводческой эпохи». Обозримое прошлое истории русско-якутских переводов в Якутии охватывает не такое уж большое время – триста с лишним лет, считая от 1705 г., когда был зафиксирован первый письменный текст перевода – молитва «Отче наш» на якутском языке в путевых очерках Н. Витзена. А наиболее активно письменный перевод начал развиваться в XX веке, порождая огромные массивы текстов, которые предстоит еще исследовать. Но эта короткая, в масштабах всемирной истории перевода, история в своем развитии прошла все те стадии, которые прошла за тысячелетия мировая история перевода – были в истории русско-якутского перевода «эпохи» буквалистских концепций, и концепций вольного перевода, в разные периоды с разной интенсивностью реализовывались стратегии форенизации и доместикации, происходили острые дискуссии о качестве переводов, и в то же время печатались необъективные, односторонние рецензии на переводы и т.д.

В общей истории перевода исследователи разграничивают переводные тексты и тексты о переводе: «...история переводческой деятельности строится не столько как историография фактов перевода, сколько как историография текстов о переводе» [4, с. 10]. Такими переводоведческими текстами, проливающими яркий свет на историю переводческой мысли в Якутии, мы можем назвать статьи Кюндэ [5], Тыасыта [18], Семена Руфова [10], Аиты Шапошниковой [20] и ученых П.А. Слепцова [11, 12, 13, 14, 15, 16, 17], Т.И. Петровой [7, 8, 9].

Указанные работы, в отличие от эпохальных трактатов философского характера, затрагивают лингвистический аспект русско-якутского, якутско-русского перевода. Переводоведческими из них можно назвать статьи наших замечательных переводчиков Семена Руфова и Аиты Шапошниковой, а также труды основателя кафедры русско-якутского перевода Т.И. Петровой. Статьи проф. П.А. Слепцова о русско-якутском переводе – языковедческие, в них перевод рассматривается как форма реализации богатейшего потенциала якутского языка и как средство формирования и развития функциональных стилей современного якутского литературного языка. Кроме того, поставленные в них вопросы и предложенные пути решения, позволяют считать статьи П.А. Слепцова программными для разработки частной теории русско-якутского, якутско-русского перевода, в том числе для исследования истории переводческой деятельности в Якутии.

Историография русско-якутского перевода сложна и многогранна, например, П.А. Слепцов в 1999 г. дал краткое описание переводческой деятельности Якутии в четырех хронологических этапах (дореволюционный период, 20-40-е годы, 50-е годы, настоящее время) [12], а в 2006 г. дал наиболее полную характеристику и оценку процесса, опираясь на стиле-жанровую классификацию переводных текстов (религиозная литература, общественно-политическая, учебно-научная, художественная) [13, с. 3-21].

Наблюдая за историей переводческой деятельности в Якутии, можно заметить, что наибольших успехов как в количественном, так и в качественном аспекте переводы достигали в те времена, когда стихийные процессы русско-якутского и якутско-русского перевода упорядочивались целенаправленной деятельностью и участием государственных и других влиятельных структур: 1) деятельность Комиссии по переводу церковных книг на якутский язык, возглавляемый протоиереем Д. Хитровым (1853-57 г.); 2) деятельность Переводческой комиссии Наркомпроса, возглавляемой П.А. Ойунским (1930-е гг.), которая в кратчайшие сроки перевела школьные учебники, попутно инициировав терминологическую работу, и дала начало развитию научного стиля современного якутского языка; 3) деятельность в рамках всесоюзного движения «Дружба литератур — дружба народов» (1970-80 гг.), которой энергично руководил Семен Данилов; 4) 90-е гг. XX в., связанные с повышением статуса якутского языка и реализацией Концепции возрождения

национальных школ [1].

Изучив вслед за П.А. Слепцовым указанные им периоды перевода, мы приходим к выводу о том, что практика русско-якутского перевода способствовала разработке тех или иных вопросов якутского языкознания. Так, организация переводческой деятельности в Якутии в XIX веке было продиктовано насущными проблемами пропаганды христианства, которая являлась одной из самых главных направлений политики царской России. Но благодаря необходимости перевода церковных книг, был переработан академический алфавит О.Н. Бетлингга; было начато книгопечатание в Якутске, и первой книгой, изданной в новой типографии в 1866 был перевод на якутский язык «Краткая Священная история на русском и якутском языках».

Необходимость в кратчайшие сроки перевести учебники в 1920-30-х годах привела к тому, что серьезно стала разрабатываться научная терминология. Благодаря художественному переводу, этой школе мастерства, якутская литература обогатилась новыми формами, идеями, образами, художественными приемами. Благодаря русско-якутскому переводу раскрылись потенциальные возможности якутского языка – кальки с русского языка расширили синонимические ряды, что позволило дифференцировать функциональные стили современного якутского языка. Исследуя язык первых якутских газет «Саха дойдута – Якутский край» (1907-1908), «Саха олого – Якутская жизнь» (1908-1909) и журнала «Саха саната – Голос якута» (1912-1913), профессор П.А.Слепцов отмечает значительную роль русско-якутского перевода в просвещении масс якутского народа и формировании литературных норм якутского языка, и приходит к выводу о том, что «на страницах [первых] газет зарождались ростки весьма оригинального стиля газетной публицистики на основе обработки разговорного языка, обобщенных форм эмоционально-экспрессивной фольклорной и ораторской речи и книжно-письменных способов выражения с различными инновациями под прямым воздействием русских текстов» [17, с. 353].

О переводе публицистики советских времен П.А. Слепцов отмечает, что переводчиками и издателями, объединенными в специальные комиссии по переводу и изданию трудов классиков марксизма-ленинизма, постоянно велась работа по усовершенствованию переводов. Однако кроме единичных примеров качественного перевода, подавляющее большинство переводов публицистики 60-70-х гг. оставляет желать лучшего, что, по предположению П.А. Слепцова, было результатом недостаточного развития философской терминологии в те времена, а также сложных условий работы переводчиков, вынужденных в очень сжатые сроки выдать гигантские объемы переводов.

Интересно отметить, что, столкнувшись с необходимостью качественно и быстро переводить, не уповая лишь на талант писателя, якутские переводчики еще в 20-30-е годы прошлого века задумывались о теоретических основах переводческой деятельности. Мы говорим о статьях А.А. Иванова-Кюндэ «Хайтах тылбаастыахха» («Как надо переводить») [5, с. 104-106] и Н.Н. Павлова - Тыасыт «Тылбаастыыр үлэ бириинсиптэрэ» («Принципы переводческой работы») [18]. Однако развитие частной теории перевода в те годы было невозможно из-за недостаточной разработанности лингвистических основ перевода – терминологии, сопоставительной грамматики, функциональной стилистики; в те годы впервые появилась и распространилась массовая письменность и только начинал формироваться литературный язык.

Для практики якутско-русского перевода большое значение имеют академические переводы якутского фольклора, сделанные в научных целях. С самого начала исследований по якутскому фольклору перевод играл в них важную роль. Институт выпустил двуязычные издания всех жанров якутского фольклора с обширными научными комментариями. За многие десятилетия в стенах института были разработаны принципы и приемы филологического перевода текстов якутского фольклора. Сегодня переводы Г.У. Эргиса, С.П. Ойунской, Н.В. Емельянова, П.Е. Ефремова и др. представляют ценный научный материал для многих филологических наук, в том числе для частной теории и практики якутско-русского перевода. Эти переводы являются для нас богатым источником материала для обучения переводу, так как в них можно обнаружить отличные примеры переводческих преобразований как на уровне лексики, так и на уровне грамматики. Повторяясь в каждом переводе и последовательно совершенствуясь из года в год, некоторые приемы якутско-русского перевода, выработанные С.П. Ойунской и ее коллегами, сегодня оцениваются как единственно верные для адекватной передачи не только смысла, но и художественного своеобразия якутского фольклорного текста.

Художественный перевод для литератур всех народов всегда был школой мастерства. Не стала исключением и якутская литература, зародившаяся в 1900-м году. Начало XX века было временем становления всех жанров якутской литературы, которые, развивая исконные фольклорные черты, творчески использовали опыт русской и зарубежной литературы через перевод и другие переводческие, преобразующие текст техники.

Рассматривая историю переводческой деятельности в республике, мы приходим к выводу о том, что практика русско-якутского перевода всегда приводила к разработке других, смежных прикладных аспектов исследования якутского языка – орфографии, терминологии, функциональной стилистики, а также обогащала якутскую литературу новыми формами, жанрами, художественными приемами. Однако сам русско-якутский, якутско-русский

перевод до сих пор не является объектом систематического, научного исследования с хорошо продуманным планом и методологией. Между тем, в билингвальном обществе в эпоху глобализации перевод и переводческие технологии становятся общедоступными средствами оформления мыслей. Поэтому для сохранения якутского языка необходимо тщательно исследовать процесс и результат перевода с русского языка, опираясь в том числе и на обобщение всей богатейшей практики русско-якутских и якутско-русских переводов, теоретически осмыслить историю перевода и использовать ее закономерности для построения и развития стратегии защиты и сохранения родного языка.

Литература

1. *Васильева А.А.* Саха сиригэр тылбаас үлэтин тэрийии историятыттан // Нууччалыы-сахалыы тылбаас. Сахалыы-нууччалыы тылбаас. Научнай ыстатыа хомуурунньуга. 3-с таһаары. – Дьокуускай, 2006 с.– С. 59-61. (Из истории организации переводческой деятельности в Якутии. На як.яз.)
2. *Гарбовский Н.К.* Теория перевода. – М., Изд-во МГУ, 2004.
3. *Копанев П.И.* Вопросы истории и теории художественного перевода. – Минск, 1972.
4. *Костикова О.И.* История перевода и переводческих учений // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. – 2011. – № 2. – С. 3-22.
5. *Кюндэ.* Хайтах тылбаастыахха. // Кыһыл ыллык. – 1931. – 3-4 №. – 104-106 с. («Как надо переводить»). На як.яз.)
6. *Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т.* Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней). – М.: Флинта, 2006.
7. *Петрова Т.И.* Двужычие и перевод (К вопросу о лингвистических основах русско-якутского перевода) // Вестник ЯГУ, 2005, том 2, №2. – С. 118-124.
8. *Петрова Т.И.* Русско-якутский перевод. Курс лекций для студентов. – Якутск: Изд. Якутского госунивер-та, 2005.
9. *Петрова Т.И.* Типология перевода якутского эпоса олонхо на русский язык. – Якутск: Изд-полигр. комплекс СВФУ, 2010.
10. *Руфов С.Т.* Эдэр тылбаасчыл А.Б.-ка сурук // «Саха сирэ», 1994, 19 апреля. (Письмо молодому переводчику А.Б. На як.яз.)
11. *Слепцов П.А.* Якутский литературный язык. Истоки, становление норм – Новосибирск: Наука, 1986.
12. *Слепцов П.А.* Нууччалыы-сахалыы тылбаас историятыттан // Саха тыла – ийэ тыл. – Дьокуускай, 1999. – С.45-52.
13. *Слепцов П.А.* Сахалыы тылбаас (ааспыты анаары, билингнитэ, соруктар) // Актуальные проблемы перевода в свете языковой политики. Мат-лы науч.-практ.конф. «Практика перевода в РС (Я): проблемы и перспективы», посвященной 300-летию русско-якутского перевода 24.02.2005. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2006. – С. 3-21.
14. *Слепцов П.А.* Н.Е. Мординов-Амма Аччыгыя – тылбаасчыл // Петр Алексеевич Слепцов. Ступени и проблемы якутского языкознания (сб. науч. ст.). Отв. ред. Иванова Н.И. – Якутск: ИГИ и ПМНС СО РАН, 2008. – С. 496-500.
15. *Слепцов П.А.* Перевод классики и литературный язык (на материале переводов произведений А.С. Пушкина на язык саха) // Петр Алексеевич Слепцов. Ступени и проблемы якутского языкознания (сб. науч. ст.). Отв. ред. Иванова Н.И. – Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2008. – С. 501-508.
16. *Слепцов П.А.* Г.С.Тарскай – уус-уран тылбаас маастара // Петр Алексеевич Слепцов. Ступени и проблемы якутского языкознания (сб. науч. ст.). Отв. ред.

Иванова Н.И. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2008. – С. 509-525.

17. *Слепцов П.А.* О языке первых якутских газет // Сахаһы бастакы хаһыаттар Саха дойдута (1907-1908), Саха олоҕо (1908-1909), Саха саната сурунаал (1912-1913) – У истоков якутской печати – газеты «Якутский край», «Якутская жизнь», журнал «Голос якута». Составители: Бурцева Н.В., Жирков А.Н., Семенова В.Г. – на якут. яз. – Якутск: Аппарат государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), 2017. – 368 с.

18. *Тыаһыт (Н.Н.Павлов).* Тылбаастыыр үлэ бириинсиптэрэ // Кыым. – 22 июля 1933. (Принципы переводческой работы. На якут. яз.)

19. *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) – М.: «Высшая школа», 1983.

20. *Шапошникова А.Е.* Живой отклик в переводе // «Полярная звезда». – 2003, № 1. – С. 76-79.

А.С. Ларионова
ИГиИПМНС СО РАН

Традиционные музыкальные термины народа саха в контексте «Якутско-русского словаря» П.А. Слепцова

В «Якутско-русском словаре» под редакцией П.А. Слепцова, изданном в Москве в 1972 г., имеются четкие определения якутских национальных музыкальных терминов. Нами рассмотрены именно песенные музыкальные термины, хотя в якутском этномузыкознании широко употребляются национальные термины, например, алгыс, олонхо, ысыах и др., которые не относятся к музыкальным терминам, или термины хомус, кырыымпа, джонгюр и др., обозначающие якутский традиционный инструментарий.

В якутском этномузыкознании широко распространены термины дьиэрэтии ырыа и дэгэрэн ырыа, которыми обозначают стили традиционного якутского пения. Термин дьиэрэтии ырыа введен в якутское этномузыкознание Ф.Г. Корниловым. **Дьиэрэтии (или дьээ буо) ырыа** в «Якутско-русском словаре» обозначает протяжную песню [7, с. 529]. Термин дьиэрэтии ырыа произошел от глагола **дьиэрэй** в значении «звонко раздаваться» [там же, с. 130]. От него образовались словосочетания **кёрдөөх ырыа дьиэрэйэр** – раздается звонкая песня и **ырыаны дьиэрэт** – затянуть звонкую песню. **Ырыа** по-якутски – это песня.

В якутском этномузыкознании дьиэрэтии ырыа означает протяжную, плавную песню со свободной метрикой и с гортанными призвуками кылысах. М.Н. Жирков определяет этот стиль традиционного якутского пения следующим образом: «"Дьиэрэтии ырыа" – самый древний пласт народно-песенного творчества, представляющий основу якутской музыки» [3, с. 29]. По Э.Е. Алексееву – это плавная, протяжная цветистая песня. По его мнению: «Стиль дьиэрэтии, сконцентрировавший в себе наиболее характерные черты национальной манеры пения, отличается большим тембровым своеобразием. Это не просто гортанное

или горловое пение. Исполнение в стиле дьэрэтии обильно уснащается специфическими фальцетными призвуками – кылысахами (*кылыһах*), техника которых вырабатывается длительной тренировкой. Имея характер кратких акцентных ударов особого тембра, то сравнительно редких, то частых, порой высотно неопределенных, но нередко очень отчетливых и постоянных по тону, кылысахи образуют своего рода мелодический и ритмический контрапункт к основному напеву. В результате возникает эффект инструментального сопровождения, или, точнее, возникает иллюзия разнотембрового “сольного двухголосия”» [1, с. 7-8]. В «Якутско-русском словаре» термин **кылысах** имеет перевод только в виде выражения **кылыһахтаах ырыа** - песня с гортанными форшлагами, гортанная песня [7, с. 529].

В стиле дьэрэтии ырыа исполняется якутский традиционный жанр тойук. **Тойук** по Э.Е. Алексееву переводится как песнь, и тойуки, по его мнению, представляют собой «развернутые эпические импровизации, рождающиеся по любому возвышенному поводу, – основной, но не единственный жанр стиля дьэрэтии. В этой торжественной манере импровизировались когда-то традиционные восхваления природы и обращения к духам-покровителям во время весенне-летних кумысных празднеств – ысыахов (*ыһыах*), так же слагались праздничные застольные песни и некогда многочисленные алгысы – всевозможные благопожелания, напутствия, славления» [1, с. 9]. Ю.И. Шейкин считает, что тойук – «это наиболее традиционный тип песен саха, которые, как правило объемны и исполняются на традиционные народные мелодии <...> Краткие по масштабам “песни-приветствия” и “песни-восхваления” приобретают большую востребованность в фольклорной практике XX в., чем песни-истории» [6, с. 308-309].

В словаре под редакцией П.А. Слепцова **тойук** переводится как «песня-импровизация» [7, с. 388], а выражение **тойук туойар** означает: он поет импровизируя. **Туой** обозначает: «1) воспевать; петь; **дьоллоох олобу туой** воспеть счастливую жизнь; 2) петь (импровизируя); **тойукта туой** петь песни; **сахалы туой** петь по-якутски (импровизируя). **Туойулун** 1) быть воспетым, воспеваться; **тойукка туойулун** быть воспетым в песне; 2) быть спетым, петься. **Туойуу** 1) воспевание; 2) исполнение песни-импровизации [там же, с. 402]. От этого слова также происходит термин туойсуу ырыата, означающий песенный жанр любовного содержания, в котором мужчина воспевает женщину.

Исполнителя тойуков именуют тойуксутом. Они, по мнению Э.Е. Алексеева, «выступают прежде всего как поэты, создающие песню непосредственно в процессе исполнения. Даже повторяя тоюк, они каждый раз варьируют текст, иногда даже меняют его стиховую и ритмическую структуру, что неизбежно влечет за собой изменения музыкального ритма и интонаций. Однако мелодическая свобода в тоюках не безгранична. Тоюксут редко выходит за пределы освоенного круга интонаций. Выбрав две-три краткие и ритмически

однотипные попевки, он конструирует из них все пространное мелодическое здание тоюка, его развернутую форму, в которой эпизоды четкого речитирования сменяются красочными вокальными каденциями» [1, с. 8]. В якутском же языке существуют два термина, обозначающие исполнителя тойука – это **тойуксут** народный певец-импровизатор [7, с. 388] и **туойаччы** 1) певец-импровизатор; 2) воспевающий [там же].

К тихой, камерной ветви дьээрэтии ырыа Э.Е. Алексеев относит песни путников – айаан ырыата или суол ырыата, которую он переводит как дорожная путевая песня. Данные термины в «Якутско-русском словаре» под редакцией П.А. Слепцова не являются музыкальными. По словарю **айаан** переводится как старое русло реки, старица, **суол** – как дорога, путь; трасса. Музыкальными они становятся с добавлением второго уточняющего слова ырыата.

Другой стиль традиционного якутского пения именуется **дэгэрэн ырыа**. Термин **дэгэрэн ырыа** введен в научный оборот первым профессиональным якутским композитором М.Н. Жирковым. Он пишет: «„Дэгэрэн“ – по русски означает подвижно, ритмично, порывисто. Это один из распространенных в наше время типов якутской народной песни с наиболее европеизированным мелодическим рисунком. Построены на интервалах европейского звукоряда, легко записываются на ноты. Они не требуют от исполнителя специфической горловой вибрации» [3, с. 21]. По Э.Е. Алексееву **дэгэрэн ырыа** означает подвижную, размеренную песню. «Их индивидуализированные напевы (в отличие от типовых формул тоюка, общих для песен самого разного содержания), обычно более или менее прочно связанные с индивидуализированными же песенными текстами, имеют либо простое однострочное, либо также простое куплетное строение. Ритмически и интонационно мелодии дэгэрэн нередко переключаются с запевами традиционного кругового танца осуокая» [2, с. 7].

Дэгэрэн ырыа переводится в «Якутско-русском словаре» как «якутская песня с размеренной мелодией» [7, с. 121]. Термин ырыа распространен в народной среде для обозначения стиля дэгэрэн ырыа, укрепившийся в якутском этномузыкознании. По якутски **ырыа** – это песня || песенный; **норуот ырыата** народная песня; **ырыа кини** певун [там же, с. 529].

Исполнители песен именуются ырыаһыт. Дэгэрэн ырыа «не требуют прохождения специальной вокальной школы, однако и в этом типе пения всегда существовали свои признанные мастера – ырыасыты, также пользующиеся любовью и уважением в народе» [2, с. 6-7]. В якутском языке употребляют два термина для обозначения певцов – это **ырыалаах** знающий песни; умеющий петь и **ырыаһыт 1.** певец, **норуот ырыаһыта** народный певец; **2.** Певчий [7, с. 529], а выражение **кини ючюгэй ырыалардаах** он знает хорошие песни.

Дэгэрэн ырыа – подвижная, ритмичная, метризованная, размеренная песня преимущественно без кылысахов. Если термин дьээрэтии ырыа сразу приобрел

стилевой признак, то термин дэгэрэн ырыа претерпел определенную эволюцию в процессе развития якутского этномузыкознания. Известный якутский олонхосут У.Г. Нохсоров под этим термином подразумевал песни, передающие топот коня. Несколько позже М.Н. Жирков обозначал этим термином бытовые песни якутов. Со времен композитора Г.А. Григоряна (60-е гг. XX в.), который к напевам дэгэрэн ырыа отнес напевы якутского обрядового кругового песни-танца осуохай, данному термину стали придавать стилевое значение.

К типу пения дэгэрэн ырыа относится песенная лирика (любовная, созерцательная). **Ырыа жанра** по словарю значит песенный жанр [там же, с. 529]. Особую жанровую разновидность дэгэрэн ырыа составляют туойсуу ырыата (песни-припевания), поющие в манере дэгэрэн ырыа. Близки к дэгэрэн ырыа и завершающий чабыргах(скороговорки, напоминающие озорные частушки) напев. Термины песен со специфическими, тембровыми способами пения, употребляемые в якутском этномузыкознании, произошли от якутских слов, которые характеризуют способы исполнения. Так, тангалай ырыата (нёбные песни) произошли от слова **тангалай** нёбо || нёбный [там же, с. 374], а хонгсуо ырыата (гнусавые песни) – от слова **хонгсуо** гнусавый. Только термин **хабарба ырыата** переводится по словарю как горловое пение [там же, с. 529]. Эти напевы отличаются тембровыми особенностями исполнения якутских народных песен. Они ярко различаются между собой по звукотембровой окраске, содержанию и функциям.

Помимо представленных выше стилей и жанров в якутском фольклоре существует пока еще не изученная исследователями манера пения, которую Э.Е. Алексеев именует как «промежуточная», т.е. «жанры, включающие напевы обоих стилей». Подобная интонационная модуляция имеет сходство с манерой пения, которую сами носители фольклора, по наблюдениям известного якутского фольклориста В.В. Илларионова¹, именуют лабынгха ырыата или лабангха ырыата. В подобных напевах различные типы пения, представляя собой разные аспекты, взаимодействуют внутри одного жанра. Впервые данный термин в варианте лабысха ырыа ввела в научный оборот музыковед З.З. Винокурова², поставив вопрос об использовании этого термина в музыкознании. **Лабангха** по «Якутско-русскому словарю» означает пустые, бесплодные разговоры, **лабангхалаа** заниматься пустословием, болтовней, болтать, пустословить [там же, с. 225].

В якутской традиционной песенности существовали якутские музыкальные термины, употребляемые в народной среде, но в настоящее время не функционирующие. Так, «по свидетельству Т.И. Филипповой, У.Г. Нохсоров

¹ Информация была получена в 1986 году.

² З.З. Винокурова. *Некоторые особенности эпической импровизации якутских сказителей*, в: *Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока*, Якутск 1978. – С. 211–213.

определяет песенные жанры следующим образом: дьирэтии ырыа (протяжная песня с кылысахом), кутуран (шаманское пение и песни мэнэриков), сыһалыйан (напевное протяжное пение без кылысахов), ордоотон (громкое, зычное пение), осуохай (круговой танец), дьирэнгкэй (скорый танец с подскоком)», дьаала ырыа (свободная песня)» [4, с. 25]. Из представленной народной якутской музыкальной терминологии в этномузыкознании не имеют распространения такие термины, как сыһалыйан, ордоотон, дьирэнгкэй, дьаала ырыа в связи с отсутствием записей и исследований подобных напевов. Тем не менее, термин дьаала ырыа связан с якутским наречием **дьаалытынан** – произвольно, свободно, самотеком, на самотек. «К дьаала ырыа У.Г. Нохсоров относил ритмически организованные песни-восхваления. Кроме того, термином дьаала ырыа обозначался определенный исполнительский прием» [там же]. Другой нохсоровский термин **дьирэнгкэй** в словаре переводится как 1) бег с подскоком на одной ноге; 2) «дьирэнгкэй» (якутский национальный танец) [7, с. 130]. Термин **ордоотон** произошел от слов **ордоотоо** зычно кричать **ордооттоо** громко, зычно покрикивать, а определение термина сыһалыйан в словаре отсутствует.

Особая стилистика свойственна шаманскому пению и песням поющим в психоделическом состоянии. Песни и пение постоянно сопровождают шаманский ритуал. Подобные напевы именуют в этномузыкознании как стиль кутуруу, ойуун кутуруута или удабан ырыата. Именно данным стилем поются собственно камлания шамана. Помимо камлания шаманов, по мнению А.П. Решетниковой, термин кутуруу применим к напевам героев Нижнего мира из олонхо. Она пишет: «Характерность стиля пения богатырей абаасы коренится в сказительской имитации “пения” духов-помощников черных шаманов во время камланий. Данный песенный стиль персонажей абаасы мы определяем как имитацию кутуруу (шаманское пение)» [5, с. 58]. Термин **кутуруу** происходит от глагола **кутур-**, который обозначает: 1) “петь, напевать по-шамански: петь, голосить истерически; ойуун кутуран шаман напевает по-шамански; 2) токовать (о тетеревах); кутуйах кутуран тетерев токует”³. Другая основа термина *кутуруу* происходит от слова *кутуруксут*, что в «Якутско-русском словаре» переводится как «помощник шамана при камлании» [7, с. 194]. По эмоциональной выразительности напевов шаманских камланий к термину *кутуруу* также близок термин *кутуруй* (‘скорбеть, горевать’).

Термином кутуран в народной среде именуют мэнэрик ырыата, которые поются психически больными людьми. В целом, **мэнэрик** – это ‘подверженный нервным припадкам; истеричный; кликуша, кликун’, а **мэнэрий-** означает ‘биться в нервном припадке; бесноваться; кликушествовать’. Близки к мэнэрик ырыата **түүл ырыата** (пение во сне) от слова **түүл** ‘сон, сновидение’. Сейчас можно

³ *Якутско-русский словарь*, ред. П.А. Слепцова, Москва 1972. С. 194.

констатировать факт исчезновения подобных напевов у якутов из-за угасания традиции их исполнения и отсутствия носителей этих жанров. Хотя, возможно они существуют и в настоящее время, т.к. подобные напевы связаны с психическим состоянием человека, и именно поэтому их фиксация является для исследователя сложной проблемой. Имитация подобных напевов существуют лишь в единичных опубликованных нотных образцах, например, туюл ырыата воспроизведенный Л.Н.Турниным из Таттинского улуса в нотировке Э.Е. Алексеева:

Түүл ырыата. Пение во сне Имитация

19. Түүл ырыата
Пение во сне

$\text{♩} = 60$ (rubato)

1. Хуо! то - нум ич - чи - тин
2. Хо - мо - тон - кэ - лэ - тэ - н...
3. А - баа - Һы кыы - Һа ат - ты бар
4. А - Һа - Һа - Һа - мо диэм - мин
5. А - Һах ту - туо - туо! (м).

Һуо!
Хотонум иччитин
Хомотон-кэлэтэн...
Абааны кыыһа, аттыбар
Айалаама диэммин
5. Аһах тутуоһум!

Һуо!
Хотонум иччитин
Хомотон-кэлэтэн...
Абааны кыыһа, аттыбар
Айалаама диэммин
5. Аһах тутуоһум!

В комментариях к данному напеву Э.Е.Алексеев пишет: «Туюл ырыата. Пение во сне. Имитация. Записана Э.Алексеевым в марте 1969 года в с. Кыйы Алексеевского р-на от известного якутского певца Луки Николаевича Турнина (род. 1917). Нотация Э.Алексеева (оригинал у него же). Нередко встречающийся в прошлом болезненный вид пения. Обычно в сонном состоянии поет очень уставший или расстроенный человек. До сих пор есть люди, систематически поющие во сне. Вообще говоря, петь во сне можно что угодно, но к традиционным якутским туюл ырыата обычно относят достаточно характерное пение, близкое к

пению мэнэриков и также связанное с шаманистическим кругом представлений. По словам исполнителя, так пела во сне жившая там старуха Федосья (фамилия не известна), которую он слышал в детстве. Первый возглас (“дуо”) певец сопровождал репликой: “Она спит так”. Структура распева характерна для приленской манеры пения дьээрэтии. Пение негромкое, явно имитирующее чужой голос, включает сонные вздохи» [2, с. 98].

Автор данной статьи в детстве также слышала тююл ырыата, когда ночью уже явно во сне пела старшая сестра ее бабушки Иванова Анастасия Алексеевна (1903 г.р.), тоже в такой же манере дьээрэтии ырыа, но скорее в виллойской традиции пения, так как она была родом из Нюрбинского улуса. Пела она во сне практически постоянно. Многие информанты также подтверждают, что данный жанр был широко распространен в якутской среде.

К этой группе напевов примыкает также жанр энэлгэн ырыата, единственная запись которого зафиксирована от А.Л. Попова из Мегино-Кангаласского улуса, имитировавшего подобное пение. В комментарии к этому напеву Э.Е. Алексеев пишет «Песня-стон, песня стенание. Имитация. Записана Э. Алексеевым в октябре 1966 г. в г. Якутске от Алексея Леонтьевича Попова (род. 1923) из Мегино-Кангаласского р-на. Нотация Э. Алексеева (оригинал у него же). По воспоминаниям исполнителя, очень больной человек, который сидел, раскачиваясь на кровати в соседней юрте, внезапно запел, когда он и соседские мальчики из любопытства зашли туда. Мальчики очень испугались и убежали. Человек этот вскоре умер» [там же].

Распространенный в Якутии обрядовый танец-песня осуохай исполняется во время обрядовых торжеств, преимущественно на летнем кумысном празднике Ысыах. В настоящее время осуохай функционирует в качестве праздничного танца достаточно часто по всей Якутии и утрачивает обязательную приуроченность к Ысыаху. В песенном аспекте танца сольный запев певца-импровизатора чередуется повторением зачина всеми участниками. Формульный напев осуохая содержит, как правило, терцово-секундовые и квартовые интонации. Ритмическая структура жестко подчинена логике танцевального движения. В «Якутско-русском словаре» термин **осуохай** в различных словосочетаниях переводится следующим образом: **оһуохай** осуохай - якутский национальный танец, сопровождающийся хорovým пением-импровизацией участников; **оһуохай** тюһуолгэтэ - круг, образованный участниками осуохая. **Оһуохайдаа** - танцевать осуохай, **оһуохайдьыт** - 1) участник осуохая; 2) запеваля-импровизатор в танце осуохай [7, с. 280].

Таким образом, якутские музыкальные термины, используемые в якутском этномузыкознании и в народной среде, широко представлены в «Якутско-русском словаре» под редакцией П.А. Слепцова. В большей степени многие термины становятся музыкальными, когда к якутскому слову прибавляется музыкальный термин ырыа или ырыата. В будущем, на основе подобных изданий требуется

издание самостоятельного словаря «Якутских музыкальных терминов», куда должны войти не только термины стилей и жанров традиционной песенности народа саха, но и якутского инструментария и инструментальной музыки.

Литература

1. *Алексеев Э.Е.* Проблемы формирования лада. На материале якутской народной песни. – М.: Музыка, 1976. – 288 с.
2. *Алексеев Э., Николаева Н.* Образцы якутского песенного фольклора. – Якутск: Кн. изд-во, 1981. – 100 с.
3. *Жирков М.Н.* Якутская народная музыка. – Якутск: Кн. изд-во, 1981. – 176 с.
4. *Ларионова А.С.* Дэгэрэн ырыа. Песенная лирика якутов. – Новосибирск: Наука, 2000. – 152 с.
5. *Решетникова А.П.* Музыка якутских олонхо // *Якутский героический эпос «Кыыс Дэбэлийэ»*. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 26-69. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
6. *Шейкин Ю.И.* История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование. – М.: Вост. лит., 2002. – 718 с.
7. Якутско-русский словарь / Под ред. П.А.Слепцова. – М.: Сов. энцикл., 1972. – 606 с.

Ю.М. Борисова
ИГиИПМНС СО РАН

Формирование основ терминологической лексики языка саха (1920-1940 гг.)

Деятельность по разработке якутской терминологической системы изначально опиралась на два основных пути формирования терминологической лексики: использование внутренних ресурсов языка и заимствовании терминов из других языков, в частности - русского языка.

Массовое проникновение в лексику якутского языка русизмов и интернационализмов привело к возникновению проблемы заимствования терминов из русского языка, по поводу которой развернулась отдельная дискуссия. Особенности вхождения русской лексики в якутский язык в 20-е гг. прошлого столетия, лексико-семантическая и функциональная характеристика заимствованных слов того времени исследованы в работе П.А. Слепцова [8, с. 254].

По мнению лингвистов якутского языка, данный этап становления терминологии характеризуется «стремлением к оптимальному установлению и освоению необходимых терминов, призванных выражать понятия и явления, присущие для культурно-исторической ситуации, создавшейся в послереволюционный период» [1, с. 9].

В лингвистическом наследии А.Е. Кулаковского подняты многие важные проблемы развития якутского литературного языка, в том числе и вопрос формирования, развития терминологии. Наиболее полное системное

представление о значении лингвистического наследия А.Е. Кулаковского в реализации языковой политики 20-х гг. XX в. в Якутии смогла дать Сивцева Н.А. в своей диссертационной работе «А.Е. Кулаковский и проблемы языковой политики 20-х гг. XX в. в Якутии». Она на основе языковедческого и конкретно-исторического подходов проанализировала историю изучения наследия А.Е. Кулаковского, рассмотрела его лексикографические изыскания, определила характерные особенности его лингвистических исследований [6, С. 9-11].

Одна из значительных работ А.Е. Кулаковского «Русские слова, перенятые и усвоенные якутами (кроме собственных имен и названий)», представляет собой словарь, состоящий из 2396 слов, заимствованных из русского языка в дореволюционное время. К словарю прилагаются правила, по которым заимствованные слова транскрибируются согласно фонетическим законам якутского языка, а также прилагается алфавит, разработанный А.Е. Кулаковским на основе кириллицы, дается описание произношения якутских звуков. Как отмечает проф. П.А. Слепцов, «данная работа является наиболее полным собранием заимствованных слов, употреблявшихся в дореволюционном разговорном якутском языке» [7, с. 76].

В данном словаре большую часть словника составляют имена существительные, а также есть имена прилагательные, глаголы, наречия и междометия. В словаре часто встречаются производные существительные с аффиксами *-чылт*, *-һылт*, *-сык*, *-чык*, *-һык*, которые в прошлом традиционно употреблялись для обозначения занятий, профессий сноровки и мастерства, типа *болкуобунньук* 'полковник', *болуотунньук* 'плотник', *бэдэрээччит* 'подрядчик', *дакылааччылт* 'докладчик', *сэбиэтинньик* 'советник', *чонуобунньук* 'чиновник'. Данная модель терминообразования, как пишет Е.И. Оконешников, может иметь в перспективе тенденцию к универсализации [5, с. 110].

Первый якутский ученый-лингвист, создатель массовой письменности С.А. Новгородов еще в 1919 г. в своем докладе выдвинул положение, по которому «возможность развития научных знаний на языке данного племени всецело зависит от внутренних достоинств этого языка и лишь отчасти от внешних обстоятельств». Однако С.А. Новгородов как и А.Е. Кулаковский, считал совершенно неизбежной заимствованную терминологию «подходя к якутскому языку с этой точки зрения, можно признать его вполне пригодным и подходящим. Само собой разумеется, что терминологию придется позаимствовать. В остальном же язык якутов достаточно гибок, ясен, точен и выразителен» [3, с. 42].

В своей практической деятельности С.А. Новгородов проявил себя как искатель и вдумчивый филолог, это, прежде всего стремление творчески использовать внутренние ресурсы самого языка, выявлять нюансы и оттенки живого слова. В своей богатой по тематике и содержанию хрестоматии он вполне сознательно и целеустремленно работал над активизацией пассивного словарного

запаса. В небольших рассказах о происхождении якутского народа, расселении якутов, военном снаряжении древнего якута и других автор сумел истолковать значение многих архаизмов и пассивной терминологической лексики типа *үгүү*, *батас*, *батыйа*, *болот*, *кураахтаах саа*, *дуулаба*, *барымта*, *лаппыһа*, *хотохоон*, *кылыс*, *кустук ох*, *быыра*, *кэһэх*, *саадах* и т.д.

В разработке принципов создания терминов из собственных ресурсов языка исторически важное значение имеет деятельность Г.В. Баишева-Алтан Сарына, который являлся сторонником нового направления, наблюдавшегося в терминотворчестве в конце 20-х годов. В стремлении как-то предостеречь якутский язык, его лексику от неоправданного, чрезмерного засорения иноязычными терминами, он в свое время отстаивал создание терминологии за счет внутренних возможностей родного языка и, преследуя такую цель, предлагал следующие принципы терминотворчества: 1) возрождение и использование архаизмов типа *табык* 'курица', *кудук* 'колодец', *хой* 'баран', *тэбиэн* 'верблюд'; 2) закрепление за словами, имеющими, по его мнению, неясную семантику, четких терминированных значений, например: *дьылба* 'судьба', *номох* 'повесть', *хоһоон* 'стих', *кут* 'душа'; 3) создание терминов за счет искусственных аффиксов, которым придается условное отвлеченное значение, например, с помощью -наат: *дойдунаат* 'землячество', *киһинээт* 'человечество', *ийэнээт* 'материнство'; 4) образование терминов словообразовательными средствами языка, при этом широко использовать малопродуктивные и омертвевшие аффиксы типа *-(ы)к көрүк* 'картина', *турук* 'стоянка', *-лба көрүлгэ* 'зрелище', *ытылба* 'пропеллер', *-пах саппах* 'потолок', *-ай сабарай* 'купол' и т.д.

П.А. Ойунский, как ученый-лингвист, хорошо понимал, что терминология – это свойство сфер интеллектуально организованной деятельности людей, ее формирование – дело сознательное, а не стихийное. «Термино-орфографический словарь» П.А. Ойунского ввел в формировании терминов следующее: 1) Форма принадлежности существительных в определенных условиях лексикализуется и приобретает терминологическую функцию: *окруженность* 'төгүрүмтэтэ', *растительность* 'үүнээйтэ', *решительность* 'сорунуулаба'. 2) В «Словаре» нередко встречаются термины-неологизмы, возникшие в результате лексико-семантических сдвигов их значений, типа *горючее* 'убатык', *объем* 'сабардам', *раскол* 'хайдыһы', *тело* 'эттик'. 3) Многовариантные способы терминообразования, зафиксированные в «Словаре» можно разделить на две группы: а) оригинальные синонимические термины типа *ладонь* 'ытыс, баппабай', *мощь* 'күүс, кыах'; б) наравне с русским заимствованием дается и якутский эквивалент типа *метод* 'миэтэт, ньыма', *секретарь* 'сэкэритээр, суруксут'. 4) Показал образец аффиксального терминообразования типа *держава* 'тутуунньу', *искусство* 'урамны', *образ* 'дьүһүмэр', *уровень* 'таһым', и др. 5) В большом количестве представлены в «Словаре» терминологические словосочетания,

состоящие из сложных и составных элементов, типа *животноводство* ‘сүөһү иитиитэ’, *золото* ‘кыһыл көмүс’, *зрачок* ‘харах иччитэ’, *квест* ‘ымыы чыычааба’, *лунь* ‘хаар эбэ’ и др.

Таким образом, выдающиеся деятели языкового строительства ЯАССР 20-40-х гг. XX в. С. А. Новгородов, А. Е. Кулаковский, Г. В. Баишев – Алтан Сарын и П. А. Ойунский, одними из первых в отечественной терминографии принимали участие в обосновании теории и практики создания терминологических словарей на национальных языках. Тогда терминология языка саха возникла вновь во многих отраслях знаний и развивалась под непосредственным влиянием русского языка.

Можно отметить, что в этот период много внимания уделялось как разработке принципов терминологии, так и созданию терминов из собственных ресурсов языка. Выработанные в течении этого периода принципы с некоторыми изменениями и дополнениями легли в основу всей терминологической работы. Русские слова заимствовались, как правило, в одном определенном значении, в основном обозначали реалии, понятия, отсутствовавшие в самом якутском языке. Поэтому массу заимствованных слов в известном смысле можно считать терминологическими. Некоторые заимствованные слова с абстрактным значением обозначают понятия, хорошо известные якутам и имеющие свои якутские эквиваленты. Однако подобные заимствования все же завоевали прочное место в лексической системе языка, поскольку их якутские синонимы имели недостаточно точные, дифференцированные значения, были контекстуально обусловленными и полисемантическими, а русские заимствования воспринимались именно как однозначные термины.

Литература

1. *Быганова В.И.* Якутская терминология (этапы становления): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.06 / Быганова Вера Ивановна. – Якутск, 1996. – 21 с.
2. *Кулаковский А.Е.* Русские слова, перенятые и усвоенные якутами (кроме собственных имен и названий) / А. Е. Кулаковский // Научные труды. – Якутск: Кн. изд-во, 1979. – С. 316-378.
3. *Новгородов С.А.* Якутские грамота и язык в качестве необязательных предметов в программе высших начальных училищ якутской области // Лингвист Семен Андреевич Новгородов: хаартыскалар, докумуоннар, ыстатыйалар – Дьокуускай: Бичик, 2007. – С. 40-45.
4. *Ойунский П.А.* Сочинения. Т. III. – Якутск, 1993. – 122 с.
5. *Оконешников Е.И.* Лингвистические аспекты терминологии языка саха (на материале общей и отраслевой лексикографии) / Е. И. Оконешиков. – Якутск: Изд-во СО РАН. Якут. филиал, 2004. – 196 с.
6. *Сивцева Н.А.* А.Е. Кулаковский и проблемы языковой политики 20-х гг. XX в. в Якутии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02: защищена 25.10.07 / Сивцева Наталья Александровна. – Якутск, 2007. – 258 с.
7. *Слепцов П.А.* Работа Кулаковского «Русские слова, перенятые и усвоенные якутами» // Кулаковский: сборник докладов к 85-летию со дня рождения Алексея Елисеевича Кулаковского. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1964. – С. 74-79.

8. Слепцов П.А. Русские лексические заимствования в якутском языке (послереволюционный период). – Москва: Наука, 1975. – 254 с.

А. С. Акимова
РНА СС ГЧуоХААОПИ

Сахалыы дьахтар симэбин тиэрминнэрэ

Норуот олобор-дьаһаҕар уонна култууратыгар биир сүрүн уонна дирин суолталаах соругунан төрөөбүт тылбыт салгыы сайдан, олох араас эйгэтигэр толору туттуллуутун ситиһии буолар.

П.А. Слепцов бэлиэтииринэн: «Саха тылыгар тиэрмин боппуруоһа үгүстэри олус долгутар. Ол өйдөнөр: билигини кэмнэ национальной литературнай тыл тиэрминнэрэ сайдыбатах буоллабына бэйэтин үрдүк аналын толорор кыаҕа суох» [10, с. 230]. Билигин көмүһүнэн уһаныы ускуустубата мунгутаан сайдан турар кэмигэр, хомойуох иһин онорон таһаарааччылар бэйэлэрин онһуктарыгар киэргэл дьин сахалыы аатын суруйбаттар. Ол түмүгэр сахалыы симэх тиэрминнэрэ улам умнуллан, симэлийэн эрэллэр. Өскөтүн биһиги төрөөбүт тылбыт үгүс үйэлэргэ муспут сүнкэн баайын, сүөгэйин-сүмэтин, ситиһиилэрин харыстаабатахпытына, кэлэр көлүөнэ ыччаппыт сахалыы санарар кыабын сүтэрэр кутталлаах.

Бу ыстатыйаҕа саха дьахтарын симэбин, киэргэлин бэлиэтиир тиэрминнэр сырдатыллаллар. Тиэмэ мээнэ ылбычча талыллыбата, тоҕо диэтэххэ дьахтар симэбэ былыр былыргыттан норуот олобун-дьаһаҕын, сирин-туомун, үгэстэрин кытта ыкса ситимнээх. Түгү былыргыттан симэби кэтии (киһи төһө кыахтаабыттан, баайыттан, дьаданытыттан тутулуга суох) биһиги өбүгэлэрбитигэр булгуччулаах этэ, тоҕо диэтэххэ, симэх киэргэл эрэ быһыытынан буолбатах этэ. Кини куһаҕан тыынтан, хара дьайтан харыстыыр, араначчылыыр аналлааҕа. Ону сэргэ кыргыз үйэтигэр сэриинэн саба түһүүттэн хаххалыыр, танас-сап булгуччулаах атрибутунан буолара. Көмүһүнэн уһаныыга анаммыт үлэлэр үксүн этнографияҕа, төрүт култуураҕа, киэргэли оноруу технологиятыгар ананаллар. Онон бу салаа тиэрминнэрэ урут тиэрмин үлэтинэн таарылла иликтэр. Онтон сиэттэрэн көмүһүнэн уһаныы ускуустубатыгар, тиэрмин баанын оноруу туһунан боппуруос турбута.

Тиэрмин баанын онорорго биһиги историко-этнографической, кыраайы үөрэтэр, саха тылын быһаарыылаах тылдыгыттарыгар уо.д.а. үлэлэргэ тирэбирибит. Тиэрмин баанын тылларын испииһэктэрин (словнигын) онорорго матырыйаал быһыытынан: В.Л. Серошевской [9], Э.К. Пекарской [7], А.И. Саввинов [8], Ф.М.

Зыков [2], Б.Ф. Неустров-Мандар Уус [3, 4], Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта / П.А. Слепцов уопсай эрдээксийэтинэн (бэчээттэнэн тахсыбыт I-XV т.) [1], Якутско-русский словарь / Под ред. П.С. Афанасьева и Л.Н. Харитонова [11] у.д.а. туһаныллыбыттар.

Билинни туругунан көмүһүнэн уһаныы тиэрминнэрин бааныгар 600-тэн тахса тиэрмин кирирдэ. Хомуллубут матырыйаал көрдөрөрүнэн, саха көмүсчүттэрэ ордук дьахтар симэҕин хамаатык онороллор эбит. Ыстатыйаҕа сүрүн болжомтону чуолаан саха төрүт симэҕин тиэрминнэригэр уурдубут, тоҕо диэтэххэ үөһээ ахтан аһарбыһытын курдук кинилэргэ урут улахан болжомто ууруллубатах буолан, сорох киэргэллэр ааттара урукку суолталарын сүтэрэн умнуллубуттар. Ол эрээри, ф.н.д. Е.И. Оконешников суруйарынан – «архаизированные слова не исчезают безвозвратно еще и потому, что они потенциально существуют в тайниках материальной и духовной культуры народа и в благоприятных для них условиях могут в любое время возродиться вновь. ...В условиях широкого интереса к прошлому многие «устаревшие» протермины вдруг «ожили» и приобрели былое специализированное употребление» [6, с. 78-79].

Саха дьахтарын төрүт симэхтэрин маннык тематической бөлөхтөргө наардыахха сөп:

I. Төбөҕө кэтиллэр киэргэллэр. Манна ытарҕа араастара, суһуох киэргэллэрэ, бастына киририллэр. Ытарҕалар ааттара быһыыларыттан, киэргэтиитин көрүнүгүнэн тахсара. Холобур: *түгэхтээх ытарҕа* ‘серьги с подвесками’; *салаа ытарҕа* ‘ветвистые серьги’; *көлөөскө ытарҕа* ‘серьги колечки’; *хоолдьук ытарҕа* ‘серьги без подвесок’; *харыйа ытарҕа* ‘серьги ель’; *сиэл ытарҕа* ‘серьги-грива’ у.д.а. Ытарҕа диэн тиэрминтэн ураты, өссө *ытарҕа* диэн өйдөбүлү бэлиэтиир атын тыллар бааллара. Холобур, *измэх* диэн тиэрмин икки суолталаах: 1) төгүрүк быһыылаах кыра ытарҕа; 2) ытарҕа кулгаах эминньэбэр кэтэрдиллэр үөһээ чааһа. Э.К. Пекарская тылдьытыгар *сыакар*, диэн тыл Илин Хангалас улууһугар, кыра ытарҕа аата диэн бэлиэтэммит. Суһуох киэргэллэригэр *кырыбыайка* ‘гребень’; *суһуох симэбэ* ‘косоплетка’; *ас куустарар* ‘защепка для волос’; *баттах анньынар* ‘гребень’ у.д.а. Э.К. Пекарская тылдьытыгар *бастына* ‘бастынга’ эрдээх дьахтар төбөтүгэр кэтэр киэргэлэ диэн бэлиэтэммит. Онтон М.М. Носов *бастынаны* эргэ бара илик кыргыттар киэргэллэрэ диэн быһаарар [5, с. 116-152]. Билигин *бастына* сахалыы таһаһы кытта кэтиллэр сүрүн симэх, бу киэргэли дьахтар аймах бары эрдээбиттэн, эрэ суоҕуттан тутулуга суох кэтэллэр.

II. Моой-түөс уонна көбүс киэргэллэригэр: *кылдьыы* ‘гривны’; *илин кэбиһэр* ‘нагрудное украшение’; *кэлин кэбиһэр* ‘наспинное украшение’; *сүрэх* ‘сердце (нагрудное украшение)’; *моой симэбэ* ‘шейный браслет’; *уолук симэбэ* ‘воротниковое украшение’; *саһыл тумса* ‘лисыя мордочка (женский амулет в виде мордочки лисы)’; *тиил тимэх* ‘брошь-фибула’ у.д.а. Моой-түөс тиэрминнэрэ метафорической көһөрүү ол эбэтэр киэргэл быһыыта уонна анала туохха эмэ

майгыннырын түмүгэр үөскээбиттэр. Холобур *кылдыыы* ‘гривны’ *диэн тиэрмини ылан көрүүбүн* 1) Тутаах, кылдыы, тиэрбэс (холобур солуур, чаннык тутааба); 2) Төгүрүк быһыылаах туох эмэ мал иитэ; 3) Халтаһа кылдыыта; 4) Үрүн көмүс кылдыы (дьахтар моойго кэтэр салбырбаастардаах кизгэлэ) бэриллит холобурдарга көстөрүнэн метафорической көһөрүү түмүгэр *кылдыыы* ‘гривны’ *диэн тиэрмин үөскээбит*.

III. Өттүк кизгэллэрэ. Бу бөлөххө кизгэтэр уонна утарынан туһалаах нууччалыы эттэххэ утилитарнай аналлаах симэхтэр киирэллэр. Кизгэллэри бэлиэтиир тиэрминнэр үөскээһиннэригэр, кизгэл ханнык матырыяалтан оноһуллубутун, аатыгар ыйыы хамабатык бэлиэтэнэр. Холобур, *көмүс кур* ‘серебряный наборный пояс’; *харах көмүс кур* ‘серебряный пояс с «глазками»’; *сүннүүөх көмүс кур* ‘серебряный пояс с бляшками в виде бабок’ уо.д.а. Саха көмүсчүттэрэ симэҕи үксүн *үрүн көмүстэн* онороллоро. *Көмүс* *диэн тиэрмин күндү, сыаналаах металл (үрүн көмүс эбэтэр кыһыл көмүс) диэн өйдөбүлү бэлиэтиир. Сахалыы кур арахсыспат аргыстарынан: кыалык* ‘трутница’; *хаппар* ‘декоративный кисет’; *хамса* ‘курительная трубка’; *кулгаах хастар* ‘ухочистка’; *искэх* ‘щипчик’; *иннэлик* ‘игольница’; *күн аабар* ‘металлический календарь’ буолаллара. Өбүгэлэрбит өссө биир дирин суолталаах, кыыс оҕо кизгэлинэн *кыабака симэбэ* ‘женский натазник’ буолар.

IV. Илтигэ кэтиллэр кизгэллэр. А.И. Саввинов суруйарынан, «кольца относились к самым массовым видам украшения, которые носили почти все независимо от социального положения и материального состояния» [8, с. 61]. Сахалыы биһилэхтэр сүрүннээн икки көрүнгэ арахсаллар: көннөрү *кутуу биһилэх* ‘кольцо’ уонна *сирэйдээх биһилэх* ‘печатка’. Харыга кэтиллэр дьахтар симэбин биир сүрүн кизгэлинэн *бөбөх* буолар. Харыга кэтиллэр бөбөхтөр сүрүннээн биир тииптээхтэр, арай оһуордарынан, кээмэйдэринэн, хатыырдарын араастарынан эрэ уратылаһаллара.

V. Тимир быластыыналар. Туоһахталар. Бу бөлөххө араас быһыылаах уонна аналлаах тимир быластыыналар уонна туоһахталар киирэллэр. Холобур, *туоһахта* ‘туоһахта (круглая пластинка)’; *бүлтэгир* ‘бюлтэгир (круглые бляшки с гладкой поверхностью)’; *кэлтэгэй* ‘треугольники’; *ньолбох* ‘прямоугольные’ уо.д.а.

Быластыыналар ааттара хайдах быһыылаахтарыттан тахсара. Холобур, *бүлтэгир* ‘выпуклая’; *кэлтэгэй* ‘скошенная, несимметричная’; *ньолбох* ‘продолговатая’. Үгүс быластыыналар ханнык эмэ мал эбэтэр үөн-көйүүр ааттарын сүгэллэрэ. Холобур, *тордуйа* ‘низкий берестяной сосуд прямоугольной формы’; *кымырдабас* ‘муравей’; *бүгүйэх* ‘овод’ уо.д.а.

Үгүс кизгэллэр ааттарыгар туттар мал-сал, тулалыыр эйгэ көстүүлэрэ, киһи этин-сиинин чаастара сабыдыаллаабыттара бэлиэтэнэр. Холобур, *харах көмүс кур* ‘серебряный пояс с «глазками»’; *сирэй ытарба* ‘серьги в виде лица’; *сүрэх* ‘сердце’; *салаа ытарба* ‘ветвистые серьги’; *ньургунун ытарба* ‘серьги

«подснежник»»; «харыйа» ытарба ‘серьги с подвесками «ёлочка»»; «курдьэх» ытарба ‘лопатообразная серьга’; чоху ытарба ‘серьги «чоху» (напоминающие по форме водяного жука)’ уо.д.а.

Сахалыы дьахтар симэбин тиэрминнэрин ырытыыга холонуу түмүгэр, дьахтар кизргэлэ олус сиздэрэйн, арааһа элбэбин, кизргэл эрэ быһыытынан буолбакка күннээби олоххо туһалаабын, харысхал быһыытынан дириг суолталаабын бэлиэтиэххэ сөп. Сахалыы дьахтар симэбэр: төбө, моой-түөс, көбүс, өттүк уонна илии кизргэллэриттэн турара.

Билинни кэмнэ тыл үөрэхтээхтэрин иннигэр наука сайдыан иннинээби кэм тиэрминнэрин сөргүтүү уонна сааһылааһын үлэтин сорукутара турдулар. Урукку кэм күһэйиитинэн умнууга хаалбыт, умнуллан эрэр тиэрминнэр норуokka төнүннэриллиэхтээхтэр. Ол туһунан, саха омугун чулуу дьонноро, бастакы тыл үөрэхтээхтэрэ П.А. Ойуунускай, А.А. Иванов-Күндэ уонна Г.В. Баишев-Алтан Сарын эппиттэрэ.

Литература

1. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Изд-во Наука, 2008. – Т. II. (Буква Б) 2005. 912 с; Т. V. (Буква К) 2008. – 616 с.
2. *Зыков Ф.М.* Ювелирные изделия якутов. – Якутск, Якутское кн. изд-во, 1976. – 64 с.
3. *Неустроев Б.Ф.-Мандар Уус.* Көмүс уустарыгар көмө. – Якутск: Нац. кн. изд-во Бичик, 1994. – 40 с.
4. *Неустроев Б.Ф.-Мандар Уус.* Саха ойуута-бичигэ = Узоры и орнаменты саха: альбом / Мандар Уус; [автор идеи И.М. Андросов]. – Якутск: Бичик, 2007. – 288 с.: ил.
5. *Носов М.М.* Эволюционное развитие якутской одежды с конца XVIII столетия до 1920-х годов // Сборник научных статей Якутского краеведческого музея. Выпуск II. – Якутск, Якутское кн. изд-во, 1957. – С. 116-152.
6. *Оконешников Е.И.* Лингвистические аспекты терминологии языка саха. (На материале общей и отраслевой лексикографии). – Якутск: Изд-во СО РАН, Якутский филиал, 2004. – С. 78-79
7. *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. 3-е изд-е. – СПб.: Наука, 2008. – Т. I. 1280 с.; Т. II. – 2507 с.
8. *Саввинов А.И.* Традиционные металлические украшения якутов: XIX – начало XX века: (Историко-этнографическое исследование). – Новосибирск: Наука, 2001. – С. 61
9. *Сорошевский В.Л.* Якуты: Опыт этнографического исследования. 2-е изд. – М., Московская типография № 2 Министерства информации и печати Российской Федерации, 1993. – 736 с.
10. *Слепцов П.А.* Ступени и проблемы якутского языкознания (сб. науч. ст.) / П.А.Слепцов; [сост.: д.филол.н. Н.И. Данилова, к.филол.н. Н.Н. Васильева; отв. ред. канд. филол.н. Н.И. Иванова]. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2008. – С. 230.
11. Якутско-русский словарь. Под ред. П.А. Слепцова. – М.: Сов. энциклопедия, 1972. – 608 с.

**Сурук тылын култууратын туһунан
(бэрэп. П.А. Слепцов бэлиэтээһиннэригэр олобуран)**

Бэрэпиэссэр П.А. Слепцов саха тылын үөрэбин бары салааларыгар утумнаахтык киирэн үлэлиир, санганы айа-тута сылдыар улахан учууталбыт, сүдү учуонайбыт буолар. Ордук дьаныардаахтык саха тылын лексикографиятыгар, лексикологиятыгар, устуоруйатыгар, ону тэнэ билигин олус сайдан эрэр социоллингвистика, лингвофольклористика хайысхаларыгар суолу тэлбит, сайдар саҕахтарын онорбут биллиилээх тыл учуонайа буолар.

Билигин лексикология саха тылын үөрэбин биир улахан салаата буолар. Лексикология салаата хас да бэйэ бэйэлэрин кытта биир ситимнээх хайысхалардаах. Онно барытыгар П.А. Слепцов тыл туттуллууларын, суолталарын, араас эриэккэс дэгэттерин, толбоннорун, тыл хайа эйгэбэ хайдах туттулларын ураты мындырдык арыян, тыл литературнай нуорматыгар сөп түбэхэр өрүттэрин тылы таба туттууга, тыл култууратын көтөбүүгэ, истиил боппуруостарыгар сыһыаран бэйэтин көрүүлэрин, санааларын ыйан, тылы чэбигирдэргэ, чөлүүргэ, ордук научнай төрүтү олохтуурга анаммыт үлэлэрэ биир ураты миэстэни ылаллар.

П.А. Слепцов хаһыат, сурунаал тылыгар-өһүгэр таба суруйуу, тиэрмин боппуруостарын таһынан сурук тылыгар-өһүгэр улахан болжомтотун ууран маннык бэлиэтээн турар: “Урукку хаһыат, араадьыйа нууччалыыттан туруору тылбаастаан, элбэх нуучча тылын буккуйан сангарар, кырдык да дьалаҕай-бороҕой тылын литературнай тыл сүрүн көстүүтүн курдук көрүүттэн итинник көйгөтүтүү баар. Дьинэ литературнай тыл үөһэ үтүө тыллаах суруйааччылар, тыл маастардарын тыла буолар. Биһиги оннук этигэн, хомоҕой, чочуллубут, норуот тылын сүмэтигэр олоҕурбут нуормалаах литературнай тылы өрө тута иликпитинэ тыл култуурата үрдүк таһымна тахсыа суоҕа. Онон биһиги тылбыт дьин судаарыстыбаннай тыл буолуон баҕарар буоллахпытына, национальнай литературнай тыл сүрүн проблемаларын быһаарарга күүс-көмө буоларга кыһаллыахтаахпыт” [3, с. 57]. Саха тылын култууратын сайыннарыыга, кэнэтиигэ улахан сыраларын уурбут тыл үөрэхтээхтэрэ М.П. Алексеев-Дапсы, Т.И. Петрова, Е.К. Васильев буолаллар. Төрөөбүт тылбыт култууратын пропагандиһа М.П. Алексеев-Дапсы саха тылын култууратын тирээн турар боппуруостарыгар элбэх ыстатыйалары, “Саха тылын үйэлээх үгэһин тылдыгыта” (2005), “Ийэ тыл үйэлээх үгэһэ уонна онтон туорааһын” (2013) монографияны таһааттарбыта, ону тэнэ “Биһирэм тыл” диэн ийэ тылбыт үйэлээх үгэстэрин, литературнай нуорма кэһиллиитин, тылы сыһа-халты, түбэһиэх туттуу тустарынан араадьыйаҕа саха дьонугар олус туһалаах биэриилэри өр кэм устата ыппыта. Социоллингвистика

хайысхатынан көрдөрөр-иһитиннэрэр биэриилэр ааптардарын нууччалыы, сахалыы тылларын-өстөрүн ырытан, икки тылланыы сүрүн кыһалбаларын быһаарар, баай матырыяаллаах, олохтоох дакаастабыллаах үлэнэн Н.И. Иванова “Функционирование государственных языков Республики Саха (Якутия) в СМИ (социоллингвистическая парадигма)” (2011) манагыраапыята буолар. Бэлиэтээн ааһар буоллааха, кэнники уонча сыл иһигэр РНА СС Гуманитарнай чинчийии уонна хотугу аҕыйах ахсааннаах омуктар проблемаларын үөрэтэр институтун саха тылын салаатын үлэһиттэрэ Төрөөбүт тыл уонна сурук-бичик күнүгэр сөп түбэһиннэрэн, бэчээт, кинигэ таһаарар эйгэ үлэһиттэригэр, суруналыыстарга анаан ийэ тылы сөпкө туттуу, суруйуу, истиил боппуруостарыгар төгүрүк остуоллары, сэмминээрдэри ыытар үөрүйэх буолла.

Бу ыстатыйа бэрэп. П.А. Слепцов ыйбыт бэлиэтээһиннэригэр олобуран кэрэ анаардар сөбүлээн ааһар “Далбар Хотун” сурунаал нүөмэрдэрин сахалыы тылы төһө сөпкө туттары, тиэкис истиилин кэһиллиитин ырытарга ананыллар.

Сурунаал бэйэтин хайысхатыгар сөп түбэхэр «Кэпсээ», «Далбар олбох», «Тойон сэргэ», «Чэгиэн», «Күлүм түгэн», «Холбуйа: иис», «Сүһэн ыл», «Сандалы» о.д.а. кэрэ аймах интэриэһин тардар, үгүс аабааччыны умсугутар сүрүн рубрикалардаах.

Саха тылын публицистикатын истиилин нуормата бигэтик олохсуйбута суруналыыстар суруйар тылларыгар-өстөрүгэр, ырытар тиэмэлэригэр арылхайдык көстөр.

Сурунаал хайбаллааба диэн, – олох кэрэтин, сырдыгын саһар, бэйэ-бэйэлэригэр майгыннаспат ыстатыйаларга, кэпсэтиилэргэ, ырытыыларга, суруналыыс аабааччыга бэйэтин санаатын соннообото, аабааччы бэйэтэ ырыналаан, толкуйдаан, сөптөөх түмүккэ кэлэрин тускулуура буолар.

«Далбар Хотун» суруналыыстара, эрдээктэрдэрэ, төрөөбүт тыллара сайда-үүнэ турарын туһугар, төһө кыалларынан саһа көрүүнү, сонун сүүрээни киллэрэ сатыыллара хайбаллаах. Ол эрэри, ханнык баһарар үлэбэ буоларын курдук, сыһа-халты баар. Ону, үлэлэригэр туһалаах буоллун диэн, түмэн, быһааран биэрэрбит тобоостоох.

1. Үөскээбит аат тылынан туохтууру солбуйуу (дериват): *Симэхтэри онорууга*.... – симэхтэри онорорго. *Олонхону үөрэтиигэ*.... – олонхону үөрэтэргэ. *Саһа дьиэбитин туттууга*.... – саһа дьиэбитин туттарга, эбэтэр туттарбытыгар.... *Дьиэбэ-уокка мал-сал ылытыгар*.... – дьиэбэ-уокка мал-сал ыларга... *Екатерина Ноговицына редакцияба эрийэ сылдыбытыттан* саһаламмыта – Екатерина Ноговицына редакцияба эрийэ сылдыбытыттан саһаламмыта. *Кылынан өрүү дьарык* – кылынан өрөр дьарык, эбэтэр кылынан өрүү дьарыга (аатгыыр этии). *Саһа соруктары үөскэтиигэ, социальнай бырайыактары сайыннарыыга регионнар, улуустар прессаларын оруоллара* – Саһа соруктары үөскэтэргэ, социальнай бырайыактары сайыннарарга регионнар, улуустар прессаларын

оруоллара. Маннык, **-ыы** эбэтэр **-ааһын** сыһыарыылаах ситимнэр этии иһигэр туттуллан, сахалыы этии истиилин кэһэллэр. Арай ааттыыр этиигэ туттуохха сөп: Тиэргэн күрдүүтэ. Бурдук быһыыта. Айанна атаарыы;

2. Тылы сыһа суруйуу: манна техническэй албастары (опечаткалар) учуоттаабакка, манныктары бэлиэтиэххэ сөп: *Ааспыт сайыннаттан* – сайынныттан. *Испэктээх* – испэктээк. *Агардас* – агаардас. *Барыс* – барыыс. *Сурунаал хайы-үйэ баар* – хайы-үйэ. *Куопуя* – куоппуйа. *Лидия Степановна Сивцевэни* – Сивцеваны. *Агардастыы* – агаардастыы. *Икки анылар* – икки аныылар. *Тэриэккэ* – тэриэлкэ. *Салбыы баран иһиэххэ наада* – салгыы. *Интиригэ* – интириигэ. *Обордук* – ол курдук. *Былааччыа* – былаачыйа. *Быысабайдыыр* – быысыбайдыыр. *Санаабытын сатаннын* – санаабытын сатаннын. *Толкуйдуур дьобурун күүһүрүүн сөп* – Толкуйдуур дьобурун.

3. Тылы сыһа туттуу, саха тылын үөрүйэбин кэһии, маннык түгэнгэ тыл култуурата айгырыыр. Үгэс буолбут үөрүйэби уларытымыахха. *Сүбэни-аманы киллэрэн* – сүбэ-ама биэрэн, эбэтэр, сүбэлээн-амалаан. Сүбэни киллэрбэттэр, этии киллэрэллэр. Сүбэ биэрэллэр. Маннык тыл ситимэ «салайыы ситимэ» дэнэр. Бу түбэлтэҕэ салайыллар тыл төрүт түһүккэ турара ордук: *сүбэ-ама биэрэн (сүбэни-аманы биэрэн буолбат)*.

Тыл үөрүйэбин кэһии элбэх этиигэ баар: *Кэккэбит кэнээн* – кэккэбит хангаан. *Күн бүгүнгээнгэ диэри* – күн бүгүнгүр диэри. *Оттон олобуманарын Сиидэри көрсүөхпүттэн* – олобум аргыһын. *Олобуманарын кытта хайдах билсибиккиний? Олохторун агарын*. Саха тылыгар *олобум аргыһа* эбэтэр *сүрүбүм агаара* дииллэр. *Олобум агаара* диэн, олуона соҕус. Холобур, эмиэ субу ыстатыйаҕа баар *Валентина олобун аргыһын кытта устудьуоннуур сылларыгар билсэр* диэн этии сөп.

Кэрэ агар диэн тыл сурунаалга олус элбэх. Бастатан туран, сыһа сурулла сылдыар, *кэрэ агаар* буолуохтаах. Иккиһинэн, бу тылынан үлүһүйүүттэн олуона этиилэр үөскүүллэр: *Бу икки кэрэ агар олохторун аргыһын... Биир кэрэ агар эппитин курдук...* маннык туттарбыт, *киһи* диэн өйдөбүлү симэлитэн кэбиһэр. Уонна, *биир агаар, икки агаар...* диэн, тыл истиилин, култууратын кэһэр. Кини – «анаар» эрэ диэн өйдөнөр. Бу тылы үксүн *Күһи-аймах кэрэ агаара* диэн арахсыспат ситимнэ туттуллар. Биллэн турар, контекстан көрөн, уус-уран хоһуйууга биирдэ эмит итинник диэххэ сөп, олус үлүһүйэр табыллыбат. *Кэрэ агаар* диэни ардыгар атын тылларынан солбуйуохха, киһини бэлиэтиир тылларынан: *кэрэ куо, далбар хотун*, эбэтэр туох идэлээбинэн: *артыыс, эмчит...* *Дьахтар* да диэтэххэ, сыһа буолбат. *Көмө-имэ буолар* диэн этии баар. Үгэс быһыытынан, *көмө-ньыма* диэн буолар. *Үлэли-хамныы олоробут* – үлэли-хамсыы олоробут.

Уонча сыллаабыта Саха сиригэр туризм туһунан бэрт дуоннаах кэпсэтии тахсар эбит буоллабына, билигин бу салаа биллэ сайынна. Этии ис хоһоонуттан

көрдөххө, урут туризм туһунан кэпсэтии аҕыйах, суолтата кыра эбит, оттон билигин сайдыбыт. Маныаха *бэрт дуоннаах кэпсэтии* диэн барсыбат. Төттөрүтүн, *бэрт дуона суох кэпсэтии* диэн буолуохтаах. *Бу курдук, Дьяаны олоҕо-дьаһаҕа өрө оргуйа турарын илэ харахпынан көрдүм – күөстүү оргуйа турарын... Айылҕа бэйэтэ түгэн биэрэн көрсүһүннэрдэҕэ – көрүһүннэрдэҕэ. Маспын хайытан сордохобун – сордохобун. Дьэдьэн икки моонньоҕон – дьэдьэн икки, моонньоҕон икки диэххэ сөп. Ол эрэри, бу икки диэн тыл хатыланардаах ситими үксүн тыынар тыыннаахха тутталлар: аҕам икки, убайым икки, Вася икки, Коля икки... Манна көннөрү Дьэдьэн, моонньоҕон диэххэ сөп.*

Тыл суолтатын бутуйуу көстөр: *Куолаһым титигирэс буолбут – куолаһым титирэс буолбут. Дьиз кэргэн тутулуга, дьарыга, хас көлүөнэ, киһи хабыллара учуоттанар – дьиз кэргэн тутула. Этэргэ диэри – этэргэ дылы буолуохтаах. Диэри диэн тыл устаны бэлиэтиир. Куоракка диэри, ол маска диэри... Тэнниир буоллааха, дылы туттуллар.*

4. Этии тутулулар сыһалар уонна синтаксис сокуонун кэһэн эбэтэр, нууччалыыттан туруору тылбаастаан этии онорон, истиили кэһэр түбэлтэ эмиэ элбэх.

Эһиги барыгыт кылаата баарын – эһиги барыгыт кылааккыт баарын...

Талааннаах кэрэ аҕаар артыыскалар олус элбэхтэр – Талааннаах артыыскалар олус элбэхтэр. Соторутаабыта алтыһан ааспыт кэрэ аҕаара – Соторутаабыта алтыһан ааспыт дьүөгэтэ, дьахтара... Ордук ханнык дьүһүннэ дууһан сытарый – ордук ханнык дьүһүнү сөбүлүүгүн? Үлэһи-хамсыы өссө да уһуннук олоруохтун – Үлэлээн-хамсаан, өссө да уһуннук олоруохтун. Тэрийээччилэр СР Ыччат дьыалаларыгар уонна дьиз кэргэн политикатыгар министерство – СӨ Ыччат дьыалатыгар уонна дьиз кэргэн бэлиитикэтигэр министиэристибэтэ. Үгэскэ кубулуйбут көрөөччүлэргэ саха танаһын күрэхэ быйыл да өрө көтөбүллүүлээхтик барда – Үгэскэ кубулуйбут, көрөөччүлэр ортолоругар саха танаһын күрэхэ быйыл даҕаны өрө көтөбүллүүлээхтик барда. Ийэтигэр Маргаритаҕа туттарылына – ийэтигэр Маргаритаҕа туттардылар. Саха республикатын Доруобуйаҕа харыстабылыгар туйгуна – доруобуйа харыстабылын туйгуна. Изольда үнкүүгэ алыбар оҕо эрдэбиттэн абылатан, хореограф идэтин баһылаабыта – Изольда үнкүү алыбыгар оҕо эрдэбиттэн абылатан, хореограф идэтин баһылаабыта. Биһиги кинини инники былааннарын кытта үллэстэригэр көрдөстүбүт – Биһиги киниттэн инники былааннарын туһунан кэпсиригэр көрдөстүбүт (нууччаттан тылбаас: поделиться своими планами). Уустук онгоһуга суох астары астанабыт – уустуга суох астанар аһы сөбүлүүбүт, эбэтэр судургутук астанар аһы ордоробут. Чугас дьонгор бэлэх онор – бэлэхтээ. Кинилэр улууска уонна республикаҕа кылынан өрбүт онгоһуктара киэнник биллибит уонна тарҕаммыт – Кинилэр кыл онгоһуктара улууска уонна өрөспүүбүлүкэҕэ киэнник биллибит уонна тарҕаммыт. Манна араас сукуна,

сиитэс кырадаһыннарын сабыылары, олбохтору, дьиэ киэргэлин тигэллэр – Манна сукуна, сиитэс кырадаһынынан араас сабыы, олбох, дьиэ киэргэлэ тигэллэр. *Икки улахан тэрээһин буолан аастылар* – Икки улахан тэрээһин буолан ааста. *Сурунаал оноһуутугар* – сурунаал тахсарыгар, бэчээттэнэн тахсарыгар... *Дьиэ кэргэни өрөгөйдүүр дьоро мааны киэһэни бэлэхтээтилэр* – Дьиэ кэргэни уруйдуур дьоро-мааны киэһэни бэлэхтээтилэр. *Киһи туйах хатарардаах буолуохтаах* – Киһи туйах хатарааччылаах буолуохтаах.

Кылгастык бэлиэтээн ыллахха, манньк сыһалар-халтылар кэпсэтии тылыгар даһаны өрүүтүн бааллар. Мин санаабар, ити нууччалыыттан сахалыы тылбаас содула буолар. Оттон сахабыт тылын култуурата сайдарын, тылбыт чөл буоларын, тылбыт сайдар саҕахтарын түстэхэр хас биирдии саха тыллаах дьонтон тутулуктаабын умнумуоһун. Бэйэбитигэр сорук оностуобун.

Литература

1. *Алексеев М.П.-Дансы.* Саха тылын үйэлээх үгэһин тылдыта. – Дьокуускай: Бичик, 2005. – 270 с.
2. *Иванова Н.И.* Функционирование государственных языков Республики Саха (Якутия) в СМИ (социоллингвистическая парадигма). – Новосибирск: Наука, 2011. – 237 с.
3. *Слепцов П.А.* Тылы чинчийи – дьонуннаах сорук // Саха тылын наукатын туруу үлэһитэ П.А. Слепцов 65 сыла. – Дьокуускай: СГУ изд-вота, 1996. – С. 41-58.
4. *Слепцов П.А.* Билинги сурук тылын сүрүн кыһалҕалара (арпагырааппыйа, тирмин туһунан) // Слепцов П.А. Ступени и проблемы якутского языкознания. – Якутск, 2008. – 548 с.
5. Далбар Хотун (сурунаал). 2015 сыллаах нүөмэрдэрэ. – Дьокуускай.

Н.И. Данилова
ИГИиПМНС СО РАН

Страдательные залоговые конструкции в якутском языке в аспекте грамматической нормативности (в свете исследований П.А. Слепцова)

Проблема становления и развития якутского литературного языка – главный из многочисленных научных интересов П.А. Слепцова, которому он верен на протяжении всей своей продолжительной успешной научной деятельности. Его фундаментальные работы были посвящены разработке теоретических основ кодификации орфографических, лексических, грамматических и словоупотребительных норм якутского литературного языка. При этом его основная теоретическая концепция – это концепция о том, что процесс зарождения, становления, формирования и развития норм якутского литературного языка обусловлен «изменяющейся социальной, культурной и языковой ситуацией»

в республике и конечном итоге – всем ходом общественного развития носителей языка» [3, с. 236].

Под нормой литературного языка П.А. Слепцов понимает «языковые средства, воплощенные и воплощаемые в лучших образцах письменной литературы, публичной речи» [3, с. 9]. Поэтому специальному лингвистическому анализу он подверг язык якутской художественной литературы, большое внимание уделил языку фольклора, статус которого определен как подобие младописьменного литературного языка и предшественник, живой исток современного литературного языка.

Особенная заслуга П.А. Слепцова в разработке теоретических проблем литературного языка заключается в том, что он первым из якутских языковедов обратил внимание и подчеркнул роль грамматических форм в установлении, кодификации и сохранении норм. Такой интерес ученого было обусловлено тем, что грамматический уровень любого языка, как правило, представляет собой наиболее устойчивую часть системы. Тем не менее, в якутском языке все шире употребляются грамматические конструкции, соответствие которых нормам семантической и иной сочетаемости вызывает споры до сих пор.

В главе «Становление национальных норм литературного языка (30-е годы» первой части известной монографии «Якутский литературный язык» он специальный раздел посвятил анализу языка учебных пособий по якутскому языку, обоснованно полагая, что «в пособиях грамматические сведения в большинстве случаев были полностью подчинены орфографии и в этом отношении они имели целеустремленно-нормализаторский характер» [2, с. 185]. В этой работе разбору были подвергнуты «Самоучитель якутского языка» Г.У. Гермогенова (Эргис) и И.Д. Моруо, а также учебные пособия по родному языку, хрестоматии и книги для чтения на якутском языке. Автор особо подчеркнул роль учебных изданий 30-х годов XX века в становлении основ литературного языка: «все программы и методические указания требуют давать учащимся понятие о якутском литературном языке, его особенностях и отличиях от языка разговорного. Конкретное содержание таких требований постепенно уточняется и расширяется, начиная от борьбы с диалектизмами и другими «неправильностями», внедрения форм окаящего говора, усвоения конкретных грамматических сведений и до различения литературных нелитературных фонетических вариантов» [2, с.230]. Значение целенаправленных усилий по кодификации грамматических норм для дальнейшего формирования и развития якутского литературного языка и главенствующая роль в этой области изданий образовательного профиля подчеркивались и в дальнейших исследованиях Петра Алексеевича.

Во второй части данной монографии, которая называется «Формирование и развитие общенациональных норм» (Новосибирск, 1990) в главе «Кодификация национальных норм якутского литературного языка» выделен специальный раздел

«Кодификация грамматических норм». Здесь П.А. Слепцов в первую очередь дал специальный анализ программ и стабильных учебников по грамматике якутского языка, разработанных и обнародованных после перехода на новый алфавит. Обращение к данным источникам автор обосновал тем, что «при переходе на новый алфавит с самого начала был взят курс на кодификацию грамматических норм якутского литературного языка» [3, с. 75]. При этом, «грамматики для якутских школ, в качественном отношении выгодно выделяющиеся из всей массы учебной литературы и, кроме того, апробированные специалистами, методическими советами и утвержденные Министерством просвещения, осуществляли первичную кодификацию грамматических норм» [там же]. После анализа данного типа изданий и сравнения их с подобными изданиями предыдущего периода П.А. пришел к выводу, что «многочисленные нормализационные установки и общее резкое усиление нормализационной ориентации учебников обусловлены, в конечном счете, общей закономерностью развития национального литературного языка как осознанной нормы» [3, с. 82]. В связи с этим, детально рассмотрены как учебные, так и научные издания по грамматике якутского языка.

Так, в качестве «первой и наиболее полной нормативной грамматики литературного языка» приводится работа Л.Н. Харитонова «Современный якутский язык», изданная в Якутске в 1947 г. П.А. Слепцов отметил, что в данной работе «впервые освещаются основные вопросы литературного языка, в целом верно оценивается общее состояние его развития и дается дальнейшая программа его научного регулирования» [3, с. 85]. Вышедшая в издательстве «Наука» коллективная «Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология», по оценке автора, «не имеет жесткой селективной нормализационной ориентации, а является сугубо академической, научной и потому имеющей пассивно-нормативный, или регистрирующе-нормативный, характер» [3, с. 86].

При рассмотрении вопроса о нормализационной роли грамматики, П.А. Слепцов совершенно справедливо отметил, что «все сколько-нибудь серьезные исследования по якутскому языку имеют свои нормативные и нормализационные аспекты» [3, с. 86]. Отметив далее наиболее важные из этих аспектов – как можно полное выявление формальных и содержательных сторон языковых явлений на добротном и богатом фактическом материале, обязательное установление их функциональной характеристики, прямое обсуждение вопросов литературной нормы – он обратился к исследованиям Л.Н. Харитонова, в которых «выявлены и описаны в основном нормативные явления якутского литературного языка» [3, с. 86].

Автор проанализировал также работы Е.И. Убрятовой, которые «в аспекте нормы и нормализации литературного языка представляют огромный интерес» [3,

с. 89]. Обратив внимание на согласование числа сказуемого и подлежащего, имеющего неустойчивый в нормативном смысле характер, П.А. в ответ на критические заметки по этому поводу подчеркивает, что «трудно безоговорочно назвать ошибкой то, что широко употребляется почти всеми мастерами слова» [3, с. 92]. Как имеющие «непосредственное отношение к проблемам нормы и нормализации литературного языка» приводятся работы Н.Д. Дьячковского. Исследования Н.Е. Петрова характеризуются как работы, затрагивающие обширную нормализационную проблематику, работы Е.И. Коркиной по формам якутского глагола оцениваются как имеющие «объективно-нормативный характер», поскольку они «осуществлены на материале якутского литературного языка, преимущественно языке современной художественной литературы и публицистики» [3, с. 98].

Позже, в издании «Ступени и проблемы якутского языкознания» нормализаторская сущность работ Л.Н. Харитонова по грамматике якутского языка и разработанных им учебников, программ, учебных пособий: «Л.Н. Харитонов был целеустремленным нормализатором литературного языка, глубоко понимавшим его научно-теоретические основы и огромное социально-общественное и культурное значение этого феномена» [4, с. 131].

Отметив, что работы по грамматике якутского языка в целом обращены на «объективно-описательную нормализацию грамматических явлений», П.А. Слепцов пришел к выводу о том, что «суть современного этапа нормализаторской работы в области якутской грамматики - наиболее полная и всесторонняя экспликация грамматических средств языка». Такой подход он объяснил тем, что «дублетов грамматических вариантов, т.е. разновидностей грамматических форм слов с тождественной функцией и различием звукового состава грамматического элемента, требующих жесткой селективной кодификации, в якутском языке совсем немного» [3, с. 101]. Подобные случаи находятся в так называемой зоне неустойчивой нормы, многие явления которой заданы семантической сочетаемостью форм внутри синтаксической конструкции, смысловыми или стилистическими оттенками письменной, чаще, художественной речи. К таковым можно отнести предложения с залоговыми формами глагола, образование формы множественного числа и т.д.

В качестве инновационного явления, которое «имея реальную основу в самом языке, пожалуй, со временем может стать нормативным» [3, с. 89], приводится факт распространения так называемого страдательного оборота с лексическим обозначением логического субъекта. Это явление последовательно отмечал Л.Н. Харитонов - впервые в своей грамматике 1947 г., а затем в специальной монографии «Залоговые формы глагола в якутском языке» (1963). Это грамматическое явление было приведено в качестве примера показательной позиции ученого-лингвиста в вопросе о нормализации грамматических форм. Л.Н.

Харитонов отметил, что «в последнее время в якутской письменности (особенно в языке прессы) начинают широко внедряться страдательные обороты с обозначением логического субъекта в орудном падеже по образцу русского языка. Это нововведение пока не проникло в язык художественной литературы и слабо развивается в разговорной речи» [5, с. 109]. Здесь имелись в виду сочетания типа *сир хаарынан бурүүлэр* ‘земля покрывается снегом’, *ити сир атынан хоруйтарыллыбыта* ‘эта земля была вспахана конем’.

В свое время еще О.Н. Бетлингк обратил внимание на ограничения в употреблении определительных оборотов с причастием в форме страдательного залога: «якут не очень охотно пользуется пассивом, особенно глагольными именами в атрибутивном отношении. Так, например, он говорит вместо *мијгінан таптанар кісі* ‘любимый мною человек’ *мін таптыр кісім* ‘человек моей любви’» [1, с.391]. Другими словами, О.Н. Бетлингк в подобных атрибутивных конструкциях не допускал в качестве агенса одушевленное лицо.

Как известно, в тюркских языках обсуждаемые конструкции, сформированные на базе страдательной залоговой формы глагола, «широкого распространения в общенародном языке не получили, закрепившись главным образом за книжным стилем письменного языка, сохраняя калькированную природу, особенно в переводах с русского языка» [6, с. 308]. Таким образом, вопрос о нормативности трехчленных пассивных конструкций с лексически выраженным агенсом представляет интерес не только для якутского языка, но и для классификационной группы тюркских языков в целом.

В современном якутском языке причастные конструкции с пассивной семантикой формируются глагольной формой в основном залоге, агенс в них указывается притяжательной формой имени, которое обозначает актанта-объект действия: *Мин суруйбут суругум* ‘Письмо, которое написал я’.

Страдательные залоговые конструкции с обозначением агенса формой инструментального падежа П.А. Слепцов отметил как самую заметную из инноваций в якутском литературном языке, имеющих интерферентное происхождение. Это нововведение в языке якутской литературы 30-х годов 20-го века он выявил, анализируя язык произведений якутского писателя С.С. Яковлева (Эрилик Эристин), «который в своем творчестве с особой яркостью и относительной прямолинейностью продемонстрировал ... общий процесс эволюции языка художественной литературы» [3, с. 158]. Остановимся на некоторых из примеров, приведенных П.А. Слепцовым: *хараба суох эмээхсин илиитинэн элбэхтик абырахтаммыт халтан сонун* ‘его тонкое пальто, много раз заштопанное руками слепой старухи’; *бэйэтин илиитинэн уустуктук оһуордаммыт сарыы этэрбэһин* ‘ровдужные торбаса, искусно изукрашенные ее собственной рукой’. Подобные конструкции он назвал «типичными книжно-

письменными структурами», которые достаточно широко внедрил в литературный якутский язык Эрилик Эристин [там же].

Далее относительно употребительности этих конструкций П.А. Слепцов отметил, что «в настоящее время страдательные обороты с обозначением логического субъекта действия в орудном падеже – обычное, повсеместное явление... По нашему мнению, обороты Эрилик Эристина типа *хара туманынан тибиллэн хаалбыт суолга* ‘на дороге, занесенной черным туманом (пылью)’; *титиригинэн хатыйыллан оноһуллубут олбуор* ‘забор, сплетенный (букв.: сплетенно сделанный) из лиственничных жердей (букв.: лиственничной жердью)’; *ыарбанан ыга симиллибит уруйэни* ‘речку, сплошь забитую кустарником’ и т.д. едва ли можно считать безоговорочно ненормативными. Это, как нам представляется, те промежуточные случаи, которые язык вполне допускает, и именно поэтому появляются многочисленные лексические и грамматические инновации, органически вплетенные в глубоко нормативные узуальные ресурсы языка, в целом не воспринимаются «чужеродными телами», не бросаются в глаза своей грубой ненормативностью» [3, с. 186]. Но представляется необходимым отметить, что данное явление, хотя действительно обусловлено системным устройством языка, имеет некоторые ограничения в употреблении.

Прежде всего, нужно подчеркнуть, что Л.Н. Харитонов при исследовании залоговых форм и образуемых ими синтаксических конструкций указал конкретные условия употребления обсуждаемых трехкомпонентных конструкций с лексически выраженным агенсом. Этих условий два: 1) логическая невозможность другого актанта. Это конструкции типа *сир хаарынан буруллэр* ‘земля покрывается снегом’, *кун былытынан сабыллыбыт* ‘солнце закрыто облаками’ 2) «образование страдательного залога от побудительной формы, когда логически субъект первой степени может мыслиться в качестве непосредственного производителя действия: *ити сир атынан хоруйтарыллыбыта* ‘эта земля была вспахана конем’» [5, с. 109]. Приведенные конструкции в современном якутском языке вполне допустимы, они представляют собой два типа категориальной ситуации. Первая ситуация, представленная двумя примерами, демонстрирует события, воспринимаемые как происходящие в русле естественного хода событий, независимо от воли человека. Второй пример представляет нетипичную ситуацию, когда присутствует агенс, выраженный формой орудного падежа имени.

Однако решение вопроса о нормативности тех или иных конструкций, в частности, трехкомпонентных пассивных в якутском языке, предпочтительнее решать исходя правил «семантической согласованности» (или «семантической связности») компонентов сочетания. В данном случае важно также учитывать сочетаемость тех или иных семантических типов предикатов и актантов ситуации. Как видно из приведенных выше примеров, в качестве актанта-субъекта допускается неодушевленный предмет: *туман* ‘пыль’, *илии* ‘рука’, *титирик*

‘молодая лиственница’, *ыарба* ‘кустарник’. Семантические роли актантов могут быть разными: в сочетаниях *илиинэн абырахтаммыт сон* ‘руками заштопанное пальто’, *титиригинэн оноһулубут олбуор* ‘из лиственничных жердей сделанный забор’ актант выступает в роли инструмента действия. А сочетания *ыарбанан симиллибит үрүйэ* ‘кустарником забитый ручей’, *туманынан тибиллибит суол* ‘пылью занесенная дорога’ представляют случаи, когда семантическая роль актанта ситуации близка к роли инструмента. В таких конструкциях пациенс в форме основного падежа, скорее, по своей роли в высказывании близок к бенефактиву, поскольку он в результате действия претерпевает существенные изменения, причем, в сторону ухудшения состояния.

В подобных конструкциях предикатом, обозначающим действие, как правило, выступают глаголы активного действия. Таким образом, трехкомпонентные пассивные конструкции возможны при сочетании *инактивный субъект + активное действие*. В этом случае существенно то, что субъект выступает в роли орудия действия в силу своей пассивности, особенно, когда он подвергается какому-либо действию по естественному ходу событий, чаще, стихийных (как в примерах *земля покрыта снегом, небо закрыто облаками, ручей забит кустарником*).

В итоге можно констатировать, что для решения таких вопросов требуется проведение глубоких семантических исследований для установления общей закономерности сочетаемости в конструкции тех или иных форм. Надо сказать, что в конкретной речевой практике на это оказывают влияние также частные условия реализации категориальной ситуации: характер актантов, их семантическое соотношение, форма их грамматического выражения, лексико-семантическая принадлежность глаголов, на основе которых могут формироваться конструкции и т.д. В целом вопрос о нормативности тех или иных грамматических форм и конструкций требует дальнейших исследований.

Литература

1. *Бетлинг О.Н.* О языке якутов (перевод с немецкого) – Новосибирск, 1990.
2. *Слецов П.А.* Якутский литературный язык. Истоки. Становление норм. – Новосибирск: Наука, 1986.
3. *Слецов П.А.* Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм. – Новосибирск: Наука, 1990.
4. *Слецов П.А.* Ступени и проблемы якутского языкознания (Сборник научных статей). – Якутск, 2008.
5. *Харитонов Л.Н.* Залоговые формы глагола в якутском языке. – М., – Л., 1963.
6. *Юлдашев А.А.* Категория залога // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1988. – С. 269-309.

Саха лексикографиятыгар төхтүрүтэлиир көрүнүгү нууччалыы бэриллэтин уратыта («Сахалыы-нууччалыы тылдыт» холобурунан)

Тылбаас эйгэтэ күннэтэ кэнээн иһэр көстүүтэ – олохпут билинни ирдэбилин бэлиэтэ. Ол курдук чинчийээччилэр тыл дэгэтин барытын учуоттуур саҥа тииптээх тылбаас тылдыттарын онорор сорок тирээбитин бэлиэтиллэр [2, с. 139]. Тылбаасчыт тизкис тылын-өһүн уратытын ааҕааччыга төһө кыалларынан толорутук, кизэнник хабаҥ тиэрдэр сороктуу. Биллэрин курдук, саха тылын биир саамай этигэн ньымата, туохтуур төхтүрүтэлиир көрүнүгү, нуучча тылын туохтуурун көрүнүгү суолтатынан толору сөп түбэһиспэт: «сопоставление видов глагола в русском и якутском языках позволяет говорить о значительных расхождениях данной грамматической категории... по семантике и особенно по способам выражения» [3, с. 96]. Онон туохтуур төхтүрүтэлиир көрүнүгү тылбаастыырга көмө буолар анал тылдыты тылбаастаммыт айымньылартан, сахалыы-нууччалыы тылдыттартан сүүмүрдээн, наардаан оноруохха сөп дин санааҕа кэлэбит.

Саха лексикографиятыгар Э.К. Пекарскай тылдытын кэнниттэн биир кэрэхсэбиллээх, биллэр үлэнэн П.А. Слепцов эрдээксийэтинэн 1972 с. тахсыбыт 25 300 тыллаах «Сахалыы-нууччалыы тылдыт» буолар [8]. Бу саха литературнай тылын нуормалыы сороктуу тылдыкка туохтуур төхтүрүтэлиир көрүнүгү хайдах быһыылаахтык бэриллэбитин көрөр эбит буоллаха:

- бастакытынан, туохтуур төхтүрүтэлиир көрүнүгү “многокр.” дин үгэс буолбут бэлиэтээһиннээх кирибит [5, с. 58-59]: манник атын туох да быһаарыыта, тылбааһа суох, анардас бэлиэ барытыгар кэриэтэ туттулар (244 туохтуур). Холобур: **алдьаталаа** *многокр.* от **алдьат**; **анныыталаа** *многокр.* от **ас**; **билгэтэлээ** *многокр.* о.д.а. Түүрдүү-нууччалыы тылдыкка көрүнүгү суолтатын бэриллэтин туһунан биллиилээх тюрколог, профессор А.А. Юлдашев: «Намного более эффективны такие переводы труднопереводимых слов, которые сопровождаются меткими пояснениями или специальными пометами типа... “множественн.”, сообщающими малоэквивалентным лексическим соответствиям необходимую точность, четкость», – дин этэн турар [7, с. 411].

- иккиннинэн, «Сахалыы-нууччалыы тылдыты» онорооччулар туохтуур олоҕо элбэх суолталаах, дэгэт суолтата контекстан тутулукутаах, төхтүрүтэлиир көрүнүгү формата источниктарга үгүстүк көстөр буоллаҕына, лексикография икки сүрүн ньыматын – тыл өйдөбүлүн арыһан (*толкование/филологическое объяснение*) уонна тылы синонимнарынан быһаарыыны туһаммыттар. Тылдыкка бу икки сүрүн ньыма араастаан дьүөрэлэһэн бэриллэр: «основной метод перевода трудных случаев, как перевод залоговых и видовых образований глаголов, – комбинированный, т.е. сочетание перевода с толкованием» [4, с. 193]. Тылбааһын,

быһаарытын таһынан ханна, ханнык түгэннэ туттуллуон сөбүн чопчулуур бэлиэтээһин кирибит: «пометы показывают неотрывность перевода от контекста, т.е. то, что приведенные переводы могут быть использованы только в указанных контекстуальных окружениях» [6, с. 84]. Холобур, **атыннаа** то открываться, то закрываться (о рта); **көтүөккэлээ** *многokr.* от **көт** I 1) попрыгивать, поскакивать; 2) *перен.* перескакивать с одного на другое, пропускать (*напр., часть текста и т.п.*) о.д.а.

Тыл суолтата киэн, араас дэгиттээх, биир тылынан толору кыайан арыллыбат буоллабына, икки эбэтэр хас да синоним тылынан быһаарыллар (*синонимическое определение*): **аҕалталаа** *многokr.* приносить, привозить, притаскивать, приводить *кого-что-л. (несколько раз или одного за другим)*; **биллэртээ** *многokr.* объявлять, сообщать (*многим, всем или несколько раз*), извещать (*многих, всех или несколько раз*); **биллэтэлээ** *многokr.* точить, заострять (*неск. инструментов*); **аҕалтаа** *многokr.* наносить, натаскать, приводить (*в большом количестве*). Саха тылыгар туохтуур төхтүрүтэлиир көрүнэ икки сүрүн суолталаах: хатыланар хайааһын (*собственно-многokrатное значение*) уонна кэриччи оноһуллар хайааһын (*дистрибутивное значение*) [1, с. 276]. Холобурдартан көстөрүнэн, чопчулуур бэлиэ төхтүрүтэлиир көрүн суолтатын тиэрдэргэ көмө буолар: хайааһын хатыланарын көрдөрөгө “несколько раз” диэн бэлиэтээһин, оттон кэриччи оноһуллар хайааһынна “*все, всех, многих, одного за другим*” бэлиэтээһин туттуллар.

Бу икки сүрүн ньыматтан ураты «Сахалыы-нууччалыы тылдыкка» ордук элбэхтик холобурунан биэри (*иллюстрация как толкование*) көстөр. Холобур, **баайталаа** *многokr.* от **баай**: *айанньыттар аттарын баайталаатылар* ‘путники привязали своих лошадей’; *оҕонньор малларын баайталаата* ‘старик увязал все свои вещи’; *бааһырбыттар баастарын баайталаа* ‘перевязать раненых’; **батыһыннартаа** *многokr.*: *сүөһүлэрин барытын батыһыннартаабыт* ‘он взял с собой весь свой скот’. Төхтүрүтэлиир көрүн икки сүрүн суолтатын холобурунан эмиэ тиэрдиллэххэ сөп: **баһыйталаа** *многokr.* от **баһый**; *маастар утарылаһааччыларын барыларын баһыйталаата* ‘мастер победил всех противников’; *бүгүн кинини хаста да баһыйталаатым* ‘сегодня я победил его несколько раз’. Маннайгы холобур дистрибутивной суолталаах, оттон иккис – хатыланар хайааһыны көрдөрөр. Маннык матырыйаал тыл туттуллар эйгэтиттэн, түгэниттэн көрөн таба, бэргэнник туһанарга көмөлөһүөхтээх, тылы туттуу тыыннаах холобурун нууччалыы тылбааһын көрдөрүөхтээх.

Ити бэриллибит холобурдартан көстөрүнэн, тылбаасчыкка табыгастаах буоллун диэн туохтуур төхтүрүтэлиир көрүнүн, анардас көрүнүн эрэ ыйар бэлиэнэн мунгурдаммакка, лексикография араас ньыматын алтыһыннаран (тыл суолтатын арыян быһаарыы, синонимнарынан тылбаастааһын, араас

бэлиэтээһининэн, холобурунан көрдөрүү), контексынан сирдэтэн быһаарыахха, тылбаастыахха сөп эбит диэн санааҕа кэллибит.

Литература

1. Грамматика современного якутского литературного языка. Т.1. Фонетика и морфология. – М.-Л., 1982. – 496 с.
2. *Дмитриева Е.Н.* Лексикологические проблемы перевода // Актуальные проблемы перевода в свете языковой политики: Мат. науч.-практ. конф. «Практика перевода в РС(Я): проблемы и перспективы» (24 февраля 2005 г.). – Якутск, 2006. – С. 137-140.
3. *Дмитриева Е.Н.* Сопоставительная грамматика русского и якутского языков. Ч.1. Фонетика и морфология. – Якутск, 2000. – 128 с.
4. *Оконешников Е.И.* Заметки о трудных случаях перевода в «Якутско-русском словаре» // Сибирский тюркологический сборник. – Новосибирск, 1976. – С. 185-194.
5. *Оконешников Е.И.* Русский язык в якутской лексикографической традиции // Якутский язык: лексикология, лексикография. Сб.н.тр. – Якутск, 1989. – С. 51-63.
6. *Оконешников Е.И.* Э.К. Пекарский как лексикограф. – Новосибирск, 1982. – 144 с.
7. *Юлдашев А.А.* Принципы составления тюрко-русских словарей. – М., 1972. – 416 с.
8. Якутско-русский словарь. – М., 1972. – 608 с.

А.А. Бурькин

*Институт лингвистических исследований РАН,
г. Санкт-Петербург*

В поисках этимологии одного якутского слова, предположительно заимствованного из русского языка

Изучение слов, заимствованных в якутский язык из русского языка за последние четыре столетия, имеет длительную традицию. Множество заимствованных русских слов вошло в «Словарь якутского языка» Э.К. Пекарского [9] (см. о нем и авторе [6], [7], [8]), и последующие двуязычные русско-якутские и якутско-русские словари. Еще в 1924 году состав русских заимствований в якутском языке попытался описать А.Е. Кулаковский (1877-1926) [4]. В течение многих лет русскими заимствованиями в якутском языке занимался П.А. Слепцов ([10], [11], [12], [13]), этой же проблеме, в том числе в историографическом аспекте уделяют внимание и другие ученые ([1], [2]).

Тем не менее и факты языкового взаимодействия, и большой объем текстов, и богатство устной практики использования якутского языка предоставляют лингвистам неограниченный объем языкового материала и возможности для исследования.

Якут. *эличискэ* ‘женщина распутного поведения’ отмечено известными двуязычными словарями. «Толковый словарь русского языка» объясняет современное значение этого слова как ‘проходимец, мошенник, пройдоха (*обычно употр. как бран.*)’ [15, с. 663].

Рассматриваемая нами якутская лексема и ее синонимы в русском языке принадлежат разным стилям. В отличие от множества русских эквивалентов, якутское слово почти нейтрально в стилистическом плане. Нас, однако, интересует тут не стилистика, а этимология.

Л.Н. Семенова (1972-2010), фольклорист и культуролог, мой соавтор в некоторых публикациях и один из участников подготовки к изданию нового издания словаря Э.К. Пекарского (2008) спросила меня, к какому русскому слову может восходить якут. *эличискэ*. («Слово не якутское, а русское, но какое?»). Ответ на этот вопрос находится только сейчас.

Поначалу казалось, что этимология указанного слова может быть связана с монгольскими компонентами якутской лексики. С якутским *эличискэ* созвучно тувинское диалектное слово *өлөкчин* ‘девушка легкого поведения’ [4, том 4, 382], источником которого автор считает монг. *ölögcin* ‘самка плотоядного животного’, бурят. *улэгшэн* ‘самка животных’, бранно ‘сука, стерва’.

По данным самого авторитетного нового монгольско-русского словаря, монгольская лексема **ӨЛӨГЧИН** имеет значения ‘самка плотоядных животных; сука’; *өлөгчин* арслан ‘львица’; *өлөгчин* барс ‘тигрица’; *өлөгчин* чоно ‘волчица’ [5, т. 3: с.411]. Те же значения с теми же словосочетаниями приведены в словаре Ф.Д. Лессинга [16, с. 634].

То значение, которое отмечено Б.И. Татаринцевым для тувинского слова, в монгольских языках не отмечается, и это по крайней мере показывает, что семантические филиации этой монгольской лексемы могли иметь место только за пределами монгольской языковой общности. Следует иметь в виду и то, что финальный компонент *-скэ* в монгольских языках отсутствует, и такую этимологию нельзя было бы считать полноценной.⁴ Значит, источник якутского слова следует искать в русском языке и в первую очередь среди прилагательных, имеющих суффикс *-ская*, с которым предположительно идентифицируется финальная часть якутской лексемы.

В Обратном словаре русского языка зафиксировано 3427 прилагательных с суффиксом *-ский* (женский род *-ская*). В этой массе обнаруживается единственное прилагательное, которое можно считать источником якутского *эличискэ* – это русское *политическая* «женщина, приговоренная к каторге или ссылке по политическим статьям «Уложения о наказаниях...». Переднерядная огласовка якутского слова связана с наличием двух слогов с гласными и в середине слова, что, по-видимому, регулярно обеспечивает сохранение этих гласных в подобных сочетаниях гласных в слове. Что касается утраты начального *n-*, мы склонны

⁴ Как говорил своим ученикам д.ф.н. Л.Г. Герценберг (1934–2012) в читаемом им в СПбГУ курсе индоевропейского языкознания, слушателем которого был автор в 1970-е годы, “*Wurzletymologie* (корневая этимология, точнее этимология, игнорирующая морфологи-ческую структуру слова. – А.Б.) – слово ругательное”.

думать, что здесь свою роль сыграла удаленность начального слога от места ударения в русском слове.

Неожиданное несоответствие семантики русского и якутского слова, как мы можем думать, исходя из знаний об истории ссылки в Якутии, где отбывали наказание представители самых разных партий и течений, при этом как мужчины, так и женщины, связано с таким явлением, которое можно назвать лингвокультурным конфликтом. Очевидно, поведение, так сказать. «облико морале» отдельных политических ссыльных-женщин (видимо, это не относится к сторонницам РСДРП) отличалось такой степенью свободы, которая не укладывалась в рамки допустимого и для незамужних, и для замужних женщин-якуток, что для него не находилось и наименования в якутском языке, и для наименования женщин, отличавшихся свободным поведением, в обиход вошло их именование по социальному положению.

Дальнейшее изучение проблемы требует внимательного изучения воспоминаний об истории якутской ссылки с вниманием к местным нравам. Однако направление исследований в этой области уже сейчас выглядит соблазнительно перспективным.

Литература

1. *Акимова А.С.* Заимствования из русского языка в якутский язык (1940-1960-е гг. XX в.) // Международный научно-исследовательский журнал, 2017. – № 12 (66). Часть 1.– С. 9-11.
2. *Борисова Ю.М.* А.Е. Кулаковский и его словарь «Русские слова, перенятые и усвоенные якутами» // Международный научно-исследовательский журнал. — 2017. — № 12, ч. 1. — с. 19—21.
3. *Бурькин А.А.* Тюрко-монгольская проблематика и этимологические словари монгольских и тюркских языков // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов: сборник научных трудов. / Рос. акад. наук, Калмыц. научный центр РАН. – Вып. 4. – Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. – 198 с. – С.152-167.
4. *Кулаковский А. Е.* Русские слова, перенятые и усвоенные якутами (кроме собственных имен и названий) / А. Е. Кулаковский // Научные труды. – Якутск: Кн. изд-во, 1979. – С. 316-378.
5. *Лувсандэндэва А., Цэдэндамба Ц.* (общ. ред.) Большой академический монгольско-русский словарь в четырёх томах/ Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. В 4-х тт. – М: Academia, 2001-2002.
6. *Оконешников Е.И.* Э.К. Пекарский как лексикограф /отв. ред. П. А. Слепцов. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1982. – 140 с.
7. *Оконешников Е.И.* Язык саха: проблемы лексикографии и терминологии. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2015. – 210 с.
8. *Оконешников Е.И.* Якутский феномен Эдуарда Карловича Пекарского. – Якутск, 2008. – 160 с.
9. *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. Т. I-III. – М., 1959.
10. *Слепцов П.А.* Работа Кулаковского «Русские слова, перенятые и усвоенные якутами» // Кулаковский: сборник докладов к 85-летию со дня рождения Алексея Елисеевича Кулаковского. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1964. – С. 74-79.

11. Слепцов П.А. Русские лексические заимствования в якутском языке (дореволюционный период) / П. А. Слепцов. – Якутск: Як. кн. изд-во, 1964. – 195 с.
12. Слепцов П.А. Русские лексические заимствования в якутском языке. – М.: Наука, 1975. – 256 с.
13. Слепцов П.А. Русские лексические заимствования в якутском языке (послереволюционный период). Якутск: Якутское книжное изд-во, 1977. — 256 с.
14. Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. 3. – Новосибирск: Наука, 2004. – 440 с.
15. Толковый словарь якутского языка. Том III (Буквы Г, Д, Дь,И) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2006. – 844 с.
16. LessingFerdinandD. (Ed.). Mongolian-EnglishDictionary. UniversityofCaliforniaPress. Berkeley&LosAngeles, 1960. – 1218 p

А.А. Кузьмина

*Якутский государственный литературный музей
имени П.А. Ойунского*

Фономорфологические особенности освоения монголизмов в якутском языке как результат лингвистического контакта

Как отмечено доктором филологических наук, профессором П.А. Слепцовым, на фоне современных достижений мировой тюркологии и отечественной компаративистики необходимы полные монографические работы по некоторым важнейшим частям речи, особенно по таким частям речи как имя существительное, прилагательное [6, с. 92].

Морфологическая структура имен существительных монгольского языка и их грамматическое освоение в якутском языке частично исследованы Ст. Калужинским, а в долганском языке – М. Стаховским. Также данный вопрос изучен в работах В.В. Радлова, Г.В. Попова, Н.М. Иванова и др.

В работе Ст. Калужинского «Монгольские элементы в якутском языке» систематизированы 40 имяобразующих аффиксов [1, с. 69–97].

Образование существительных монгольского языка рассматривается в трудах Я. Шмидта, Г.Й. Рамстедта, В.Л. Котвича, Б.Я. Владимирцова, Н.Н. Поппе, Б.Х. Тодаевой, М.Н. Орловской и др.

По своим структурным особенностям монгольский язык относится к агглютинативным языкам, иными словами звуковой состав суффиксов зависит от фонетического облика корней. Корнем монгольского слова является его кратчайшая и в лексико-грамматическом отношении знаменательная часть [5, с. 42].

Рассмотрим некоторые из них. Основы, образованные при помощи суффикса -*čiŋ*, освоились в виде -*č'iŋ*, так как гласные подверглись палатальной гармонии: **bul-č'iŋ*, **bul-č'ir*- 1 'мышцы (рук и ног)' 2 'железа', ср.-мо. *bilčirqai* 2, п.-мо. *bulč'iŋ*

1, *bulčirqai* 2, калм. *bulčəŋ* 1, орд. *bulčiq*, даг. *balčirt* 1, монгр. *pažarGā* 2 > як. **былчын** 1 [10, с. 350]. Отличие сингармонизма якутской основы от монгольской состоит в том, что если в первом слоге в монгольских языках старописьменного периода присутствовали гласные *a*, *o* или *y*, то во втором могли находиться только *a* или *y*; после *e*, *ə* или *y* – только *e* или *y*; гласный *u* мог встречаться в любой позиции слова с гласными как заднего ряда, так и переднего [4, с. 19];

Суффикс *-g/-y*. Этот суффикс обозначает предметы по результату действия, отвлеченные понятия, а также образует имена существительные со значением орудия или предмета, при помощи которого совершается действие: як. **өрбөх** ‘ткань’ <**ör-* 1 ‘мягкая шерстяная ткань’ 2 ‘плести’, п.-мо. *örmöge*, *ermüge* 1, мо. *örmög*, бур. *ürmege* ‘mat’, калм. *örməG* 1 [10, с. 1059]. При освоении монгольский заднеязычный *g* перед или после узких гласных веляризовался в согласный *k*, в результате произошел переход **g* > *k*, а перед или после широких – **g* > *x*.

Суффикс *-n* обладает значением как деминутивности, так и собирательной множественности, а также образует имена с отвлеченным понятием: як. **амтан** ‘ощущение вкуса, вкус’ <**ama-*, **amsa-*, **amta-* 1 ‘рот’ 2 ‘пробовать на вкус’ 3 ‘вкус’, ср.-мо. *aman* 1, *amsa-*, 2, *amtan* 3, п.-мо. *ama(n)* 1, *amsa-* 2, *amta(n)* 3 [10, с. 296].

Этот суффикс настолько характерен для монгольских языков, что некоторые монголизмы осваивались при помощи наращений с указанным формантом, но, не изменяя количество слога. Вероятно, это связано с древним показателем орудного падежа *-n*: **žibi* ‘ржавчина’, п.-мо. *žibi*, *žebi*, *žibe* ‘ржавчина’ > як. *дьэбин* ‘ржавчина’ [там же, с. 888]; п.-мо. *sayuri*, МНТ *sauri*, орд. *sūri* ‘сиденье, место; местожительство’ > як. *суорун* ‘дом, жильё, жилище’ [7, с. 153]; **döli* ‘пламя’, п.-мо. *döli*, мо. *döl*, бур. *düle(n)* > як. *төлөн* ‘пламя’ [10, с. 460].

Схожее явление наблюдается в бурятских языках и из тюркских языков в языках огузской группы: «...Вполне допустимо, что в некоторых случаях происходит не вставка, а восстанавливается первичная форма с конечными указанными согласными, которые в другом варианте выпали» [8, с. 338]. Например, **beŋ*, др.-тюрк. *teŋ*, карах. *teŋ*, тур., гаг. *ben*, *benek*, аз. *bänäk*, туркм. *teŋ*, *teŋek*, сал. *teŋ*, тат. *biŋ*, башк. *tiŋ*, як. *мэн* ‘родинка на лице’ [10, с. 914].

По мнению В.Л. Котвича, «удлинение» односложной или двусложной основы отдельными гласными и согласными, а иногда и целыми слогами характерно для монгольских языков, которые представляют собой как фонетические, так и морфологические элементы, восходящие к разным периодам монгольского языка. Схожее явление им зафиксировано и в чувашском языке, в котором произошло удлинение гласным и согласным *-k*, *-x*. Иногда чувашский язык идет дальше монгольского – в нем имеются удлиненные формы, соответствующие кратким монгольским [2, с. 41–43]. Следует отметить, что такие удлинения встречаются в якутском языке и в исконных словах, и в тунгусо-маньчжурских заимствованиях.

Вероятно, подобное явление получило развитие с проникновением многочисленного количества двусложных и многосложных основ, обусловленным лингвистическими контактами [3].

На характер типа основы (но не на количество слогов) заимствований существенно влияет метатеза. Например, двусложная основа *тайах* ‘лось, сохатый’ <**togij* ‘взрослый лось’, п.-мо. *togij*, мо. *togi* [10, с. 1430]. Вычленение корневой основы монгольских основ представляет известную трудность.

Существует другая группа собственно тюркских лексем, у которых в якутском языке произошло наращение формантами монгольского происхождения. Это в основном присоединение показателя множественного числа *-t* к основам тюркского происхождения, обозначающим родственные (*күтүөт* ‘зять’, *кийишт* ‘невеста’) и социальные отношения. Например, корневую морфему в як. **кулут** ‘слуга, раб’ Э.В. Севортян усматривал в виде *қол-* ‘просить’ – формы, образовавшей синкретическую пару с *қол* ‘рука’ [9, с. 120–121], в которой присоединился формант *-t*: **kul* ‘слуга, раб’: др.-тюрк. *qui* (ен., др.-уйг.), карах. *qui*, тур. *Kul*, аз. *Gul*, туркм. *Gul*, ойр. *qui*, тув. *qui*, долг. *кулут* [10, с. 735]. Влияние этого форманта на якутский язык подробно рассмотрел в своих исследованиях Ст. Калужинский. Возможно, это объясняется агглютинативными рефлексам, которые получили активность в результате лингвистического взаимодействия.

Таким образом, на характер освоения основ монгольского происхождения оказали влияние такие фонеморфологические процессы, как метатезы, наращения, а на количество слога – трансформация звукового комплекса VCV, в результате которых появились вторичные долгие гласные или дифтонги. Основы осваивались согласно палатальной или лабиальной гармонии якутского языка. Нарушение сингармонизма не зафиксировано.

Литература

1. *Калужинский Ст.* Некоторые вопросы монгольских заимствований в якутском языке // Труды Института языка, литературы и истории. – Вып. 3 (8). – Якутск: Кн. изд-во, 1961. – С. 5–21.
2. *Котвич В.* Исследования по алтайским языкам. – М.: Изд-во иностр. литературы, 1962. – 372 с.
3. *Кузьмина А.А.* Типы корневых основ имен существительных якутского языка (формирование одно- и двусложных основ): дис. ... канд. филол. наук. – Якутск, 2017. – 287 с.
4. *Санжеев Г.Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 240 с.
5. *Санжеев Г.Д.* Современный монгольский язык (Языки зарубежного Востока и Африки). – М.: Изд-во Вост. литературы, 1960. – 102 с.
6. *Слепцов П.А.* Актуальные проблемы современного якутского языкознания // Ступени и проблемы якутского языкознания. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2008. – С. 92–100.
7. БТСЯЯ, 2012 – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. IX (Буквы С-Һ) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2012. – 630 с.

8. СИГТЯ, 1984 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. – М.: Наука, 1984. – 483 с.
9. ЭСТЯ, 2000 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «К». – М.: Индрик, 2000. – 261 с.
10. EDAL – Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. – Leiden, 2003. – 1556 с.

И. Ю. Васильев

СВФУ им. М. К. Аммосова

Фонетический и фоноструктурный анализ терминов метеорологии в якутско-турецких лексических параллелях

Статья посвящена фонетическому и фоноструктурному исследованию терминов метеорологии лексических параллелей якутского и турецкого языков. Лексические соответствия разделены на лексико-семантические группы: 1) атмосферные явления и осадки; 2) разновидности ветра; 3) пространственная лексика.

1. Атмосферные явления и осадки

В сопоставляемых языках обнаружено 2 производные и 11 непроизводных основ, которые обозначают атмосферные явления и осадки, имеющие аналогичные формы в якутском языке.

Непроизводные односложные основы

VC: тур. **öl** '1) сырость земли; влажность почвы; 2) сырая земля, влажная почва' [9, с. 700], **höl** 'влага, сырость; влажность' [9, с. 412] // як. **üöl** 'сырой, влажный; жизнеспособный; сырость, влажность' [1, с. 3138].

CVC: 1) тур. **çij** 'роса' [9, с. 194] // як. **siik** 'сырость, влажность, влага, роса' [1, с. 2208]; 2) тур. **kar** 'снег' [9, с. 511] // як. **qaar** 'снег' [1, с. 3329], ср. тур. диал. **gar** 'снег' [7, с. 284]; 3) тур. **buz** 'лед' [9, с. 137] // як. **muus**, **buus** 'лед, град' [1, с. 1640]; 4) тур. **jut** '[сильный] снегопад' [6, с. 256-257] // як. **sut** 'голод, бескормица, бессенница, скотский падеж и голодовка; бедствие, невзгода' [1, с. 2373]; 5) тур. **tan** 'рассвет, утренняя заря, наступление утра' [9, с. 825] // як. **tiŋ** 'денница, утренняя заря' [1, с. 2951], ср. тур. диал. **daŋ**, **dan**, **daan**, осм. **dan**, **tan** '1) заря (утренняя), рассвет; 2) утро' [5, с. 144].

Непроизводные двусложные основы

VCVC: тур. диал. **inir**, **iyiryik**, **ihiryik**, **ikiryik**, **inirik**, **iyirik**, **inrik** '1) вечер; вечерние сумерки, вечерняя заря, вечерняя темнота; 2) предрассветные сумерки; заря; рассвет' [3, с. 354-355] // як. **im** 'вечерняя (потухающая) заря, вечерний полусвет, вечерние сумерки, сутиски' [1, с. 931].

CVCV: 1) тур. **dolu** ‘град’ [9, с. 242] // як. **tolon** ‘неясное состояние воздуха, при сильном дожде или снеге, градина, град’ [1, с. 2716], ср. тур. диал. **tolu** ‘1) град, градина; дробь; 2) дождь с сильной бурей, сильный ливень; вихрь’ [5, с. 260-261]; 2) тур. **buyu** ‘(водяной) пар’ [9, с. 132] // як. **buruo** ‘дым; пар, дым, чад; дым, жилия юрта’ [1, с. 570], ср. тур. диал. **buhu, boyu, buyum, buy, buu, boy, bog**, осм. **buyu** ‘1) пар; 2) испарение; 3) туманная пасмурная погода; 4) о густых клубах пара’ [4, с. 229-230].

CVCVC: тур. **bulut** ‘облако, туча’ [9, с. 134] // як. **bilit** ‘облако, туча, морок; облачная погода’ [1, с. 614].

Непроизводные трехсложные основы

CVCVCV: тур. **kirayı** ‘иней, изморозь’ [9, с. 540] // як. **kiria** ‘кружевина, кружак, иней, изморозь, влажность, замерзшая на стенах, деревьях и проч. в сырые холодные дни’ [1, с. 1421], ср. тур. диал. **gira, giray, girawu, giravi, gira** ‘иней; изморозь; роса’ [8, с. 36].

Производные двусложные основы

CVCCVC: 1) тур. **jaymur** ‘дождь’ [9, с. 904] // як. **samiir, sabiir** ‘дождь’ [1, с. 2066], ср. тур. диал. **jamir** ‘дождь; осадки’ [7, с. 57]; 2) тур. **kürtün** ‘сугроб’ [9, с. 582] // як. **küržük** ‘в сторону сгребенная лопатой куча снега, мусора и т.д., снежный сугроб, вал; снежный сунуть около дома’ [1, с. 1331], ср. тур. диал. **kürt, kürtük, kürdük, gürtük, hürtük, kürtün** ‘1) сугроб; куча снега или песка, скопившаяся в укромном месте; 2) куча снега, собранная на одном месте ветром; снежная лавина; 3) сугроб; куча снега, которым ветер наполняет ямы; куча снега или песка, скопившаяся в укромном месте; 4) свежесыпавший мягкий снег; 5) затвердевший, заледеневший снег’ [7, с. 149-150].

Из выявленных 13 якутско-турецких соответствий непроизводными односложными являются – 6, непроизводными двусложными – 4, непроизводными трехсложными – 1, производными двусложными – 2 основы. Непроизводные односложные формы представлены структурными типами VC и CVC, непроизводные двусложные – VCVC, CVCV, CVCVC, непроизводные трехсложные – CVCVCV, производные двусложные – CVCCVC. Из 7 фонетических структур наибольшее число соответствий выявлено в структуре CVC. По количеству входящих в них лексических единиц они образуют следующую убывающую последовательность: CVC – 5 (38,4%), CVCV – 2 (15,3%), CVCCVC – 2 (15,3%), VC, VCVC, CVCVC, CVCVCV – по 1 (7,6%).

С фонетической стороны в односложных формах наблюдаются следующие вариации: соответствия согласных в анлауте: [b~m]: тур. **buz**~ як. **muus, buus**; [j~s]: тур. **jut**~ як. **sut**; [č~s]: тур. **čij**~ як. **siik**; [k~q]: тур. **kar** ~ як. **qaar**; соответствия согласных в ауслауте: [z~s]: тур. **buz**~ як. **muus, buus**; [j~k]: тур. **čij**~ як. **siik**;

соответствия гласных: [ö~üö]: тур. **öl** ~ як. **üöl**; [u~uu]: тур. **buz** ~ як. **muus, buus**; [i~ii]: тур. **çij** ~ як. **siik**; [a~aa]: тур. **kar** ~ як. **qaar**; [a~i]: тур. **tan** ~ як. **tığ**.

Соотношение устойчивости структурно-фонетической системы турецких корней с параллелями якутского языка характеризуется следующим образом. Совпадение структурной формы турецких корней наблюдается в якутском языке в 33,3% случаев. Несоразмерность фонетической формы якутских основ образуется наличием долгих гласных и дифтонга.

В двусложных формах с фонетической стороны наблюдаются вариации: соответствия согласных в анлауте: [j~s]: тур. **jaɣmur** ~ як. **samiür**; [d~t]: тур. **dolu** // як. **tolon**; соответствия согласных в инлауте: [ɣ~r]: тур. **buɣu** // як. **buruo**; [t~ʒ]: тур. **kürtün** ~ як. **küržük**; соответствие согласных в ауслауте: [n~k]: тур. **kürtün** ~ як. **küržük**; выпадение [ɣ] в первом слоге: тур. **jaɣmur** ~ як. **samiür**; соответствие гласного в первом слоге: [u~i]: тур. **bulut** ~ як. **bilit**; соответствия гласных во втором слоге: [u~i]: тур. **bulut** ~ як. **bilit**; [u~i]: тур. **jaɣmur** ~ як. **samiür**; [u~o]: тур. **dolu** // як. **tolon**; [u~uo]: тур. **buɣu** // як. **buruo**; сочетание [aɣi] дает дифтонг [ia]: тур. **kıraɣi** ~ як. **kiria**; появление конечного [n] в конце якутской формы: тур. **dolu** // як. **tolon**.

В формах тур. диал. **inir, iyiryik, ihiryik, ikiryik, inirik, iyrik, inrik** корня в первоначальном виде нет, он сохранился в як. **im** 'вечерняя (потухающая) заря, вечерний полусвет, вечерние сумерки, сумиски' и в турк. **im** в составе **imlik** (<**imlik**) 'сумерки' с вариацией в анлауте [i~y].

Совпадение фонетических структур якутских основ (из общего числа корреспондентий) составляет 30,7%. Средний процент сохранения гласных и согласных фонем якутских основ (из общего числа корреспондентий) составляет 43%.

2. Разновидности ветра

В турецком языке обнаружена 1 производная и 5 непроизводных основ, которые обозначают разновидности ветра, имеющие аналогичные формы в якутском языке.

Непроизводные односложные основы

CVC: 1) тур. **jäl** 'ветер' [9, с. 920] // як. **silliä** 'буря, вихрь' [1, с. 2221; 8, с. 40], ср. тур. диал. **jäl**, осм. **jäl** '1) ветер; 2) злоба, гнев, раздражение; 3) ветры, газы в желудочно-кишечном тракте; 4) ревматизм; бруцеллез' [6, с. 174-175]; 2) тур. диал. **kaj** 'буря; дождь, летний дождь; сильный ветер перед дождем' [8, с. 46] // як. **qataa** 'морозить (о весенней погоде)' [1, с. 3397].

Непроизводные двусложные основы

CVCVC: 1) тур. **buran, boran** 'грозовой дождь, буря' [9, с. 135, 126], **burayan** 'шквал, сильный порыв ветра' [9, с. 135] // як. **burqaan** 'пурга, метель; буря' [1, с.

572], **burkun** ‘пурга’ [1, с. 568], ср. тур. диал. **boran, buran, boragan, burutgan, boruk, buruk, borana** ‘1) сильный снег; 2) кратковременный грозовой ливень, проливной дождь; 3) буря; ураган; 4) туман; 5) буран; вьюга; ветер с дождем и снегом’ [4, с. 189-191]; 2) тур. диал. **dayil** ‘буря; непогода, шквал, шторм, ураган, вихрь; ветер, поднимающий пыль’ [8, с. 46-47] // як. **tial** ‘ветер, буря’ [1, с. 2929].

Непроизводные трехсложные основы

CVCVCCV: тур. **kasirga** ‘вихрь, буря, шквал, вьюга, ураган’ [9, с. 519] // як. **qoloruk, qolloruk, qalarik, qallarik** ‘вихрь, вихорь, буря, ураган’ [1, с. 3460; 2, с. 31].

Производные двусложные основы

CVCV: тур. **tipi** ‘снежная буря; вьюга, пурга, метель, буран’ [9, с. 863] // як. **tibii** ‘вьюга, метель’ [1, с. 2660; 8, с. 48], ср. тур. диал. **dipi** ‘метель, пурга, снежная буря, буран’ [8, с. 47-48].

Из выявленных 6 якутско-турецких соответствий непроизводными односложными являются – 2, непроизводными двусложными – 2, непроизводным трехсложным – 1, производным двусложным – 1 основа. Непроизводные односложные формы представлены структурным типом **CVC**, непроизводные двусложные – **CVCVC**, непроизводные трехсложные – **CVCVCCV**, производная двусложная – **CVCV**. Из 4 фонетических структур наибольшее число соответствий выявлено в структурах **CVC** и **CVCVC**. По количеству входящих в них лексических единиц они образуют следующую убывающую последовательность: **CVC** – 2 (33,3%), **CVCVC** – 2 (33,3%), **CVCV**, **CVCVCCV** – по 1 (16,6%).

С фонетической стороны в односложных формах устойчивость фонем наблюдается только в конечном сонорном согласном [j]: тур. **jäl** ~ як. **silliä** и заднерядном гласном [a]: тур. диал. **kaj** ~ як. **qataa-**.

Наблюдаются следующие вариации: соответствия согласных в анлауте: [j~s]: тур. **jäl** ~ як. **silliä**; [k~q]: тур. диал. **kaj** ~ як. **qataa-**; соответствие гласных: [ä~i]: тур. **jäl** ~ як. **silliä**.

С фонологической стороны в турецких корнях наблюдаются праязыковые формы якутских корней, дальнейшая трансформация которых характеризуется типичными фонеморфологическими признаками. Таким образом, эти основы являются подвергшимися наиболее сильным фонетическим изменениям.

В двусложных формах с фонетической стороны наблюдаются вариации: соответствие согласных в анлауте: [d~t]: тур. диал. **dayil** ~ як. **tial**; соответствия согласных в инлауте: [p~b]: тур. **tipi** ~ як. **tibii**; соответствия гласных во втором слоге: [a~aa]: тур. **buran** ~ як. **burqaan**; [i~ii]: тур. **tipi** ~ як. **tibii**; сочетание [ayü] дает дифтонг [ia]: тур. диал. **dayil** ~ як. **tial**.

В трехсложной основе тур. **kasirga** ~ як. **qoloruk** наблюдаются сильные фонетические изменения. Из устойчивых фонем можно отметить сонорный [r] во

втором слоге турецкой и в третьем слоге якутской основы. Наблюдаются соответствие согласного в анлауте [k~q] и гласного в первом слоге [a~o].

В якутских основах совпадений фонетических структур по отношению к турецкому языку не наблюдается в виду наиболее сильных фонетических изменений и образования долгот и дифтонгов.

3. Пространственная лексика

В турецком языке обнаружено 10 непроезженных основ, которые обозначают направления, имеющие аналогичные формы в якутском языке.

Непроизводные односложные основы

VC: тур. **iç** ‘внутренность, внутренняя часть, внутренняя сторона’ [9, с. 423] // як. **is** ‘1) внутренний; 2) внутренность, внутренняя часть, нутро, недра, вместимость; 3) о животных и человеке: внутренности (кишки, потроха), живот, утроба, брюхо, чрево; желудок’ [1, с. 959-960].

VCC: 1) тур. **alt** ‘низ, нижняя сторона (чего-л.); дно (сосуда и т.д.)’ [9, с. 50] // як. **alın** ‘1) низ, основание, нижняя часть, край; 2) нижний; низовый, подверхний’ [1, с. 86-87], ср. тур. диал. **alt** ‘низ, нижняя часть; нижний; внизу’ [3, с. 140]; 2) тур. **üst** ‘1) верхняя часть, верх (чего-л.); 2) поверхность’ [9, с. 889] // як. **üöhä, üöhä** ‘возвышенно, высоко, вверху, на верху, сверху, выше, вверх’ [1, с. 3156], **üöhää, üöhää** ‘1) высота, глубь; вершина; верховье, юг; 2) вышний, верхний’ [1, с. 3156-3157], ср. тур. диал. **üstü** ‘1) верхняя часть / сторона, верх; 2) одежда, платье; 3) служебное имя с послеложными значениями на, над, поверх’ [3, с. 638-639].

CVC: 1) тур. **jan** ‘сторона, бок; боковой’ [9, с. 908] // як. **sīḡaha, sīḡaha** ‘возвышенный (выпуклый) край, препятствующий дальнейшему ходу [какого-либо предмета]’ [1, с. 2469], ср. тур. **janaş-** ‘приближаться, подходить; идти (двигаться, быть, находиться) рядом, соприкоснуться’; 2) тур. **dış** ‘внешняя (наружная) сторона (чего-л.), внешний (наружный) вид чего-л.’ [9, с. 227] // як. **tas** ‘1) наружный, внешний; 2) наружная сторона, наружность, внешность, поверхность; наружная оболочка; верх (платья), крышка’ [1, с. 2589]; 3) тур. **kuz** ‘тенивая сторона’ [9, с. 579] // як. **kula, kuula** ‘северный склон; склон, обращенный на север; у реки – на запад; южная сторона еланей и полян, темная противоположная солнечной стороне; та сторона леса, горы, реки и т.д., которая освещается вечерним солнцем’ [1, с. 1201].

Непроизводные двусложные основы

VCV: тур. **ara** ‘расстояние (пространство), разделяющее два предмета; промежутки’ [9, с. 59] // як. **aara** ‘путь, дорога (между двумя пунктами); находящийся на пути, по спутности’ [1, с. 126-127], ср. як. **arit** ‘промежутки,

расстояние между предметами, время от события до события; цель, пробыл, пропуск' [1, с. 160].

CVCCV: тур. **karši** '1) то, что находится напротив чего (перед чем); 2) противоположный; противный' [9, с. 517] // як. **qarsa** '1) упрямый, строптивый, злой (человек); 2) общее название трех родов злых духов обоего пола' [1, с. 3363].

Непроизводные трехсложные основы

VCVCV: тур. **anarı** 'противоположная сторона' [9, с. 55] // як. **anaraa, annaraa, ĩnaraa** '1) та сторона; 2) тот, тамошний, один из них' [1, с. 106, 3798].

CVVCV: тур. **jukarı** '1) верх, верхняя часть; 2) верхний, высокий; 3) наверху, вверх, наверх' [9, с. 933] // як. **soġuruu, soġuruu, soguru (sogurun), soġoruu** 'юг, полдень; на юг, на юге' [1, с. 2260], **Žuqqarı** 'часть имени: Дьуххары-манган-хотун (ск.) женское имя' [1, с. 866], ср. тур. диал. **joqarı, juqarı**, осм. **jokarı, jukarı** 'вверх, наверх, верх, верхняя часть / сторона; верхний, высокий' [6, с. 213-214].

Из выявленных 10 якутско-турецких соответствий непроизводными односложными являются – 6, непроизводными двусложными – 2, непроизводными трехсложными – 2 основы. Непроизводные односложные формы представлены структурными типами VC, VCC и CVC, непроизводные двусложные – VCV, CVCCV, непроизводные трехсложные – VCVCV, CVCVCV. Из 7 фонетических структур наибольшее число соответствий выявлено в структуре CVC. По количеству входящих в них лексических единиц они образуют следующую убывающую последовательность: CVC – 3 (30%), VCC – 2 (20%), VC, VCV, CVCCV, VCVCV, CVCVCV – по 1 (10%).

С фонетической стороны в односложных формах наблюдаются следующие вариации: соответствие согласных в анлауте: [j~s]: тур. **jan** ~ як. **sĭġaha**; [d~t]: тур. **dĭš** ~ як. **tas**; соответствия согласных в ауслауте: [č~s]: тур. **ič** ~ як. **is**; [š~s]: тур. **dĭš** ~ як. **tas**; [n~ŋ]: тур. **jan** ~ як. **sĭġaha**; соответствие гласных: [i~a]: тур. **dĭš** ~ як. **tas**; [a~i]: тур. **jan** ~ як. **sĭġaha**.

Соотношение устойчивости структурно-фонетической системы турецких корней с параллелями якутского языка характеризуется следующим образом. Совпадение структурной формы турецких корней наблюдается в якутском языке в 33,3% случаев. Несоразмерность фонетической формы якутских основ образуется наличием наиболее сильных фонетических изменений в данных репрезентациях.

В двусложных формах с фонетической стороны наблюдаются вариации: соответствие согласных в анлауте: [k~q]: тур. **karši** ~ як. **qarsa**; соответствие согласных во втором слоге: [š~s]: тур. **karši** ~ як. **qarsa**; соответствие гласных в первом слоге: [a~aa]: тур. **ara** ~ як. **aara**; соответствие гласных во втором слоге: [i~a]: тур. **karši** ~ як. **qarsa**.

Совпадение структурной формы турецких корней наблюдается в якутском языке в 50% случаев. Несоразмерность фонетической формы объясняется наличием долготы.

В трехсложных формах с фонетической стороны наблюдаются изменения: соответствие согласных в анлауте: [j~s]: тур. **jukarī** ~ як. **soyuruu**; соответствие согласных во втором слоге: [k~γ]: тур. **jukarī** ~ як. **soyuruu**; соответствие гласных в первом слоге: [u~o]: тур. **jukarī** ~ як. **soyuruu**; соответствие гласных во втором слоге: [a~u]: тур. **jukarī** ~ як. **soyuruu**; соответствие гласных в третьем слоге: [i~u]: тур. **jukarī** ~ як. **soyuruu**; [i~aa]: тур. **anarī** ~ як. **anaraa**.

Средний процент совпадения фонетических структур якутских основ (из общего числа корреспонденций) составляет 30%.

Таким образом, в лексических параллелях терминов метеорологии якутского и турецкого языков наблюдаются следующие фонетические вариации:

а) в области консонантизма: в анлауте: оглушение согласных: [d~t], [j~s], [č~s]; видоизменение согласных: [b~m], [k~q]; в инлауте: озвончение согласных: [p~b], [k~γ]; оглушение согласных: [j~t], [š~s]; видоизменение согласных: [γ~r]; добавление согласных: [n],[q]; в ауслауте: оглушение согласных: [z~s], [j~k], [č~s], [š~s]; видоизменение согласных: [n~ŋ],[n~m].

б) в области вокализма: в анлауте: видоизменение гласных: [ö~üö]; образование долгот: [a~aa]; в инлауте: соответствие широкий – узкий: [a~ī], [a~u], [ä~i]; соответствие узкий – широкий: [i~a], [u~o]; соответствия гласных: [a~o], [u~ī]; образование долгот: [a~aa], [i~ii], [u~uu]; превращение монофтонга в долгий гласный: [u~īī]; образование дифтонгов: [ayī~īa]; в ауслауте: соответствие узкий – широкий: [u~o], [i~a]; образование долгот: [i~īī],[i~aa], [i~uu]; образование дифтонгов: [u~uo], [ayī~īa].

Общее совпадение структурной формы якутских и турецких терминов метеорологии (29 параллелей) наблюдается в 24,1% случаев. Несоразмерность фонослоговой формы объясняется наличием долгот, дифтонгов, удвоенных согласных; выпадением начальных и появлением конечных согласных; сложными фонетическими изменениями в якутском языке.

Литература

1. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка / Э. К. Пекарский. – СПб., Пгр., Л., 1907-1930. – 3858 с.
2. Попов Г. В. Слова «неизвестного происхождения» якутского языка (сравнительно-историческое исследование). – Якутск, 1986. – 149 с.
3. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1974. – 768 с.
4. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1978. – 349 с.
5. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1980. – 395 с.

6. *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1989. – 292 с.
7. *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 368 с.
8. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Э.Р. Тенишев [и др.]. – М.: Наука, 2001. – 823 с.
9. *Türkçe-Rusça Sözlük.* – Moskova: Russkiy Yazık, 1977. – 966 s.

**ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРА
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ**

М.В. Бавуу-Сюрюн

*научно-образовательный центр «Тюркология»,
Тувинский государственный университет,
г. Кызыл*

Множественное число существительных в тувинском языке

Множественное число в тувинском языке образуется присоединением к основе слова общетюркского аффикса множественного числа =лар и его вариантов [3, с. 115] (см. таблицу № 1).

Таблица 1

Формы множественного числа существительных в ЛТЯ

Конечный основы	Вариант аффикса		Примеры
	С твердыми гласными	С мягкими гласными	
Гласные, -г, -й, -р,	=лар		<i>ары=лар</i> 'осы', <i>хову=лар</i> 'степи', <i>даг=лар</i> 'горы', <i>хой=лар</i> 'овцы', <i>суурлар</i> 'деревни'
		=лер	<i>бүрү=лер</i> 'листья', <i>чер=лер</i> 'земли', <i>чүг=лер</i> 'перья', <i>өөр=лер</i> 'друзья'
-л	=дар		<i>сал=дар</i> 'усы', <i>дыл=дар</i> 'языки', <i>хол=дар</i> 'руки', <i>кул=дар</i> 'рабы'
		=дер	<i>өрээл=дер</i> 'комнаты', <i>шил=дер</i> 'стекла', <i>хөл=дер</i> 'озера', <i>чүүл=дер</i> 'статьи'
-м, -н, -ң	=нар		<i>ном=нар</i> 'книги', <i>таан=нар</i> 'грачи', <i>аяң=нар</i> 'поляны',
		=нер	<i>хем=нер</i> 'реки', <i>тен=нер</i> 'щипы', <i>хөйлең=нер</i> 'рубашки', <i>дүрүм=нер</i> 'правила', <i>үн=нер</i> 'голоса', <i>диң=нер</i> 'белки'
Глухие (п, т, к, с, ш)	=тар		<i>хап=тар</i> 'мешочки', <i>дыт=тар</i> 'лиственницы', <i>шанак=тар</i> 'сани', <i>кас=тар</i> 'гуси', <i>даш=тар</i> 'камни', <i>шкаф=тар</i> 'шкафы'
		=тер	<i>эжик=тер</i> 'двери', <i>диис=тер</i> 'кошки', <i>өдүрек=тер</i> 'утки', <i>экишиш=тер</i> 'весла'

Форма единственного числа отдельных существительных может передавать идею множественности. Это, как правило, слова обозначающие группу предметов, животных: *хой* 'овца, овцы, стадо овец', *инек* 'корова, стадо коров', *чылгы* 'табун, лошади', *мал* 'домашнее животное, скот'. Примеры реализации во фразах: *хойкадараберген* 'ушёл пасти овец (букв: овцу пасти ушёл)', *ивималдаптурар* 'содержит оленей'. А в сочетании *сүрүг мал* 'гурт (букв: гурт скот)', *коданмал* 'отара (букв: отара животное)' слово *мал* не оформляется аффиксом множественного числа, так как перед ним стоит существительное, обозначающее множество.

В то же время практически каждое существительное может принимать аффикс множественного числа: *суг* 'вода' – *суг=лар* 'воды', *сүт* 'молоко' – *сүттер* 'молоко, налитое в некое множество посуды'. Например, *сүттөражыпкаан-дыр* 'Молоко (имеется ввиду налитое в разную посуду) прокисло'. Табун лошадей передается сочетанием *аскырөөрүчылгы* 'табун лошадей во главе с жеребцом (букв: жеребец группа=его табун)'.

В литературном тувинском языке (ЛТЯ) широко используется аффикс множественного числа *=лар* (и его варианты) в терминах родства для обозначения группы лиц [6, с.102-103] в сочетании со словом *суг* во множественном числе, а сам термин оформляется аффиксом принадлежности: *ава=м суглар* 'моя мама и те, кто с ней'. При присоединении к собственным именам *=лар* также обозначает группу лиц во главе с тем, кто назван: *Кызыл-оол=дар* 'Кызыл-оолы'. Это может быть семья, друзья, соратники, родственники. В сочетании *авамсуг* 'моя мама и те, кто с ней', мы здесь усматриваем форму инклюзива [9, с. 256-263], которая также выделяется в составе глагольных форм.

В кара-хольском говоре западного диалекта к собственному имени во множественном числе присоединяется сложное слово *аал-аймаа* 'семейство, клан' в форме принадлежности 3-го лица (модель II изафета). Например: *Кара-оол=дар аал-аймаа=а* (<*аал=аймак+ы*) 'Кара-оолы или семья Кара-оолов (букв.: Кара-оолы семейство=их)'. Синонимичным является сочетание собственного имени с аффиксом *=лыг* и слова *кезек* 'часть' в значении 1) семья во главе с тем, кто назван: *Кара-оол=дуг кезек* 'Кара-оолы или семья Кара-оолов'. Последнее сочетание встречается везде, имеет оттенок некоторой фамильярности, пренебрежительности, характерно для устной речи.

В некоторых словах сохраняются древние формы множественности: в ЛТЯ и во всех диалектах имеется слово *ийи=с* 'двойня' сохранился древний аффикс множественности *с* (-s< -z) [7, с. 88]. В ЛТЯ слово *эж=еш* 'пара', в АД *ада=иш* 'друзья' также сохраняют древние формы множественности=ш [7, с. 91].

Особый интерес в выражении группы лиц с помощью аффикса множественного числа проявляет цэнгэльский говор алтайского диалекта (АД). В нём к основе слов, выражающих родственные отношения, последовательно

присоединяются аффикс принадлежности, затем аффикс множественного числа и его значение соответствует именному сочетанию с частицей *суг* в ЛТЯ, придающей собирательное или обобщающее значение, например: *күүй=үм=нер* ‘мои тётя (жена дяди по матери) и с ней другие’ лит.*күүйүмсуг*, *ээдж=им=нер* ‘моя мать и с ней другие’ лит. *авамсуг; аьга=м=нар* ‘мой брат старший и с ним другие’ лит. *акымсуг*.

Впервые эту особенность речи тувинцев Цэнгэла зафиксировала в своей диссертации Х. Гансук [2, с. 64-65], в других говорах АД эта особенность не проявилась. В ЛТЯ можно строить форму только в последовательности: основа существительного + аффикс множественного числа + аффикс принадлежности (N=PL=POSS.), например, *акы=лар=ым* ‘мои братья (букв: братья=мои)’. Как видно, значение ‘мой брат и с ним ещё кто-то’ это сочетание не передает. Поэтому форма N=POSS=PL *аьга=м=нар* ‘мой брат старший и с ним другие’ является отличительной особенностью цэнгэльского говора от всех остальных диалектов и говоров тувинского языка.

Общей отличительной чертой АД при обозначении группы людей является форма слова, где к основе имени существительного прибавляется аффикс множественного числа монгольского языка =чууд (и его варианты): *баячит<бай + чыт* ‘богачи’, монг. *баячууд*, *малчыт<мал + чы+т* ‘скотоводы’, монг. *малчид*, *эмиктээчит<эмиктээ + чит* ‘женщины’, монг. *эмэгтэйчүүд*, *чалычыт<чалы + чыт* ‘молодёжь’, монг. *залуучууд*, *эриктээчит<эриктээ + чит* ‘мужчины’, монг. *эрэгтэйчүүд*; и к этой основе одновременно может присоединиться общетюркский аффикс множественного числа =лар: *чалыы=чыт=тар* ‘молодёжь’, *мал=чы=т=тар*. Об этой особенности речи жителей Кобдо и Цэнгэла писали У. Цэцэгдарь [10, с. 215], Х. Гансук [2, с. 65].

Интересны производные формы от одной основы *мал* ‘скот’. В ЛТЯ заимствована из монгольского языка производная основа *мал=чын* ‘животновод, чабан’, а в АД функционирует также монгольское заимствование, но в форме *мал=чы=д* ‘скотоводы’, где к основе слова присоединились последовательно словообразовательный аффикс =чы и =д–вариант аффикса множественного числа монгольского языка. Такое двойное оформление аффиксами множественного числа наблюдается в небольшом количестве слов, обозначающих группу лиц по возрасту, профессии.

Употребление двойного показателя множественности, состоящего из монгольского и тюркского показателей, является отличительной особенностью не только алтайского диалекта, но и языка тувинцев Цагаан-Нура. Тем самым, двойной показатель множественности, являясь специфической особенностью зарубежных диалектов, дифференцирует их от ЛТЯ и внутренних диалектов. Данная модель выражения множественности в них продуктивна.

В ЛТЯ имеется всего несколько слов из группы терминов родства и свойства, в составе которых выделяется аффикс множественности: *каты+ат>кат=аат* ‘родственники жены (мужская часть)’, *чуржа=ат* (от *чуржу*) ‘младшие братья и сёстры жены’, *кеннэ=эт* ‘невестки’; и они осознаются носителями тувинского языка как множественность. К этим же словам могут присоединиться аффиксы множественного числа *кат=аат=тар* ‘родственники жены (мужская часть)’, *чуржа=ат=тар* ‘младшие братья и сёстры жены’, *кеннэ=эт=тер* ‘невестки’.

А этот же аффикс в составе заимствования из монгольского *дужумет* ‘чиновник’ в современном тувинском языке не выделяется, в нём не сохраняется значение множественности, а воспринимается как форма единственного числа, то есть на почве тувинского языка произошло опрощение в составе слова. Двойное оформление множественности монгольским и общетюркским аффиксами в ЛТЯ непродуктивно.

Из сибирских тюркских языков такое же двойное оформление множественности имён существительных в якутском языке отмечает М.С. Воронкин, со ссылкой на свои предыдущие исследования и на работу Л.Н. Харитоновой [1, с.139]. В Диалектологическом атласе якутского языка данное явление получило подробное описание и представлено на отдельной карте [5, с. 48-49, 88]. Описание было сделано С.А. Ивановым на основе работ П.С. Афанасьева, М.С. Воронкиной, Е.И. Коркиной. Показатель множественности (=т) встречается в языке рунических памятников: *таркат* ‘тарханы’ (титул, - Памятник в честь Кюль-тегина) [8, с. 7].

Из работ видно, что в якутском языке двойное оформление множественности получило широкое распространение, и охватывает уже обширные группы лексики, используется и в заимствованиях из русского языка. Таким образом, можно заключить, что в якутском языке эта модель начала активно функционировать гораздо раньше, чем в тувинском, что подтверждается регулярностью её использования.

Сопоставляя якутские, тувинские и древнетюркские слова, можно предположить, что в ЛТЯ в трёх словах *кеннэт*, *чуржаат*, *катаат* сохраняется древний аффикс множественности, а в других случаях, отмечаемых в зарубежных диалектах, наблюдаем результат влияния монгольского языка, а монгольское заимствование *дужумет*, в составе которого выделяется аффикс множественности в процессе этимологизирования, можно считать более поздним явлением. То есть пути формирования единого на современном этапе оформления множественности двумя аффиксами в ЛТЯ и диалектах разные.

Следующая диалектная черта в выражении множественности заключается в том, что лексико-грамматический омоним (слово) *кылын* в АД выражает значение ‘много, множество; многочисленный’, а в ЛТЯ данное слово передает значение ‘толстый, глубокий’. Таким образом, лексико-семантическое диалектное слово

кылын используется вместо литературного *хөй* 'много, множество; многочисленный'. Данное явление характерно для всего алтайского диалекта.

Итак, в способах выражении множественного числа существительных особняком стоят:

1) двойное оформление множественности, характерное для зарубежных диалектов. Это явление приближает диалекты из сибирских тюркских языков – якутскому, а аффикс множественности –t к текстам рунических памятников;

2) модель последовательного присоединения к основе слова, выражающего родственные отношения, формы принадлежности, а затем - аффикса множественного числа характерно для цэнгэльского говора;

3) присоединение к собственному имени во множественном числе сложного слова *аал-аймаа* 'семейство, клан' по модели II изафета – свойственное для карахольского говора западного диалекта;

4) использование лексико-семантического диалектного слова *кылын* вместо лит.*хөй*, характерное для АД.

5) существительные, выражающие своей основой множественность предметов, неисчисляемые существительные не оформляются аффиксами множественного числа.

Во всех остальных случаях имя существительное оформляется 8 вариантами общетюркского аффикса множественного числа.

Литература

1. *Воронкин М.С.* Диалектная система языка саха: образование, взаимодействие с литературным языком и характеристики. – Новосибирск: Наука, 1999. – 197 с.

2. *Гансук Х.* Особенности тувинской речи жителей Цэнгэла: Дисс. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2009. – 192 с.

3. *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. – 469 с.

4. Диалектологический атлас якутского языка: сводные карты. – Якутск: Изд-во ЯФ СО РАН, 2004. – Ч. I. Фонетика. – 128с., 82 ил.

5. Диалектологический атлас якутского языка: сводные карты / Сост. С.А. Иванов; отв. ред. П.А. Слепцов. – Новосибирск: Наука, 2010. – Ч. II. Морфология и лексика. – 178 с., 90 карт.

6. *Сат Ш.Ч., Салзынмаа Е.Б.* Амгытывалитературлугдыл (Лексикология болгаш семасиология, фразеология, фонетика, морфология). – Кызыл, 1980. – 258 с.

7. *Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. 2-е издание. – М., 1986. – 302 с.

8. *Тенишев Э.Р.* Грамматический очерк древнеуйгурского языка по сочинению «Золотой блеск»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1953. – 16 с.

9. *Убрятова Е.И.* Еще раз об исключительности (эксклюзиве) и включительности (инклюзиве) в якутском языке // Избр. тр. Исследование по тюркским языкам. – Новосибирск: НГУ, 2011. – С. 256–263.

10. *Цэцэгдарь У.* Морфологические и морфонологические особенности речи Ховдинских тувинцев // Природные условия, история и культура западной Монголии и сопредельных регионов. – Томск, 1999. – С. 216.

О формах на =ган и =быт в тувинском и якутском языках⁵

Аннотация: В статье рассматриваются функционально и семантически параллельные формы прошедшего времени на =ган в тувинском языке и двесинтетические формы прошедшего времени, образованные на базе формы на =быт, в якутском языке. В этих трех формах обнаруживаются общие семантические компоненты, которые показывают общность формы на =ган с одной из форм на =быт, сочетающейся с показателями лица, восходящим к аффиксам принадлежности. Другая форма на =быт (с аффиксами сказуемости), репрезентирующая семантику косвенной эвиденциальности и миративности, семантически близка к сочетанию формы на =ган с частицей -тыр, которая в свою очередь, структурно и семантически подходит к сочетанию первой формы на =быт в сочетании с частицей уһу. Все три формы – форма на =ган и две формы на =быт объединяет общий семантический компонент результативности.

Ключевые слова: тувинский язык, якутский язык, прошедшее время, форма на =ган, формы на =быт, функциональная и семантическая параллель, общность значений.

В современных тюркских языках в системе глагола существуют функционально и семантически параллельные формы на =ган и =мыш, связанные с их ареальной и исторической принадлежностью к разным группам тюркских языков: кыпчакским и огузским. Они, с одной стороны, являясь одним из явных маркеров дифференциации этих групп (=ган – кыпчакские языки, =мыш – огузские языки), в то же время в деактуализированном виде присутствуют в грамматических системах “нехарактерных” для них группах тюркских языков. В период сложения систем времен в тюркских языках вследствие актуализации одной из этих форм в той или иной группе языков другая отходит на периферию глагольной (временной) системы, уступая первой, изменяя (расширяя или, наоборот, сузив) свою семантику или приобретая другую функцию. Так, видимо, проявляется дифференциация этих двух форм.

В видо-временной системе тувинского языка наряду с формой на =ган функционирует форма на =бышаан (подобная форма на =бышаанга имеется в тофском языке). По мнению исследователей, элемент =быш восходит к форме на =мыш, второй компонент, не гармонирующий по рядности гласных в слове, скорее всего, восходит к форме на =ган [6, с.419]. Эта форма (=бышаан/ =вышаан, =пышаан, =мышаан) функционирует в полной парадигме и выражает

⁵ Работа выполнена в соответствии с планом Государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект №34.3876.2017/ПЧ.

незаконченное актуальное продолжающееся в настоящем времени действие, начавшееся в неизвестном («недатированном») времени до момента речи:

(1) *Чаъс шиилетпишаан. Та кажан-чежен аязыр чаашкын чүве бо дээш муңгаргайым кончуг апарган олур мен* (МЭ, ӨЧ, 29).

чаъс=Ø шииле=т=пишаан та кажан.чежен аяз=ыр
 дождь=NOM лить=CAUS=PR/3 неизвестно когда
 проясняться=PF
 чаашкын=Ø чүве бо дэ=эш {муңгаргай=ым
 кончуг
 дождь=NOM MOD.PTCL это думать=CV {грустный=POSS/1
 очень
 апар=ган олур=Ø} мен
 AUX=PP сидеть=PRES₁} 1

‘Дождь все еще (сильно) идет. Я сижу очень грустный, думая, когда же наконец прояснится’.

Форма на =*бышаан* в тувинском языке выступает и в функции деепричастия, обозначая дополнительное действие, осуществляющееся совершающееся одновременно с основным. Например:

(2) *Виктор шайынишииледираартавышаан, ыттарынчекээргейаарак көргөн* (ЛЧ, ЧЧ)

Виктор=Ø шай=ы=н шииледир аарта=вышаан
 Виктор=NOM чай=POSS/3=ACC с шумом пить. горячий.чай=CV
 ыт=тар=ы=н=че кээрге=й аарак көр=ген
 собака=PL=POSS/3=INFIX=LATжалеть=CV немного смотреть=PAST/3

‘Виктор с шумом попивая (горячий) чай, немного с жалостью посмотрел на своих собак’.

Следы ее причастного происхождения проявляются в употреблении этой формы в сочетании сослужебными слова и *кижи* (<‘человек’), *улус* (<‘люди’), *чүве* (<‘вещь, нечто’) для выражения значения категорической достоверности того или иного действия.

(3) *Акым малын кадарбышаан кижн.*

акы=м мал=ы=н кадар=бышаан кижн
 брат=POSS/1=NOM скот=POSS/3=ACC пасти =PR/3 человек

‘Мой брат все еще пасет скот (занимается выращиванием скота)’.

Форма на =*бышаан*, связанная своим происхождением с древней формой на =*мыш*, в современном тувинском языке выражает длительное продолженное действие с тяготением к аспектуальным показателям и по отношению ко времени она, строго говоря, имеет опосредованное отношение. В системе прошедшего времени тувинского языка основным является форма на =*ган* так же, как и форма

на =*быт* в якутском языке. Рассмотрим общность и различия данных форм этих в языках.

1. Семантика формы на =*ган* в тувинском языке

«По системе глагола современные тюркские языки южной Сибири относятся к кыпчакским языкам. Важное место в этой системе занимает форма на =*ган*» [13, с. 23; 14, с. 59]. Форма на =*ган* является основным репрезентантом собственно идеи прошедшего времени в противоположность другим формам, выражающим также значение прошедшего времени, но всегда осложненное дополнительными значениями эвиденциальности и эмоциональности. Таковы формы прошедшего времени на =*ды* и =*чык*, обладающие дополнительным значением прямой (визуальной) эвиденциальности; а также форма на =*п-тыр*, выражающая в речи значение адмиратива и в текстах – репортатива (пересказывательности).

Исследователи тюркских языков отмечают, что преимущественным значением формы на =*ган* является значение перфекта, а также косвенной эвиденциальности («заглазности», «неочевидного действия») [3, с. 157–159; 11, с. 21; 12, с. 7]. Значение перфекта формы на =*ган* выступает довольно равномерно практически по всем тюркским языкам и, наоборот, значение косвенной эвиденциальности проявляется нерегулярно. Например, в алтайском языке форма прошедшего времени на =*ган* не маркирована с точки зрения очевидности / неочевидности [8, с. 90].

Форма на =*ган* (=ген, =кан, =кен) в тувинском языке представлена полной парадигмой. Главным и определяющим ее значением является выражение значения немаркированного прошедшего времени – констатации состоявшегося (не состоявшегося в отрицательной полярности) факта совершения действия до момента речи. Это значение выражается в употреблении данной формы в самых разных типах текстов, когда требуются описание и перечисление неопровержимых фактов высокой достоверности.

Значение достоверного факта действия до момента речи предстает как его наличный результат:

(4) *Долгандыр тайгаларда хар чаапкан, суурда чагбаан.*

долгандыр	тайга=лар=да	хар=Ø	ча=ап=кан
вокруг	тайга=PL=LOC	снег=NOM	
выпадать=PFV=PST ₂ /3			

суур=да	ам-даа	чаг=баан
деревня=LOC	еще	выпадать=NEG.PST ₂ /3

‘Вокруг в тайге выпал снег, (а) в деревне еще не выпал’.

(5) *Алды дугаар кичээл доозулган, уруглар тарай берген.*

алды	дугаар	кичээл=Ø	доозу=л=ган
шесть	порядковый	урок=NOM	закончиться=RFL=PST ₂ /3

фыркнуть=PST/3 Амырын=NOM {спать=CV AUX=PF}
 друг=POSS/3=ACC
 оттур=баз=ын кызыд=ып орн=у=н=дан
 дыка оожум
 будить=NEG.PF=ACC стараться=CV
 кровать=POSS/3=INFIX=ABL очень тихо
 {тур=уп кел=ген} соңга=Ø пөз=ү=н
 {вставить=CV AUX=PST/3} окно=NOM
 занавеска=POSS/3=ACC
 {ажыд=а тырт=ыпт=ар=га} терге=лиг аьт=Ø
 тур=ган
 {открыть=CV AUX=PFV=PF=DAT} телега=POSSV
 лошадь=NOM стоять=PST/3

‘[Раннее утро.] После того как на улице проскрипела телега, Амырын, стараясь не разбудить спящих товарищей, очень тихо встал с кровати. Когда открыл занавеску на окне, (снаружи) стояла запряженная в телегу лошадь’.

Когда рассказ ведется от первого лица, также присутствует эффект «отстраненности» автора от излагаемых событий:

(9) *Караам көрүп кээримге, хүн шагда-ла хөөрөп келген. Кулакты ам кушкааштар үнү уюктаан* (МЭ, ӨЧ, 25).

кара=ам=Ø {көр=үп кэ=эр=им=ге} хүн=Ø
 глаз=POSS/1=NOM {смотреть=CV AUX=PF=POSS/1=DAT}
 солнце=NOM
 шагда=ла {хөөрө=п кел=ген} кулак=ты ам
 давно=PTCL {подниматься=CV₂ AUX=PST/3} ухо=ACC
 сейчас
 куш=каш=тар=Ø үн=ү=Ø уюк=га=ан
 птица=DEM=PL=NOM голос=POSS/3=NOM оглушительный=VBLZ=PST/3

‘Проснувшись (как я застал), солнце давно встало. Оглушительно слышалось пение птиц’.

В прямой речи (при субъектах в 1-м и 2-м лицах) также отчетливо проявляется значение отдаленности действия, которое сочетается со значениями достоверности и результативности.

(10) *Сен чаш чоруңда, дузалаар шаам-биле дузалаан мен, меңээ хомудалың чок. Сен өзүп келгеш, меңээ база дузалаан сен, сеңээ хомудалым чок* (КЛ, КШ, 73).

сен=Ø чаш чору=ң=да дузала=ар
 ты=NOM маленький быть=POSS/2SG=LOCпомогать=PF
 ша=ам=биле дузала=ан мен=Ø меңээ
 мог=POSS/1=PRCL помогать=PAST₁ я=NOM мне

хомудал=ың		чок	сен=Ø	{өз=үп
кел=геш}				
обида=POSS/2Sg=NOM NEG		ты=NOM		{взрослеть=CV
AUX=CV}				
менээ	база	дузала=ан	сен=Ø	сеңээ хомудал=ым
	чок			
мне	тоже	помогать=PAST	ты=NOM	тебе
	обида=POSS/1=NOM NEG			

‘Когда ты был маленьким, я помог тебе как мог, у тебя нет на меня обиды. Повзрослев, ты тоже мне помог, у меня нет обиды на тебя’.

Форма на =ган в текстах научного стиля способствует передаче таких черт как безличность изложения, официальность, монологичность, стандартизованность, неопровержимая доказательность, четкость и точность выражения:

(11) *Баштайгы хүрээни Эрзинге 1770-1772 чылдарда туткан. Самагалдай хүрээзи улуг болганындан, ону чүгле 1773 чылда тудуп дооскан* (ЮД, 13).

баштайгы хүрээ=ни	Эрзин=ге	1770=1772=Ø
первый монастырь=ACC	Эрзин=DAT	1770-1772=NOM
чыл=дар=да	тут=кан	Самагалдай=Ø
год=PL=NOM=LOC	строить=PAST/3	
Самагалдай=NOM		
хүрээ=зи=Ø	улуг	бол=ган=ы=н=дан
монастырь=POSS/3=NOM	большой	
быть=PP=POSS/3=INFIX=ABL		
ону	чүгле	1773=Ø
его	только	1773=NOM
доос=кан}		чыл=да {туд=уп
AUX:закончить=PAST/3}		год=LOC {строить=CV

‘Первый буддистский монастырь построили в Эрзине в 1770-1772 годах. Поскольку монастырь в Самагалтае был большим, его завершили строить только в 1773 году’.

(12) *Күрүнениң, хөй-ниитиниң хайныышкынныг ажылынга шүлүкчүнүң идепкейлиг киржилгези ооң чогаадыкчы ажылының тематиказын байыткан* (ЛЧ, ЧЧ, 10).

күрүне=ниң	хөй=ниити=ниң	хайныышкынныг
государство=GEN	общество=GEN	кипучий
ажыл=ы=н=га	шүлүкчү=нүң	идепкейлиг
работа=POSS/3=INFIX=DAT	писатель=GEN	активный
киржилге=зи	ооң	чогаадыкчы
участие=POSS/3=NOM	его	творческий
		ажыл=ы=ның
		работа=POSS/3=GEN

тематика=зы=н байы=т=кан
тематика=POSS/3=ACC обогатить=CAUS=PAST/3

‘Активное участие поэта в кипучей государственной и общественной работе обогатило тематику его творческой работы’.

(13) *Тоолчургу чугаалар фантазияга, а чамдыкта шажынчы бодалдарга үндезиленип тывылган* (ТЛ, 13).

тоолчургу.чугаа=лар=Ø фантазия=га а чамдыкта
легенда=PL=NOM фантазия=DAT а иногда
шажынчы бодал=дар=га {үндезиле=п тыв=ыл=ган}
религиозный идея=PL=DAT {основывать=CV AUX=RFL=PAST/3}

‘Легенды появились на основе фантазии, а в некоторых случаях – религиозных идей’.

В публицистике форма на =ган/=баан используется для передачи неопровержимых фактов и придания речи говорящего (пишущего) значения достоверности и информативности:

(14) *Республиканың уруглар эмнелгезиниң конференц-залына Педиатрлар ниитилелиниң хуралын эрттирген. Тыва Республиканың педиатриясын хөгжүдөр чугула айтырыгларны аңаа сайгарган* (ОПРТ).

республика=ның уруг=лар эмнелге=зи=ниң
республика=GEN дети=PL=NOM больница=POSS/3=GEN
конференц=зал=ы=н=га педиатр=лар=Ø
ниитилел=и=ниң
конференц=зал=POSS/3=INFIX=DAT педиатр=PL=NOM
общество=POSS/3=GEN
хурал=ын эрт=тир=ген Тыва=Ø
республика=ның
собрание=ACC проводить=CAUS=PAST/3 Тыва=NOM
республика=GEN
педиатрия=зы=н хөгжү=д=ер чугула
айтырыг=лар=ны
педиатрия=POSS/3=ACC развивать=CAUS=PF важный
вопрос=PL=ACC
аңаа сайгар=ган
там обсуждать=PAST/3

‘В конференц-зале Республиканской детской больницы было проведено собрание Общества педиатров. Там обсуждались важные вопросы развития педиатрии Республики Тыва’.

Значение временной дистанции совершения действия от момента речи, которое в нынешнем состоянии семантического развития формы на =ган в

тувинском языке не является основным, актуализируется при ее сочетаниях с временными конкретизаторами. И, в отличие от других форм прошедшего времени, она может выражать значение «отдаленных» и «сверхотдаленных», действий, а также настолько отдаленных, что трудно определить давность их совершения. В последнем случае форма на =ган обычно выступает в сочетании с темпоральными конкретизаторами временной неопределенности *кажанишагда* (букв. в когдашнее время), *кайышагда* (букв. в которое время), *биршагда* (букв. в одно время), *кажанбиршагда* (букв. в когдашнее одно время) и демонстрирует значение неопределённо далекого времени (см. об этом подробнее в [10, с. 293–294]).

Форма на =ган может выражать вневременное действие как констатацию неопровержимого факта наличия некоторого положения дел действительности, актуального и достоверного вне зависимости от времени. Это значение проявляется в ее употреблении в:

- художественной литературе при описаниях субъектов-природных объектов, действие которых проявляется как характеризующее его свойство (пример 15), или когда речь идет при описаниях признаков, свойств, характеристик (примеры 16):

(15) *Күчүлүг маадыр Улуг-Хем бодунуң эгезин Тываның девискээринден алган* (ОС, КС, 5).

күчүлүг	маадыр=Ø	Улуг=Хем=Ø	бод=у=нуң
сильный	богатырь=NOM	Улуг-Хем=NOM	сам=POSS/3=GEN
эге=зи=н		Тыва=ның	девискээр=и=н=ден
начало=POSS/3=ACC	Тыва=GEN	территория=POSS/3=INFIX=ABL	
ал=ган			
получить=PAST/3			

‘Сильнейший богатырь Енисей берет свое начало из территории Тувы’.

(16) *Деспектиң кедезинде куржаңгылыг кара хая хем өрү шөйлү берген* (ЭД, КШ, 22).

деспек=тиң	кеде=зи=н=де	куржаңгылыг
кара		
горный.луг=GEN	край=POSS/3=INFIX=LOC	полосатый
черный		
хая=Ø	хем=Ø	өрү {шөй=л=ү
бер=ген}		
скала=NOM	река=NOM	вверх {протянуться=RFL=CV
AUX=PAST/3}		

‘На дальнем краю горного луга протянулась полосатая черная скала’.

- научно-техническом описании:

(17) *Херээжен кижии ыдыктыг бедик челерже үнмес деп чурум бурунгу тоолчургу чугаалардан укталган* (ЗС, Ш. №9, 2014, 3).

херээжен=Ø кижиге=Ø ыдыктыг бедик
 чер=лер=же женщина=NOM человек=NOM священный высокий
 место=PL=LAT

үн=мес деп чурум=Ø бурунгу
 подниматься=NEG.FUT₁/3 CONJ обычай=NOM древний
 тоолчургу.чугаа=лар=дан уктал=ган
 легенда=PL=ABL брать.начало=PST/3

‘Обычай не восходить женщине на священные высокие места берет свое начало из древних легенд’.

(18) *Бо чинге провод кабельге коштунган.*

бо чинге провод=Ø кабель=ге коштун=ган
 этот тонкий провод=NOM кабель=DAT присоединяться=PST/3
 ‘Этот тонкий провод присоединен к кабелю’.

Таким образом, семантический объем формы на =ган в тувинском языке – ее способность широко передавать фактологичность действия в реальности, обуславливает ее использование в самом широком спектре как в речи, так и в тексте разных жанров и стилей. Обозначение формой на =ган вневременного действия показывает переходный этап развития данной формы из причастной во временную. И здесь особенно четко просматривается ее причастное происхождение из древнего вневременного причастия, выражавшего «действие длящееся, а также обычное и постоянное» [6, с. 420]. В результате его развития современные тюркские языки получили форму прошедшего времени в кыпчакских языках и форму настоящего времени в других. И. В. Кормушин об этом пишет следующее: «...вневременное причастие на -уан могло при выработке временного значения развиться в разных направлениях, что в действительности и имело место в различных частях тюркской языковой области. В той части ее, которой наследовали кыпчакские языки, форма на -уан развила значение прошедшего времени, в остальной же части тюркской языковой области форма на -уан выработала презентные значения» [6, с. 421].

Примечательно использование формы на =ган в детской речи для выражения воображаемого действия во время сюжетно-ролевых игр. Она используется для выражения действий в выдуманной, фантазийной реальности («реальной нереальности» [1, с. 285]). В этой параллельной детской реальности она выполняет функцию настоящего времени. Произнося фразы, содержащие глаголы в данной форме, дети одновременно «выполняют» воображаемые действия:

(19) *Авай, мен аъттыг аңнап чорупкан мен. Боом база ап алган мен, көр даан.*

авай мен=Ø аъттыг {аңна=п
 чор=упк=ан мен}

мама=VOC я=NOM верхом {охотиться=CV₂ AUX=PFV=PP
 1}
 боо=м=Ø база {а=п ал=ган мен}
 ружье=POSS/1=NOM тоже {взять=CV₂ AUX=PP 1}
 көр=Ø даан
 смотри=IMP/2SG MOD.PRTCL

‘Мама, я поехал верхом на охоту. Я и ружье взял, посмотри’.

В этой функции форма на =ган/=баан может выступать в сочетании с частицей *че* ‘ну-ка, давай’, которая является призывом адресату принять воображаемую игровую реальность говорящего («как будто», «понарошку») и своего рода договоренностью между играющими о принятии воображаемой реальности. Данная частица во фразе занимает постпозицию, но ее значение относится ко всей фразе:

(20) *Мээн уруум аарый берген, бис эмчиге барган бис че.*
 мэ=эн уруу=м=Ø {аары=й бер=ген}
 бис=Ø
 я=GEN дочь=POSS/1=NOM {болеть=CV₁ AUX=PAST/3}
 мы=NOM
 эмчи=ге бар=ган бис че
 доктор=DAT идти=PP 1 MOD.PRTCL

‘У меня дочка заболела, мы пошли к доктору (давай будет так)’.

(21) *Бис автобуста Москва чорупкан бис. Пушокту албаан бис, че.*
 бис=Ø автобус=та Москва=Ø чору=пк=ан
 бис
 мы=NOM автобус=LOC Москва=NOM идти=PFV=PAST₂ 1
 Пушок=ту ал=ба=ан бис че
 Пушок=ACC взять=NEG=PAST 1 MOD.PRTCL

‘Мы на автобусе поехали в Москву. Давай (будет так, что) Пушка (кличка кота) мы не взяли’.

Воображаемая реальность сюжетно-ролевых игр является теоретически вполне реализуемой: тут присутствует желание детей, чтобы те или иные желаемые действия стали реальностью (желание быть доктором и «лечить» игрушки, которые «болеют»; желание поехать в Москву на автобусе, без кота, который никак не усидит на «сиденье» «автобуса», поэтому было решено его не брать в поездку). Поэтому использование в игре формы на =ган понимается нами как стремление говорящего представить нереальность как достоверная реальность.

В сочетании с частицей *-дыр* форма на =ганв современном тувинском языке регулярно передает значения адмиратива и пересказывательности, постепенно занимая позиции формы на =п-тыр, которая постепенно утрачивается в живой

речи, оставаясь лишь в текстах эпического жанра больше как штамп пересказывания, при этом все больше теряя свое внутреннее содержание «говорят, рассказывают, что/будто...».

Полифункциональная форма на =ган-дыр является средством передачи чужой речи и в разговорной речи, и в эпическом и художественном дискурсах, а также употребляется как адмиративная форма, полностью покрывая функции формы на =п-тыр. Рассмотрим примеры:

(22) *Аспан холун көдүрүп чорда, чанында олурган Дуруяа «ток» кылдыр чандыр соктаарга, Аспан ынаар сыг кылдыр халый берген-дир* (ИБ, ДМ, 34).

Аспан=Ø хол=у=н {көдүр=үп чор=да}
чанында

Кобылка=NOM рука=POSS/3=ACC {поднять=CV AUX=LOC}
рядом

олур=ган Дуруяа=Ø «ток» кылдыр чандырсокта=ар=га
сидеть=PP Журавль=NOM «тук» так мимо

стукать=PF=DAT

Аспан=Ø ынаар сыг.кылдыр {халы=й бер=ген=дир}

Кобыла=NOM туда очень.быстро {бежать=CV AUX=PST/3=PTCL}

‘Когда Кобылка (насекомое) хотела поднять руку, Журавль, сидевший рядом, стукнул и промахнулся, Кобылка очень быстро туда убежала’.

(23) *Номчуттунупчыткаш, удупкалган-дыр мен*

{номчу=т=гун=уп чыт=каш} {уду=п кал=ган-дыр}
мен

{читать=CAUS=PEC=CV AUX=CV} {спать=CV AUX=PST-PTCL}
1SG

‘Пока читал, оказывается, я уснул’

(24) *Номчуттунупчыткаш, удупкаап-тырмен*

{номчу=т=гун=уп чыт=каш} {уду=п ка=ап-тыр}
мен

{читать=CAUS=PEC=CV AUX=CV} {спать=CV AUX=PST-PTCL}
1SG

‘Пока читал, оказывается, я уснул’

Таким образом, форма на =ган выступает основной формой прошедшего времени, которая маркирует значение фактологической достоверности, поэтому употребляется в описании и перечислении непроверяемых фактов высокой достоверности; эта форма способна передавать значение перфекта, а также вневременного действия как в высшей степени объективно достоверных фактов. Значение временной дистанции для формы на =ган не является основным, оно актуализируется при ее сочетаниях с временными конкретизаторами. Ее

семантикой обусловлено и ее употребление в публицистике, текстах научного стиля, а также в художественной литературе и речи.

II. Семантика формы на =*быт* в якутском языке

Форма на =*мыи*, характерная для огузских, преимущественно западных тюркских языков, широко функционирует в сибирском ареале в якутском языке в звуковом облике =*быт*. Она является наследием орхонских памятников, с которыми якутский язык обнаруживает параллели (см. об этом в [5; 13, с. 24; 16, с. 213–214]). Форма на =*быт* в системе якутского глагола и следующие основные функции:

1. В составе сложных временных форм участвует в выражении значения прошедшего времени с дополнительными оттенками значений:

1) форма на =*быт* в сочетании с показателями лица, восходящими к аффиксам принадлежности передает значение достоверности и определяется как показатель прежде прошедшего повествовательного времени. [5, с. 78–81; 2, с. 20]. Отмечается преимущественное ее употребление в повествовании для рассказа о событиях, реально имевших место в сравнительно давнем времени [5]: (25) *Мин Москваҕа 1939 сыллаахха сылдьыбытым* ‘Я был в Москве в 1939 году’ (5: 78);

В сочетании с частицей пересказывания *үһү* она употребляется в языке эпического фольклора (сказок) в качестве одной из средств косвенной модальности (пересказывательности) [13; 5, с. 79; 4, с. 75]: (26) *Оҕонньордоох эмээхсин олоҕорбуттара эбитэ үһү* ‘Говорят, жили-были старик со старухой’ (5, с. 79).

2) форма на =*быт* с аффиксами сказуемости выражает результативность, заглазность и незасвидетельствованность является показателем прошедшего результативного времени [5, с. 84; 2, с. 21–22]. При употреблении этой формы, как отмечает Н.Н. Ефремов, «говорящий наблюдает не само действие, а только его результат (следствие), акцентируя свое внимание на последнем», что указывает также на наличие в семантике данной формы миративного значения. Поэтому эта форма служит одним из средств выражения косвенной засвидетельствованности и миративности [4: 95–96]. Например: (27) *[Быһаҕы] эргим-ургум тутан көрбүт. Ол көрбүтэ үс үөстээх, угар муос бастынгалаах сүрдээх сытыы баҕайы быһах буолан биэрбит* (МНН 129) ‘[Нож] он осмотрел со всех сторон. Когда посмотрел, оказалось, что это был очень острый нож с тремя седцевинами, с головкой из рога на рукоятке’ (пример взят из [4, с. 96]).

Данная форма времени употребляется преимущественно в 3-м лице в повествовании в нарративе и особенно в фольклоре как форма повествования и пересказывания, сближаясь со структурами с *үһү* [4, с. 98, 99]. Форма на =*быт* входит в состав адмиративной частицы *эбит* ‘оказывается’, которая в сочетании с

другими глагольными формами служит средством передачи значений косвенной засвидетельствованности, адмиратива и эмоциональности [4, с. 102 – 105].

3) форма на =*быт* входит в состав сложных форм «прошедшего эпизодического времени» (=быт + =лаах + афф. сказуемости; =быт + афф. принадлежности + имя баар), которые выражают прошлые действия случайного эпизодического, нерегулярного, иногда однократного характера: (28) Уонча сыллаабыта эмиэ биир дуолан айдаан буолбуттаах ‘Лет десять тому назад имел место один грандиозный скандал’ (АА КСХ 241) [5, с. 101].

4) в сочетании со вспомогательным глаголом буол=образует аналитическую конструкцию=быт буол=, которая служит базой для аналитических форм прошедшего результативного времени с различными модальными оттенками [15, с. 372–374].

При сопоставлении рассмотренных форм – формы на =ган в тувинском языке и синтетических форм прошедшего времени, образованных на базе формы на =быт в якутском языке обнаруживаются общие семантические компоненты (см. Таблицу 1), по которым можно судить что форма на =быт с показателями лица, восходящим к аффиксам принадлежности, более близка к форме на =ган, тогда как форма на =быт с аффиксами сказуемости более выражает эвиденциальную и миративную семантику – неожиданно обнаруженный говорящим результат действия. Все три формы объединяет их способность передавать значение результата.

Таблица 1.

Семантические компоненты формы прошедшего времени на =ган в тувинском языке и синтетических показателей прошедшего времени, образованных на базе формы =быт в якутском языке.

Семантические компоненты	=ган	=быт (с показ. лица)	=быт (с афф. сказуемости)
достоверность	+	+	-
результативность	+	+	+
временная дистанция	+	+	-
прошедшее время	+	+	-
вневременность	+	-	-
воображаемое настоящее время	+	-	-
косвенная засвидетельствованность	-	-	+
миратив	-	-	+

Значение косвенной засвидетельствованности и миративности выражает в тувинском языке сочетание формы на =ган с частицей -тыр, которая в современном языке все более вытесняет с этих позиций более раннюю форму на =п-тыр. В якутском языке данные значения передает сочетание формы на =быт с показателями лица, восходящим к аффиксам принадлежности с частицей үһү (см. Таблицу 2).

Семантика сочетаний с частицами формы прошедшего времени на =ган в тувинском языке и формы =быт (с показателями лица) в якутском языке.

Семантика	=ган-дыр	=быт (с показ. лица) уһу
миратив	+	-
косвенная засвидетельствованность (пересказывательность)	+	+

Последнее сочетание с одной стороны, структурно и семантически также сближается с тувинской формой на =ган-дыр, с другой – семантически – с формой на =быт с аффиксами сказуемости.

Литература

1. Баркан А. Практическая психология или как научиться понимать своего ребенка. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2000. – 432 с.
2. Данилова Н.И. Глагольные формы с временным значением в якутском языке // Функционально-семантические категории в якутском языке: грамматическая и лексическая база. Якутск, 2017. – С. 8–25.
3. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 275 с.
4. Ефремов Н.Н. Категория эвиденциальности в якутском языке // Функционально-семантические категории в якутском языке. Каузативность, эвиденциальность, итеративность. – Новосибирск: Наука, 2013. – С. 72–177.
5. Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. – М.: Наука, 1970. — 308 с.
6. Кормушин И.В. Категория времени // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М.: Наука, 1988. – С. 368–423.
7. Монгуш Д.А. Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в тувинском языке. Кызыл, 1963. – 164 с.
8. Озюнова А.А. Модальные аналитические конструкции // Грамматика современного алтайского языка. Морфология. (Отв. ред. И. А. Невская). – Горно-Алтайск, 2017. С. 299–326.
9. Ооржак Б.Ч. Временная система тувинского языка. – М.: ЯСК. 2014. – 174 с.
10. Ооржак Б.Ч. Прошедшее в системе временных представлений Мир науки, культуры, образования. №1 (50). Барнаул: Концепт, 2015 г. – С. 292–294.
11. Серебренников Б.А. Система времен татарского глагола. Казань: Изд-во Каз. унив-та, 1963. – 76 с.
12. Серебренников Б.А., Бирюкович Р.М. Некоторые особенности исторического развития перфекта в тюркских языках // Сов.тюркология. – №2. – Баку, 1981. – С. 3–12.
13. Убрятова Е.И. Историческая грамматика якутского языка. Якутск, 1985. – 60 с.
14. Убрятова Е.И. Избранные труды. Исследования по тюркским языкам. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2011. – 282 с.
15. Филиппов Г.Г. Причастия якутского языка: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование. – Якутск, 2014. – 607 с.
16. Широбокова Н.Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Сибири. – Новосибирск: Наука, 2005. – 268 с.

Источники

- ЗС, Ш– Самдан З. Шын (газета).
ЛЧ, ЧЧ – Чадамба Л. Чогаалдар чыындызы. – Кызыл: Тув. книж. изд-во, 1978. – 302 с.
МЭ, ӨЧ – Эргеп М. Өдүгенде чайлаг. – Кызыл: Тув. книж. изд-во, 1994. – 128 с.
ОПРТ–Официальный портал Республики Тыва.<http://palata.rtyva.ru/>
ОС, КС – Саган-оол О. Жежиктиг сылдыс. – Кызыл: Тув. книж. изд-во, 1965. – 115 с.
ТЛ–Тыва литература. – Кызыл: Тув. книж. изд-во, 1978. – 102 с.
ЭД, КШ – Донгак Э. Кулузун-Шынаазы чурттуг оолдар. – Кызыл: Тув. книж. изд-во, 2006. – 77 с.
ЭД, ЭХ – Донгак Э. Эрги хонаштар. – Кызыл: Тув. книж. изд-во, 1983. – 304 с.
ЮД – Дарбаа Ю. Тыва дугайында 99 айтырыга харыы. – Кызыл: Тув. книж. изд-во, 2000. – 141 с.

Обозначения грамматических значений в глоссах:

1, 2, 3 – лицо, ABL – исходный падеж, ACC – винительный падеж, AUX – вспомогательный глагол, CAUS – понудительный залог, CONJ – связка, CV – деепричастие, DAT – дательный падеж, FUT – форма будущего времени, GEN – родительный падеж, LAT– направительный падеж, LOC– местный падеж, MOD.PRTCL– модальная частица, NEG– отрицательная форма, NOM– основной падеж, PAST – форма прошедшего времени, PFV– законченный вид, PL– множественное число, POSS– посессивность, POSSV– форма обладания, PF– причастие будущего времени, PP– причастие прошедшего времени, PR–форма настоящего времени, PTCL– частица, RFL– возвратный залог, SG– единственное число.

Н.И. Винокурова
ИГИИ ПМНС СО РАН

Использование якутских модальных частиц в русскоязычном интернет-общении

В последнее время с развитием интернет-технологий общение между людьми все чаще происходит в виртуальном пространстве. Одной из особенностей виртуального общения на форумах и в чатах является краткость и смысловая сжатость сообщения. Кроме того, обзор якутских интернет-ресурсов, на которых общаются русско-якутские билингвы, показывает, что часто наблюдается переключение кодов, когда попеременно используются элементы русского и якутского языков в рамках одного предложения. В данной статье будут рассмотрены три частицы *эбит*, *уһу*, *энин*, которые нередко вставляются в предложения, составленные полностью на русском языке. Первые две передают значение эвиденциальности, последняя используется для обобщения перечисляемых предметов или действий.

Под эвиденциальностью понимается эксплицитное указание на источник сведений говорящего относительно сообщаемой им ситуации [4, с. 321]. Грамматическая категория эвиденциальности представляет собой неоднородный набор разноуровневых средств выражения – морфологических, лексических и синтаксических. Согласно Всемирному атласу языковых структур, в русском языке отсутствует морфологическое кодирование данной категории, тогда как в якутском эвиденциальность является частью видо-временной системы глагольных форм. В частности, якутские частицы, выражающие категорию эвиденциальности, нередко вставляются в сообщения, написанные на русском языке, на основе чего можно предположить, что у билингвов в процессе переключения кодов происходит взаимодействие категорий эвиденциальности из двух разноструктурных языков. На первый взгляд можно сказать, что сама природа эвиденциальности способствует тому, что русскоязычные предложения получают окончательное обрамление в виде эвиденциальных частиц *эбит* и *үһү*, поскольку данная грамматическая категория проявляется в виде формы непричастности говорящего к тому действию, о котором он сообщает, и внутренней отгороженности от констатируемого факта.

Эвиденциальность русского языка изучена очень детально, этой категории посвящено множество трудов. Но в последнее время, с распространением интернет-коммуникаций происходит частое употребление, перенос в разговорный язык слов из другого языка. Этот процесс получил название «code-switching», что переводится как «переключение кодов» и определяется как попеременное использование элементов двух или более языков в рамках одного коммуникативного акта более или менее двуязычным говорящим [5, с. 123]

В русском языке эвиденциальность не имеет грамматического выражения, а представляется в основном, лексико-синтаксическими средствами – например, такими вводными синтаксическими оборотами, как «я видел»; «говорят»; «оказывается». Говорящие по-русски указывают на источник сведений о ситуации только в том случае, если эта информация представляется им необходимой: например, если говорящий хочет подчеркнуть, что он лично наблюдал описываемое событие или наоборот, если говорящий хочет снять с себя ответственность за достоверность сообщаемой информации [2, с. 49-50].

В якутском языке категория эвиденциальности выражается совмещенными и специализированными средствами. Совмещенные средства – это временные формы наклонений глагола, в первую очередь изъявительного. В качестве специализированных средств выступают синтетико-аналитические формы, то есть глагольные и причастные формы в сочетании с определенными эвиденциальными частицами *үһү*, *сурахтааҕа* ‘говорят’. В данной работе рассмотрено употребление первой частицы *үһү*, которая образована от архаичного имени *өс* ‘слово’, ‘речь’ посредством формы принадлежности третьего лица, единственного или

множественного числа [1, с. 330; 4, с. 146]. Например: *Кини эрдэ барбыт үһү* «Говорят, он рано ушел»; *Ол кизһээ ардах түспүт үһү* «Говорят, в тот вечер шел дождь». Говорящий не уверен в точности сведений, это может быть и недостоверной информацией. Но при этом формами с «үһү» может выражаться и достоверная информация.

Формы на *-быт/-быт эбит*, снабженные аффиксом сказуемости, выступают в функции перфекта, который описывает результат совершенного действия [1, с. 330]. Потому такая форма употребляется и для выражения косвенной засвидетельствованности: *Дьонум кэлбиттэр / кэлбиттэр эбит* «Мои родные приехали, оказывается». Говорящий передает информацию о приезде родственников не как свидетель этого события, а описывает по его результату или узнав об этом у других.

В общении через социальные сети пользователи часто используют формы «үһү» и «эбит» предложениях.

Например:

(1) Марина к тебе едет *үһү*.

(2) Наш парикмахер посоветовал, говорит в основном все парикмахеры там покупают *үһү*.

(3) Даже не легкой степени, а уже средней *үһү*.

(4) Может быть посмотрим, началось *үһү*.

(5) Они давно встречаются *үһү*.

Используя форму «үһү» в русскоязычных предложениях, пользователь показывает, что не является фактическим источником информации, и таким образом снимает с себя ответственность за возможную недостоверность.

(6) В парке проходит ярмарка *эбит*.

(7) А то в некоторых местах нету *эбит* дии.

(8) Молодец какой до сих пор занимается *эбит*.

(9) Работа совершенно не готова *эбит*.

(10) Такси в 8 часов *эбит*, ты успеешь?

В предложениях с 6 по 10 показаны примеры употребления частицы «эбит» в предложениях пользователями Сети. Таким образом, пользователи выражают свидетельство надежности информации полученной от третьей стороны.

Третья обсуждаемая частица *эгин* ‘всякое’, ‘разное’ может примыкать к именам и глаголам и выражает “обобщение путем присоединения к названному предмету других, ему подобных”[4, с. 224-225]. В Сети используется фонетический вариант *игин*, поскольку оригинальная частица *эгин* содержит символ “н”, усложняющий печатание. В литературном языке, в газетных публикациях *игин* совсем не встречается. Таким образом, частица *эгин* была преобразован в *игин* интернет-сообществом ради удобства общения. В качестве расширения функции обобщения к значению этой частицы добавилось также и

значение приблизительного количества, которое видно в примерах с числительными, приведенными ниже. Следующие примеры показывают употребление частицы "игин" в сообщениях интернет-пользователей.

(11) Ты где сегодня будешь или завтра в обед *игин*?

(12) Через 30 *игин* минут буду готова

(13) 4 гигабайтов флешки *игин* хватит

В примерах 11-13 речь идет об уточнении времени и размера. Во втором и третьем примерах говорящий использует *игин* с числительными, указывая на приблизительное количество.

(14) Скидки на билеты в Таиланд *игин* не действуют, только по России.

(15) Кроссовки *игин* заказали, спортивные брюки *игин* недавно.

(16) Чем отличаются, например, американо от капучино *игин*?

(17) В автоматы *игин* все равно не умеет играть.

(18) Статусы *игин* появились в ватсапе, оказывается.

(19) Времени нету, книги *игин* читать, фильмы смотреть.

(20) Погода *игин*, как будто говорит выезжайте на природу.

(21) С собой возьмем теплую одежду, еду, напитки *игин*, тогда холод нам не страшен.

(22) На мастер-класс ходили, как макарены, капкейки *игин* делать учили.

(23) Документы приготовь, полис *игин* не забудь.

(24) 2 *игин* штуки хватит, надеюсь.

(25) Черного *игин* цвета подойдет?

Из всего этого можно заключить, что из-за отсутствия в русском языке грамматического выражения эвиденциальности или обобщения (данные значения выражаются с помощью перифрастических словосочетаний), пользователи употребляют якутские формы выражения данных категорий. Подобное смешение кодов стало отличительной чертой региональных интернет-ресурсов коммуникации.

Литература

1. Ефремов Н.Н. Эвиденциальность в тюрских языках (на материале якутского языка). – Теория и практика общественного развития. Научный журнал. Серия: Филологические науки. – № 4. – 2011. – С. 329-331.

2. Каксин А.Д. Категория эвиденциальности и средства ее выражения (на примере русского и обско-угорских языков). – Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С.Пушкина. Научный журнал. Серия: Филология. – № 2 (10). – СПб., 2008. – С.47-59.

3. Петров Н.Е. Частицы в якутском языке. – Якутск: кн. изд-во, 1978. – 300 с.

4. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. — М.: Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.

5. Проценко Е.А. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике. Вестник Воронежского государственного университета. Научный журнал. Серия "Лингвистика и межкультурная коммуникация". – Воронеж, 2004. – № 1. – С. 123-127.

Краткая характеристика отглагольных имен на *-ыы* якутского языка

В тюркологии научное исследование словообразования как отдельного раздела языкознания начинается с середины XIX века. Вопросы словообразования освещаются в общих трудах по грамматике, также в специальных монографиях, как труды Э.В. Севортяна, где делаются глубокие экскурсы в истории аффиксального именного словообразования в тюркских языках [9, 10]. По словообразованию в якутском языке имеются целая диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Именное словообразование в якутском языке» (1953 г.) и другие работы Н.К. Антонова [1, 2]. Также эта тема рассматривается в Грамматике современного якутского литературного языка (1982 г.), в известных трудах О.Н. Бетлингга [3], Л.Н. Харитоновой [17, 18] и др. В работах д.ф.н. Е.И. Оконешникова словообразование рассматривается как один из методов терминообразования в якутском языке [6]. Процессы изменения норм словоупотребления на примере аффиксальных новообразований и функциональное развитие терминов в историческом аспекте исследованы ведущим лексикографом, д.ф.н., проф. П.А. Слепцовым. В настоящее время его научные работы по языковой политике РС(Я), по терминологии являются основным источником для изучения аффиксального именного словообразования в якутском языке: «Процессы изменения норм словоупотребления. Об аффиксальных новообразованиях» [12], «Вопросы терминологии» [11, с. 134], «Основные процессы развития лексики якутского литературного языка» [8, с. 53], а также многочисленные научные и научно-популярные статьи и т.д. Пути образования и развития глагольно-именных частей речи, в том числе отглагольных имен существительных в якутском языке исследованы профессором Г.Г. Филипповым [14, 15, 16].

Словообразующий показатель *-ыы* (*-иш*, *-уу*, *-үү*) имеется почти во всех тюркских языках. В башкирском (*-ыш*, *-иш*, *-ош*, *-өш*, *-и*), гагаузском (*-ыш*, *-иш*, *-уш*, *уш*), татарском (*-ыш*, *-еш*), казахском (*-ыс*), уйгурском (*-иш*, *-иш*, *-уш*, *-үш*), узбекском (*-иш*), ойротском (*-у*, *-у*), в киргизском (*-уу*, *-оо*) языках он является производительным, а в турецком (*-и*, *-и*, *-и*, *-и* (<*ig/ -ik*>)) он относится к малопродуктивным. А в древнетюркских языках форма *-ыы* соответствует *-йү*, *-ig* (*-уү*, *-üg*): *bilig* ‘знание’ (*bil-* ‘знать’), *bariү* ‘ходьба, отправление’ (*bar-* ‘идти, отправляться’), *kelig* ‘приход’ (*kel-* ‘приходить’) и т.д. [10, с. 72].

Обнаружено, что формант *-ыы* встречается в якутском языке не только в составе отглагольных имен, но и в составе сказуемого. Форма *кун тахсыыта*, *тыал туһуутэ* внешне похожи на отглагольные имена с аффиксом принадлежности на *-та*. Но это глагольные сказуемые, согласованные в лице со своим подлежащим и соотнесенные во времени со сказуемым главного

предложения. Предикативное отношение внутри оборота и его подчинение главному предложению выражает аффикс *-та* – стяженный аффикс местного падежа лично-притяжательного склонения для третьего лица единственного числа на *-тына*. Сам же оборот пережиточно сохранившаяся конструкция с древним причастием на *-ыы*[^]-ыз, превратившемся позднее в имя существительное [13, с. 58].

Также в якутском языке существует форма *барыым* ‘пойду-ка я’, *барымым* ‘не пойду-ка я’, которые вошли в парадигму, составившуюся из форм разного происхождения повелительного наклонения настоящего времени [13, с. 58]. Как и основа утвердительного наклонения, они относятся к числу глагольных форм и в сознании говорящих никак не связываются ни с глагольным именем на *-ыы*, ни между собой. Но исторически они относятся к разным случаям употребления причастия на *-ыы*, одним из рудиментов которого является оборот с формой на *-ыыта* [17, с. 186]. Также в словарях Э.К. Пекарского, П.А. Ойунского встречаются имена, образованные от глаголов на *-лаа*, т.е. на гласный звук. Например, в Словаре якутского языка Пекарский приводит очень много примеров имен на *-ыы* от глаголов на гласный: *оболуу* ‘ухаживание за ребенком, нянчение’, *таптыы* ‘любовь’, *ункуулуу* ‘танец’ и т.д. [7]. Е.И. Убрятова такие имена называет омонимичными формами с деепричастиями, т.к. от глагольных основ на гласный образуются так называемые слитные деепричастия [13, с. 59].

Отглагольные имена на *-ыы* представляют гибридную категорию, совмещающую в себе именные и глагольные свойства, поэтому в лингвистике нет единства взглядов в понимании данного явления: определение терминов “глагольное имя”, “масдары”, “субстантивные формы от глагола”, “причастие”, “имя действия”, “отглагольное существительное”, “дериваты” и выявление разницы между ними до сих пор представляет основную проблему словообразования. Отглагольные имена на *-ыы* чаще всего не переводятся на русский язык, обозначаются пометкой “имя действия”, которая, в свою очередь, представляет семантический тип отглагольных существительных со значением «процессуальности». Считалось, что аффикс просто приставляется к основам, оканчивающимся на согласный звук и ни чем семантически не отличается от аффикса имен действия на *-ааһын*. Однако по сравнению с аффиксом *-ааһын*, который обладает аналогичным значением, *-ыы* выполняет несколько иную функцию. Аффикс *-ааһын* образует имя продолжающегося действия, а *-ыы* – общее название имени действия. Если сравнить *барыы* и *барааһын*, то оба примера имеют значение ‘уход’, но любому носителю языка понятно семантическое отличие между ними. В связи с этим фактом, в якутском языке требуется исследование имен действий в функционально-семантическом аспекте. Имена на *-ыы* в зависимости от контекста могут иметь самые разнообразные значения, для выявления которых требуется функционально-семантическое исследование.

Например, рассмотрим имя действия *тахсыы*, образованное от глагола *табыс* ‘выходить, выезжать, исходить, подниматься и т.д.’. Исходя из многочисленных значений основы, имя *тахсыы* соответственно имеет ряд значений, исходящих от контекста ‘выход, выезд, исход, восход, отставка, подъем, выпуск, восходы’. Помимо этого, оно функционирует в следующих трансформациях: *өрө тахсыы* ‘подъем’; *көтөн тахсыы* ‘вылет, взлет’; *ойон тахсыы* ‘перепрыгивание’; *төттөрү тахсыы* ‘извержение’; *ойох тахсыы* ‘замужество’ и т.д.

Заметное расширение словопроизводственной базы аффикса *-ыы* происходит за счет залоговых форм глагола, т.к. категория залога является фактором, влияющим на словообразовательные возможности глагола. Об этом было отмечено у лексикографа П.А. Слепцова: «Залоговые формы являются весьма «лексичными», они привносят в общую глагольную семантику различные словообразовательные значения» [12, с. 108-109]. Залоговые аффиксы (*-с, -лын, -тар, -н*) несут в себе конкретизирующую, уточняющую роль при образовании имен действий, процессов, образованных при помощи продуктивных аффиксов. Например, рассмотрим имя действия *тардыы* (от глагола *тарт* ‘тянуть’), которое имеет значения:

1. Воз, который тянет упряжный скот;
2. Тяговые возможности упряжного скота;
3. Бассейн реки и озера;
4. Налог;
5. Тяга в печи;
6. Обмотка пятки косы из тонкой железной полоски;
7. Ковка в тонкую пластину;
8. Протяжность звука в пении и т.д. [БТСЯЯ X 2013, с. 261-262].

Далее смотрим, какие разные по смыслу лексемы получаются за счет залоговых аффиксов – образуются: *тардыныы* ‘подтягивание’ (*Бэйэ бодотун тардыныы* ‘Самодисциплина’; *Перекладинаба тардыныы* ‘Подтягивание на перекладине’), *тардыһыы* ‘перетягивание’ (*Мас тардыһыыта буола турар* ‘Идет состязание по перетягиванию палки’), *тардыллыы* ‘задержка’ (*Улахан тардыллыы буолла* ‘Случилась большая задержка; сильно опоздали’), *тардыстыы* ‘тяга’ (*Кини дьэитигэр-уотугар тардыстыыта күүстээх* ‘Его тяга к дому сильная’), *тардылалаһыы* ‘спор, препирательство’ (*Куоластааһын кэнниттэн улахан тардылалаһыы буолла* ‘После голосования начались препирательства’), *тартарыы* ‘крепление, растяжка; судороги, лихорадка’ (*Сирэйи тартарыы* ‘растяжка лица’; *Урдүк температура түмүгэр тартарыы* ‘Судороги на фоне высокой температуры’), *тардыалатыы* ‘заикание’ (*Тардыалатыы – эмиз туспа ыарыы* ‘Заикание это серьезное заболевание’) и т.д. Более того *тардыы* встречается в составе условных словесных комплексов:

тардыы ситимэ ‘принадлежность, притяжательность’, *тардыы категорията* ‘категория принадлежности’, *быһа тардыы* ‘отрывок’ и др.

Как видно, значение залога является не только «некоторым дополнением к лексическому значению первичной основы глагола», но и словообразующим источником. Залоговая форма показывает субъектно-объектные связи путем отношения действия к грамматическому субъекту с помощью особых форм глагола [18, с. 55]. Например, побудительный залог обозначает действие, побуждаемое грамматическим субъектом со стороны другого действующего лица. Действие совершается не первым субъектом, а другим деятелем, по отношению к которому первый является лишь лицом, побуждающим к совершению действия. А также значением побудительного залога является смысловой оттенок, связанный с действием, совершение которого по существу не побуждается грамматическим субъектом, а скорее допускается им поневоле [Там же, с. 55]. Аффиксы побудительного залога *-т*, *-тар* (*-лар*, *-дар*, *-нар*), *-ар* (*-эр*, *ор*, *-өр*), *-ыар* (*-иэр*, *-уор*, *-үөр*) имеют в таком случае словообразовательные значения. Например, *тутуу* ‘строение’ – *туттарыы* ‘вручение; закрепление’, *көрдөрүү* ‘прием’, *туруоруу* ‘постановка’, *таптарыы* ‘ранение’, *түһэртэрии* ‘аборт’ и т.д.

Возвратный залог образуется с помощью аффикса *-н* (*-ын*) и обозначает действие, направленное на самого производителя действия. Имя действия *туруу* ‘вставание’ с аффиксом возвратного залога и в сочетании *айаңна турунуу* будет обозначать ‘отправление в путь’. Имя действия *тутуу* ‘держание’ с аффиксом возвратного залога будет значить *туттунуу* ‘держаться (держание) себя в руках’. Имя действия *түһүү* ‘спад; падение’ – *түһүнүү* ‘старт’.

Страдательный залог образуется с помощью *-н* (*-ылын*) и обозначает действие, мыслимое как направленное на грамматический субъект извне. При этом логический субъект этого внешнего действия остается не указанным [18, с. 66]. Отмечаем, что аффикса страдательного залога глагола *-ылын* не отличается большими словообразовательными ресурсами. Данное явление можно объяснить слабой дифференцированностью страдательных и возвратных глаголов в якутском языке со стороны форм и значения. На примере можно взять, имя действия *табыы* ‘попадание’, которое в форме страдательного залога имеет значение *табыллыы* ‘успех’ и др.

Совместный залог образуется с помощью *-с* (*-ыс*) и обозначает совместно-взаимное действие. Глагол *көр* с аффиксом совместного залога в зависимости от контекста может иметь два значения – имени действия *көрсүү* ‘встреча’ и субъекта действия ‘любovníк; тот, с которым встречается кто-то’. Также приводим примеры: *түһүү* ‘падение’ – *түсүһүү* ‘схватки’, *түһэрии* ‘снижение’ – *түһэрсии* ‘снижение цены’, *көрдөһүү* ‘просьба’. В названиях процессов аффикс *-ыы* встречается тоже довольно часто, когда производное слово содержит в себе

аффикс совместного залога *-с*, например, *үтүрүйсүү* ‘толкотня’, *охсуһуу* ‘драка’ и т.д.

Также к глагольным основам приставляются по два и три залоговых аффикса, которые в словообразовательное значение производимого слова приносят свою определенную лепту: *тур-уор-с-уу* ‘требование’, *көр-дор-үн-үү* ‘медосмотр’, *тур-уор-ун-уу* ‘выдвигать свою кандидатуру на выборах, баллотироваться’ и т.д.

Развитие значения имен действия также осуществляется за счет формы принадлежности с аффиксом 3 лица *-та*, *-тэ*: *Ырыа сабаланытын өйдүүгүн дуо?* ‘Помнишь начало песни’. *Киинэ бүтүүтүн көрдүм* ‘Я посмотрел конец фильма’. Если рассмотреть, имя действия *сүтүүс* аффиксом принадлежности *-та*: *Оболор тагастарын сүтүүтүгэр кинини уорбалыыллар эбит*. ‘Оказывается, его подозревают в пропаже детских вещей!’, то видно, что имя действия с аффиксом принадлежности служит в сложноподчиненном предложении в качестве сказуемого в подчиненной части. Выходит, что имена действия в форме принадлежности выполняют больше роль глагола, чем имени.

В зависимости от контекста одно и то же отглагольное имя имеет статус и имени действия или же имени существительного. Например, от глагола *тиэй* ‘возить, перевозить что-либо’ образуется имя действия *тиэйии*: *Тутуу маһын тиэйии* ‘Перевозка бревен для строительства’. Также второе субстантивированное значение это единица измерения массы крупных предметов ‘воз (как мера)’: *Биир тиэйии от* ‘Один воз сена’.

Таким образом, имя на *-ыы* – это форма, которая находится на начальном этапе «превращения» причастия, то есть глагола, в существительное, поэтому в нем больше глагольных свойств, сохранились все видо-временные, залоговые признаки глагола. Оно даже может выступать в роли сказуемого придаточного предложения, не переходя в глагол. Но при этом имеет все признаки имени существительного, может служить определением или дополнением, не будучи прилагательным или именем существительным. Исследование имен с аффиксом *-ыы* в современном якутском языке в функционально-семантическом аспекте привело к выводу о том, что глагольно-именные гибридные категории имен функционируют в самых различных ипостасях. Надо правильно их использовать, самое главное, давать правильное толкование в словарях, учитывая функциональные особенности глагола.

Литература

1. Антонов Н.К. Именное словообразование в якутском языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. – Л., 1953. – 264 с.
2. Антонов Н.К. К вопросу о словообразовании имен в якутском языке // Уч. записки ЯФ ИЯЛИ. Вып. V. – Якутск, 1958.
3. Бетлингк О.Н. О языке якутов. – Новосибирск: Наука, 1990. – 645 с.
4. Большой толковый словарь якутского языка. Том X. – Новосибирск: Наука, 2012. – 626 с.

5. Грамматика современного якутского литературного языка. Ч. 1 «Фонетика. Морфология». – М.: Наука, 1982. – 496 с.
6. *Оконешников Е.И.* Лингвистические аспекты терминологии Саха. – Якутск, 2004. – 195 с.
7. *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. 2-е издание. Том I, II, III. – М., 1958
8. *Петров Н.Е., Слепцов П.А., Бараиков П.П.* Очерк развития якутского литературного языка в советскую эпоху. – Якутск, 1971. – 143с.
9. *Севортян Э.В.* Словообразование в тюркских языках // Исследования по грамматике тюркских языков. II. Морфология. – М., 1956. – С. 314-328
10. *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. – М., 1966. – 437 с.
11. *Слепцов П.А.* Якутский литературный язык: Истоки, становление норм. – Новосибирск: Наука, 1986. – 262 с.
12. *Слепцов П.А.* Якутский литературный язык: Формирование и развитие общенациональных норм. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 276.
13. *Убрятова Е.И.* Исследования по синтаксису якутского языка. Т. 2. Сложное предложение. Книга первая. – Новосибирск, 1976. – 214 с.
14. *Филиппов Г.Г.* Причастия в якутском языке: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2014. – 506 с.
15. *Филиппов Г.Г.* Причастие в системе глагольных форм // Вестник СВФУ, 2010, том 7, № 4. – С. 89-90
16. *Филиппов Г.Г.* Саха билинни тыла. Морпулуугуйа. – Якутск, 2009. – 286 с.
17. *Харитонов Л.А.* Современный якутский язык. – Якутск, 1947. – 306 с.
18. *Харитонов Л.А.* Залоговые формы глагола в якутском языке. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 123 с.

Сивцева Н.А.
ИГИиПМНС СО РАН

Глаголы бытия в произведении А.Е. Кулаковского «Оттоку олук алгыһа» («Благословение среднего поколения»)

Глагол является достаточно изученной частью речи в якутском языке. Особенный интерес представляют современные исследования, посвященные его изучению в якутском языке в свете функционально-семантической грамматики. Глаголы бытия являются одним из основных языковых средств, выступающими конституентами функционально-семантического поля бытийности. Глаголы бытия – это глаголы, называющие процесс бытия, существования, наличия.

В этой статье рассмотрим глаголы бытия в произведении А.Е. Кулаковского «Оттоку олук алгыһа» («Благословение среднего поколения»), написанном в форме фольклорного жанра алгыс-благословение. Данное произведение создавалось в одно время с его поэмой «Сон шамана» и письмом «Якутской интеллигенции», адресовано к современникам, а именно среднему поколению, вступившему к «середине» своего жизненного пути [8, с. 159-196]. В нем

изложены просветительские взгляды и концепция о человеке поэта-философа, основанные на его собственном жизненном опыте и морально-нравственных принципах. Стремление к образованию, науке и культуре, такие высокие моральные качества, как неприятие зла и насилия, защита правды и добра, являются основными достоинствами современной личности. Материальное благополучие, успехи в практических делах и начинаниях, основанные и достигнутые на развитии деловых качеств, энергичности и предприимчивости, должны служить для благополучия родного народа и процветания родного края.

Үөскээ. Бытийный глагол, обозначающий начало существования, с лексическим значением 'появиться, возникнуть, происходить; плодиться, размножаться' [1, т. 7, с. 504-505]. Обратимся к примеру из рассматриваемого произведения:

Үрдүк үөрэхтээхтэри кытта

Өйөнсөн үөскээ,

Бэрт мэйишлээхтэри кытта

Тэннэхэн сэргэстэс [5, с. 234].

'На тех, кто высокообразоан,

Опираясь, расти,

С самыми отменными умницами –

Стань в один ряд' [6, с. 86].

Здесь бытийный глагол *үөскээ* является сказуемым первой части ритмико-синтаксического параллелизма. Примечательно то, что в этом примере структура данного параллелизма не образована на синонимии глаголов-сказуемых, тем не менее, четко выполняющих композиционную организацию.

Үөдүй. Бытийный глагол, обозначающий начало существования. В «Большом толковом словаре якутского языка» указано следующее его лексическое значение: 'возникать, происходить' [1, т. 7, с. 467]. В рассматриваемом произведении А.Е. Кулаковского встречается в синтаксической позиции сказуемого в форме побудительного залога:

Көй-көмүс ордууну

Көнүдүнэн үөдүт,

Иэримэ-көмүс дьэини

Иилээн-сабалаан тэнит![5, с.234].

'Просторное золотое логово

Свободно образуй,

Дом, как полная золотая чаша,

Возглавляя, расширяй!'

В приведенном примере данный бытийный глагол, как и в предыдущих случаях, выступая основным организующим ядром, образует структуру первой части ритмико-синтаксического параллелизма [4, 29-42.]. Сказуемым его второй

части является глагол *тэний* 'становиться более широким, растягиваться, расширяться; размножаться, давая потомство, плодиться', представленный в поэтическом тексте также в форме побудительного залога – *тэнит*. В рассматриваемом контексте данные глаголы изложены в виде глаголов-синонимов, образующих структуру ритмико-синтаксического параллелизма.

Буол. Один из базовых глаголов, обозначающих собственно бытие. В «Большом толковом словаре якутского языка» представлен тремя лексическими значениями: '1) быть, являться, делаться, становиться; 2) быть, происходить, случаться; 3) наступать, начинаться, приходиться (о времени года)' [1, т. 2, с. 514-515]. В рассматриваемом произведении А.Е. Кулаковского глагол *буол* часто используется в форме 2 л. ед. ч., и образует неменяющуюся основу – лексический повтор, занимающий определенную синтаксическую позицию в структуре параллелизма как поэтической формы. Обратимся к примеру, где бытийный глагол *буол* выступает в качестве неменяющейся основы параллелизма:

Нуучча ньургунун кытта
Туруулаһар доһор буол.
Саха талытыын кытта
Самдайдаһар атас буол [5, с. 234].
С лучшими русскими людьми
Быть равным по силе – другом;
С самым лучшим якутом
Неотстающим приятелем стань [6, с. 86].

Здесь тавтологическое использование бытийного глагола *буол*, приводящее к возникновению повторяющейся медиали (срединной части строки), обуславливает синтаксическую однотипность конца строк поэтического произведения. Другой пример:

Бар дьоннор
Баттанар күнүгэр
Баарабай бабана буол.
Суон норуоккар
Солбонуйар күнүгэр,
Суо дурда буол.
Хара норуоккар
Хаалар күнүгэр
Халын хахха буол [5, с. 235].
Для сородичей близких
В день гнета и унижения
Столпом могучим будь;
Народу многочисленному своему
В день несчастья, беды
Крепкой опорой будь;
Бедному народу

В трудный день

Широким заслоном стань! [6, с. 87].

В этом примере бытийный глагол *буол* также изложен в качестве сказуемого – неменяющейся основы, лексического повтора, занимающей определенную синтаксическую позицию в структуре параллелизма, а именно в конце строки. По мнению исследователей, повторение в фольклорных текстах, в стиле которых представлено данное произведение А.Е. Кулаковского, «являлось выражением коллективной или индивидуальной эмоциональности, эмфатического настояния, магической заклинательной формулой» [4, с. 23]. Лексические повторы усиливают изобразительные возможности повторяющегося слова, передавая нарастание напряженности действия, в данном случае посыл, направленность благопожелания-алгыс.

Наблюдается и другая форма использования рассматриваемого глагола в данном произведении, а именно единичное использование данного слова после синтаксически параллельных строк в целях усиления его значения. Обратимся к следующему примеру, где бытийный глагол *буол* выступает единственной связующей основой синтаксически параллельных строк:

Тобус улууһу тоторор

Кумалааннарын дурдата,

Абыс улууһу аһатар

Араннарын аҕата,

Сэттэ улууһу иштэр

Иринньэхтэрин ийэтэ буол! [Кулаковский, 2002, с. 235-236].

Будь ты благодетелем, защитой

Кумаланов-нищих – девяти улусов,

Стань отцом больных и нищих

Восьми улусов,

Явись матерью обездоленных

Семи улусов! [Кулаковский, 1990, с. 87].

Здесь бытийный глагол *буол* является сказуемым, объединяющим синтаксически параллельные строки. Таким образом, посыл рассматриваемого отрезка благопожелания-алгыс сконцентрирован именно на бытийном глаголе *буол*. Подобное построение параллелизма, основанное, как в данном случае, на трехчленном отрезке, организующем контекстную синонимизацию (*тоторор – аһатар – иштэр; кумалааннарын – араннарын – иринньэхтэрин; дурдата – аҕата – ийэтэ*), и объединенное единым сказуемым, например, в форме бытийного глагола *буол* в 2 л. ед. ч., способствует возникновению особой семантики этого слова, привлеченного в состав параллелизма, и тем самым обретшего специальное коннотативное значение. В приведенном примере конструкции с синтаксическим параллелизмом, построенном на синонимизации, ключевым является бытийный глагол *буол*, выполняющий резюмирующую функцию в нем и представляющий

основной посыл балгословления-алгыс, а именно – *буол* ‘быть, являться, делаться, становиться; происходить, случаться’.

Сырым. Бытийный глагол, обозначающий собственно бытие, в следующих лексических значениях: ‘обитать, присутствовать, просуществовать’. В произведении А.Е. Кулаковского «Оттоку олуk алгыһа» («Благословение среднего поколения») встречается в сочетании с деепричатием на *-ыы* (*абырыы*) в качестве вспомогательного глагола в форме 3 л. мн. ч. (*сырымтыннар*), указывая на длительность и постоянство действия – *абырыы сырымтыннар*. В тексте рассматриваемого произведения используется с бытийным глаголом *буол*, обозначающим также собственно бытие, в форме 3 л. мн. ч. – *буоллуннар*, в составе ритмико-синтаксического параллелизма:

Айынгат хаан аймаба
Аан ийэ дайдыттан
Арахсыаххар диэри
Абырыы сырымтыннар,
Күн-айыы улууһа
Күн сириттэн
Күрэниэххэр диэри
Күрүө-хаһаа буоллуннар! [5, с. 236].
‘Добрые небожители,
Пока ты не уйдешь
От первоначальной матери-земли,
Пусть оказывают тебе помощь
Из солнечного улуса
Тебе, пока ты
Не ушел из мира сего’ [6, с. 86].

Как видно из вышеприведенного примера, указанные бытийные глаголы, представленные в форме 3 л. мн. ч., осуществляют синтаксическую организацию ритмико-синтаксического параллелизма, изложенного в стиле фольклорного текста. Они, занимая одну и ту же синтаксическую позицию сказуемого в составе данного параллелизма, выражая его ритмико-синтаксический рисунок, выступают одним из организующих ядер его структуры.

Таким образом, в произведении А.Е. Кулаковского «Оттоку олуk алгыһа» («Благословение среднего поколения») бытийные глаголы выступают одним из ядерных средств ритмико-синтаксического параллелизма как основной поэтической формы. Всего обнаружено четыре бытийных глагола, а именно два бытийных глагола, обозначающих начало существования (*үөдүй, үөскээ*), и два – обозначающих собственно бытие (*буол, сырым*). В рассмотренных примерах указанные глаголы организуют композицию ритмико-синтаксического параллелизма, образуя конечную глагольную рифму в его структуре, при этом

соблюдается идентичность их форм (лицо, число, время, залоговая форма): *үөскээ – сэргэстэс, үөдүт – тэнит, буол – буол, сырыттыннар – буоллуннар*. Это обусловлено синтаксическим строем якутского языка, в котором глагол всегда занимает конечное положение в предложении [3, с. 136-139]. Конечные бытийные глагольные рифмы в наборе, образующем ритмико-синтаксический параллелизм в данном произведении, представляют собой лексические повторы (*буол – буол – буол*), либо лексические синонимы (*сырыттыннар – буоллуннар*). Вышеизложенное исследование использования бытийных глаголов в одном из поэтических произведений А.Е. Кулаковского еще раз подтверждает ранее высказанное мнение исследователей о том, что «обработанный, обогащенный, доведенный до совершенства язык (и поэтическая система фольклора) впервые был сублимирован в произведениях А.Е. Кулаковского, получил новое качество как художественно-образительное средство зарождавшейся якуткой письменной художественной литературы и с ней – как первооснова национального литературного языка» [10, 373; 9, с. 264-281].

Литература

1. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Антонимы. Синонимы / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с.
2. Большой толковый словарь якутского языка (Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта): в 15 т. / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004-2019.
3. Грамматика современного якутского языка. Синтаксис. – Новосибирск: Наука, 1995. – 336 с.
4. *Жирмунский В.М.* Ритмико-синтаксический параллелизм как основа древнетюркского народного эпического стиха // Тюркологический сборник. – М.: Наука, 1970. – С. 29-42.
5. *Кулаковский А.Е.* Ырыа-хоһоон. – Дьокуускай: Бичик, 2002. – С. 234-238.
6. *Кулаковский А.Е.* Сновидение шамана: Стихотворения. Поэмы. Пер. с якут. / Сост., вступит. статья и примеч. В. Дементьева. – М.: Худож. лит., 1990. – 240 с.
7. *Кулаковский А.Е.* Поэтические произведения. – Т.1. – Новосибирск: Наука, 2009. – С. 498-500.
8. *Кулаковская Л.Р.* Научная биография А.Е. Кулаковского: личность поэта и его время. – Новосибирск: Наука, 2008. – 296 с.
9. *Слепцов П.А.* Ступени и проблемы якутского языкознания (сб. научн. ст.). – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2008. – 544 с.
10. *Слепцов П.А.* А.Е. Кулаковский и судьбы родного языка // Кулаковский А.Е. и время: Сб. научн. ст. – М.: ООО «Арт-Флекс», 2003. – С. 366-407.

Образование переходных глаголов от основ качественных процессивов в колымском диалекте юкагирского языка

Статья раскрывает особенности образования переходных глаголов от основ качественных процессивов в колымском диалекте юкагирского языка. Уточнена семантика известных словообразовательных аффиксов переходных глаголов. Автор приводит и некоторые ранее неописанные словообразовательные аффиксы, указав значения каждого, такие, как =дай=/=дэй= (со значением действия, приводящего к различным изменениям), =жи= (со значением преднамеренного действия), =жэ=~=рэ= (со значениями доведения действия до нужного предела, до какого-либо состояния, уменьшения количества чего-либо) и др.

Исследователь юкагирского языка Е.А. Крейнович к качественным глаголам (процессивам) относил слова, соответствующие качественным прилагательным других языков [1, с. 97]. Он отмечал, что часть качественных процессивов юкагирского языка, образованная при помощи корневой морфемы, выражающей опорное понятие 'быть', соответствует качественным прилагательным; часть качественных процессивов, образованная посредством понятия 'иметь', соответствует относительным прилагательным [Там же, с. 97-98]. Качественные глаголы юкагирского языка имеют грамматические категории лица, числа, времени, наклонения. По типу основ и форм спряжения качественные процессивы Е.А. Крейнович подразделял на семь групп:

Таблица 1

Формы спряжения качественных процессивов в юкагирском языке
(по Е.А. Крейновичу)

морфологическая группа	основообразующий аффикс	форма спряжения
I	-о-	-двэ, -двэк, -й
II	-бэ-	-йэ/-й
III	корневые основы, оканчивающиеся на согласный, за кото-рым следует формант -и-	-свэ, -свэк, -св
IV	-нэ-	-йэ/-й
V	-нъ- (со значением иметь что-либо)	-йэ/-й
VI	-нъ- (со значением иметь что-либо)	-и, -ны
VII	-миэ-	

Е.А. Крейнович отмечал, что переходные глаголы образуются от качественных глаголов непосредственно от их основ и посредством основ непереходных глаголов, образованных от качественных глаголов [Там же, с. 109].

В колымском диалекте качественные процессивы с основой на =о= относятся к I классу, и переходные глаголы образуются от них при помощи суффикса =жэ=~/рэ= со значениями доведения действия до нужного предела, до какого-либо состояния, уменьшения количества чего-либо и т.д.:

Чоможэм. 'Вырастил' [Там же, с. 109];

Чугоожэм. 1) 'заострил'; 2) 'ускорил бег оленей' [Там же, с. 109];

Мэт хамлудулгэлэ чомможэ, тудэл мэтин йукоодьоодэк. 'Я кольцо увеличила, оно мне мало' [5];

Эмэй эрбахэлэ йукоожэм. 'Мама платье уменьшила.' [3].

При помощи суффикса =си= и суффикса каузативного залога =и= образуются переходные глаголы со значением воздействия на какой-либо процесс, побуждение к осуществлению действия, обозначенного основой:

йуроо= неперех. 'быть кривым' – *йурисиш=/йуриш= перех.* 'искривить' [2, с. 29].

По мнению Е.А. Крейновича, от качественных процессивов II группы с основой на =бэ= переходные глаголы образуются следующим образом: суффикс =бэ= опускается и глагол образуется от имени качества на =л при помощи суффикса =д:

Пугэл-э-д-у-м 'Согрел', *эрул-э-д-у-м* 'испортил', *чэлул-э-д-у-м* 'остудил' [1, с. 110].

Также от качественных основ II группы переходный глагол образуется посредством суффикса =жэ= со значением уменьшения количества/качества чего-либо:

кэйбэ= 'быть тонким' – *кэйбэ=жэ=м* 'утончил' [1, с. 111].

От основ качественных процессивов III и IV группы переходные глаголы в колымском диалекте не образуются. От основ IV группы переходные глаголы образуются посредством основ непереходных глаголов на =гэ= с суффиксом =дэй= (со значением действия, приводящего к физическим, пространственным и т.п. изменениям):

кэнбунэ= неперех. 'быть широким' – *кэнбэгэдай= перех.* 'постелить' [2: 36].

Непосредственно от основ качественных процессивов V группы переходные глаголы образуются посредством суффикса =тэ= со значением наделения кого-либо предметом, качеством:

кунньэ=неперех. 1) 'быть грязным'; 2) 'быть мутным' – *кун=тэ= перех.* 'грязнить, пачкать': *Титтэл тудэ ньиэргэлэ кунтэшильиэңа.* 'Они заставили запачкать одежду.' [3].

От основ этой же группы формируются переходные глаголы при помощи аффикса =*рии*= со значением направленного кем-либо на кого-либо активного действия:

йоңоньэ= *неперех.* ‘быть злым, сердитым’. – *йоңоньэ*=*рии*=*перех.* ‘злиться, сердиться’. *Тудэл йоңоньэрии.* ‘Он злится’ [44].

От основ качественных процессивов VI группы переходные глаголы не образуются.

От качественных глаголов VII группы с оной на =*миэ*= переходные глаголы образуются посредством суффиксов =*рии*= со значением активного действия и =*жи*= со значением преднамеренного действия:

иңэриимизэ= *неперех.* ‘быть посторонним’ – *иңэрэнмиэ*=*рии*= *перех.* ‘различать’ [2, с. 21];

олгинмиэ= *неперех.* ‘ровный, прямой’ – *олжинмиэ*=*жи*= *перех.* ‘выпрямить, распрямить’ [4]

Как показал анализ фактического языкового материала, в колымском диалекте юкагирского языка переходные глаголы колымского диалекта юкагирского языка образуются от основ качественных процессивов при помощи различных аффиксов. Так как работа по уточнению и выявлению словообразовательных аффиксов еще не завершена, особенности образования переходных глаголов от основ качественных процессивов предстоит дальнейшему изучению.

Литература

1. *Крейнович Е.А.* Исследования и материалы по юкагирскому языку. – Л.: Наука, 1982. – 302 с.
2. *Николаева И.А., Шалугин В.Г.* Юкагирско-русский и русско-юкагирский словарь. – СПб.: Дрофа, 2002. – 192 с.
3. *Прокотьева А.Е.* Полевые материалы автора статьи. Верхнеколымский улус Республики Саха (Якутия), 2012-2014.
4. *Прокотьева П.Е.* Словарь языка лесных юкагиров (Буквы Л-Т): отчет по теме НИР. – Якутск, 2009. – 300 с. – Арх. ИГИиПМНС СО РАН, инв. № 244.
5. *Прокотьева П.Е.* Словарь языка лесных юкагиров (тезаурусного типа). Буквы У-Э: отчет по теме НИР. – Якутск, 2013. – 277 с.

Р.П. Кузьмина
ИГИиПМНС СО РАН

О некоторых лексических особенностях языка верхнеколымских эвенов

Лексический состав любого языка является самым подвижным языковым компонентом, который находится в постоянном движении, изменении и обогащении и отражает в своем развитии условия определенного периода в развитии общества.

В лексическом составе верхнеколымского говора зафиксировано небольшое количество лексем, которые представлены в литературном языке синонимами с иным корнем. Ряд лексем имеют параллели в отдельных говорах эвенгов Якутии.

Некоторые лексемы юкагирского происхождения вошли в словарный состав говора без изменений в семантике. Юкагиризмы, выявленные в говоре имеют параллели в нижнеколымском, аллаиховском и в усть-янском говорах, например: в-к., у-я., алл, н-к *нолима* < юк. кол. *налимэ*, юк. тундр. *лалимэң* – лит. *турки* 'нарта'; в-к, н-к, алл. *олд'э* 'лодка' < юк. тундр. *өл'д'эң* – лит. *моми* 'лодка' [2, 3].

Примеры: *'Умҕи чурибачар гэрбэл мут амардадут уөскэҥнэл бэйэл уучэнтэн олдичантһан удики диэн көчүкэн бид'ин таррочин олд'адад'ир'*, - *гэҥикэн укчэнгэрэр*. 'Еще говорили, что лодки у этих чурибэ будут маленькие, с размером доски для женских поделочных работ и на этих лодочках будут плыть'.

В говоре зафиксировано довольно большое количество заимствований из якутского языка, относящиеся к разным частям речи: в-к *улэлэдэй* 'работать' < як. *үлэ* работа; *үөрэндэй* 'учиться' < як. *үөрэх* учеба; *һоспок* 'кладовка' < як. *хоспох* кладовая, кухня (во двое); *үөрэх* учеба < як. *үөрэх* учеба; в-к, лам, тюг. *һерга* 'нарта' < як. *сыарба*; в-к, лам., тюг. *оһок* 'печь' < як. *оһох* камин, камелек, печь; *коһон* 'стихотворение' < як. *коһон* 'стихотворение'; *былыргы* 'давний' < як. *былыргы* 'древний, старинный; давний, ветхий, старомодный; древность, древние времена'; *д'икти* 'удивительный, интересный' < як. *дьикти* 'необыкновенный, необычайный, чудесный, чудный; редкий' и др. [1, 2, 3].

При освоении семантики заимствованных слов языком-рецептором в некоторых словах могут происходить смещение и сужение значений слов.

В говоре в якутских словах наблюдается смещение значений таких слов: *абҕа* 'родной дед, дедушка' от як. *абаҕа* 'дядя (старший брат отца)' и др.

Также в говоре при переходе слова из якутского языка в эвенский, значение слова осваивается частично и происходит сужение значения слова, например: *олокток* 'местный житель' от як. *олохтоох* '1) имеющий сиденье, основание, основательный; 2) имеющий жительство, оседлый; 3) имеющий жизнь', *һага* 'воротник' от як. *саҕа* '1. ворот, воротник; 2. начало; граница, край', *д'икти* 'удивительный, интересный' от як. *дьикти* 'необыкновенный, необычайный, чудесный, чудный; редкий', *былыргы* 'давний' от як. *былыргы* 'древний, старинный; давний, ветхий, старомодный; древность, древние времена' и др.

Примеры: *Бй бэйд'и дуктаҥу тавыр һурга н'ан бэйд'и коһоми дуктаҥылбу*. 'Я сама написала это благопожелание и сама написала стихи'; *Өтэл бэйчигрэр былыргы мут д'алти*. 'Раньше наши предки охотились'; *Һө д'икти биһин тарак этикэн*. 'Очень интересным был этот старик'; *Мэнэ эр н'ока дукомҕални дуктаҥутан икэв переводасчиваттам мэнэ, һурэлбу концертла эгин кыттадатан һурэлбу һурэлтэн*. 'Просто вот иногда перевожу песни, написанные якутскими поэтами, чтобы дети и внуки участвовали на концертах'.

Многие русские лексические заимствования вошли в лексический состав говора через якутский язык. В основном из русского языка заимствуются субстантивы: *бараһанн'ык* от рус. *праздник*; *бөһөлөк* от рус. *поселок*; *былас* от рус. *власть*; *оскола* от рус. *школа*; *перевот* от рус. *перевод*.

Примеры: *Элэ муттулэ эмиэ мут бөһөлөкчэндүлэт эмиэ мātал эмдэ, адыв-да мāта һōйа бичэ биһин.* 'В наш поселок тоже волки пришли, много волков было'; *Майду, ирэк-тэ быраһанн'ыкалду һэд'эвкэнд'иггэрэн.* 'В мае и во время других праздников исполнял хэде'; *Эрэк муттулэ оскола-да эһни аһыланна.* 'Здесь у нас даже школа не открылась'; *Тарāv һи эвэдыт эрэв перевоттали гәнэкэтэн тарāv переводтасчиваттām.* 'Просят перевести что-то на эвенский, я это перевожу'; *Өтэл д'āлти гуннэр, эн'муиэ гуннэр, өтэл эвэһэл бараксар өмутэкэди н'улгэвэттэ болла Советскай былас д'улдэлин, д'уганиду бараксар от ыйыгар-ду, бэс ыйыгар-ду бутучэнд'ур чакурид'ур д'э бараһанн'ыктакичил эвэһэл.* 'В старину родители рассказывали, мама рассказывала, раньше эвены поодиночке кочевали до Советской власти, летом где-то в июне или в июле вместе собирались и устраивали праздник'.

К словам, не имеющим параллели в литературном языке и в говорах восточного наречия эвенского языка в говоре следует отнести такие лексические единицы, например: в-к, н-к, том., тюг. лам. *унэ* – лит. *ата* 'бабушка'; в-к, н-к, том., тюг. лам. *омолгы*, – лит. *хуркэн* 'юноша, парень' [1; 2].

Таким образом, по многим дифференциальным признакам в области лексики верхнеколымский говор обладает рядом отличий от говоров восточного наречия. В говоре зафиксировано большое количество заимствованных лексем из якутского языка. При освоении семантики заимствованных слов из якутского языка происходит смещение и сужение значений слов. Также в говоре используются юкагиризмы, имеющие параллели в отдельных говорах западного наречия эвенского языка.

Используемые сокращения в названиях говоров:

Алл – аллаиховский	Тундр – тундренный
Лам. – ламунхинский	Тюг. – тугясирский
Н-к – нижнеколымский	Юк. – юкагирский
Рус – русский	Як. – якутский
Том – томпонский	

Литература

1. *Кузьмина Р.П.* Язык ламунхинских эвенов. – Новосибирск: Наука, 2010. – 112 с.
2. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. – Л.: Наука, 1975. – Т. 1. А-Н; 1977. Т. 2. О-Э.
3. *Шарина С.И., Кузьмина Р.П.* Нижнеколымский говор эвенского языка. Новосибирск: Наука, 2018. – 184 с.

Функционирование залоговых форм в верхнеколымском говоре эвенского языка

Верхнеколымский говор в существующих классификациях говоров и диалектов эвенского языка как отдельная единица был выделен сравнительно недавно [1, с. 76]. Основные особенности данного говора освещались только в нескольких статьях [3, 4, 5]. Категория залога глагола в верхнеколымском говоре специально не рассматривалась. Статья написана на основе материала, собранного во время полевых экспедиций в Верхнеколымском районе Республики Саха (Якутия).

В описаниях эвенского и других тунгусо-маньчжурских языков принято называть залоговыми формами несколько категорий глагольного слово- и формообразования, способных изменять актантную структуру глагольной словоформы. Обычно на основе морфологических критериев в эвенском языке выделяются формы действительного, страдательного, средневозвратного, побудительного, взаимного и совместного залогов. При ином подходе к описанию грамматики эвенского языка те же формы рассматриваются как особые категории глагольного формообразования в рамках функционально-семантической категории залоговости [2].

Из выделяемых в описаниях эвенского языка залоговых форм на основе морфологических критериев выделяются формы действительного, страдательного, средневозвратного, побудительного, взаимного и совместного залогов.

Наиболее распространенной формой употребления глаголов в речи верхнеколымских эвенов является **действительный залог**, не имеющий специального морфологического показателя. Например: *Ноун эгд'эн орон энэйэ биһин.* 'Он был богатым оленеводом.' *Тарит тар өринчэлэт ноун тимин бадикар миан өмэндүлэ балдан.* 'После того как мы остановились стойбищем, она родилась на завтрашний день утром в одиннадцать'. *Өмэн һунад'у Зырянкала тэгэттэн.* 'Одна дочь в Зырянке живет.'

Форма страдательного залога образуется при помощи суффикса -в/-ав/-эв/-ив/-м от переходных и от непереходных глаголов, единственным условием преобразования активной конструкции в пассивную является наличие субъекта и объекта, выраженных существительными или местоимениями, принадлежащими к классу активных имен (чаще всего это обозначения людей, изредка животных). Конструкции с переходными глаголами, имеющими инактивное дополнение, не преобразуются в страдательные. Для непереходных глаголов условием перехода исходной активной конструкции в пассивную является наличие в группе субъекта притяжательных словосочетаний. Одной из особенностей преобразования

активных конструкций в пассивные в эвенском языке является возможность смещений в позицию субъекта пассивной конструкции любого члена притяжательного словосочетания в субъектных и объектных группах.

Различий в плане образования пассивных форм глагола и правил преобразования активных конструкций в пассивные в верхнеколымском говоре не наблюдается. В речи информантов пассивные обороты употребляются редко, например: *Бадикар урэкчэн һэйэдукун орам көсчиникэн көйэчөвми, нөлтэн элжэс һиэддэн ад'ит ай биврэн.* 'Утром с вершины горы, пася оленей, когда оглядываешься, солнце только встает, по-настоящему красиво бывает.' *Өмэндүлэ эптиү гадлан иланмиар нанда элэкэн' гөүнэн, таров бутумэн уникэн, тэргэһэвникэн һаңгаран.* 'На половину одной pokrышки чума уходит тридцать шкур, говорила, и все это обработав, выделав в замшу, шьет'.

Средневозвратный залог образуется от основ глаголов посредством присоединения суффикса -б/-п и обозначает действие, которое исходит от объекта и направлено на него же или как бы происходит само себе. Форма средневозвратного залога в эвенском языке образуется от относительно ограниченного числа глаголов, в основном каузативных по семантике: основное значение данной формы является декаузативным.

Показателем средневозвратного залога в верхнеколымском говоре оформляются не только финитные формы глаголов, но и в причастия и деепричастия, например: *Тачин урэврид'ур нулгэддил бэйэл мут инуннэт-тэ, йатта ачча, тэми-дэ тачин улдэн эмэптин.* 'Вот так убив медведя, у нас, у кочующих людей, ничего не было, не на что было навьючить, не было ни вьючных оленей, ничего, поэтому так и осталось мясо.' *Тар ноһартан колхозтакал очал, һулапчан'ун орнимур энэйнимур колхозла гачал.* 'Вот так они стали колхозниками, с оставшимися оленями вступили в колхоз.'

Побудительный залог, указывающий на субъект, который побуждает, заставляет другое лицо совершить действие, образуется в эвенском языке от неограниченного круга глаголов посредством присоединения к основе суффикса -вкан/-вкэн/-укан/-укэн/-мкан/-мкэн. Различий в образовании форм побудительного залога в говоре не наблюдается.

Примеры употребления формы побудительного залога в говоре: *Оһоки дуруми эрэв бодурудуканд'инни-да палаткав, эд'и дуруткирэкир оһоку гөникэн очакаву тэтурид'ур тачин эмэунэр.* 'Говорили, что если растопить печь, то может дать вспыхнуть пожару, сжечь палатку, и, одев меня в комбинезон, так оставляли'. *Дэлби букатын калбылавканни, дэлби ыгат уңэч, дэлби калбыт калбылавкаунан.* 'Очень туго заставляла подпоясываться ремнем, очень плотно, туго подпоясывала' *Н'ан эсни һуклэхэмкэунэн.* 'И не давала спать.' *Оһокот долбу һатаралчалан эмн'эттид'ур дьэ ойур нукрид'ур, оһоку дурурид'ур дьэ улиткэрэр, дьэ*

һуклэһэмкэунэр. `Приехав ночью, родители топили печь, тогда только кормили и улаживали меня спать.`

Взаимная форма залога - реципрок, показывающий взаимодействие двух или нескольких субъектов одновременно друг с другом, образуется посредством суффикса -мат/-мэт, -мач/-мэч, например: *Тик укчэнэмэттэм-дэ того детэккэ эвэди төрэри-дэ бэй адукун.* `Сейчас не с кем даже поговорить, потому что владеющих эвенским языком мало`.

Совместная форма залога-социатив, обозначающий действие двух или нескольких субъектов, совершающих действие совместно, образуется посредством суффикса -лда/-лдэ. Примеры употребления социатива в говоре: *Д'алби боллар букатын д'уганиду урэкчэндүлэ иссидамак бакалдагарам, болониду д'алдукуй һөрчэ бэй.* `С родителями встречалась только летом, когда доезжала до гор, расставшись с ними осенью`. *Эвэди төрэрив укчэндив-дэ бэйу эһни һоч бакалдаватта.* `Не встретишь человека, говорящего на эвенском языке`.

Итак, в описываемом говоре можно выделить следующие особенности в образовании и употреблении форм залога:

1. На основании морфологических критериев в верхнеколымском говоре выделяются следующие формы залога глагола: действительный залог, страдательный, средневозвратный, побудительный, совместный и взаимный.

2. В разговорной речи верхнеколымских эвенов страдательные конструкции и пассивные обороты употребляются редко, малоупотребительны реципрок и социатив.

3. Наиболее активно в говоре употребляются формы побудительного залога.

Литература

1. *Бурыкин А.А.* Язык малочисленного народа в его письменной форме (на материале эвенского языка). – СПб: Петербургское Востоковедение, 2004. – 384 с.

2. *Роббек В.А.* Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте. Новосибирск: Наука, 2007. – 725 с.

3. *Шарина С.И.* Состав согласных фонем верхнеколымского говора эвенского языка. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 1, Ч. I. – С. 204-206.

4. *Шарина С.И.* Основные особенности верхнеколымского говора эвенского языка // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2015. – № 1 (10). – С. 115-118.

5. *Шарина С.И.* Наклонение глагола в верхнеколымском говоре эвенского языка // Social Science. Общественные науки. Всероссийский научный журнал. – 2016. – № 1. – С. 209-219.

**Антропонимические реалии в олонхо
как источник культурно-исторической информации**
(на примере «Дьулуруйар Ньургун Боотур» П.А. Ойунского)

П.А. Слепцов, занимаясь исследованием проблем формирования якутского литературного языка и разработкой вопросов лингвофольклористики, отметил, что самобытный талант выдающихся якутских писателей вырос на благодатной почве народной устно-поэтической традиции, а язык фольклора рассматривается как один из неиссякаемых источников, сыгравших огромную роль в становлении якутского литературного языка [13; 12, с. 200]. Характерной чертой произведений основоположников якутской и советской литературы является широкое употребление фольклорных и речевых формул, пословиц и поговорок, архаизмов и изобразительной лексики. Многие величайшие мастера художественного слова с малых лет впитали красоту родного языка через устное народное творчество.

В настоящей статье речь идет об антропонимических реалиях, передающих культурно-историческую информацию и способствующих созданию национально-культурного колорита, на материале олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур», записанном П.А. Ойунским. Реалии являются частью фоновых знаний. Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров рассматривают фоновые знания как элемент культуры и выделяют общечеловеческие, региональные и страноведческие разновидности. Фоновые знания могут быть актуальными, а также результатом культурного наследия [4]. Одним из главных компонентов фоновых знаний является ономастическая лексика, передающая произведению национальный и исторический колорит, т.к. обладает ярко выраженной национально-культурной спецификой. В.А. Ражина относит к ономастическим реалиям онимы, которые передают фоновую информацию и обладают большим культуроведческим потенциалом. Они требуют привлечения обширных экстралингвистических сведений, имеющих объяснительную силу (историко-этимологические сведения, вся совокупность мифологических представлений, связанных с онимами, и т.п.) [10]. К ономастическим реалиям относят топонимы, антропонимы, названия произведений литературы и искусства, исторические факты и события в жизни страны; названия государственных и общественных учреждений и многие другие. Названия личностей (антропонимы) составляют наиболее значительную часть фоновых знаний носителей языка и культуры [11].

Композиционная структура и содержание олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур» демонстрируют, что П. Ойунский как знаток мировой литературы создает прецедент диалога олонхо с шедеврами европейской эпической традиции как «Эдда», «Песнь о нибелунгах» и с монгольским литературным и

историографическим памятником «Сокровенные сказания монголов». В то же время он выражает себя в тексте как представитель своей малой родины – Татты.

Таттинский улус Якутии издавна считается землей олонхо. Известно, что для книги Э.К. Пекарского «Образцы народной литературы якутов» (1907-1918 гг.) было записано несколько текстов олонхо Н.Т. Абрамова из Жулейского наслега: «Уолумар уонна Айгыр удаҕаттар», «Өлбөт бэргэн», «Баһымны Баатыр», «Эрбэхтэй Бэргэн», «Элик уонна ньыгыл Боотур». Широкое распространение получили олонхо «Орто дойдуга тура төрөөбүт Оҕо тулаайах», «Кыыс Кыскыйдаан Баатыр», «Айыы Бэргэн» А.В. Слепцова (Күөх Өндөрөй) и «Ыһыргыһааннаах ытык нуоҕай» Ньаллыр Татаринава из с. Ытык-Кель [1]. Особенной популярностью пользовались сказания о Нюргуне Боотуре, сюжет которых по сведениям краеведа Е.Д. Андросова оставил олонхосут середины XIX в. Улуу Кээмпэс из Жулейского наслега сказителю П.И. Макарову (Бабыат Макаров) [1]. Позже появились различные варианты «Дьулуруйар тойон туйгун» А.В. Слепцова, «Тойон Ньургун» И.М. Давыдова, одноименные олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур» К. Оросина и П. Ойунского. При этом каждый, кто исполнял или записывал текст, создавал свое собственное неповторимое произведение. Некоторые из олонхо П.И. Макарова «Ойуун тойуга», «Улуутуйар Улуу Кудангса» легли в основу произведений А.Е. Кулаковского «Сон шамана» и П.А. Ойунского «Улуу Кудангса», которые литературовед А.А. Бурцев отнес к числу самых значимых произведений якутской литературы [3]. Творчески насыщенная эпическая среда земли Татты взрастила целую плеяду якутских писателей как А. Кулаковский, А. Софронов, Н. Неустроев, П. Ойунский, Суорун Омоллоон, Элляй, Амма Аччыгыйа и других. Примечательно, что молодые фольклористы занимаются систематизацией таттинских олонхо с точки зрения локальной традиции. Используя картографический метод, Н.А. Оросина выявила четыре ареала распространения олонхов наслегах Таттинского района. Она провела периодизацию творчества сказителей-олонхосутов, разделив их на три периода [9].

Во вступительной части олонхо П.А. Ойунский упоминает свою родину Татту и происхождение своего рода: Таалар налыы хонуулаах, // Талба нарын талахтаах, // Ыллыыр ымыы чыычаахтаах, // Ырыаһыт ыллам дьонноох // **Таатта** эбэ хотунна // Талбааланан үөскээбит//Ойуун ууһа удьуордаах // Ойуунускай оҕоһоос // Суоһурҕанан олорон // Сурдурҕаччы суруйбут... [5, с. 6]. *Полный решимости и вдохновения написал, пером шуриша, отпрыск рода Ойунов дитяtko Ойунский, выросший безмятежно на берегу матушки Татты с раскинувшимися широкими полями и роскошными нежными ивами, с поющими птичками-снегириями и голосистым поющим народом...* (перевод наш. – Е.А.).

Как указывает сам автор, произведение создано из тридцати разных олонхо: Отут суол олонхоттон // Оноһуллубут олонхо [5, с. 6]. *Олонхо, созданное из*

тридцати разных олонхо (перевод наш. – Е.А.). Тем самым оно представляет собой своеобразную антологию оригинальных сюжетов, увековеченных в одном самобытном и великом литературном произведении. Использование реальных антропонимов подчеркивает уникальность повествования. С самого начала создается эффект присутствия автора как субъекта повествования, который как бы ссылается на творчество предыдущих сказителей, считая их своими наставниками-учителями: Олонхо номоѳо онгостон // Араѳастыйбыт астаах // Аарыма кырдыѳастарым, // Улуу олонхохуттарым // Ухуйан кэбиспиттэрин... [5, с. 16]. *То, чему учили почтенные старики, великие олонхосуты с пожелтевшими сединами на висках...* (перевод наш).

Рассмотрим наиболее яркие антропонимические реалии, включенные в первую песню текста «Дьулуруйар Ньургун Боотур» и их прототипы:

Ыргыныап курдук //

Ырытан киридэххэ, //

Табаахырап курдук //

Таттаран этгэххэ: [5, с. 14].

Если стану подробно повествовать, // Старому Аргунову подстать, // Если увлеченно начну, // Как Табахыров, песню слагать... [7, с. 9].

В данном эпизоде упоминаются Аргунов Егор Григорьевич - Тонус Оргуноуп (1853-1940 сс.) из I -го Игидейского наслега и один из широко известных олонхосутов Таттинского улуса Винокуров Иван Николаевич – Табаахырап, родом из Жулейского наслега (Дьулэй) [1]. Его портрет, написанный народным художником Якутии И.В. Поповым, хранится в фондах Национального художественного музея РС (Я).

При описании олонхосутов автор употребляет прозвища, основанные на игре слов. Топоним «Эмис» как эпитет к имени указывает реальное место проживания сказителя и в то же время имя прилагательное «эмис» в значении *толстый, жирный* служит характеристикой внешнего облика человека.

Эмис Түмэпши курдук //

Этэн дьэргэлдьитгэхпинэ, //

Куһаѳана буолаѳына //

Куохайаан оѳонньор курдук //

Кульдурѳатан киридэхпинэ [5, с. 12].

Коль стану я в лад ему - // Сказителю седому тому, // Как эмисский прославленный Түмэпши, // По прованию «Чээбий», стройно сплетать словесный узор; // Стану ли стих слагать, // Старому Куохайаану подстать, -... [7, с. 8].

В этом отрывке П. Ойунский отдает дань уважения двум ярким исполнителям Т.В. Захарову-Чээбию и С.А. Саввину-Куохайаану. Уроженец Эмисского наслега Амгинского улуса Захаров Тимофей Васильевич-Чээбий сказывал много олонхо, из них особенно известны «Сылгы уола Дьырай Бэргэн», «Бэрт Киһи Бэриэт

Бэргэн», «Күн Эрэли Бухатыыр», «Алантаайы-Кулантаайы Бухатыыр». В 1906 г. с его слов этнограф В.Н. Васильев записал олонхо «Ала Булкун». Олонхосуты **Н.А. Абрамов-Кынат, И.И.Бурнашев-Тон Суорун, Е.Е. Иванова** считали его своим учителем. Народный поэт В.М. Новиков-Уурастырап, заслуженный артист ЯАССР У.Г. Нохсоров часто слушали олонхо в исполнении Чээбия, и восприняли его мастерство [1]. Творчество Т.В. Захарова-Чээбия является наиболее изученной. Н.Н. Тобуроков исследовал особенности ритмики, аллитерации и рифму речитатива. Фольклористы и литературоведы подчеркивают высокую роль речитатива олонхо в зарождении системы якутского стихосложения [2]. Земляк П. Ойунского Степан Андреевич Саввин-Куохайаан из Черкеха славился как исполнитель с особым запоминающимся голосом [6, 8].

Следующий эпизод посвящен двум личностям, внесшим вклад в развитие и увековечение древних сказаний:

Ондуруоһан эмээхсин курдук //
Онолуйа туойдахпына, //
Дьүлэй Бүөкээн курдук //
Дьүөрэ тылынан түһэрдэхпинэ, //
Үс саха үөскээн тэнийбитин //
Үөрэ-көтөүһүйдэхпинэ: [5, с. 16].

Фольклорист Андросова-Ионова Мария Николаевна из II-го Игидейского наслега Ботурусского улуса является автором и исполнительницей олонхо. Она помогала Э.К. Пекарскому при составлении «Словаря якутского языка» и занималась записями олонхо «Күлкүл бөбө оҕонньор Силирикээн эмээхсин икки», «Үүт ас бэйэлээх айыы тойон ыччаттара», «Орто дойдуну тупсарарга түспүт хара тыа иччитэ баай барылылаах» [1, 8]. Макаров Петр Иванович (Бабыат Макаров) родом из Жүлейского наслега (Дьүлэй нэһилиэгэ). Многие последующие исполнители считали себя его последователями [1]. Топоним «Дьүлэй», соответствующий имени прилагательному «дьүлэй» *глухой*, служит в данном эпизоде эпитетом имени Бүөкээн (Петр), при этом используется игра слов, основанное на контаминации: Петр из наслега под названием «Дьүлэй» или «дьүлэй Бүөкээн» *глухой* Петр.

Все вышеуказанные сказители вошли в состав «Ийэ олонхоһуттар», лучших исполнителей эпоса-олонхо [14].

Антропонимические реалии, приведенные в олонхо «Дьүлуруйар Ньургун Боотур», позволяют реконструировать некоторые характеристики личности П.А. Ойунского как автора и человека. Анализ вербально-семантического уровня показывает богатство стилистических приемов. Своеобразная манера указания фамилий и имен олонхосутов, чьи сказания легли в основу олонхо, передает чувство дружеского расположения: Ыргыныап (Аргунов Егор Григорьевич), Табахырап (Винокуров Иван Николаевич), Эмис Түмэппий (Захаров Тимофей

Васильевич), Куохайаан оҕонньор (Степан Андреевич Саввин), Ондуроһап эмээхсин (Андросова-Ионова Мария Николаевна), Дьүлэй Бүөкээн (Макаров Петр Иванович). Начальные звуки имен инициируют начало следующей строки, образуя начальную рифму: «Ыргыныап / Ырытан», «Табаахырап / Таттаран», «Эмис / Этэн», «Куохайаан / Кулдьурбатын», «Ондуроһап / Онолуйа», «Дьүлэй / Дьүөрэ». Атрибуты к именам «оҕонньор», «эмээхсин» передают гендерные и возрастные характеристики. Топонимы «Эмис» и «Дьүлэй», указывающие на место проживания олонхосута, в то же время служат эпитетами, шутливо характеризующими его качества.

Вышеуказанные примеры показывают, что автор ссылается на предыдущие повествования и выражает свою признательность и благодарность всем известным исполнителям своего времени, которые приобщили его к таинствам древнего эпического стихосложения. Благодарность как высшее моральное чувство является одним из проявлений благородства души и гуманного отношения к культурному наследию и историческому прошлому своего народа.

Становление П.А. Ойунского как мастера художественного слова происходило в среде устного народного творчества, об этом свидетельствуют полное владение материалом устного народного творчества, глубокое знание произведений олонхосутов и певцов. Его произведения, созданные в различных жанрах, полны чувства ритма и стиля, характерных для эпической поэзии. Как плодородное дерево имеет крепкие корни, так и его творчество процветало на благодатной почве родной земли.

Литература

1. Андросов Е.Д. Таатта олонхоһуттара. – Якутск: «Ситим» КИФ, 1993. – 47 с.
2. Архипова Е.А. Особенности стиха олонхо Т. В. Захарова - Чээбий "Ала-Булкун" // Вестник СВФУ. Серия Эпосоведение. – N1 (09). – 2018. – С. 91-99.
3. Бурцев А.А. Поэзия А.Софронова в современном восприятии. Доклад к юбилею А.И.Софронова [Электронный ресурс] //www.sakha.gov.ru, дата обращения 02.01.2011 г.
4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. - М.: Русский язык, 1983. – 269 с.
5. Дьулуруйар Ньургун Боотур: Олонхо / АН РС (Я) Институт гуманитарных исследований; подготовка к печати П.Н. Дмитриев, С.П. Ойунская. – Якутск, 2003. – 544 с.
6. МКУК Таттинская МЦБС сайт // <https://tattalib.ru>, дата обращения 19.07.2019.
7. Ньургун Боотур Стремительный: якутский героический эпос олонхо/Воссоздал на основе народных сказаний Платон Ойунский / Пер. на русск. Владимир Державин. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1975. – 432 с.
8. «Олонхо» портал информационной системы // <http://olonkho.info>, дата обращения 17.07.2019 г.
9. Оросина Н.А. Бытование Таттинской локальной традиции якутского эпоса олонхо (по картографическому методу исследования) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – N12 (54). – С.139-144.
10. Ражина В.А. Ономастические реалии: лингвокультурологический и прагматический аспекты: диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19. – Ростов-на-Дону, 2007. – 156 с.

11. Томахин Г.Д. Реалии - американизмы. – М.: Высшая школа, 1988. – 239 с.
12. Слепцов П.А. Якутский литературный язык: Формирование и развитие общенациональных норм. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 277 с.
13. Слепцов П.А. Ступени и проблемы якутского языкознания : сб. науч. ст. – Якутск: ИГиПМНС СО РАН, 2008. – 544 с.
14. Театр Олонхо сайт // <http://olonkhotheatre.ru/articles/916-mn-androsova-ionova-150-saaha.html>, дата обращения 19.07.2019.

Е.Р. Николаев
РНА СС ГЧуоХААОПИ

Концепт өйдөбүлэ уонна саха анал ааттара

Концепт туһунан үөрэх омуk дойдуларыттан өтөн киирэн, билигин Арасыйа гуманитарнай билимин араас хайысхатыгар – тыл үөрэбэр, этнолингвистикаҕа, лингвокультурологияҕа, о.д.а. – киирэн сылдьар, утумнаахтык сайдар. Бу тиэрмин өйдөбүлүн биэри билигин да чопчуламмакка турар, арай арыый биһиэхэ чугастан холобурдаатахха: «концепт ... является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [2, с. 4], «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [10, с. 43]. Саха тылын үөрэбэр, арааһа, аан бастакынан концепт өйдөбүлүн саха төрүт култууратын кытта ситимнээн биэрбит киһинэн академик Петр Алексеевич Слепцов буолар: «... даже самое беглое знакомство с концептосферой родного якутского языка выявляет неразрывную ее связь с многовековой культурой якутского народа» [6, с. 16]. Кырдык, кини ити быһаарыыта саха тылын үөрэбэр *концепт, концептосфера* курдук уустук өйдөбүллэри ситимнээн үөрэтиигэ онкул буолуон сөп, тобо диэтэххэ, концепт омуk ураты толкуйун (менталитетын) тылга көстүүтэ төрүт култуураны кытта быстыспат ситимнээх. Ол саха анал ааттарыгар эмиэ көстөр. Бу кылгас ыстатыйаҕа П.А. Слепцов саха анал ааттарыгар сыһыаннаах санаатыгар тирэбирэн, концепт киэлитигэр киллэрэн көрүүхпүт.

Бастатан туран, П.А. Слепцов саха олобор-дьаһаҕар христианны ааттар тиһиктэрэ кириэбиттэн, маннык тиэрминнэр олохсуйбуттарын бэлиэтиир: *сүрэхтэммит аата* ‘крещеное имя’, ‘православное имя’ [7, с. 61; 9, с. 199], *нууччалыы* эбэтэр *нууччатын аата* ‘русское имя’, *үчүгэй аата* ‘хорошее (приличное) имя’ [8, с. 71-72]. Арасыйа анал ааттары үөрэтэр билимигэр олохсуйан хаалбыт үөрүйэбинэн, сүрэхтэммит ааттартан ураты олохтоох омуkтар төрүт ааттара *хос аат* эбэтэр *ыыс аат* таһымыгар көһөн хаалаллар, оннук да үөрэтиллэллэр, дыһа анал аат быһыытынан ылыныллыбаттар. Ол эмиэ өйдөнөр – официальной сурукка-бичиккэ, дыһалаҕа-куолуга 17-с үйэ 30-с сылларыттан улам улам сүрэхтэммит ааттар эрэ киирэн бараллар.

Иккиһинэн, П.А. Слепцов саха төрүт ааттара тоҕо сүппүттэрин эмиэ сиһилии быһаарар. Саха төрүт анал ааттара ойуулуур-дьүһүннүүр, дьүһүннүүр-бодолуур (образные) диэннэ хабааттар буоланнар, саха олоҕун укулаата уларыян, социальной олохтон, төрүт култуураттан туоруулар. Ол аата итинник суолталаах тыллар туттуллар эйгэлэрэ суох буолан хаалар. Дьон дьүһүннүүр-бодолуур хос ааттарыттан кыбыстар буолан бараллар: «... образные слова, имеющие яркий негативный эмоционально-оценочный заряд, всегда вызывали ответные реакции. Люди стыдились своих “кричащих”, “улюлюкающих” прозвищ и оскорблялись пущенным по их адресу “картинным” словом» [9, с. 146]. Атын тыл кириитэ олох укулаатын эрэ буолбакка, төрөөбүт тылынан толкуйдуур уратыны, төрүт тылы ылынар дьобуру улам-улам суурайан барар, ол аата били Ю. Степанов этэр «сгусток культуры в сознании» диэнэ төрдүттэн уларыяр, ол аата концепт биир сүрүн көстүүтэ – тылга көстүүтэ – суох буолар. Тылга суох буолбут, сүрүн лексика кэннигэр үтэйиллибит концепт (невербализованный концепт) атыннык үлэлээн барар – атын омук төрүт култууратын бэйэтин төрүт култууратын курдук ылыныыга иэбэр. Төрүт анал ааттар төрүт култуура атрибуттара буолан бүтэллэр, суолталара намтыыр.

Ити этиллибиккэ олобуран сиһилээтэххэ, саха анал ааттарын тиэмэнэн уонна ис хоһоонунан наардааһын бастакы түһүмэх эрэ чинчийии буолар. Иккис түһүмэххэ, П.А. Слепцов бэлиэтээбитин курдук, төрүт култуураны кытта ситимнээн чинчийии барыахтаах. Биир өтгүнэн, концепт туһунан кэлинни чинчийиилэргэ сурулларынан, «... только некоторая часть содержания концепта становится значением слова. (...) значение слова само является частью знания, передаваемого концептом» [1, с. 86]. Ол аата, биһиги өйдүүрбүтүнэн, концептынан сирэйдээн көстөр омук билиитэ-көрүүтэ, олоххо уопута тылга көстөрө концепт сорҕото эрэ буолар. Итини кытта сөбүлэһиэххэ сөп, тоҕо диэтэххэ, анал ааттарынан саха урукку олоҕун сорҕотун эрэ билэбит, ону да сэрэйн, таайан көрөн, саха олоҕун-дьаһаһын, тылын-өһүн билэр билиини таһыммытынан эрэ. Ол гынан баран, ханнык баҕарар тыл, анал аат даһаны, бары суолталаах, өйдөбүллээх, култуура бэлиэтэ (код культуры) буолаллара, киһини ааттыыр үгэһинэн суолтатын билэн туран ааттыыллара, лосевты – «акт смыслового обозначения» [3, с. 44] диэннэ олобууар. Омук култууратын бэлиэтигэр анал аат көстүүтэ туһунан ырытыыны, быһаарыыны эрэйэр. Онуоха саха анал ааттарын ырытыы бастаангы халыбын (модель) маннык тосхоллоохха сөп: 1. Анал ааттар холобурдара. 2. Сүгүрүйүү (культ). 3. Концепт эргимтэтэ (концептуальное поле). 4. Култуура бэлиэтэ. 5. Олоххо-дьаһахха хамсааһына, туттуллар эйгэтэ [5, с. 813-817].

Ити тосхол, олус диригээбэккэ эрэ быһаардахха, биллэн турар, тыл, этнография, культурология, устуоруйа, философия курдук билим хайысхаларыттан таныллан тахсыахтаах. Оччотугар анал ааттары чинчийии киэн билиини таһынан, саха тылын энкилэ суох баһылыыры эмиэ эрэйэр. Тоҕо диэтэххэ, христианны

ааттар кириэхтэрин иннинээби саха анал ааттарын докумуонна суруллубут кизптэрэ чынха атын, нууччалыы. Ону ырытарга саха тылын сокуоннарын эрэ буолбакка, ийэ тылга сэрэйн көрөр түгэх өй (языковое чутье) эмиэ улахан суолталаах. Култуура бэлиэтэ буола сылдыар (сылдыбыт) анал ааттары ырытыыга туох ирдэнэрий диэннэ нуучча учуонайа Ю.М. Лотман быһаарытыын ажалар тобоостоох: «... единства языкового опыта, влияния культурной традиции и индивидуальности» [4, с. 13, 14].

Онон, бу суруйбукка олобуран, маннык түмүк тахсар кэлэр: 1. Саха төрүт анал ааттарын чинчийи билим араас хайысхатын тэннэ тутан барыахтаах; 2. Саха төрүт анал ааттарын чинчийи саха тылын энкилэ суох билэртэн эмиэ быһаччы тутулуктаах; 3. Саха төрүт анал ааттары чинчийи «концепт – саха төрүт култуурата» диэн өйдөбүлгэ тирэбирдэбинэ быдан көдьүүстээх буолуон сөп.

Литература

1. *Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 4-е, испр. и доп. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.
2. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Известия Российской Академии Наук. Серия литературы и языка. – М.: Наука, 1993. – Т. 52.– С. 3-9.
3. *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. – М.: МГУ, 1982. – 477 с.
4. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 464 с.
5. *Николаев Е.Р.* Модель репрезентации якутского личного имени / Когнитивные исследования языка / гл. ред. серии Н.Н. Болдырев; М-во обр. и науки РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. Вып. XXXIII: Когнитивные исследования в гуманитарных науках: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 17-18 мая 2018 г. / отв. ред. вып. Л.В. Бабина. – Тамбов: Принт-Сервис, 2018. – С. 813-817.
6. *Слепцов П.А.* Концептосфера родного языка – концептосфера национальной культуры (к постановке проблемы) / Язык как основной элемент культуры: генезис, традиции и современные проблемы: Материалы Республиканской научно-практической конференции, 26 ноября 2004 г. – Якутск, 2006. – С. 13-18.
7. *Слепцов П.А.* Русские лексические заимствования в якутском языке (дореволюционный период). – Я.: Якут. книжн. изд., 1964. – 196 с.
8. *Слепцов П.А.* Русские лексические заимствования в якутском языке (послереволюционный период). – М.: Изд-во «Наука», 1975. – 256 с.
9. *Слепцов П.А.* Якутский литературный язык: формирование и развитие общенациональных норм. – Новосибирск: Наука, 1990. – 277 с.
10. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры; 3-е изд. – М.: Академический проект, 2004. – С. 42-67.

Концепт «дьюл/счастье» в языковой картине мира народа саха

В современном языкознании одним из наиболее динамично развивающихся направлений является когнитивная лингвистика, исследующая язык как средство репрезентации человеческого сознания. «Важнейшее достижение современной лингвистики состоит в том, что язык уже не рассматривается «в самом себе и для себя»; он предстает в новой парадигме с позиции его участия в познавательной деятельности человека» [7, с. 3].

Концепт является основной единицей когнитивной лингвистики. На современном этапе развития языка термин «концепт» имеет большое количество неоднозначных толкований. Это объясняется тем, что исследователи рассматривают концепт с разных сторон, в рамках своего исследования, своей науки: «концепт - категория мыслительная, ненаблюдаемая, и это дает большой простор для ее толкования. Категория концепта фигурирует сегодня в исследованиях философов, логиков, психологов, культурологов, и она несет на себе следы всех этих внелингвистических интерпретаций» [11, с. 7]. В данной статье мы будем опираться на мнение Е.С. Кубряковой о том, что «концепт — термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [5, с. 90].

Основным методом исследования концептов является концептуальный анализ, целью которого является восстановление всех знаний и представлений, которые стоят за именем. В настоящем исследовании для анализа концептов нами выбрана модель структуры концепта, разработанная профессором М.В. Пименовой. Данная структура включает следующие признаки: мотивирующие, понятийные, ценностные, символические, образные. [10, с. 17]. На наш взгляд, методика исследования концепта, основанная на выявлении вышеупомянутых сторон в структуре концепта, позволяет раскрыть национально-специфическое в его содержании.

Счастье – фундаментальная категория человеческого бытия. В связи с этим требует специальных исследований концепт «счастье», относящийся к числу базовых концептов культуры. Как считает С.Г. Воркачев, отношение к счастью входит в число определяющих характеристик духовной сущности человека, представления о нем образуют древнейший пласт мировоззрения, а понятие счастья, наряду с понятиями блага, смысла жизни, смерти, желания и любви,

покрывает центральную часть аксиологической области личностного сознания [2, с. 54].

Счастье в якутском языке обозначается словом *дьол*. По представлениям народа саха человек приходит в этот мир, чтобы быть счастливым, чтобы прожить долгую счастливую жизнь. «Фольклорная традиция с ранних лет приучала человека к мысли, что он является представителем племени *ураанхай саха* «с немеркнувшей судьбой» (*юс юёстээх, самныбатсаргылаах саха ураанхай*), порожденного для «непрерывающегося счастья» [1, с. 156].

Для выявления мотивирующего признака рассмотрим этимологию концепта «*дьол/счастье*». Мотивирующим называется такой признак, который послужил основанием для именованя некоего фрагмента мира, это внутренняя форма слова» [4, с. 155]. Слово *дьол* заимствовано из монг. *дьол*, бур. *зол*, тюрк. *jol, жул, чол, дьол, дьулв* значениями ‘дорога, судьба, путь, улица, строка, ряд, пробор волос’, чув. *сіол* ‘дорога’ [9, стлб. 2342]. В древнетюркском словаре слово *jol* означает ‘дорога; дорога, нахождение в пути; путь, способ существования’ [3, с. 270], в тюркских языках *jol* ‘дорога, улица; образ; судьба’ [12, с. 431]. В современном алтайском сохранилось *дьол* ‘путь, дорога; строка, линия, полоса; способ; правила, распорядок; обычай’ [8, с. 56].

Так, выявление этимологических признаков в структуре концепта «*дьол/счастье*» позволяет сделать следующий вывод: 1) этимологическое значение концепта «*дьол/счастье*» восходит к тюркско-монгольским языкам. 2) этимологические значения исследуемого концепта имеет следующие признаки: ‘дорога’, ‘судьба’, ‘обычай’, ‘путь’.

Под понятийными понимаются признаки, актуализированные в словарных значениях в виде семантических компонентов (сем/семем) слова-репрезентанта концепта [4, с. 155]. В словаре Э.К. Пекарского *дьол* переводится как: счастье, удача, благо [9, стлб. 716].

В Толковом словаре якутского языка дается следующее определение: *дьол* – баҕа санаа туолуута, туох эмэ үчүгэйтэн аһара астыныы, дуоһуйуу. Искренняя удовлетворенность от исполнения желания, чувство довольства и радости, счастье [14, с. 393]

В «Кратком толковом словаре якутского языка» П.С. Афанасьева имеет два определения: *дьол* — 1. баҕа сана туолуута, туох эмэ учугэйтэн толору астыныы, дуоһуйуу санаата 2. күүппэккэ-өйдөөбөккө сылдьан табыллыы» [6, с. 65].

На примере пословиц, поговорок, паремий, благопожеланий, стихотворений якутских поэтов рассмотрим ценностную составляющую концепта «*дьол/счастье*».

В понимании народа саха человек приходит в этот мир, чтобы быть счастливым: *көтөр кынаттаах көтөргө, киһи дьолго ананан айыллыбыттар* ‘крылатые для полета, а человек для счастья созданы’, *балык уу диригин*

былдьаһар, киһи күн үтүөтүн (батыһар) көрдөһөр ‘рыба стремится в глубину воды, человек ищет (преследует) лучшие дни’.

В чем же заключается счастье для человека-саха? Счастье заключается в рождении детей. О том, что иметь потомство – великое счастье свидетельствуют пословицы: *Оболоох ыалтан оннообор уот иччитэ үөрэр* ‘даже дух огня бывает рад, когда хозяева имеют детей’; *обо – киһи дьоло, эрэлэ* ‘ребенок – счастье и надежда человека’, *обо – киһи инники кэскилэ* ‘ребенок – это будущее благополучие человека’, *хаан хаалбат, көлүөнэ көптөт* ‘кровь не исчезнет, поколение не пропадет’. Ребенок для родителей является *зеницей ока*, самым дорогим, что есть в этом мире: *буорга булуубут, күннэ көдьүүснүт* ‘находка наша на земле, польза наша солнечному миру’, *көрдөр харабым дьүккэтэ, көтүрдэр тишиһим мишлэтэ* ‘зеница моих глядящих очей, десна моих выпадающих зубов’ и т.д.

Следующим компонентом осмысления концепта «дьял/счастье» является родная земля. Якутские пословицы *тыаллаах да буоллар, хотунум хоннорбут сирэ, мэччирэнэ да суох буоллар, бэйэм төрөөбүт сирим* ‘хотя место и с ветрами, но внем велела ночевать свекровь, хотя место и без отавы, но оно – моя родина’, *иитиллэргэ тэриллибит ийэ сирим* ‘предназначенная вскормит меня, моя мать-земля’, *иитиллибит ийэ сирим, баараласпыт бар дьонум* ‘вскормившая меня мать-земля, вместе росшие мои соплеменники’, и т.д. доказывают, что в мировоззрении народа саха человек может быть счастлив только на родине. Своя родная природа, земля обижается, когда не проявляют к ней должного уважения и почитания. Об этом гласит якутская пословица *омук сирэ одурууннаах, өһүк сирэ өһүргэстээх* ‘чужая сторона опасна, а своя обидчива’.

Любовь якутского народа к родине, почитание ее, восхваление запечатлена в стихотворениях якутского писателя Семена Данилова. Родная земля для якута как его отец, любимая женщина, родной ребенок, ради родины он жертвуют даже своей жизнью: *Киһиэхэ – төрөөбүт дойдута Таптыыр оботун тэннээбэ: Кини кэскилин туһугар Тыынын да толук ууруоҕа* (Киһиэхэ – төрөөбүт дойдута).

Следующий компонент исследуемого концепта – удачная охота. У якутов существует выражение *булт дьоло* ‘охотничье счастье’. О хорошей удаче говорят *Тойон кыыл дьоло тосхойбут*, о неожиданно большой охоте говорят *дьоло оонньоото* ‘заиграло счастье’. Данный эвфемизм используют, когда имеют в виду скорую смерть стариков. По поверьям народа саха Байанай, дух, покровительствующий охотникам и рыбакам, перед смертью старого охотника как бы на прощание щедро одаривает его своим богатством. Якуты всякую удачу на охоте считают посланием свыше, т.е. данной духом-хозяином леса *Баай Байанай*. Чтобы задобрить духа-хозяина леса *Байанайя*, чтобы удача сопутствовала на охоте, якуты читали алгыс. Алгыс – 1. благословение, благожелание, доброжелательство 2. Хваление, заклинание, моление [9, 76]. Приведем в пример следующий алгыс:

*Баай хара тыам иччитэ
Баай Барыылаах тойон,
Тонмот тобук сыалаахта,
Бүөрбэт бүтэй сыалаахта
Суолбутугар тосхойон кулу,
Аартыкпытыгар атааран кулу.
Аһаан-сиэн чалларый!
Күлүм аллан мичилий!*

Счастье заключается в добром слове: *үтүө тыл – дьол буолар* ‘доброе слово – это счастье’, *үтүө тыл баайдааһар күндү* ‘доброе слово дороже богатства’. Произнесенному слову всегда придавалось огромное значение: *киһи тыла ох* ‘слово метко как стрела’, *киһи тыла батыһа* ‘человеческое слово – что секира’, что означает, что предрекание про чью-нибудь будущность сбывается, в особенности если оно направлено в дурную сторону. Якуты верили, что слово имеет свой дух: *тыл дорбоонноох, тыл иччилээх буолар* ‘слово бывает звучным, слово имеет иччи’. Якуты верили, что сказанные добрые слова обязательно сбудутся, благопожелания исполнятся.

Еще одним компонентом счастья в якутской культуре народа саха является любовь: *таптал баай хоту, аат - сурах да хоту булбат* ‘любовь не ради богатства и не ради имени и славы’; *таптал диэн дьол, оттон баай диэн кун кырааската* ‘любовь – это счастье, а богатство – это видимость’; *сөбүлээбит сүгэнэрдээби батыһар, таптаабыт тайахтаабы батыһар* ‘полюбивший(ая) идет и за тем, кто с ношей за плечами, влюбившийся(аяся) идет и за тем, кто с посохом’ и т.д.

Нет ничего лучше на этом свете, чем любовь, все в этом мире зависит от любви: *Таптал баар – дьол төрдө, сор быата. Тапталтан тутахтаах барыта. Тапталын табыллыан – дьоллооххун, Тапталын таннастыа – тутаххын* (Феоктист Софронов. Таптал).

Рассмотрим символические и образные признаки в структуре концепта «дьол/счастье». Символом счастья у якутов является птица стерх. Существует примета: увидел стерха - жди счастья. Якуты говорят, что никогда не встречали птицу красивее, чем стерх (*кыталыктан ордук кыраһабаай кыылы хаһан да көрбөтөбүм*). В олонхо стерх – покровитель *Нюргуна Боотура*, защитника и освободителя всех обиженных и обездоленных. *Туйаарыма Куо*, идеал женской красоты народа саха, красива как стерх: *кыталык курдук кынтальдьыйар*, ее голос как песня стерха: *кыталык ырыатын курдук кынкыны дьырылыыр*.

Еще одним символом счастья можно отметить веревку, найденную на дороге и сплетенную из гривы конского волоса. По поверьям якутов, предметы, брошенные или найденные на дороге приобретали магическую силу. «Если на дороге находили веревку из кожи или нож, то их не брали, они становились

“опасными”, а вот брошенную на дороге веревку, сплетенную из гривы конского волоса, забирали с собой, так как с ней переходило счастье ее хозяина» [13, с. 54].

В структуре концепта «дьол/счастье» наблюдаем антропоморфные, предметные признаки, а также признаки пищи, небесных тел и явлений природы. *Дьол*, как человек, наделяется физическими способностями: *дьол суһума куотара биһигиттэн, эн уонна мин иччитэх дьиэбититтэн*. (счастье убежало от нас, из нашего пустого дома). Сайа. *Дьол хаалларбыт алаһыгар тунах ыһыах да ыһан*. (можно и не устраивать ысыах там, где счастье оставило алаас). Сайа. *Дьол уохтаах дэбилгэн кымыһын омуннаах ыһыабын ыспытын* (счастье устроило живой кумысный ысыах). Сайа. *Кини (дьол) куотар ол дьонтон кыталык айаныны уонна элэк онгостон сабахтан кылбанһыыр* (счастье убегает как стерх от этих людей и насмешливо блесит на горизонте). Семен Данилов.

Дьол, подобно человеку, может ходить в гости: *ыһыргатаргыт даһаны дьол аһаһа ыалдьыттыаһа* (если даже не пригласили, счастье придет в гости). Умсуура. *Дьол* может также разговаривать, молчать: *дьол кэпсэммэт номох уйан тойугун* (счастье не рассказывает чувственную песню легенды). Сайа.

Дьол, как предмет, можно потерять, найти, его можно одолжить: *дьолу мин уларсабын дьоллоох дьон ырыатыттан, мин кинини булабын эн үөрэр хараххыттан* (счастье я одалживаю у песен счастливых людей, я его нахожу в твоих улыбающихся глазах). Семен Данилов.

В структуре исследуемого концепта выявлены признаки, соотнесенные с представлениями о пище. Языковая репрезентация концепта «дьол/счастье» предполагает признак вкуса: *дьол амтанын билбит дьорбоот иэйиим* (мои отважные чувства узнали вкус счастья). Сайа. *Онтон мин эйиигин атаарар остуолга сана дьол амтанын билбитим эрэ* (я только тогда узнала вкус счастья, когда провожала тебя). Сайа.

Таким образом, концепт «дьол/счастье» подразумевает удачу, успех, неожиданное везение, искреннюю удовлетворенность от исполнения желания, чувство довольства и радости. У каждого народа свое представление о счастье. Счастье для народа саха заключается в потомстве, в удаче на охоте, в добром слове, в нахождении на родной земле, в любви. В основе этих наименований отражаются менталитет народа, его мировоззрение, его представление о счастье.

Литература

1. Бравина Р.И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса: На материале традиций саха. – Новосибирск: Наука, 2005. – 307 с.
2. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.
3. Древнетюркский словарь. - Л.: Наука, 1969. - 676 с.
4. Колесов В.В., Пименова М.В. Концептология: учебное пособие. – Изд. 2-е. – Киев: Книжный дом Д. Бураго, 2013. – 248 с.
5. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.

6. Краткий толковый словарь якутского языка / под ред. П.С. Афанасьева. Якутск, «Сахаполиграфиздат», 1994. – 264с.
7. *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. 3-е изд., испр. – М.: Флинта. Наука, 2007. – 41 с.
8. Ойротско-русский словарь. - Горно-Алтайск: Изд-во «Ак Чечек», 2005. - 316 с.
9. *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. В 3 т. – 2-ое изд. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. I. – 1278 стлб. Т. II. – 2010 стлб. Т. III. – 3858 стлб.
10. *Пименова М.В.* Концепт сердце: образ, понятие, символ. – Кемерово, 2007. – 500 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 9).
11. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов: в 8-ми т. / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. С. 7-10.
12. *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. – Том I, часть 2. – СПб, 1893. – 1914 с.
13. *Романова Е.Н.* «Люди солнечных лучей с поводами за спиной»: (Судьба в контексте мифоритуальной традиции якутов) / Координационно-методический центр Ин-та этнологии и антропологии РАН. – М., 1997. – 200 с.
14. Толковый словарь якутского языка / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2006. – 844 с. (Буквы Г, Д, Дь, И).

О.Н. Аммосова
ИГиЛПМНС СО РАН

Из истории изучения растительной лексики

Исследование растительной лексики объясняется интересом понять происхождение названий растений, их распространение в разных языках, выявить словообразовательную структуру, обосновать семантическую основу и этимологию.

Разработка вопросов в историческом плане опирается на фундаментальные работы по лингвистике.

В настоящее время в русском языкознании появилось много работ, в которых с разных сторон анализируется лексика природы. Лексика растительного мира в русском языке привлекает внимание многих лингвистов. Так, Н.А. Енгальчев (1989), М. Иремашвили (1985), Ю.А. Каминская (2002), В.В. Копчева (1985) рассмотрели способы и средства номинации русской естественнонаучной номенклатуры.

Вопросы ботанической терминологии в русском языке изучили Л.Ю. Астахин (1988), Т.А. Бобров (1990), А.Г. Бондарев (2002), Н.А. Енгальчев (1986), Е.В. Сердюкова (1994), Л.Н. Сикорская (1986), Е.Н. Слесюк (2001), Т.В. Цой (1989), Е.И. Чинок (1985), А. Штейгольд (1997) и др.

Истории ботанических терминов, растительной лексике посвящены публикации Н.С. Араповой (1994), Т.А. Бобровой (1988), В.М. Дерibas (1999), О.Е. Шепилевой (2002), Е.Н. Этерлей (1975) и др.

Номинация растений в древнерусском языке рассмотрена в работах М.В. Пименовой (1993), Н.В. Шейной (1991) и др.

В.П. Никишаева (1975), О.П. Рябко (1988) в своих работах приводят структурно-семантическую характеристику наименований растений. Ю.С.Азарх, С.Л.Ким и А.В.Шевцов рассмотрели словообразовательный аспект наименований растительного мира русского языка.

В монографии «Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм)» Т.И. Вендина рассмотрела словообразовательные особенности этой лексики и пришел к заключению, что семантическая сфера «растительный мир» связана с разнообразием реалий внешнего мира [4].

Сопоставительно-семантическим исследованием закономерностей номинации в наименованиях растений говоров русского и других языков занималась К.И. Уюкбаева (1980).

В наименованиях фитонимов русских говоров отдельных регионов с точки зрения лексико-семантических особенностей рассмотрены Н.И. Ашиток (1984), Е.В. Брысиной; Р.И. Кудряшовой (2003), О.И. Жмурко (1998).

В.А. Меркулова в своей монографии «Очерки по русской народной номенклатуре растений» подробно изучила происхождение названий дикорастущих съедобных растений (трав, грибов, ягод) [10]. И.А. Воробьева (1982) изучала лексику природы, по данным топонимики и антропонимики сибирских исследователей в русских географических названиях по материалам регионального словаря топонимов [15]. Теоретические труды русских лингвистов заложили основу для исследования тюркской растительной лексики. Глубокий материал представлен по названиям растений в «Очерке» в 5 томах издания «Лексика» (1997), «Растительный мир: дикорастущие деревья, кустарники и травы» Э.Р. Тенишева. В этой работе приведены значения пратюркских названий растений в тюркских языках и отмечены заимствования из других тюркских языков [9]. Известна также работа Л.В. Дмитриевой, в которой исследуется морфологическая структура тюркских фитонимов [7]. Впервые в тюркологии в сравнительном аспекте лексико-семантические схождения и расхождения исследовал К.М. Мусаев в работе «Лексика тюркских языков в сравнительном освещении». К.М. Мусаев выявляет ареальные и лексико-семантические особенности, которые показывают исторические связи в тюркских языках в пласте лексического фонда [16].

В тюркологии татарское языкознание в изучении фитонимов внесли весомый вклад Каюми Насыри, Н.В. Бурганова, Р.Г. Ахметьянов, Л.Т. Махмутова, А.Г. Шайхулов, Ю.В. Норманская и др.

Труды Каюми Насыри занимают важное место в татарской лексикографии

[цит. по: 17]. На большом фактическом материале им подробно исследованы названия растений, в том числе наименования лекарственных растений татарского языка. Дается подробная характеристика каждого растения: его корень, стебель, листья, цветы, с указанием на места их произрастания. Примеры приводятся на татарском, русском, латинском языках, что дает огромный материал для их разностороннего толкования. Его труд является одним из лучших по фитонимике своего времени.

Н.В. Бурганова народные названия растений разделяет на семь групп: 1) съедобные, 2) лекарственные, 3) кормовые растения, 4) сорняки, 5) ядовитые и вредные плодами растения, 6) растения, растущие возле водоемов и имеющие определенное хозяйственное значение, 7) декоративные растения и по особенностям словообразования названий растений разделяет их на простые (например *абага* 'папоротник', *як. абаба*) и сложные (*актамыр* 'белоус') [3]. Большой интерес также в этой работе представляет исследование в аспекте метафор, которое сопоставляет названия частей тела человека и животных с ботаническими терминами. Например, в качестве словообразующего выступают слова, выражающие части человеческого и животного организма (*баш.*, *як. бас* 'голова', *борын*, *як. мурун* 'нос', *койрык*, *як. кутурук* 'хвост', *колак*, *як. кулгах* 'ух', *куз* 'глаз', *табан* 'ступня', *айак*, *як. атах* 'нога'). Особое внимание автор уделяет исследованию татарской ботанической лексики в историческом плане и считает, что основная часть растительной лексики возникла в древности и сохранились без изменений [Там же].

Работа Р.Г. Ахметьянова «Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья» включает около 40 наименований растительной лексики тюркских и финно-угорских народностей Среднего Поволжья. Автор дает анализ значений и этимологическую характеристику более 300 лексических единиц к названиям растений для татарского, башкирского, чувашского, марийского и удмуртского языков и распределяет по тематическим группам, которые представляют широкую тему «Природа, человек, общество» [1]. Автор считает, что при классификации лексики номенклатурные названия рельефа и растительного покрова совмещены, так как определенные виды растительного покрова совпадают с определенными видами рельефа. Поэтому считает, что при этимологическом изучении фитонимов необходимо номенклатуру рельефа и растительности рассматривать в совокупности.

А.Г. Шайхулов на материале татарского и башкирского языков рассматривает названия растений двух близкородственных языков [21]. Автор выявляет общность в семантической мотивации в их народно-разговорных основах, в сопоставительно-переводном плане также выявляет четыре основные тематические группы: природа, человек, общество, познание.

В тюркских языках названия растений изучены довольно хорошо, особенно, в казахском языке. Авторами, изучившими названия растений, являются М. Бигамбетова, У. Киськова, А. Шамшатова, А. Тжумратова, Б. Калиева, А. Айгбылова, Г. Уюкбаев и др.

М. Бигамбетов в статье «Некоторые вопросы казахских названий трав» представил названия растений как особый пласт слов в казахской лексике, рассмотрел 37 названий трав и разделил на три группы: 1) сложные, 2) производные, 3) корневые и приходит к выводу, что названия трав в казахском языке мотивированы с названиями основных домашних животных [цит по: 17].

Г.И. Уюкбаева в своей кандидатской диссертации о названиях растений в казахском языке исследовала общетеоретические вопросы ономазиологии и мотивации, а также различия между народными и научными названиями растений и сопоставила с казахским, русским и английским языками. Автор утверждает, что при номинации названий растений служит цвет, величина, форма, количество органов, запах, вкус, место произрастания, применение в быту и медицине [Там же]. Ботанические термины казахского языка рассматривал Р. Рамазанов и разработал принципы для составления русско-казахского ботанического словаря [Там же].

В сравнительно-историческом аспекте казахские фитонимы изучил Б.К. Калиев [10]. Он дает всесторонний лингвистический анализ растений казахского языка и выявил лексический состав, способы их образования, формирования, лексические, морфологические и синтаксические типы и модели фитонимов.

Названия растений в азербайджанском языке рассмотрел в кандидатской диссертации Э.С. Кулиев «Фитонимы в азербайджанском языке» [12]. Автор рассматривает флористическую лексику в сравнении с другими тюркскими языками, монгольскими и некоторыми финно-угорскими языками.

В башкирском и узбекском языках терминологию названий растений рассматривают Х. Джамалханов, Э.Ф. Ишбердина, А.Г. Шайхулов, Р. Сафаров.

Чувашские фитонимы изучались И.А. Ашмариним, М. Рясяненом, В.Г. Егоровым, М.И. Скворцовым, Ю. Дмириевой, А.Н. Львовой и др. Этимология чувашских растений приводятся В.Г. Егоровым в этимологическом словаре [цит по: 17].

Ю.В. Норманская в работе «Растительный мир. Деревья и кустарники. Географическая локализация прародины тюрков по данным флористической лексики» на материалесолидных исследований с подробной реконструкцией пратюркских названий растений и подробным описанием развития значений их рефлексов в современных языках довольно подробно исследует и приводит список растений реконструированных для пратюркского состояния и краткую информацию об их алтайской этимологии [17].

В тунгусо-маньчжурском языках значительным трудом является «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» В.И. Цинциуса. В этом огромном сводном двухтомном лексикографическом труде дано полное систематизированное описание лексики всех известных тунгусо-маньчжурских языков. Значительный научный вклад в эту область науки внесли также такие исследователи эвенского языка, как В.А. Роббек, Л.Д. Ришес, К.А. Новикова, В.Д. Лебедев, Х.И. Дуткин, А.А. Бурыкин, А.А. Петров, А.Н.Мыреева, И.И. Садовникова и др.

В якутском языкознании первые записи, описание растительности мы находим в трудах В.Л. Серошевского «Якуты. Опыт этнографического исследования», где автор собрал огромный фактический материал [20].

Работа О.Н. Бетлингга «О языке якутов» положила начало научному изучению якутского языка [2]. В ней излагаются общелингвистические взгляды автора, дается детальное описание якутского языка в сопоставлении с другими тюркскими и монгольскими языками. Значительный интерес представляет словарь, составленный по материалам путешественников XVIII-XIX вв. – А.Ф. Миддендорфа, Н. Витзена и других, а также по текстам информатора А.Я. Уваровского [Там же].

Особое место в якутской лексикографии занимает «Словарь якутского языка» Э.К.Пекарского. Этот Словарь «служит абсолютно надежным источником для любых филологических, этнографических и исторических изысканий. Он дает вполне достоверный материал лингвисту, историку, этнографу и фольклористу, притом в таком сконцентрированном и систематизированном виде» [18].

В труде А.Е. Кулаковского перечислен растительный мир известный якутам. Автор разделил их по группам; деревья (*мастар*), кустарники, ягоды (*отоннор*), съедобные травы (*куһу сиур отторо*), травы и другие растения низшего порядка (*оттор*) [11]. А.Е. Кулаковский дает якутское название растений, далее – русское и в скобках латинское. Таким образом, он внес огромный вклад в изучении растительной лексики якутского языка.

Первой попыткой составления специализированного русско-якутского словаря по биологии является «Краткий русско-якутский словарь биологических терминов» А.А. Макарова. Словарь содержит около 2850 слов и биологических понятий [14].

«Русско-якутский тематический словарь» [1988] В.Н. Данилова охватил наиболее употребительные слова русского языка, лексический материал систематизирован по темам и разделам, где также присутствует растительная лексика русского языка [6].

«Экология токкооломмут тылдыта» Иванова В.С. является дополнительным материалом для изучения растений [8].

«Словарь русско-латинско-якутских названий растений Якутии» А. Петрова имеет большую роль в изучении и развитии биологических, ботанических терминов растительной лексики [19].

В изучение лексики растительности Якутии можно выделить работы М.С. Воронкина «Диалектная система языка саха» [5] и С.А. Иванова «Лексические особенности говоров якутского языка» [9], где представлены общие характеристики диалектной растительной лексики якутского языка.

В исследовании растительности Якутии можно отметить труды Самарина В.П. «Ядовитые растения Якутии» (1966), А.А. Макарова «Растительные лечебные средства якутской народной медицины» (1974), «Определитель высших растений Якутии» (1974). Также огромный вклад внесли работы П.А. Тимофеева «Деревья и кустарники Якутии», «Ягодные растения Якутии» и краткий справочник под редакцией Н.С. Даниловой «Декоративные растения Якутии». Эти работы имеют значительную ценность в изучении растительной лексики якутского языка.

Таким образом, растительная лексика является интересным пластом для исследователей, ее изучение дает возможность понять происхождение названий растений, выявить словообразовательную структуру, обосновать семантическую основу и этимологию. Кроме того, растительная лексика – это часть знаний языковой культуры любого народа, элемент традиции, обрядности, системы народных верований и фольклора.

Литература

1. *Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1989. – 200с.
2. *Бётлингк О.Н.* О языке якутов. – Новосибирск: Наука, 1990. – 645 с.
3. *Бурганова Н.Б.* Лексика и стилистика татарского языка. – Казань, 1982.
4. *Вендина Т.И.* Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – М., 1998.
5. *Воронкин М.С.* Диалектная система языка саха. – Новосибирск: Наука, 1999. – 197 с.
6. *Данилов В.Н.* Русско-якутский тематический словарь: Пособие для учащихся и учителей. Изд. 4-е, дораб. – Якутск. Кн. изд-во, 1988 – 120с.
7. *Дмитриева Л.В.* Лексика и морфология тюркских языков. – Новосибирск, 1968.
8. *Иванов В.С.* Экология токкоолуммут тылдыта. – Дьокуускай, 2001. – 528 с.
9. *Иванов С.А.* Лексические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2017. – 392с.
10. *Калиев Б.К.* Названия растений в казахском языке: автореф. дисс. д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1991.
11. *Кулаковский А.Е.* Научные труды. – Якутск: Кн. изд-во, 1979. – 484с.
12. *Кулиев Э.С.* Фитонимы в азербайджанском языке. 1987.
13. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. – М., 1997.
14. *Макаров А.А.* Краткий русско-якутский словарь биологических терминов. – Якутск, 1974. – 63 с.
15. *Меркулова В.А.* Очерки по русской народной номенклатуре растений. – М., 1967.
16. *Мусаев К.М.* Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. – М., 1975.

17. *Норманская Ю.В.* Растительный мир. Деревья и кустарники. Географическая локализация прародины тюрок по данным флористической лексики. 1997. Режим доступа: <https://docplayer.ru/270374-Normanskaya-yu-v-moskva-rastitelnyy-mir-derevya-i-kustarniki-geograficheskaya-lokalizaciya-prarodiny-tyurok-po-dannym-floristicheskoy-leksiki.html>

18. *Оконешников Е.И.* Э.К. Пекарский как лексикограф. – Новосибирск: Наука, 1982. – 140 с.

19. *Петров А.М.* Словарь русско-латинско-якутских названий растений Якутии. – Якутск, 2002. – 125 с.

20. *Серошевский В.Л.* Якуты. – М., 1993. – 736 с.

21. *Шайхулов А.Г.* Мотивирующие основы в названиях растений татарского и башкирского языков // Татарская лексика в семантико-грамматическом аспекте. – Казань, 1992. – С. 107-114.

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ В РОССИИ**

Сборник научных статей

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт гуманитарных исследований

и проблем малочисленных народов Севера

Сибирского отделения Российской академии наук

Адрес: 677027, Якутск, ул. Петровского, 1

Тел: +7 (411) 236-14-49

Официальный портал: www.igi.ysn.ru